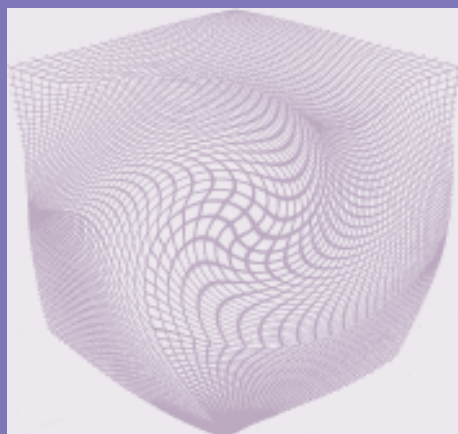

Н.Н. Александров

**МЕТОДОЛОГИЯ
СИСТЕМНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**

Москва, 2011

Н.Н. Александров

**МЕТОДОЛОГИЯ
СИСТЕМНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
ОБЩЕСТВА**

Москва, 2011

ББК 7.03
УДК 85:103(2)
А 46

ISBN 5-7591-0246-X

Александров Н.Н.

Методология системно-генетического исследования общества. Научное издание.
— Москва: Издательство Академии Тринитаризма, 2011. — 236 с.

В работе анализируется широкий круг вопросов глобального эволюционного, цивилизационного и культурного развития человечества. Этот анализ произведен автором в рамках системногенетической парадигмы как особая проблема философии науки и техники и социальной философии.

Акцентируется особая роль России в будущем становлении единого человечества, рассматриваются ее современная история и эволюционный потенциал.

Для широкого круга читателей гуманитарной ориентации.

Редакционная коллегия:

А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, академик-секретарь отделения образования ПАНИ (науч. редактор);
Н.А. Селезнева, доктор технических наук;
Т.В. Зырянова, кандидат педагогических наук (отв. редактор).

С Е Р И Я
"ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА"

ISBN 5-7591-0246-X

© Александров Н.Н., 2011

Н.Н. Александров

**МЕТОДОЛОГИЯ
СИСТЕМНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**

Москва, 2011

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	10
В В Е Д Е Н И Е	11
Актуальность темы исследования	11
Структура исследования	21
Глава I. ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	25
Теоретические и методологические основания исследования	25
§1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОГО И ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ	27
1.1. Философская интерпретация основных статических системогенетических категорий и понятий	27
Инвариант иерархии	27
Внешняя иерархия системы	27
Общее, особенное и единичное	27
Внутренняя иерархия. Метатаксономия	29
Связанность внешней и внутренней иерархий.	29
Инвариант матрицы состава	30
Состав системы. Количество, качество, мера	30
1.2. Статика с элементами динамики	32
Инвариант ступенчатой функции	32
Закон отрицания отрицания	32
Ступени, иерархия и узловая линия мер	33
Закон "перехода" количества в качество	34
Связка инвариантов: матрица состава и несущий цикл системы	35
1.3. Философские проблемы динамического исследования	38
Обобщение инвариантов статики	42
§ 2. МЕТАТЕОРИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ	43
2.1. Предмет, терминология и методология системогенетики	43
2.2. Элементы генетической парадигмы	48
2.3. Принципы и законы системогенетики	50
Номология системогенетики	50
§ 3. ПАРАДИГМА ЦИКЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	53
3.1. Закон единства и борьбы противоположностей. Противоречие	53
3.2. Графическое представление противоречия	55
3.3. Опорные модели цикличности	58
Спирально-цилиндрическая модель цикла	58
Спирально-коническая, импульсная и более сложные модели	61
Универсальная дополнительность спиралей и импульсов	64
Заключение к главе I	66

Глава II. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ	69
§ 1. СУММА МЕТОДОЛОГИИ	69
1.1. Основные методологические ходы	71
Приложение 1. ИНТЕГРИРУЮЩИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В ОСНОВНЫХ СХЕМАХ	74
1.2. Онтогенетический суперпозиционный экран	82
Онтологическое суперпозиционирование	82
Перекрестный перенос внутри суперпозиционной схемы	87
1.3. Генетическая проверка онтологических схем	89
§ 2. СИСТЕМНО-СТАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	92
2.1. Надсистемное представление предмета социальной философии	92
2.2. Системное представление предмета социальной философии	95
Классиологическая группировка	95
Иерархическая группировка.	96
Циклическая группировка	96
Внутрисистемное представление предмета социальной философии	96
Социологическая иерархия социально-исторического знания	98
Понятие иерархического масштаба	98
Закон увеличения масштаба социального целого в истории	100
Культурологическая иерархия социально-исторического знания.....	101
Социально-историческое знание в форме самостоятельных наук.....	102
Динамический аспект предметного поля социальной философии	103
§ 3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, МЕНТАЛИТЕТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ 105	
3.1. Иерархия доминирующих факторов развития общества	105
Идеальная детерминация истории и менталитет	105
3.2. Основные положения теории общественного интеллекта	107
3.3. Общественное сознание	109
Суть сознания, в отличие от знания	109
Модели состава общественного сознания	110
Иерархия масштабов общественного сознания	111
Взаимодействие трех уровней сознания	112
3.4. Основные положения теории менталитета	112
Взаимоотношения менталитета и общественного сознания	112
Двухполушарная "психика" общества	113
Поэтапное определение менталитета.....	114
Состав и иерархия масштабов менталитета.....	116
Заключение к главе II	118
От ментальной статики — к ментальной динамике	118
Проблема реконструкции менталитета	118

Глава III. МЕНТАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	119
§ 1. ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	119
1.1. Инварианты эволюции и возможности глобального прогноза	119
Прием прямой параллельности	119
Прием обратной параллельности	119
Модели на основе двойной спирали	120
1.2. Варианты иерархически-циклических моделей истории.....	121
История как единый цикл и как типы менталитета	121
Некоторые выводы	129
§ 2. МЕНТОСФЕРА И МЕНТАЛЬНЫЕ ФОРМАЦИИ.....	132
2.1. Ментосфера и ментальный ресурс человечества.....	132
1. Менталитет можно модифицировать по разнообразию состава	132
2. Менталитет можно модифицировать иерархически	132
3. Менталитет можно модифицировать циклически	132
Разнообразие ментосферы и формационная пассионарность	134
Функционально-морфологический ракурс ментосферы	135
Ресурсоспектр ментосферы	136
Фиксация и переходы в циклическом проявлении	138
2.2. Сопоставительное выделение специфики ментальных формаций	138
Культурные формации на основе парного индикатора	139
Технологические формации и идеальная детерминация истории	141
Деятельностные формации — системный ракурс	142
§ 3. ИТОГОВАЯ МОДЕЛЬ ГЕНЕЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	144
3.1. Культурно-цивилизационные системы.....	144
Определение культурно-цивилизационных систем	146
3.2. Пятиуровневая модель фаз социогенезиса.....	147
Основная модель	147
Возможности иных моделей	150
3.3. Формула истории и длительность ментальных формаций.....	151
Вывод, из которого следует формула истории	151
Шаг эволюции	151
3.4. Закон формационного резонанса	152
1) Первобытно-общинная ментальная формация	153
2) Раннецивилизационная (античная) ментальная формация	154
3) Средневековье как ментальная формация.	157
4) Ментальная формация Нового времени	158
5) История XX века как завершение истории Нового времени.	159
Кризисы в циклической картине мира	162
3.5. Формула истории в искусстве и ментальные индикаторы	164
Основы индикации	166
Заключение к главе III	167

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
БИБЛИОГРАФИЯ.....	178
Приложение 2.....	191
Послесловие А.И. Субетто	193
<i>Системогенетическая методология истории и историометрическое человековедение. Становление неклассической системологии истории. ....</i>	193
Дискуссия о работе	203

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Представленная здесь работа — моя докторская диссертация (2001 г.), имеющая почти то же название. Интересно, что в самом первом варианте (1991 г) работа имела предварительное название “Генезис человечества как системное явление”, т.е. за десять лет никакого отклонения от темы не наблюдается. И это при том, что вокруг первоначального костяка выросло уже около десятка довольно объемных книг по сопутствующим темам.

Вот почему в этом своем виде работа имеет как плюсы, так и минусы, обусловленные жанром диссертационного текста. Плюсы ее состоят в краткости, материал предельно прессован в силу требований к таким текстам. При этом работа не является путеводителем по другим нашим книгам, она вполне самостоятельная и некоторым она нравится даже больше, чем ее значительно расширенный литературный вариант — книга “Формула истории”. В ходе долгой доработки и прессовки в этом тексте появилось кое-что, чего не было в других работах по данной теме: обобщения, новые ракурсы, более точные и короткие развертки тем и формулировки и т.д. — она обладает самостоятельной ценностью еще и поэтому.

Чтобы расширить понимание данного текста, я нашел интересным присовокупить к ней предисловие к моей семитомной серии книг “Формула истории”, написанное Вице-президентом и академиком ПАНИ, дважды доктором наук А.И. Субетто еще в 1997 году.

Второе добавление — это живая дискуссия, возникшая в ходе защиты диссертации. Это добавление сделано для того, чтобы одновременно ответить на вопросы, которые задаются мне по этой тематике довольно часто и повторяются.

Защита была на редкость цельной, как хороший спектакль, и прошла она в отличном художественном темпе, хотя ее не назовешь короткой. Магнитозапись ее сохранилась и на основе этой записи была сделана техническая стенограмма. Из текста стенограммы я убрал сопутствующие официальные документы, обычные вежливые обороты и повторы, которых оказалось совсем немного, а оставил только дискуссию.

Соединенное вместе, это текстовое единство неожиданно получилось интересным. Мне оно понравилось, но не потому, что меня здесь положительно оценили коллеги, а скорее потому, что я сам для себя может быть впервые осознал масштаб того, на что замахнулся в представленной работе.

Вот почему я надеюсь, что публикуемый материал может пригодиться еще кому-то, кроме автора.

Работа издается в этом виде спустя солнечный цикл после ее написания в последней редакции.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Сегодня мир резко меняется, и осмысления требует в первую очередь направление его изменений; причем происходящие процессы нельзя осмыслять по частям — нужно попытаться увидеть целое. Прежде всего требуется понять: что же именно происходит, и что будет происходить? Мы исходим из убеждения, что только философия дает возможность посмотреть на происходящее целостно, во всей совокупности проблем. Поэтому, с позиции актуальности, можно сказать: данная диссертация написана для того, чтобы ответить на ряд актуальных вопросов современности, исходя из предельно общих философских взглядов.

Настоящая работа имеет *общеметодологический характер*, и ее ведущая ориентация состоит в выработке современного философского аппарата, способного выступать в качестве достаточно универсального инструментария в широком поле исследований. Это утверждение, разумеется, всесторонне обосновывается нами в первой главе, но доказать эффективность метода можно единственным образом: применив предлагаемую нами методологию в одном из актуальных направлений философского знания. Мы могли бы проделать это на ряде примеров (и в наших опубликованных работах это не раз продемонстрировано — на примерах теории деятельности, эстетики и т.д.), что касается данного текста, в качестве актуального поля мы избрали социальную философию. Таким образом, наша работа имеет *общеметодологический философский характер*, представляет синтетическую методологическую концепцию, а демонстрируется ее работа на примере построения системы социальной философии.

Перед *социальной философией* как философским ядром общественнознания стоит вопрос теоретического осмысления пакета кризисов, переживаемых мировым сообществом. На наших глазах практически одновременно рушатся и система ценностей догматического коммунизма тоталитарной ориентации, и система ценностей Запада, ориентированная на индивидуализм. Разные черты кризиса сегодня присущи в той или иной степени всем странам мира, и можно говорить лишь о большей или меньшей степени *проявленности кризисных тенденций* применительно к странам и регионам. Здесь мы, несомненно, лидируем: проблемы, стоящие перед Россией на ее очередном историческом переломе, отличаются особой остротой и сочетают в себе **все виды кризисов одновременно**. Это ставит под сомнение вообще возможность ее существования в скором будущем, если мы не сможем осмыслить *пакет кризисов* в максимально широком философском и научном контексте.

Все ракурсы, как предельно широкие, так и локальные, связаны с темой *закономерностей социального генезиса*. Это — одна из ключевых проблем, которая остается не разработанной не столько в общеподлинном плане, сколько по отношению к методологической функции философии. Чтобы ответить на вопросы, связанные с выходом из кризисов, необходимо обозначить, как вообще протекает сам процесс жизни общества и чем являются кризисы в его развитии.

Говоря об актуальности, мы должны попытаться взглянуть на проблему, исходя из масштаба всей истории: нам нужно понять, каково наше место в истории и каким может и должно быть развитие России, если она хочет выбраться из данной ситуации с наименьшими потерями. Это, в свою очередь, требует разработки новых подходов к сфере *самоосознания*, поскольку старые подходы во многом утратили свою эффективность.

Таким образом, принимая в качестве прикладной темы социальный генезис, мы акцентируем в данном направлении и суть *общеметодологической специфики* этого поиска: речь идет о применении *новых методов* изучения социального генезиса. Мы не берем один из методов из совокупности уже существующих в социальной философии по многим причинам, одна из которых — исчерпанность большинства из них. Отсюда у нас возникает *проблема философско-научного синтеза* — увлекательная сама по себе, она еще и остро актуальна. История доказывает, что новое в обозначенной сфере способно родиться лишь в подобные эпохи исторических разломов, на грани жизни и смерти культуры. А мы как раз находимся в подобном состоянии.

Теоретические и методологические основания исследования

Поставив перед собой проблему философско-научного синтеза, мы должны решать ее в некоторых обозримых пределах. Общеизвестно, что вершина наук — философия, но в каждый исторический момент есть нечто, претендующее на ее вершинное место в общей картине мира. Претендентов такого рода и в нашем веке было немало, от тектологии до кибернетики, синергетики и методологии. Однако подобные тотальные претензии достаточно быстро исчерпываются, хотя “свято место пусто не бывает” никогда. Вот и сегодня оспорить первенство философии способна разве что *общая системогенетика*. Рассуждая так, мы даем оценку не изнутри системогенетики, а сопоставляя прежде всего методологический арсенал философии и системогенетики. Поскольку он в ряде моментов сопоставим, мы ставим задачу произвести взаимоотображение принципов и методов, выработанных в философии и общей системогенетике. Такая попытка предпринимается в науке впервые, и это — бесспорный признак научной новизны нашего исследования уже в самой постановке вопроса.

Системогенетика принадлежит к разряду интегративных научных комплексов, причем к направлениям, о которых в науке пока известно немногим. Но, скорее всего, это положение продлится недолго: в мире есть огромная потребность в *метазнании*, новом и всеобщем. Уровень претензий системогенетики распространяется на все разновидности эволюции любых систем: неживого, живого, общества, с его техникой, — она рассматривает в том числе и возможности иных, неизвестных нам, типов эволюции. Наши исследования [8; 14-15; 17; 19; 21; 23; 25-26] опираются на множество работ данного направления, включая и немногочисленные пока современные публикации по *социальной генетике*.

Данная диссертация подводит итоги наших многолетних философских и методологических исследований, демонстрируя сосокупность общеметодологических оснований для широкого круга междисциплинарных исследований, входящих в авторскую концепцию. Наш метод **экзистенциальной системогенетики** [26] содержит значительную по объему совокупность синтезов уже известного в литературе знания, причем этот синтез проведен нами послойно, по ступеням многих и многих синтезов многих уровней, — образно выражаясь, от *вершин* абстракции до цветущих *низин* жизни и искусства.

Представляется все это на тематическом примере социальной философии, теории общественного развития, социальной генетики и т.д. Обращаясь к этому полю, следует отметить, что в своем исследовании, при подходе к обществу как целому, мы исходим из натурально-органической разновидности теории общества, содержащем предположения, что человечество есть “сверхорганизм”, состоящий не только из людей-клеточек, но из ряда человеческих общностей промежуточных уровней. У самого этого подхода есть огромная историческая традиция, и мы обращались к ее анализу [21]. Рассматривая общество в таком едином подходе, и структурно, и генетически, мы проводим исследование развития культуры и цивилизации *сквозь призму произведений искусства (эстетических произведений)* [14; 25].

Такая постановка проблемы (во всей представленной полноте) в литературе отсутствует. Это позволяет нам полагать, что затронутая в диссертации тема актуальна — как с позиций философско-научной методологии, так и социальной философии. Актуальна она и для решения современных проблем общественного развития.

* * *

В завершение — техническое замечание относительно “Введения”. Мы по необходимости свели объем библиографии к минимуму. Поскольку ряд цитируемых ниже авторов присутствует во множестве тем, мы называем источники лишь при первом обращении к ним (кроме случаев, когда ссылки идут на другие работы того же автора в связи с иной темой). Авторы, к которым мы обращаемся здесь без указания источника, отсутствуют в данной библиографии, но они, как правило, упоминаются и анализируются в одной из наших опубликованных работ.

Степень разработанности проблемы

Осмысляя **состояние исследования проблемы**, важно подчеркнуть, что проблема *интеграции и синтеза* многочисленных подходов в рамках философии так же далека от разрешения, как и век назад, когда Вл. Соловьев [241] ставил задачей подведение итогов современной ему философской мысли и ее синтеза с методами современной науки. Но такой

ситуация была и будет, видимо, всегда: достичь полного синтеза скорее всего невозможно — и речь в методологическом исследовании может идти лишь об освоении некоторого объема необъятного пространства философского и научного знания.

Вольные обобщающие работы относились к разряду величайших редкостей во все времена, ибо сам интегративный синтетический подход очень уязвим для критики. Тем не менее в истории человечества всегда находились истинные *любители мудрости*, которых она увлекала более всего, поэтому у нас есть возможность опереться на ряд по-настоящему синтетических работ. Более подробно мы делаем это в ряде наших работ [8; 14-15; 17; 21; 23; 26], а здесь представляем главные обобщения. В избранном тематическом поле мы обращаемся к работам, где генезис общества рассмотрен с самых разных точек зрения: с теологической и этической, с этнической и антропософской, с культурологической, науковедческой и технико-технологической позиций и т.д. и т.п.

Базисом философско-теоретических и методологических обобщений для данной работы послужил достаточно широкий спектр “потоков научных идей” [104] и теоретических схем, которые мы рассмотрим по иерархическим уровням — сверху вниз (как вертикальное разнообразие) и по слоям — на каждом уровне (горизонтальное разнообразие). Начнем с предельных обобщений.

Если говорить о **философской методологии**, то в первую очередь следует упомянуть, что в данном тексте мы чаще всего обращались к идеям, которые разработаны классиками западноевропейской философии — Пифагором [63; 106; 138], Платоном [204], Аристотелем [31], Августином Аврелием [2], Р. Декартом [93], Д. Локком [167], И. Кантом [129-130], Г. Гегелем [68-70], О. Контом, К. Марксом и Ф. Энгельсом, Г. Спенсером [248], Д. Юмом, А. Бергсоном [48], М. Хайдеггером [299] и др.

Из относительно современных отечественных работ, близких к **философии**, наиболее важными для нас стали работы таких авторов, как В.Ф. Асмус [36], В.Г. Афанасьев [37], Ю.Я. Дмитриев [96], А.Ф. Зотов и Ю.К. Мелвиль [116], Э.В. Ильенков [120], М.С. Каган [123-126], В.П. Казначеев [128], Б.М. Кедров [135], В.И. Ленин [161], А.Ф. Лосев [169-172], Н.О. Лосский [173], М.К. Мамардашвили [181], А.М. Миклин и В.А. Подольский [192], Е.Ф. Молевич [196], А.Г. Спиркин [249], В.И. Столяров [251], а также некоторые групповые работы [28; 30; 95; 208; 227; 228; 231; 239; 289]. В основном они евроцентричны и имеют отношение именно к общим вопросам философского знания. Но в том числе в нашем исследовании речь идет о восточном направлении в философии, представленном работами таких исследователей, как Т.П. Григорьева [81], Н.И. Конрад, А.Е. Лукьянов [176-177], С. Четерджи и Д. Датта [304].

Если говорить о методологии научного исследования, следует упомянуть таких авторов, как Г.С. Альтшуллер [27], Н.А. Васильев, Е.Д. Гражданников (с соавторами) [79-80], Дж. К. Джонс [94], Л.А. Зеленов [111], П.А. Капица, Б.М. Кедров [135], А.И. Кобзев [138], П.В. Копнин, Т.Кун [157], К.Е. Левитин [160], К. Поппер, А.И. Ракилов, Г.И. Рузавин, М.И. Сетров, А.И. Субетто [262], А. Уайтхед, Ф. Франк, Э.Г. Юдин [317].

В методологическом плане философские вопросы пересекаются с вопросами **герменевтики, логики и семиотики**. В данном направлении следует назвать таких авторов, как Г.И. Богин, Л. Витгенштейн, Г.Г. Гадамер, С.И. Голенков, П.М. Ершов, Т.В. Зырянова [118], В.Г. Кузнецов [151], Ю.Л. Курикалов, В.А. Лефевр, В.П. Литвинов, П. Рикер, Ст. Тулмин, А. Уайтхед, Н. Хомский [301], Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий [315] и других авторов семиотических антологий [233]. Они детально рассмотрены в нашей монографии [26].

Особое влияние на идеологию нашего метода оказали работы, которые можно отнести к течениям **русского космизма, учения о ноосфере и коэволюции**: это — работы Н.А. Бердяева [49-50], А.А. Богданова [53], В.И. Вернадского [59], В.П. Казначеева, П.А. Кропоткина, В.А. Кутырева [158], Н.А. Морозова, Н.Н. Моисеева [194-195], Н.Г. Пирогова, Н.К. Рериха [222], Н.Ф. Федорова [287], П.А. Флоренского [293], Н.Г. Холодного, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского [306-307] и др. (см. также [226; 289]).

На пересечении философии и системогенетики можно назвать два взаимосвязанных направления.

Системогенетика ставит своей задачей формирование нового подхода, объединяющего системные и генетические представления. Здесь происходит интегрирование целого комплекса современных научных направлений. При всем том, что системогенетика еще не до конца выработала свой категориальный аппарат и методологию, она уже продемонстрировала свою способность выступать в качестве методологии по отношению к различным областям знания.

Прежде всего это исследования в сфере **системности**, представленные работами Е.П. Балашова [39], Л. фон Берталанфи [51], А.А. Богданова [53], К. Боулдинга [54], С.М. Бреховских, В.В. Дружинина и Д.С. Конторова [99], Э. Квейда [134], Д. Клира [137], В.П. Кузьмина [153], В.Т. Кулика, Г.П. Мельникова [185], М. Месаровича (с соавторами) [187-188], Е.Я. Режабека [221], В.Н. Садовского [230], Э.М. Сороко [243-244], А.И. Субетто [252-272], В.С. Тюхтина, А.И. Умова [284], Ю.В. Урманцева [285], Б.С. Флейшмана [292], Ю.А. Шрейдера [314], Э.Г. Юдина [317].

В рамках данной темы речь может идти о структурном аспекте системности, что очень важно прежде всего для исследования формы. К этой сфере обращались Н.А. Васютинский [56], В.А. Геодакян [71-72], В.М. Петров [201], С.В. Петухов [202], А.С. Сонин [242], Э.М. Сороко, в геологии — И.В. Круть [147], П.П. Кузнецов [150], Ю.М. Малиновский и ряд других [73; 215].

Генетическое направление ориентировано на поиски всеобщих оснований генетических и эволюционных концепций в самых разных областях знаний. В связи с этим мы не раз обращаемся к философской и общенаучной проблематике времени, представленной в трудах таких ученых, как Е.Ф. Молевич [196], И.Д. Новиков, Р.Г. Подольный [205], Д.Д. Фрезер [295], А.Е. Фурман и Г.С. Ливанова [298].

Мы обращаемся также к **биоэволюции и биологической генетике**: это — исследования Н.Н. Воронцова и Л.Н. Сухорукова [64], Ч. Дарвина [92], Н.П. Дубинина [100], Л.З. Кайданова, И.А. Рапопорта [218], К.Б. Соколовой — рассматриваем такую тему, как **ритмы жизни** (В.А. Доскин и Н.А. Лаврентьева [97], Л. Лэмберт [178], Ю.Г. и П.Г. Мизун [191], А.А. Путилов, В.Н. Ягодинский [320]).

Эволюционная тема касается и знания об обществе — речь идет о такой новой науке, как **социогенетика**. Эволюционно-генетический подход впервые был провозглашен П.А. Сорокиным и Н.Д. Кондратьевым в начале века и имел трудную историю [21]. Мы освещаем эту тему, привлекая работы К. Маркса, Г. Тарда [276], Л.Н. Гумилева [84-86], Й. Шумпетера, Г. Менша, А. Тоффлера [282], С.Ю. Глазьева [77], К.К. Вальтуха, В.И. Маевского [179], Я.К. Ребане [220] и других авторов [37; 152; 199; 250; 280; 305]. Следует отметить, что за последние годы появились: монография по данной теме А.И. Субетто [260], и обзорная брошюра Ю.В. Яковца [323].

В широком плане нас интересуют различные законосообразные кризисы [307; 311] и волновые процессы [62; 298; 303], процессы самоорганизации (И. Пригожин [210]), наблюдаемые в обществе, в том числе в технике (Б.И. Кудрин [149]) и в искусстве (теория Шмита [154], А. Моль, В.М. Петров и т.д.).

Поскольку в целом это — очень обширная тема, более подробные ссылки на источники и расширенный перечень авторов мы приводим в соответствующей части работы и в наших монографиях.

В соответствии с избранной прикладной темой большое значение в нашем исследовании имеют **история** и проблемы историзма. Они представлены таким авторами, как М.А. Барг [41], М. Блок [52], П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдов [66], С.Г. Кара-Мурза [132], Н.И. Конрад, А.Н. Медушевский, Е.А. Мельникова [186], Л.И. Мечников [190], А.И. Ракилов [216], Э. Трёльч [283], А.Т. Фоменко [294], Л.С. Хренов и И.Я. Голуб [302], К. Ясперс [325].

В сфере социальной философии и обществоведения следует назвать группу авторов, выработавших совокупность основных идей и понятий данного направления: это — Д. Вико, Ж.А. Боден, Ш.Л. Монтескье, Г. Бокль, Г.Ч. Керри, В.Ф. Оствальд, В.Кузен, К. Риттер, Ф. Ратуэль, А. де Гобино, Ж.В. де Ляпуж, Л. Пауль, В. Рене, А. Шеффле, Л. Гумилович, И. Кант, И.-Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, О. Конт, Г. Спенсер, Л. Фейербах, К. Маркс, М. Вебер, У.Г.

Самнер, Р. Парк, З. Фрейд, О. Шпенглер, К. Ясперс, Э. Фромм, Т. де Шарден, М. Блок, К. Поппер, П. Сорокин, Л. Февр и др.

Из представителей русско-европейской философской школы мы чаще других обращались к исследованиям обществоведческого, философско-исторического, философско-социологического направления теоретической мысли следующих авторов: А.А. Богданова, В.И. Вернадского, В.И. Ленина, Н.А. Бердяева, Н.С. Булгакова, К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Федорова, П.А. Флоренского, И. Пригожина.

Перечисляя современных авторов этого направления, назовем прежде всего работы И.В. Бестужева-Лады, Э.В. Гирусова, Л.А. Зеленова, А.М. Ковалева, Р.И. Косолапова, В.Н. Кудрявцева, В.П. Кузьмина [153], М.К. Мамардашвили [181], А.П. Назаретяна, Ю.М. Осипова, В.П. Петленко, М.М. Прохорова, В.Н. Сагатовского, В.Ф. Сержантова, В.С. Степина, А.И. Субетто [272], Н.Н. Трубникова, В.П. Тугаринова, В.П. Фофанова, Ю.В. Яковца [324].

Нужно также упомянуть появившиеся за последнее десятилетие учебники и учебные пособия по социальной философии В.С. Барулина [42], В.Е. Кемерова [136], С.Э. Крапивенского [146], Т.П. Малькова и М.А. Фролова [180], К.Х. Момджана [197]. Они восполнили зияющий пробел в данной области, имевший место в отечественной литературе.

Фиксируя наиболее интенсивно разворачивающиеся процессы внутри обществоведения последних лет, следует обратить внимание на развитие в нашей стране такого нового направления, как *политология*, — здесь можно назвать работы А.С. Панарина [200], групповую монографию “Политическое консультирование” [206], учебное пособие “Политология” под редакцией А.А. Радугина [207], учебник В.П. Пугачева и А.И. Соловьева [213]; в геополитике отметим публикацию Ю.В. Тихонравова [279].

В области **философии истории** идеи, развиваемые в данном исследовании, опираются на труды Аристотеля, Августина, Д. Вико [61], И.-Г. Гердера [74]; И.-В. Гёте, Г. Гегеля [70], К. Маркса [288], М. Вебера [58; 67], В. Вундта [66], О. Шпенглера [313], А. Тойнби [280-281], Э. Дюркгейма [103], П. Тейяра де Шардена [308], М. Блока [52], Х.Л. Борхеса, Ф. Броделя, Г. Зимеля, Р. Дж. Коллингвуда, А. Печчи [203], на работы классиков и современников отечественной философии истории Н.Я. Данилевского [91], Н.А. Бердяева [49-50], С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина, А.С. Хомякова, Л.И. Мечникова [190], А.Л. Чижевского [306-307], П.А. Сорокина [245-246], Н.Д. Кондратьева [143-145], Л.Н. Гумилева [84-86], А.И. Субетто [252-272] и др.

Следует отметить недавно появившиеся учебники, исследования и антологии — переводные американские тексты [28], Р. Арона [33], Н.А. Бенедиктова и других авторов [46], Б.Л. Губмана [82-83], И.А. Гобозова [78], Давидюка Г.П. [90]; А.А. Ивина [119], А.Н. Каримского [133], Е.Б. Рашковского [219], учебник под редакцией А.С. Панарина [288] и другие [250].

Обществоведение мы рассматриваем в единстве социологического и культурологического ракурсов.

Если говорить о **социологии**, то прежде всего нужно назвать работы О. Конта, М. Вебера, Э. Дюркгейма, А.А. Зиновьева [114], Г. Тарда, Э. Трельча, П.А. Сорокина, К. Поппера [209] и других. Характерно, что ведущие авторы в социологии и философии истории зачастую одни и те же. Кроме классического учебника П.А. Сорокина появились также учебники Е.И. Кукушкиной, Г.В. Осипова [247], Н. Смелзера [236], работы по конфликтологии А.Г. Здравомыслова, цивилиграфия Е.Б. Черняка [305], статьи В.А. Ядова [321], словари [238, 239] и работы других авторов [28; 33; 67; 243].

Разворачивание данной темы еще в одном ракурсе приводит нас к необходимости обращения к **культурологии** (теории и истории культуры). Группа актуальных авторов здесь весьма многочисленна — это прежде всего “Антология исследований культуры” [29], коллективное пособие под редакцией Е.В. Попова [57], учебник Б.С. Ерасова [105], коллективное пособие под редакцией Л.А. Зеленова [112], работы Э.В. Ильенкова [120], коллективное пособие под редакцией В.В. Агеносова [155], культурологический словарь XX века [156], работа Э.С. Маркаряна [182], В.Н. Романова [224]; это — Х. Ортега-и-Гассет, Э. Сепир [234], Э.Б. Тайлор [275], С.Л. Франк, Д.Д. Фрезер [295], Э. Фромм [297] и другие.

Сами механизмы культуры исследуются нами с позиции теории деятельности, как это делается в работах А.Г. Асмолова [35], Л.Н. Безмоздина [45], Л.А. Зеленова [109; 111], М.С. Кагана [123], Л.Н. Когана [140], Э.Г. Юдина [317], а также в ракурсе широко понимаемого обществоведения.

Изучая устройство общества, мы намечаем в нем три тематических слоя, важных с точки зрения заявленной прикладной темы.

К особому разряду в данном направлении можно отнести работы по проблемам **совокупного общественного интеллекта** П.Г. Кузнецова, Н.Н. Моисеева, Г.П. Мельникова, А.П. Назаретяна, А.Я. Ребане, Ю.М. Осипова, А.И. Субетто, В.П. Казначеева, А.А. Любищева, Н.Н. Моисеева, Э.М. Сороко, Ю.В. Яковца и других авторов.

Следует подчеркнуть, что **проблема социального генезиса в ментальном ключе** как философско-методологическая проблема, ключевая проблема, с позиции осмысления глобального кризиса человечества в конце XX века, остается неразработанной [313]. Именно неразработанность данной проблемы служит одним из гносеологических источников недооценки процессов ментального управления в структуре культурно-цивилизационных механизмов [75].

Соответственно, потребовал особого освещения термин “**менталитет**”. В этом направлении можно упомянуть работы А.Г. Асмолова [35], Ю.Н. Афанасьева [38], Ю.П. Бессмертного [47], Э. Геллнера, Б.С. Гершунского [75], А.Я. Гуревича [87-88], И.Г. Дубова [101], Д.Г. Дубровских [102], Е.В. Ермилова, Е.О. Зубкова и А.И. Куприянова [117], В.И. Иванова, Д.В. Ольшанского, Л.Н. Пушкарева [214], Л.П. Репина, В.А. и М.В. Сухаревых [274]. В связи с этим вопросом мы обращаемся также к основам взаимоотношений теории менталитета и теории общественного сознания.

Рассмотрение общества в общем виде дополняется ракурсом **цикличности общественного развития**. Мы упоминали достаточно подробный анализ **проблематики цикличности в природе и обществе**.

К разряду наиболее крупных циклов относится **формационное деление истории**, а также **проблема культурных и цивилизационных циклов**. В качестве основополагающих работ последнего времени, раскрывающих взаимоотношения проблем **культуры и цивилизации**, можно назвать работы М.А. Барга [41], Л.А. Зеленова [112], Э.В. Ильенкова [120], Т. Куна [157], Н.И. Конрада, К.Н. Леонтьева [165], А. Моля, В.М. Петрова [201], А.И. Ракитова [216], Н.К. Рериха [222], А. Тойнби [280-281], А. Тоффлера [282], К. Ясперса [325] и др.

Если говорить об отличительных особенностях, о прикладной специфике нашего исследования, то следует отметить, что мы анализируем глобальный генезис менталитета общества *сквозь призму произведений искусства (эстетических произведений)*. Сам метод подобного рассмотрения выстраивается нами как совокупность нескольких уровней со своими подуровнями. Большинство уровней не отражено в самом тексте диссертации, но фигурирует в последних опубликованных монографиях. Упоминание о них имеет значение для представления полноты проведенных прикладных исследований.

Вопросы эстетики и этики формируют взгляд на системный генезис общества *сквозь призму произведений искусства (эстетических произведений)*. Такой взгляд можно одновременно назвать и достаточно новым, и достаточно традиционным. Практически все классики философии в той или иной мере имеют отношение к упомянутому проблемному полю, поскольку оно изначально входит в состав философского знания. В данном направлении наиболее известны взгляды общепризнанных классиков европейской школы — Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Августина, Декарта, Локка, И. Канта, Г. Гегеля, Ф.В. Шеллинга [309], Ф. Шлегеля, Ф. Ницше, А. Бергсона, М. Хайдеггера [299] и др.

Эта тематика раскрыта и в работах современных нам отечественных эстетиков М.Н. Афасижева, Е.Я. Басина, М.М. Бахтина [43-44], Ю.Б. Борева, Л.С. Выготского [65], В.Л. Глазычева [76], Ю.Н. Давыдова, А.Ф. Еремеева, Л.А. Зеленова [30; 107-108; 110], М.С. Кагана [124-126], К.М. Кантора [131], Н.И. Крюковского [148], А.Ф. Лосева [169-172], Ю.М. Лотмана [174-175], А.А. Потемни, М.Ф. Овсянникова, Т.А. Савиловой, Л.Н. Столовича и других [26].

В рамках экзистенциальной системогенетики мы акцентируем внимание также на вопросах **этики**. Здесь следует назвать таких авторов, как А.А. Гуссейнов и Г. Ирлитц [89], И.Л. Зеленков и Е.В. Беляев [113], Золотухина-Аболина [115], В.Г. Иванов.

Широко мыслящие авторы **на грани эстетики и искусствознания** встречаются достаточно редко. Среди них — А. Баумгартен, Л.Г. Бергер, Г. Вёльфлин [60], Г-Г. Гадамер, С.-Т. Кольридж, Д. Леопарди, Ф. Шлегель, П. Валери, Г. Хоуди, Х. Ортега-и-Гассет, Вл. Соловьев, А. Белый, В.В. Розанов, Д.С. Лихачев [166], А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман и ряд других. Обращение их взглядов на сферу философии и системогенетики является важной и своевременной задачей.

Значительное влияние на разворачивание метода данной работы оказали культурологические и **искусствоведческие** подходы (нами рассматриваются [23; 26] теория стиля, поэтика, проблемы композиции), изложенные в работах Б.Г. Беды, А. Белого, В.Я. Бересневой, Ю.Г. Божко, У. Боумена, Г.К. Вагнера, В.В. Ванслово, И.Ф. Волкова, А.В. Волошинова, Г.Д. Гачева, В.Л. Глазычева, И.Л. Галинской, К.О. Гартмана, З. Гидиона, М.Я. Гинзбурга, Б.Л. Губмана, В. Гумбольта, С.М. Даниэля, А.С. Доценко, П.М. Ершова, А.Я. Зися, А.В. Иконникова, В.И. Казариновой [127], В.В. Кандинского, К.Н. Кантора, А.И. Каплуна, К.А. Кедрова, Д.М. Лашманова, В.И. Лейбсона, В.А. Лукина, А.И. Мазаева, М.Е. Маркова, Л.Н. Мироновой, В.И. Михалковича, С.В. Норенкова [198], В.М. Петрова, В.Г. Ражникова, С.Х. Раппопорта [217], Е.А. Розенблюма [223], И.И. Середюка, Н.И. Смолиной [237], Ю.С. Сомова, К.С. Станиславского, В.И. Тасалова, П.А. Флоренского [293], Ю.У. Фохт-Бабушкина, С.О. Хан-Магомедова [300], Б.М. Эйхенбаума, Б.М. и Н.Н. Ярошенко, И.М. Яглома [319].

Необходимо упомянуть как очень актуальные для обозначенной темы **психологические** (включая психология искусства и психологию творчества [23; 26]) взгляды Б.Г. Ананьева, Р. Арнхейма [32], А.Г. Асмолова [35], В.М. Бехтерева, П.П. Блонского, Г.И. Богина, А.А. Брудного, Л. Витгенштейна, Л.С. Выготского [65], Н.В. Гончаренко, С. Грофа, Ж. Делёза, Н.Я. Дорфмана, В.П. Зинченко, А.А. Кроника, Н.Н. Ланге, Г. Лейтца, А.Н. Леонтьева [163], А.А. Леонтьева [163], Д.А. Леонтьева [164], Б.Ф. Ломова [168], С.Ю. Маслова [183], И.П. Павлова, Я.А. Пономарева, В. Райха, С.Л. Рубинштейна [225], И.М. Сеченова, Ю.В. Тихонравова, Д.Н. Узнадзе, З. Фрейда [296], Л.Г. Юлдашева, К. Юнга [318] и других исследователей [30; 211; 212].

Изложенная полная последовательность (социально-философское знание — обществоведение — менталитет — художественный образ) со всеми перечисленными ярусами является логическим каркасом, относительно которого группируются все остальные, выливаются также в более частные ветви исследования. Данная диссертация призвана заполнить сложившуюся философско-методологическую “нишу” в области соединения этих многочисленных подходов в единство и в этом состоит ее общеметодологический смысл.

Все перечисленное дает нам право считать взятую нами для исследования тему актуальной как с точки зрения вечных устремлений науки, так и для понимания проблем современной жизни.

Объем использованных отечественных и зарубежных литературных источников, использованных в диссертации, представляет собой библиографию из 327 наименований.

Цели и задачи исследования. Ведущая гипотеза

Представляя цели и задачи исследования и его ведущую гипотезу, нам снова нужно будет вкратце пройти по ряду обозначенных выше уровней, определяя на этот раз **цели** (и средства их достижения) на каждом уровне.

Основная цель данной работы — раскрытие методологии той системной совокупности генеральных идей, из которых формируется наша прикладная концепция, к которой относится установление закономерностей социогенезиса, взаимоотношений (прямых и обратных влияний) менталитета и общественного сознания, культуры и цивилизации, а также отражение борьбы этих сложных динамических пар в произведениях искусства (в эстетических произведениях).

Данная цель разворачивается в **связанный ряд задач**:

- задачу разработки и предъявления в качестве самостоятельного продукта общего *метода исследования*, универсальной методологии;

- задачу формирования *теоретического ядра* концепции системного генезиса общества;
- задачу отработки *частных законов, методов и методик* на разных уровнях исследования, которые можно было бы применять как в данном исследовании, так и независимо от него (таксономические, прогностические, проектные, педагогические и иные прикладные законы, методы, методики и приемы).

В ряде работ упоминавшихся выше авторов классических социально-философских работ было показано, что в искусстве характерные особенности развития общества фиксируются и отображаются в образной форме.

Ведущая гипотеза исследования состоит в том, что набор общеметодологических приемов может быть выделен и представлен в качестве универсальной совокупности алгоритмов теории.

Полученные алгоритмы теории мы применяем для исследования социального генезиса (прикладной аспект).

Если говорить о сути развернутого прикладного исследования, отраженного в наших опубликованных работах, то мы базируемся на понимании того, что в произведениях искусства закодировано развитие общества и что *образно-смысловой код искусства может быть расшифрован*, а сама эта расшифровка позволяет получить новый ракурс в освещении проблем социального генезиса.

Наша общая гипотеза в описанном прикладном плане разворачивается в связанный ряд тезисов:

- развитие сменяющих друг друга сообществ людей может рассматриваться в ракурсе генезиса единого **менталитета человечества**;

- менталитет человечества обладает **топическим и генетическим разнообразием**, имеющим строгую упорядоченность и потому познаваемым;

- разновидности человеческих цивилизаций и культур являются носителями упорядоченно существующих разновидностей **мировоззренческих ментальных моделей, образующих в истории непрерывный и закономерный ряд**;

- ментальное **мироощущение и миропонимание** общества в любой момент его развития **может быть иерархически и логико-генетически описано системой модусов нескольких уровней**;

- состояние общественного менталитета отражается в произведениях искусства (в эстетических произведениях) со степенью достоверности, позволяющей рассматривать **искусство как “экран, или табло”, менталитета** и основной совокупности его иерархических модусов;

- **ментальные модели** общества могут быть **реконструированы** (прошлое) или **спрогнозированы** (будущее) на основе анализа достаточно полных рядов произведений искусства (эстетических произведений), описываемых через систему специальных (многоуровневых ментальных) индикаторов и маркеров.

Следует отметить, что к числу особых тезисов принадлежит тезис о выстраивании на этой основе нового (неклассического) типа понимания истории человечества в целом. Вторым в этом тематическом ряду следует упомянуть также тезис о разработке особой “герменевтики истории”.

Научная новизна и практическая значимость работы

Мы ставим задачу методологического синтеза всей совокупности изложенных разноуровневых подходов, что в результате и порождает продукт, обладающий определенной *научной новизной*. Своим методом мы доказываем известную истину, гласящую, что новое знание всегда возникает в новом целом, объединяющем в себе множество уже существующих подходов. Новое при этом есть то, что не содержится в отдельности в частных подходах, так называемая “дельта плюс” системы. Таков исходный тезис, и ниже мы постараемся его конкретизировать.

Научная новизна данного исследования состоит прежде всего в его общеполитическом и общенаучном аспекте: мы получили завершённую совокупность элементарных

общеметодологических понятий (иерархия, матрица состава, цикл) и проанализировали основные способы их сочетаний в разных последовательностях (алгоритмы).

Следует отметить, что автором специально были проанализированы возможности разных типов отображения и логические ресурсы, способные повлиять на задачу исследования. Этому посвящена наша объемная монография “Числовые инварианты в менталитете” [17].

По отношению к прикладной тематике социальной философии новизна состоит в разработке на этой новой основе **концепции, теории и методологии исследования** системного генезиса общества. Предварительно нами были отдельно исследованы вопросы теории деятельности [15], эволюция ментального хронотопа [21] и цикличности в культуре [19], после чего был дан философско-исторический анализ темы [23], отдельно проанализирован метод [26] и построена новая система истории искусства [25]. В диссертационном тексте отражена только часть этого объемного исследования, но общая логика просматривается в тексте достаточно полно.

Наша концепция системного генезиса общества разворачивается на **множестве иерархических уровней** (в основном — на пяти, а в простейшем, редуцированном, виде за основу принимаются три основных уровня).

1. На верхнем уровне рассматривается цикл генезиса человечества (история общества) в контексте становления форм движения материи. Этим *определяется специфика социогенеза по отношению к другим известным видам генезиса*, т.е. **качественно**. На данной основе возникает возможность установить новые способы прогнозирования будущего развития за счет обращения к более ранним этапам генезиса материи как к структурным инвариантам, присутствующим и в общественной истории.

2. На втором уровне представлены формационные ментальные циклы и основное **понятие ментальной формации**, которое вводится в научный обиход впервые и является методологически важным. История человечества предстает как незавершенная пятерка ментальных формационных циклов.

3. Каждый формационный ментальный цикл осмыслен и как качественно однородный, и как имеющий фазовые модификации: это — фазы формационного ментального цикла. Их существование связывается нами с тремя (пятью) культурно-цивилизационными системами, последовательно сменяющими друг друга в одном ментальном формационном цикле. Само **понятие “культурно-цивилизационная система”** также вводится нами в научный обиход впервые.

4. На четвертом уровне исследуется генезис (собственная история) *пассионарных культурно-цивилизационных групп*. Здесь для простоты применен тот же инвариант троичности фаз, но в данном случае он рассмотрен как **стилистический фазовый инвариант**, связанный с теми или иными цивилизациями. Это позволяет нам взять в качестве индикаторов общественного развития произведения искусства и изучать систему стилей как *набор инвариантных фаз для каждой цивилизации*.

5. На последнем уровне определяются три модификации стиля, что дает возможность выходить на самые короткие из законосообразных циклов истории — циклы “манеры”, или “художественной моды”.

Важнейшим моментом, пронизывающим все иерархически связанные уровни, является **глобальный принцип дополнительности спиралей**, рассмотрение каждого цикла на каждом уровне как связанного дополнительностью. История при этом обнаруживает как бы две свои ипостаси: видимую историю и “подводную часть истории”. Этот принцип прослежен нами, в том числе и уровнем выше, чем социогенезис, и уровнями ниже [23; 26].

Научная новизна настоящего исследования, с позиции философии и наук об обществе, в том, что оно представляет собой собственно концепцию системного генезиса человечества, а также задает возможность построения нового типа истории и выработки прогнозов развития общества на базе предлагаемой концепции и прикладной методологии.

Наша **новая концепция системного генезиса общества** — это **одновременный взгляд** на развитие общества **сквозь все уровни**, подкрепленный совокупностью поуровневых индикаторов и маркеров. Для определения специфики любой точки истории как законосообразной нами вводится **многоуровневый набор ментальных индикаторов и маркеров** [17; 21; 23; 25; 26]. На самом верхнем уровне он базируется на философских понятиях

ментального хронотопа (ментального времени и пространства) [21], целого и части (в ракурсе социальной общности и личности) [23] и т.д. [26].

Общее количество индикаторов, которое можно привлечь на всех уровнях, достаточно велико, и благодаря им развитие общества, взаимоотношения цивилизации и культуры могут фиксироваться детально, многоаспектно, а главное — как законосообразный процесс многоуровневого генезиса. Применение предложенного многоуровневого набора индикаторов и маркеров делает возможным реконструкцию и прогноз развития общества *сквозь призму искусства*. Намечена и возможность их пополнения: привнесение в исследование все новых и новых слоев становится обоснованным, потому что обеспечено единой целью и одним способом синтеза: мы создаем априори открытую систему, способную к развитию.

Благодаря синтетической ориентации в итоге мы предлагаем также новый *способ упорядочения* специальной предметной области знания, которая выступает как интегративная теория и как метод, охватывающий ряд традиционных социально-философских областей. Это — области социогенетики, социодинамики и культурологии, аксиологии, этики и эстетики, близкие к ним сферы искусствознания, истории искусств и художественной критики. Сюда примыкают и некоторые специально-научные теории: теория композиции, психологические (психофизиологические) теории восприятия и теории видения, теории (и методы) развития творческих способностей человека, акмеология. Настоящее исследование представляет определенный интерес для специалистов во всех вышеперечисленных областях знания, которые ищут пути синтеза в подобном едином интегративном поле.

Нами был специально выработан **принцип создания наборов индикаторов и маркеров** как для данного конкретного направления, так и в целом [8; 26]. Он ценен сам по себе, потому что с его помощью образуется **многоярусный пакет** четных статических и нечетных динамических (фазовых) *понятий*, каждая группа которых имеет *внутреннюю связанность* с другими и в своих ветвях *иерархизирована*.

Наконец, особая статья, как бы особый признак научной новизны данной работы: предложенная модель способна выступать структурообразующей по отношению к любому знанию, в котором есть генетический ряд. На основе предложенного здесь метода мы можем упорядочить все имеющиеся в нашем распоряжении знания, независимо от области их дислокации. В этом смысле работа в том числе и науковедческая.

Это продемонстрировано нами на материале истории искусств [25], но, кроме того, предметом аналогичного исследования может выступать любая *локальная история* вообще, будь то история философии, эволюция типов деятельности [15] или история любой деятельности (например, педагогической деятельности) [23], история идей в науке и технике (эволюция идей и техногенез) и т.д. Мы не предлагаем некую всеобъемлющую систему, но предлагаем метод и структурообразующую основу для нее. Причем, что интересно, в большинстве предметных областей применяемый нами набор индикаторов и маркеров остается неизменным, поскольку обладает высшей степенью общности.

Возможности и пределы расширения предмета исследования. Изложенное ставит перед нами ряд проблем по продолжению и развитию данных идей в сторону их предметной комплексности. На такой основе можно создать атлас мировой истории, с объяснением каждого важного конкретного синхронизированного факта как связанного. Тогда станет вполне очевидно, что и менталитет во всех своих проявлениях един и взаимосвязан, основан на одном и том же наборе ментальных индикаторов и маркеров, разно проявленных. Интересно было бы проследить послышное и синхронизированное движение в истории человечества хотя бы основных движущих составляющих истории: параллельное движение в идеях, в видах деятельности, в технике и искусстве; рассмотреть, как переходит пассионарность к разным мировым центрам и как готовится выход на поверхность той или иной группы цивилизаций с единой ментальностью, почему это происходит в истории. Это и был бы идеал социально-философского знания, развернутого в аналитическое множество и затем снова соединенного в синтетическое единство как в системе, так и в истории (в генезисе). Попытки такого рода предпринимались не раз [313; 319], но столь широкая методологическая основа для этого на была заявлена.

Апробация. Первый этап апробации работы был связан с разработкой общегородской Программы эстетического развития, инициатором которой выступил в 1982 году отдел культуры

горисполкома г. Тольятти. Основные идеи данного этапа были изложены в тезисах и выступлениях на ряде традиционных межзональных симпозиумов (Горький — Нижний Новгород, 1983-2001) и обобщены в ряде специальных публикаций, отраженных в наших основных монографиях [23; 26].

Второй этап внедрения — разработка и частичная реализация Программы развития художественного облика города Тольятти, 1985-1990 гг. Программа была опубликована в журнале “Техническая эстетика” [3], результаты прогностических исследований были доложены автором на конференции “Дизайн и футурология” в г. Москве в 1989 г. [6], в публикациях и выступлениях на межзональных симпозиумах [4; 5; 9; 16].

На основе идей, изложенных в данной диссертации, автором в 1989 году была разработана концепция нетрадиционного учебного заведения — Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела. В состав названного учебного заведения входят: детский сад, общеобразовательная школа, колледж и университет. Основные идеи разработки представлены автором в ряде выступлений, интервью и публикаций в прессе [7; 11; 18; 20; 22; 24], а также на второй Всероссийской конференции по квалиметрии образования [8] и первой Международной конференции по системогенетике и цикличности развития [10; 12; 13; 14].

В 1990-1994 годах автором разработаны: общая *программа, учебные программы* по ряду предметов для факультета дизайна университета, базировавшегося на той же теоретической основе.

Студентам университета Академии автор читал *учебный курс по истории мирового искусства*.

На той же основе автор прочитал оригинальный *курс лекций по эстетике* для студентов Поволжского технологического института сервиса.

В Академии была создана исследовательская *лаборатория по проблемам цикличности культурных процессов*, научное руководство которой осуществлял автор. Результатом работ явилась программа для персональных и профессиональных компьютеров, ориентированная как на учебные задачи, так и на экспертизу произведений искусства. К сожалению, эта перспективная работа так и не была завершена в связи с финансовыми сложностями в деятельности АвтоВАЗбанка.

В Самарской гуманитарной академии автор разработал и апробировал *учебные курсы по систематической философии, истории философии, философии истории, социальной философии* для студентов философско-филологического, экономического и юридического факультетов. По ним готовятся учебные пособия, из которых опубликованы фрагменты.

Совокупный опыт преподавания в высшей школе в течение десяти лет показал, что применение обозначенного в работе подхода позволяет достигать важнейшего педагогического эффекта: у студентов формируется целостное представление о предмете, методе и целях философии во всех ее разновидностях. То же самое можно сказать о проблемах этики и эстетики, искусствознания и теории композиции, а также художественной критики и дизайна.

Структура исследования

Наше диссертационное исследование состоит из трех глав, настоящего “Введения” и Заключения. Все главы связаны единством метода, и предмет исследования разворачивается по уровням: от общего, надсистемного, взгляда на проблему, через выделение предмета (системы) как целого, до уровня конкретизации (подсистем). В завершающей части работы полученное целое обобщается.

Общий объем работы с Приложением составляет 352 страниц. Список литературы включает 327 названий.

Во **Введении** уточняется специфика предмета и метода исследования, рассматриваются вопросы его актуальности и научной новизны.

В Главе I “ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ” поэтапно выстраивается многоуровневая методология настоящего исследования.

В первом параграфе “ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОГО И ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ” освещается методико-логическая основа синтеза двух ключевых подходов: философского и системогенетического, — дается философская интерпретация статических и динамических понятий системогенетики, производится их взаимоотображение. Введены и проанализированы четыре типа отображения в науке: понятийное, числовое, геометрическое и циклическое.

В принципиальном плане рассмотрены *статические* понятия системогенетики и пересекающиеся с ними философские понятия и категории.

Далее представлена статика с элементами динамики и философские проблемы *динамического* исследования. Здесь определена специфика интегративного общенаучного системогенетического подхода по отношению к общеподлинному методу социальной философии.

Во втором параграфе “МЕТАТЕОРИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ” анализируются методологические, терминологические и номологические аспекты системогенетики.

В параграфе предьявляется связь системогенетики с идеями и методами социальной философии. Прослежено, как последовательное становление идей системогенетики приводит ее к осмыслению проблем, пересекающихся с проблемами философии и социологии. Системогенетика предстает как межпредметный научный комплекс, имеющий свою историю, законы и собственный понятийно-терминологический аппарат. В диссертации дается философский анализ общенаучного аппарата системогенетики: разворачиваются в основных чертах системная парадигма и группа системных понятий, а затем — генетическая парадигма и группа генетических понятий.

Здесь подвергается анализу также степень разработанности общей системогенетики и ее прикладных и частных видов: *социогенетики* и *экзистенциальной системогенетики* — базовых для нашего исследования прикладных разновидностей общей системогенетики.

В третьем параграфе “ПАРАДИГМА ЦИКЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ” в принципиальном плане осмысливается общеподлинная и науковедческая методология исследования, которую можно охарактеризовать через совокупность введенных инвариантов.

Общеподлинные аспекты рассматриваются через такие понятия, как *противоречие*, *доминирующая сторона противоречия*, *направленность и необратимость в развитии*, *преемственность* и т.д. Устанавливается связь этих понятий с парадигмой цикличности, анализируются *закон единства и борьбы противоположностей*, *общая спиральность развития*, *проблема динамики и времени* в философии и науке. Спиральность представлена типологически — в наборе последовательно усложняющихся моделей: *цилиндрическая спиральная модель развития*, *спирально-коническая*, *импульсная* и *более сложные модели развития и времени* в таких аспектах, как *универсальная дополнительность спиралей и импульсов*, *многомерные модели времени* и т.д.

В Главе II “СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ” раскрываются механизмы, позволяющие изучать и применять модели наибольшей степени общности по отношению к социальной практике.

В первом параграфе “СУММА МЕТОДОЛОГИИ” описана итоговая совокупность инвариантов и проиллюстрирован метод *онтогенетического суперпозиционирования*. С использованием его приемов задана модель деятельностного универсума, рассмотрены процедуры перекрестного переноса внутри суперпозиционной схемы и принцип генетической проверяемости онтологических схем.

В параграфе проведено суммирование методологических основ исследования всех названных выше типов. Итоги даны в таблично-графическом и описательном видах. Подобная методологическая интеграция не имеет аналогов в социальной философии и близких к ней областях знания. Полученная интегративная методология является самостоятельным научным продуктом диссертации.

Во втором параграфе “СИСТЕМНО-СТАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ” рассматриваются вопросы многоуровневого (альтитудного) представления предмета социальной философии.

Здесь выделяются: социологическая иерархия социально-исторического знания, культурологическая иерархия социально-исторического знания, иерархия социально-исторического знания в форме самостоятельных наук. В частности, речь идет о морфологическом анализе предмета социальной философии.

В рамках параграфа освещены также некоторые основные динамические аспекты предметного поля социальной философии.

В третьем параграфе “ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, МЕНТАЛИТЕТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ” излагаются основные положения, связанные с функционированием “общественной психики” на всех ее ярусах.

Речь идет о формирующейся сегодня теории общественного интеллекта, о суммировании теоретических воззрений на “общественное сознание”, а также об основных положениях активно становящейся в современной науке теории менталитета.

В Главе III “МЕНТАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ” раскрываются конкретные механизмы построения моделей истории общества на основе идеи ментальной детерминации.

В первом параграфе “МНОГОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА” определены инварианты эволюции и осмыслены возможности глобального прогноза. К данной теме относятся: числовые инварианты циклов истории, базовая пятиуровневая модель социального генезиса, формула истории и проблема длительности формаций в истории.

На основе анализа многоуровневых моделей времени и концепции социогенеза в истории задана пятиуровневая циклическая модель системного генезиса общества и предложен путь создания N-уровневой модели, учитывающей любые варианты моделирования истории.

В результате редуцирования пятиуровневой модели за основу принимается **трехуровневая базовая модель динамики общественного развития**, в которой выделяются надсистемный, системный и подсистемный уровни.

На первом уровне анализируется надсистемный цикл социального генезиса. Рассматривается подход к социальной истории с позиции форм движения материи, выстраивается сравнительная методология, позволяющая находить общие черты в генезисе всех этих форм. Определяется *специфика социальной формы движения материи*.

Во втором параграфе “МЕНТОСФЕРА И МЕНТАЛЬНЫЕ ФОРМАЦИИ” выявляется иерархическая и содержательная суть ментальных формаций.

В параграфе определены доминирующие факторы культурно-цивилизационного развития.

Представлен более широкий контекст **“ракурсных” формаций**, в частности в качестве особого типа в системном ракурсе рассмотрены “деятельностные формации” и их родовые разновидности (педагогические формации, экономические формации и т.д.).

Выделяя основные надсистемные фазовые модификации, мы освещаем исторический процесс как расчлененный на качественно однородные фазы. Ведущим качественным показателем выступает единство менталитета, что и приводит к понятию **“ментальной формации”** и представлению о **“ментальной детерминации истории”**. Анализируются и данное понятие, и сопутствующий ему принцип идеальной детерминации в истории.

Ментальный формационный цикл выступает как цикл “надсистемного уровня” в рамках принятой в базовой модели трехуровневой альтитуды. Ментальные формации образуют самые длинные волны в истории человечества, причем **доминирование** от одной к другой переходит в соответствии с внутренней логикой истории.

В третьем параграфе “ИТОГОВАЯ МОДЕЛЬ ГЕНЕЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА” тема продолжается в ракурсе культурно-цивилизационных систем и более локальных образований — цивилизаций.

Связанность на двух уровнях понятий “культура” и “цивилизация” приводит к новому понятию **“культурно-цивилизационной системы”** в истории. Она выделяется как система, несущая на себе содержание *фазы* в рамках ментального формационного цикла. Это — второй, **собственно системный, уровень** социального генезиса.

В циклическом ракурсе внутри *большой волны ментальной формации* обнаруживается ряд *связанных цивилизаций, объединенных качественной общностью культуры*. Непрерывность и преемственность культур в истории связана жесткой закономерностью.

В итоге выстраивается трехуровневая модель социального генезиса. Каждому этапу, включая и этапы циклических кризисов, даны краткие сущностные характеристики. Рассмотрен современный период истории России и его специфичность.

В завершение вводится понятие об индикаторах и маркерах, при помощи которых менталитет удерживается на всех уровнях и во всех фазовых состояниях. Надсистемные индикаторы представлены как пары — **этический индикатор** и хронотопическая группа **эстетических индикаторов**. Этический индикатор — это соотношение “свободы общества и свободы личности”. Эстетические раскрываются как два индикатора: пространственный и временной в их единой хронотопической мере.

В наиболее общем виде показаны индикаторы и маркеры второго и третьего уровней, затронута проблемы наполнения и упорядочения возможно полного пакета индикаторов, основные варианты соединения индикаторов и маркеров.

В **Заключении** анализируются: возможности расширенного применения полученной методологии, ее философские и прогностические возможности. В завершающей части приводятся основные выводы и намечаются возможные варианты продолжения исследования.

Глава I. ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим философско-методологические и общенаучные аспекты формирования нашей концепции. Речь пойдет об основном методе и логическом базисе исследования.

Метод в науке мы понимаем в широком смысле как *систему принципов* [236], а в более узком — как совокупность частных методов и методик (техник, приемов, способов и т.д.). Такие совокупности выступают не как безразличные “суммы”, где от перестановки мест слагаемых конечный результат не меняется, а как “сценарии”, в которых связанность исходных составляющих имеет существенное значение. Сопоставление современного понятия “технология” с методом объединяется основой — отвечает на вопрос “как?”, но различается целями и, главное, уровнем общности.

Теоретические и методологические основания исследования

Поскольку уровень нашего исследования — философский, отталкиваясь мы будем от принципов, выработанных в классической кантовско-гегелевской философской методологии: 1) от принципа единства исторического и логического; 2) от принципа восхождения от абстрактного к конкретному; 3) от принципа единства диалектики, логики и теории познания.

Применительно к теме нашего исследования мы развили их в наших опубликованных монографиях [8; 14; 15; 17; 19; 21; 23; 25; 26], а множество аспектов той же проблематики отражено и в других наших публикациях, список которых приведен в библиографии.

Принцип единства исторического и логического, на котором мы остановимся подробнее, представляется нам наиболее важным.

Поиск предельно глубоких системных, структурных и генетических инвариантов — это поиск инвариантов, всевременных и вневременных, присущих как бытию, так и мышлению. Интегративный научный комплекс, позволяющий нам это сделать, — системогенетика [13; 252-272]. В данной работе применена специальная методология системогенетики [23; 26]. Философский и системогенетический подходы здесь во многом являются взаимодополняющими, при несомненном первенстве философии. Первый *признак сходства* этих подходов — в наличии двух *равновозможных взглядов* на предмет исследования: это — **статический и динамический** ракурсы.

По отношению к нашей прикладной теме, **социальной философии**, отмеченная дуальность звучит как “**социальная статика и социальная динамика**” — принцип, использованный в социологии еще О. Контом [291], затем продолженный П.А. Сорокиным [246] и рядом наших современников.

Принцип единства исторического и логического осмысливается нами и как *единство онтологического и генетического ракурсов*, что позволяет построить **онтогенетическую методологию**.

Онтологический взгляд развернут нами в ряд приемов многослойного суперпозиционирования — поэтапного наложения на один и тот же, *онтологический*, экран всех использованных теоретических построений. Далее мы ищем инвариантную составляющую пакета онтологических моделей и применяем несколько нетрадиционных приемов получения нового знания.

Первый прием состоит в выявлении *инвариантности по геометрическому признаку сходства*. Геометрически сходные модели имеют, как правило, сходные онтологические признаки не только формального, но и содержательного характера.

Внутри многослойной онтологической модели мы устанавливаем связи путем *переноса свойств одной модели на другую*. Сходные модели имеют свойство взаимодополняться по смыслу.

Следующий шаг — привлечение для трактовки общего пакета онтологических моделей таких дополнительных моделей, которые являются по отношению к данному набору *более*

общими или интегрируют некоторую часть этой общности [17]. Их свойства одновременно распространяются на весь пакет моделей.

Завершается процесс структурированием, приводящим к выделению общего для всех используемых моделей структурно-онтологического инварианта — наиболее важного для нас конечного продукта в статико-онтологической сфере. Он позволяет перейти к генезису, и здесь вступает в силу *генетический ракурс*, непосредственно связанный с первым и являющийся второй отличительной особенностью нашей методологии.

Говоря об **онтогенетическом методе**, мы вводим ключевое методологическое требование: **все, что претендует на истинность в онтологическом измерении** (в статике), **должно подтверждаться генетически** (пройти историческую проверку в динамике).

Количество полученных итоговых инвариантов невелико. Мы анализируем их все, как и основные сочетания, а затем сплавляем их воедино: сначала на уровне абстрактных инвариантов, а затем применительно к тематике социальной философии.

Изложим ключевые выводы. **История на редкость единообразна в своей повторяемости как в целом, так и в частях**: она использует на каждом новом и более сложном уровне тот же набор инвариантов, что и на нижних уровнях. Но результатом их соединения являются **неповторимость и преемственность любой исторической последовательности, любой точки истории**.

Закон возникновения *неповторимого из повторяющегося* дает возможность говорить о **формуле истории**. Это — центральный онтогенетический суперинвариант, выступающий главным методологическим орудием нашего исследования: он универсально модифицирует все наши темы и вносит в них завершенную определенность.

Метасмысл и четыре языка отображения. Выйти на такой суперинвариант нам позволяет еще одна уникальная методологическая конструкция, примененная в данном исследовании.

Смысл, аккумулированный в моделях, не сводится к ним. Модели являются **посредниками** для перевода смысла в особую языковую реальность — в метаязык. **Гипотеза “метаязыка”** принадлежит лингвистике, хотя идеями **метазнания, метамodelей** и прочих *“мета”* пропитана буквально вся современная наука. Частные способы отображения замыкаются в метаязыке как **едином носителе смысла**. В системной парадигме этому уровню соответствует надсистема.

Для удержания надсистемного метасмысла необходимым и достаточным является набор, состоящий из четырех способов отображения (см. подробнее [17]):

- словесный (понятийный: понятие как качество, “квали”) = качественная парадигма;
- числовой (шире — классиологический: число как таксон) = метаклассификационная парадигма;
- геометрический (язык пространства) = парадигма иерархической вложенности = альтитудное представление;
- временной (язык волновых колебаний, циклов, композиционное выражение) = циклическая парадигма.

В совокупности эти четыре языка, способа выражения, составляют необходимые части целого и объединены в каждом шаге общим метасмыслом. Наша методология отличается тем, что мы используем одновременно все четыре типа отображения и свободно переходим от любого к любому и от них всех — к метасмыслу [17]. В системогенетике полиязычность развернута в четыре парадигмы (см. подробнее [17; 23]). Пятая, **рефлексивная, парадигма** [26] позволяет перевести обозначенную четверку в надсистемное целое — в метасмысл.

Метасмысл становится объемным и живым, если нам удастся удерживать наши представления одновременно на всех названных отображающих экранах. Обязательность приводимой **четверки** состоит в том, что она выступает как **естественная клеточка целого** [181].

Эти четыре типа отображения метасмысла ввел в европейскую традицию еще Пифагор [17], но их же обнаруживают в философских системах традиционного восточного типа [137; 176-177; 304] и в культуре ислама [237]. То, что мы методологически возвращаемся на новом

этапе к первоначальному не только европейского, но в целом мирового философствования вообще, глубоко символично.

Одним из наших достижений в этой сложной области синтеза типологически разного (различающихся ментальных оснований) стал способ геометрического перевода европейского способа отображения (матрично-иерархического, построенного на евклидовой геометрии и декартовой системе координат) в восточный (радиальный, центрический, вращательный). Мы не только подробно анализируем логический ресурс человечества как единое целое, но и предлагаем результирующий онтогенетический “экран” [17].

§1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОГО И ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Вопрос о философских основах системогенетики и теории циклов в литературе пока отсутствует, хотя попытка осмысления в одном из ракурсов уже есть [266].

У философии и системогенетики можно обнаружить *черты сходства*, образующие несколько *общих зон*. Это прежде всего упомянутое разделение всей проблематики на **статическую и динамическую**. Мы рассмотрим их последовательно.

1.1. Философская интерпретация основных статических системогенетических категорий и понятий

В философии нет ни динамики, ни статики в том ключе, который есть в системогенетике. Тем не менее философия имеет аппарат как *для статического рассмотрения* действительности, так и *для описания динамики*. Статический набор понятий в XX веке был специфически трансформирован в формах системного подхода, статико-динамический — в формах подхода системогенетического. На перекрестке философии и системогенетики нас интересуют совпадающие по смыслу инварианты.

Инвариант иерархии

К числу совпадающих принадлежит *понятие об уровнях (или ярусах) строения мира*. Иерархическое (поли-) понимание в методологии противостоит центрическому (моно-). В качестве исходной здесь выступает пара “внешнее — внутреннее”: в устройстве мира мы можем фиксировать **внешнюю или внутреннюю иерархию**, выделение производится по отношению к отграниченному предмету (системе). Во всяком исследовании в первую очередь фиксируется, *что именно принимается* за предмет (систему), подвергаемый изучению. В дальнейшем нашим прикладным предметом (системой) будет являться *общество*.

Внешнее “**вертикальное**” **разнообразие** раскрывает иерархическую вложенность мира, а **горизонтальное**” **разнообразие** — внутреннюю иерархичность того же предмета (системы). Представим их последовательно.

Внешняя иерархия системы Общее, особенное и единичное

В системных терминах необходимым является выделение трех уровней системной организации: надсистемы, в которой находится данная система, самой системы и подсистем данной системы. Центральным понятием в этом ряду является “система”, поэтому речь и идет о системном подходе.

В инвариантном плане это — тройная иерархическая конструкция. Данный системный инвариант (*надсистема — система — подсистемы*) координируется [56; 325] с известными философскими категориями Г. Гегеля “*общее — особенное — единичное*” [158-160]:

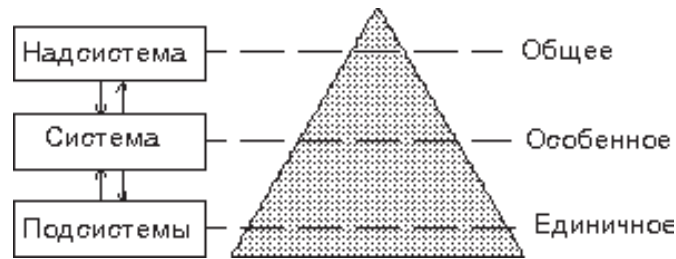

Рис. 1. Иерархическая трехуровневая модель.

В поисках расширения смысла этого инварианта мы вправе сопоставить его с любыми значимыми тройками из любых областей знания, что и проделано нами в монографии [17]. Вот пример сопоставления иерархий в общем описательном виде:

Общее -----Надсистема ---Дух---Логос---Информация---Будущее-----Потенциальное 1

Особенное ---Система-----Душа--Жизнь---Энергия -----Настоящее---Актуальное

Единичное ---Подсистема----Тело--Сома-----Вещество-----Прошлое-----Потенциальное 2

Вместо классических *трех уровней* можно использовать и большее их количество. Зафиксируем **пятиярусность** философского построения, полученного при расширении троичности [52].

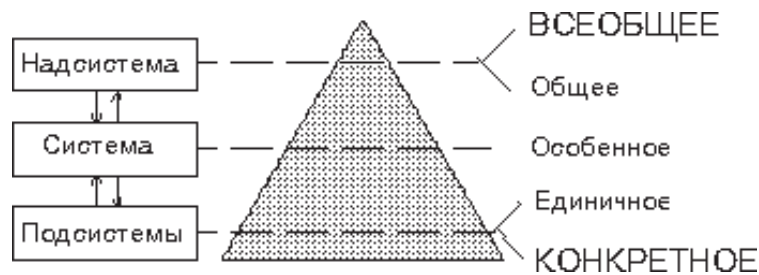

Рис. 2. Пятиуровневая модель.

Приведем вариант развертывания внешних иерархических уровней больше пяти — это известная схема К. Линнея [64]. *Убывание всеобщности* таксонов по ярусам можно соотнести как с философскими, так и с системными категориями.

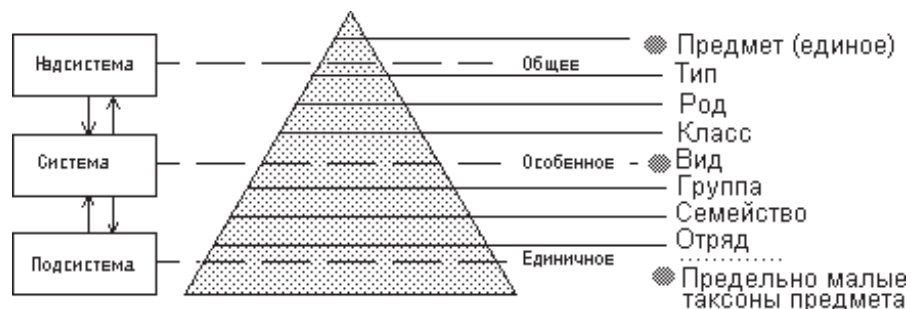

Рис. 3. Многоуровневая иерархия.

В системогенетике количество уровней, взятых в рассмотрение, описывается понятием “альтитуда” [265], означающим **вертикальный набор уровней**.

Иерархический инвариант “*системной вертикали*” восходит к тектологии А.А. Богданова [53], затем он был использован Л. фон Берталанфи [51], а заверченный вид приобрел в работах М. Месаровича [187-188]. Сегодня его трактовка богаче системной, т.к. в нем используется еще и понятие **вложенности**. Разделение на уровни квантует мир [262], что дополняется **непрерывностью** [263]. Связь понятий “иерархия и вложенность”, “дискретность и непрерывность” можно проиллюстрировать на такой обозримой модели:

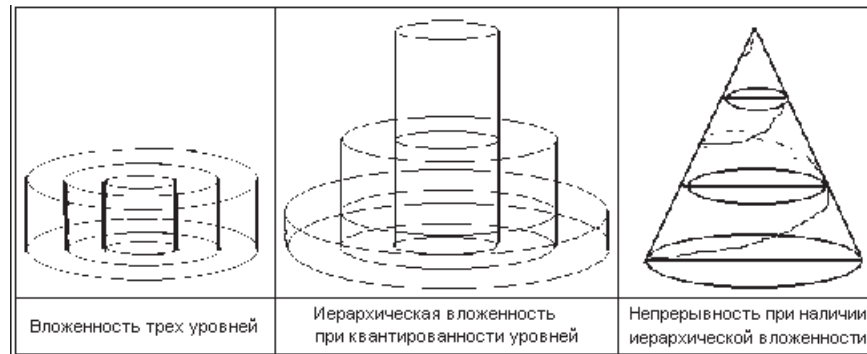

Рис. 4. Модели вложенности, дискретности и непрерывности.

Внутренняя иерархия. Метатаксономия.

Отображение внутреннего устройства предмета (системы) происходит при помощи другой группы инвариантов. В предельном виде такой набор принадлежит общей таксономии, развивающейся в рамках широкой классификационной парадигмы [184]. Общая теория классифицирования носит название метаклассификации [262]. Подробнее эта тема освещена в нашей монографии [17].

Мы рассматриваем **три способа упорядочения множеств**: *типологизацию, классификацию и систематизацию* [109]. Находя в иерархии координационные и субординационные связи, как это проявлено в Периодической **системе** элементов Д.И. Менделеева [135], можно говорить о систематизации.

При проведении операций упорядочения обнаруживаются взаимоотношения и родственные связи тех модификаций, которые “сошлись в систему”. Например, в Периодической системе элементов мы обнаруживаем полную развертку как по *оси качества*, так и по *оси количества*. Поэтому мы говорим, что все эмпирически найденные и предсказанные элементы объединены здесь структурно, иерархически и имеют почти полный состав (исчерпаны все возможности структуры в составе). Обычно систематизировать удается только предельно полный таксономический набор, *восстанавливающий как структуру, так и состав системы*. С точки зрения статики, это — целостность, содержащая *возможность построения классификационного прогноза*, как в случае с Д.И. Менделеевым, предсказавшим несколько не известных в то время элементов, исходя из их табличного места и соответствующих свойств [135].

Однако полное описание модификаций последнего уровня развития системы (как в Периодической системе) не является при этом полным **системным** описанием. Системность, координационно-субординационные закономерности — это итог генезиса системы, который не реконструируется лишь по *конечным модификациям*. В полном системном описании предмета его конечные модификации должны быть представлены в истории их возникновения, по шагам. Иерархические уровни проявляются не только в статике, но и в динамике. Вот почему операция систематизации в нашем понимании (и тем оно отлично от других) включает в себя и динамический взгляд. Мы солидарны с Э.М. Сороко, который всякий генезис предлагает рассматривать как генезис меры, “мерогенез” [244].

Связанность внешней и внутренней иерархий.

Основываясь на определениях, отметим, что в метаклассификационных построениях существуют два направления классификаций: интенциональное и экстенциональное [262]. Первое — есть “движение вовнутрь качества классифицируемых объектов (морфологическая и функциональная структура)”, что характеризуется приставкой “ин”, то есть *внутри*. Во втором случае происходит отождествление качеств объекта по определенным внешним признакам без раскрытия морфологии объекта. Отсюда — приставка “экс”, то есть *вовне* (экс-описания, например математические). Интенциональность в ряде черт совпадает с “архетипом” у К. Юнга [318], а экстенциональность — с “объемом понятия” в логике [243].

Все виды упорядочения множеств и сами могут быть представлены как иерархии, и в таком случае они могут быть соотнесены по уровням и соподчинены снизу вверх. Иерархии разделяют по уровням качества те единицы, которые лежат на одном иерархическом уровне (рядоположенные) и *связываются понятием количества*. Количество одного уровня при этом является качествами другого. Напротив, качество этого уровня на более высоком уровне предстает как количество. Данные философские категории лежат в основе парадигмы квалитологии [264].

Инвариант матрицы состава

Состав системы. Количество, качество, мера

Тройка “количество — качество — мера” является важнейшим связанным блоком категорий философии на всем протяжении ее истории. Мы рассмотрели этот вопрос применительно к нашей теме в одной из наших монографий [23]. Эта тройка, выраженная в философском плане, может быть сопоставлена с системными понятиями. Объемлющим термином здесь будет состав системы. Данное понятие, хоть и принадлежит системному миру, близко по статусу к философскому.

Мы различаем *компонент* (в паре “компонент — система”), *часть* (в паре “часть — целое”), а также “*таксон*” и “*модус*”. Понятие “**модус**” — философское, **модификация** есть *любая разновидность изменения* [109], поэтому оно шире, чем “**таксон**” — *любая по уровню классификационная* (таксономическая) *единица*.

В том же, модификационном, ряду находится и термин “*морфологическая единица*”. Понятие “морфология” применяется при рассмотрении системы в ракурсе “содержание — форма”. Морфология (*морф* — “форма”) — это развернутое **разнообразие формы в системе** (**морфологическое разнообразие**). Единица системного разнообразия и есть наша *морфологическая единица*. Универсальность морфологического анализа была проявлена на супер-системах, ее обнаружил в первой трети XX века астроном Ф. Цвикки [27].

Чтобы установить связанность морфологии с мерой, количеством и качеством, обратимся к Периодической системе Д.И. Менделеева в классической табличной форме. Вот принцип ее образования:

Рис 5. “Морфологический ящик” с линией минимакса.

В терминах морфализа таблица представляет из себя плоский “морфологический ящик”. На ее вертикальной оси представлены **уровни** (вертикальное разнообразие), а на горизонтальной — разнообразие *внутри любого уровня* (горизонтальное разнообразие).

В истории науки первичным для всего этого построения стал *ряд возрастания* (количество) *атомных весов*. Чтобы возникло понятие о периодах, необходимо перейти к оси качества — тогда возникнет схема ступеней (верхняя часть схемы):

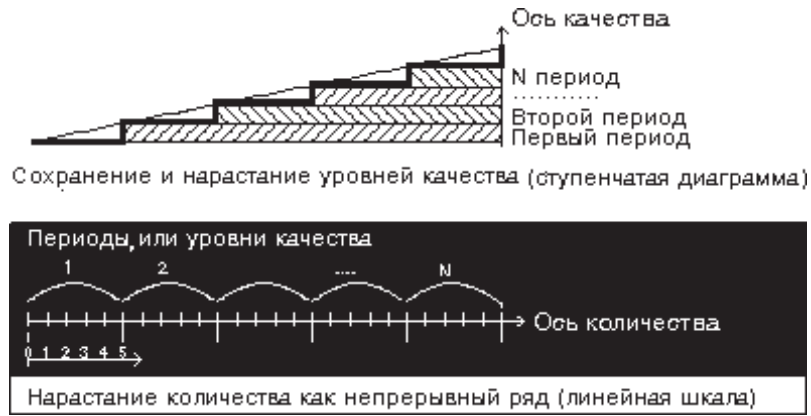

Рис 6. Ряды и периоды, их количественно-качественная взаимосвязь.

Д.И. Менделеев применил универсальный *матричный способ упорядочения элементов* (как конечных таксонов единого надсистемного понятия “*вещество*”). Он удачно упаковал этим способом принцип возрастания атомных весов (количество) и периодичность свойств (качеств) элементов на вертикальных уровнях [135].

Уровни качества есть иерархия. А накопление количества для достижения нового качества в наиболее общем виде можно изобразить именно как ступени:

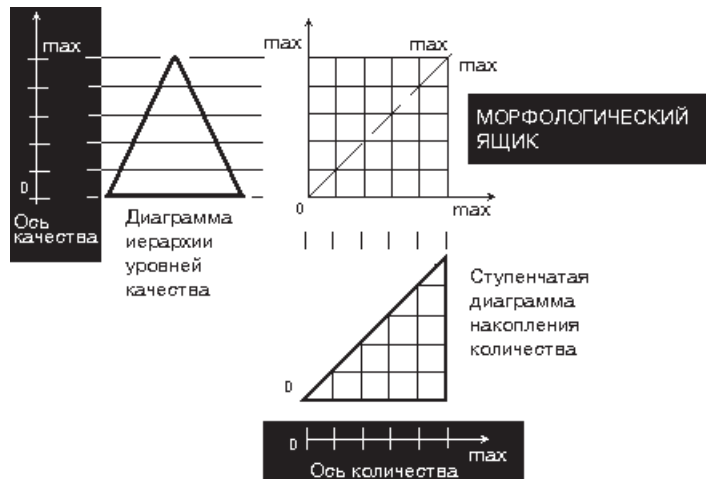

Рис 7. Образование морфологического ящика: оси количества и качества.

Качество по уровням есть на самом деле количество, взятое с точки зрения *более высокого уровня общности*. Мы применим *прием линзы*, увеличения подсистемного фрагмента до размеров системного.

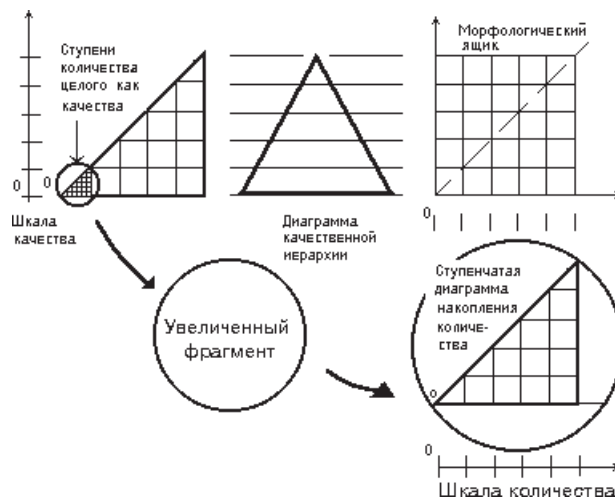

Рис. 8. Единство качества и количества.

1.2. Статика с элементами динамики

Инвариант ступенчатой функции

Зафиксируем, что качество выражается при помощи конуса *иерархии*, количество — при помощи *ступенчатой диаграммы*, их связанность — инвариант табличной *матрицы* (ящик свойств системы или ее состава). Мы не выходим пока за пределы статики и в этой области никаких других инвариантных моделей более не извлечем.

Добавим к этому лишь один способ отображения — циклический.

Периодичность качеств в **системогенетическом** освещении свидетельствует, что на диаграмме ступеней проступают **циклы**, каждый из которых обладает восходящим качеством в рамках единого целого. А **переходы от качества к качеству** есть гегелевские "скачки качества".

Закон отрицания отрицания

Если закон единства и борьбы противоположностей является двигателем, пружиной механизма развития, то законом отрицания отрицания описывается траектория относительно завершенного развития. А траектория есть спиральность (циклическость) развития.

Возникновение новой фазы есть отрицание предыдущей фазы. Окончание развития *именно этой фазы*, достижение устойчивого и качественно нового состояния становится *отрицанием первичного отрицания*, самоотрицанием.

Рис. 9. Демонстрация действия закона отрицания отрицания на цилиндрической спирали.

Отрицание есть не только условие и момент развития, оно есть также и момент связи нового со старым (через "скачки качества"). Это такое отрицание, которое *снимает в себе качество предыдущей фазы*, приобретая при этом свое новое качество.

Термином "снятие" демонстрируется двойственность: предшествующее **отрицается и вместе с тем сохраняется**. Но исходная форма и то, что ее отрицает, также есть противоположность: дальнейшее развитие требует преодоления такой абстрактной односторонности, что и приводит нас к закону отрицания отрицания. По Г. Гегелю, это — синтез, который преодолевает первые абстрактные (неистинные, в смысле их односторонности, незавершенности) моменты [68].

На ступени второго отрицания восстанавливаются некоторые черты *исходной формы*, с которой начиналось движение. Конечная точка совпадает с начальной, но это совпадение приводит нас не к круговому движению, а к спирали: **совпадение происходит на высшей основе**, совпадают не все, а лишь *некоторые сходные черты*. Таким образом, возникает **направленность развития**, а закон отрицания отрицания как *описание траектории* демонстрирует эту закономерную тенденцию.

Сохранение положительного можно проиллюстрировать на схеме с применением "ступенчатой функции". Ф. Энгельс в "Диалектике природы" говорил о *ступенчатой функции*, которую мы можем здесь наблюдать зримо и как "приращение количества" (в виде кирпичиков), и как "скачок качества", происходящий на этом базисе количества [69]. Рассматриваемая схема лежит в основании эволюции химических элементов (Д.И. Менделеев). Но она же, в

принципе, была использована и при развитии эволюционного учения в биологии (К. Линней, Ж.Б. Ламарк, Ч. Дарвин) [64]. Покажем это графически:

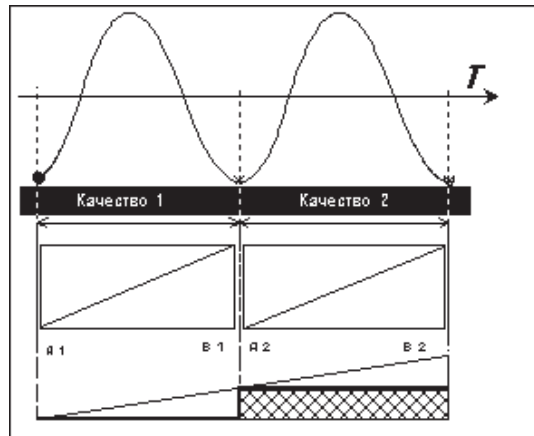

Рис. 10. Переход качества первого рода в потенциальное состояние, ступень.

Ступени, иерархия и узловая линия мер

Скачки качества образуют "**узловую линию мер**", по Гегелю [68-70]. В иерархии мы предъявляем узловую линию мер по уровням, от минимального до максимального: *иерархия* есть более бедное (статико-онтологическое) представление, чем циклическое (динамическое). Линия мер, спроецированная на ось, становится обычной *шкалой качества*, но у нее есть и *количественная проекция*. Из двух таких ортогональных шкал формируется представленный "морфологический ящик", или матрица.

Представим в этих координатах и наглядных графических моделях гегелевскую "узловую линию мер":

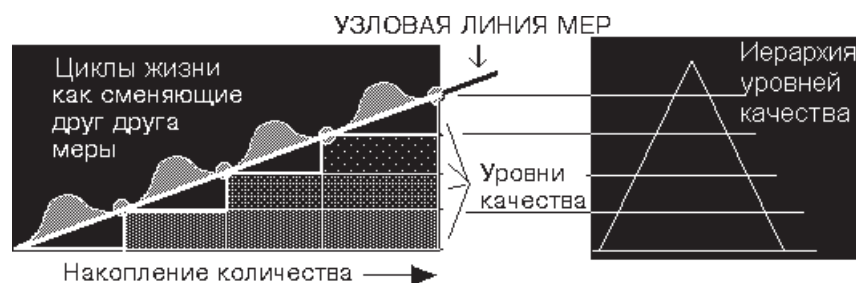

Рис.11. Взаимосвязь узловой линии мер с циклами, ступенями и уровнями.

Систематизация при помощи трех уровней демонстрирует следы *генезиса надсистемы в виде узловой линии мер* на шкале качества и такой же линии мер на шкале количества. Обычно за статическими схемами кроется не просто рядоположенная последовательность, а (как правило) порождение, генетическая, или процессуальная, последовательность, процесс. Причем *процессуирует наше целое*, порождая разнообразие в виде модификаций, выступающих как следы этого движения. Охватывая их как качество, мы однобоко можем либо объединить их в иерархию, либо "выродить" (прием "**вырождения**" как упрощения), редуцировать иерархию в шкалу. Из этого следует такое неочевидное утверждение: **всякая иерархия есть слепок бывшего цикла** (процесса). Для нас же это выступает в качестве принципа, имеющего хронологическое отображение.

"**Структура**" в системно-структурном анализе *всегда есть некая иерархия*. Но *иерархия всегда есть бывший цикл*, и это позволяет обнаружить: "время застывает в структуре" (Шеллинг). И, поскольку *количество и качество есть в некотором узком смысле "одно и то же"* (только отнесенное к разным ярусам), резонно предположить, что данный инвариант будет повторен и выше, и ниже по альтитуде — во всех пределах системного мира.

Покажем основные смыслы, возникающие при сопоставлении иерархии и ступеней. Иерархия, развернутая на подуровнях, дает логическую схему “дерева модусов”. Иерархия, превращенная в шкалу, — спектр. Спектр квантирован, а при переводе его в непрерывность возникает модель иерархической конической спирали-спектра. Эти связанные модели повсеместно используются как в философии, так и в системогенетике [17; 23]:

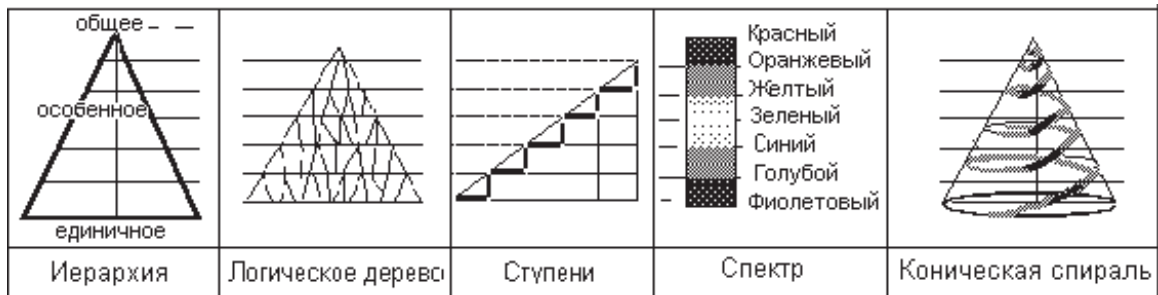

Рис. 12. Сопоставление иерархии с моделями, смыкающимися по смыслу.

Закон “перехода” количества в качество

Б.М. Кедров [135] характеризует этот закон как внутренний механизм процессов развития. Количественное накопление вызывает скачки качества, “переходит” в качественное изменение системы.

Система есть единство состава и структуры. Исчерпание данного качества можно трактовать системно как **исчерпание возможностей структуры** данной системы (таким образом, мера — структурна).

Всякое новое качество порождает новые количественные изменения, ибо оно связано с новыми количественными параметрами. **Развитие**, в свете этого философского закона перехода количества в качество, предстает как *единство непрерывности и прерывистости*. В данной паре именно качество обладает признаком нерасчленимости (и в этом смысле — константностью его в пределах цикла), а количество всегда предстает как квантированное.

Для графического представления связи количества и качества мы применяем следующую схему (ее положение не имеет значения):

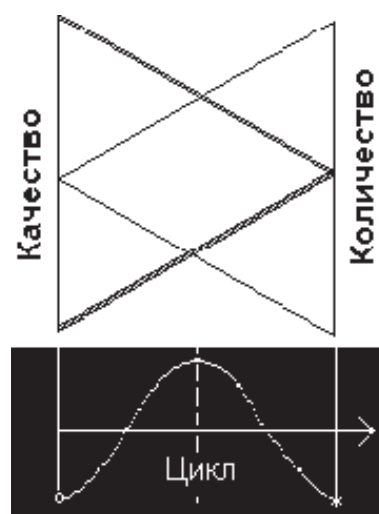

Рис. 13. Циклическая взаимосвязь количества и качества.

Она демонстрирует в простейшей форме закономерность роста количества **в цикле** развития системы (развитие от нуля до максимума) и обратный процесс *проявленности качества* в том же цикле (от максимума до нуля). Мы много раз будем к ней обращаться.

Связка инвариантов: матрица состава и несущий цикл системы

Узловая линия мер в конечном итоге линейна. Все, что она дает для исследования, — это “сценарий” смены качеств (циклов) в пределах надкачества (надсистемного цикла), состав подсистем, связанный историей как последовательность. Возникает вопрос о соотношении такого линейно-узлового состава с матричными способами демонстрации состава (во множестве ракурсов).

Закон, о котором пойдет речь, в представленной форме впервые излагается нами и относится к важным элементам научной новизны.

Несущим (или жизненным) **циклом системы** является такой цикл, за который поэтапно исчерпывается весь состав компонентов данной системы. Закон связи состава системы с ее несущим циклом состоит в том, что за один жизненный цикл система полностью исчерпывает все возможности своего состава. У этого закона есть множество ракурсных модификаций, и мы их применяем как методологически однородные в самых разных ярусах исследования.

Так, например, если перевести сформулированный закон связи в термины **содержания и формы**, то “жизненный цикл” предстанет как *цикл бытия данного содержания*, за который полностью исчерпывается все разнообразие формы, в которой оно (содержание) может быть воплощено. В морфологическом аспекте мы точно так же говорим об исчерпании морфологии за цикл, присущий данной функции, и т.д.

В методологическом плане в нашем определении разведены две стороны хронотопа: *время* (представленное как *цикл*) и *пространство* (представленное как *состав*, как определенность *формы*, так или иначе связанная с пространством). Или же время предстает как **длительность** (например, через понятие “функции”), а состав (например, “морфология”) — как специфически рассмотренная **протяженность**. Наш закон устанавливает **хронотопическое единство**, в котором процесс жизни системы закономерным образом связан с ее квантированным устройством и поэтапным доминированием единиц состава.

У этого закона есть как **прямой**, так и **обратный генетический смысл**. В той же мере, в какой в жизненном цикле системы *в определенной последовательности принимают участие* уже существующие элементы данной системы (подсистемы), эти подсистемы могли и породиться, возникнуть.

“**Переключение доминирования**” с ячейки на ячейку “ящика со состава” происходит из надсистемы при помощи программы, запускающей “сценарий” истории. Это — “узловая линия мер” для подсистем, но иначе выраженная. В качестве программы она проявляется в таких понятиях, как **цель** или **назначение** данной системы, и может быть понята как **жизненная программа данной системы**.

Каждая точка цикла обеспечивается своим набором компонентов.

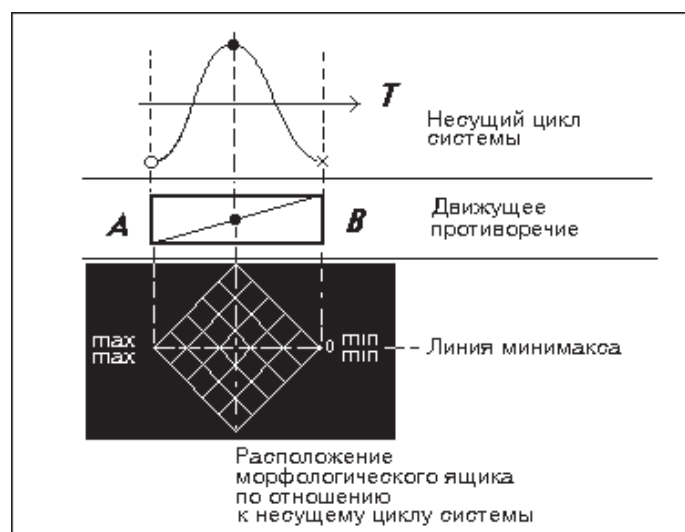

Рис. 14. Закон связи матрицы состава с несущим циклом системы.

Если пройти по основным точкам цикла, то обнаружится и второй закон — закон неравномерности распределения единиц состава во времени. Он демонстрирует распределение свойств внутри целого и прямо связан с **законом распределения** Мандельбротта — Лотки — Лоренца — Парето — Ципфа — Юла. При таком взгляде мы получаем определенный **спектр состава системы** (см.: работы А.И. Субетто [252-272]).

Поделим “ящик состава” на простейшие четыре блока. Перед нами — инвариант “четверки типов”, имеющий важнейшее значение в логике [17; 181; 183]. Он позволяет проследить, как последовательность доминирования ячеек морфологии (из четырех типов) связывается со сценарием цикла (поэтапное доминирование трех подсистемных фазы в одном цикле). В совокупности это создает видимое **удвоение типов в среднем цикле**.

Это уникальное выражение “закона распределения” *целочисленно*, связывает инварианты тройки (предельно простое выражение цикла) и четверки (предельно простое выражение связанности состава). Здесь очевиден путь в пространство ментальных моделей [21]: закон выражен не только Словом, но и Числом (и шире — математически), а также языком волновых колебаний (цикличности).

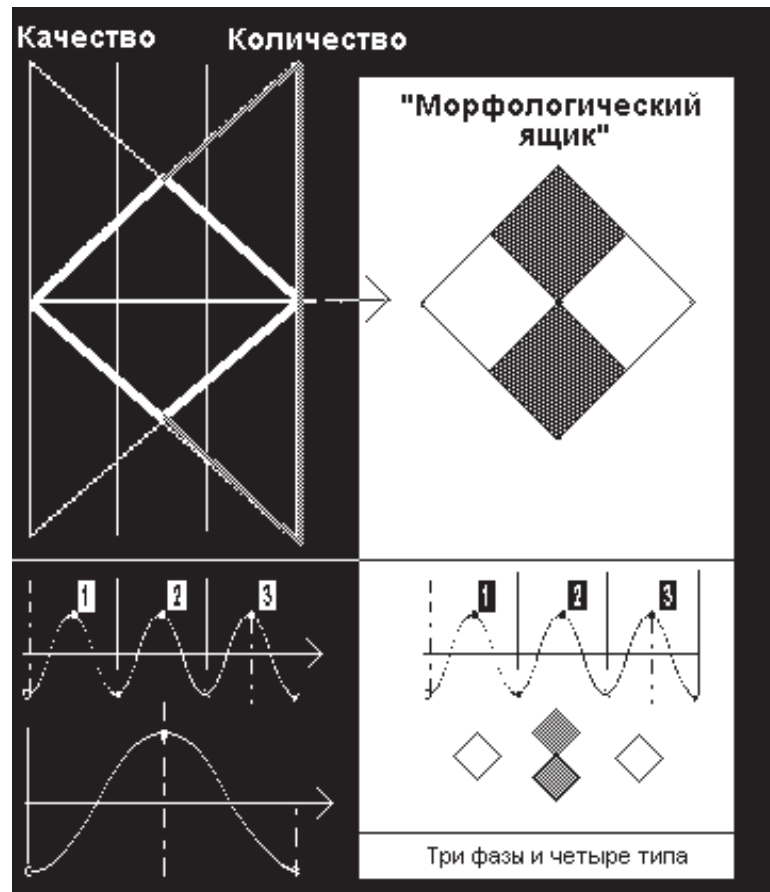

Рис 15. “Ящик состава” — четыре типа и их отношение к трем подсистемным фазам.

В истории закономерностей больше, и они сложнее, чем наше плоское представление связи состава и цикла. Если циклов много, а состав инвариантен, то *содержательно* в ячейках матрицы накопление идет квантами и имеет еще и другую мерность. В этом случае накопление состава можно изобразить как **трехмерный “ящик”**: каждый новый виток развития добавляет свой *новый слой* в трехмерную матрицу состава. Законченный акт приращения подсистемного качества есть заполнение одной морфологической ячейки за некоторый подсистемный цикл. Отсюда — более сложный закон связанности ячеек состава с подсистемными циклами, четко проявленный в трехмерной модели.

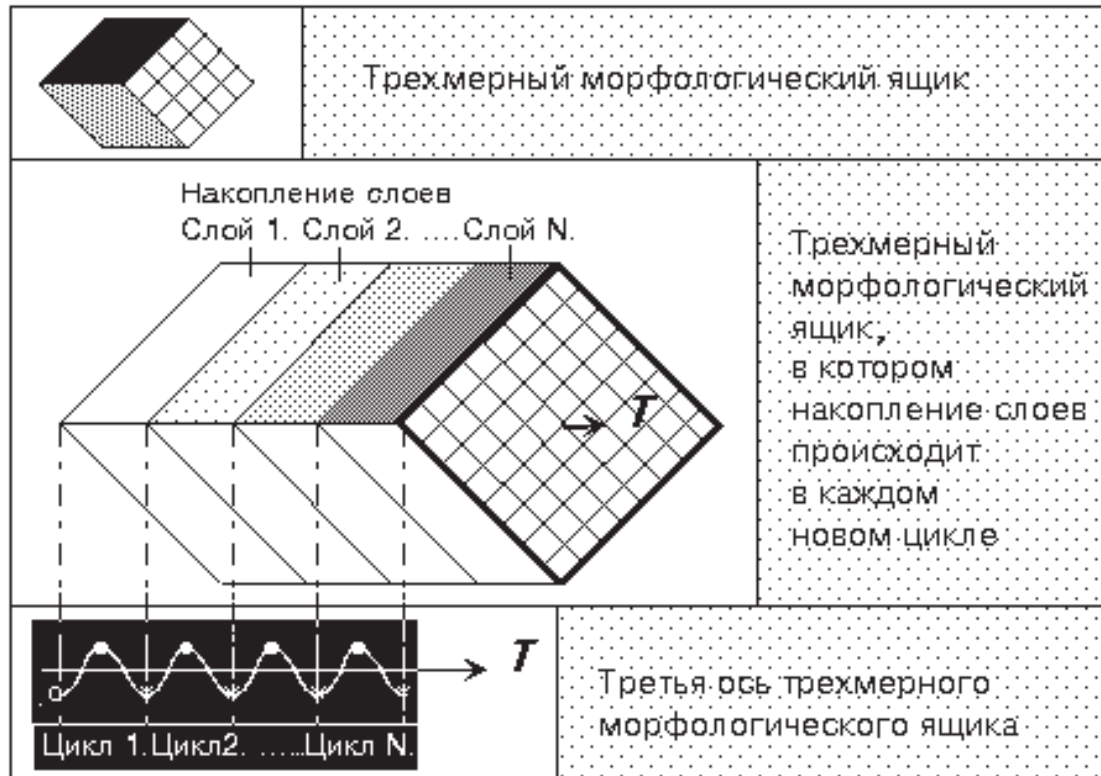

Рис 16. Трёхмерный "ящик состава" системы и его связанность с циклами (узловой линией мер).

Мы скрестили две ранее представленные модели и получили новый аспект содержания. Практически можно продолжать их скрещивать друг с другом — при этом получатся дополнительные оттенки значений. Но изложить все варианты с комментариями невозможно технически. Во-первых, многое отражено в наших опубликованных работах; во-вторых, мы сводим эти варианты в итоговые таблицы в конце главы.

1.3. Философские проблемы динамического исследования

Мы поставили в качестве главной задачи поиск инвариантов. Ввиду этого мы опускаем все ходы, приближающие нас к искомым инвариантам, поскольку они изложены в серии монографий. Что касается данной темы, то это — “Формула истории” [23].

Если довести выжимку до сухого остатка, то остаются три ключевых динамических понятия: **развитие, необратимость и направленность**. Понятия развития, необратимости и направленности заложены в любой завершённой системе воззрений на мир. Их философский анализ, если говорить о работах последних десятилетий, был дан в работах Л.А. Зеленова [30; 107-112; 193], А.М. Миклина и В.А. Подольского [192], Е.Ф. Молевича [196], А.И. Субетто [265], А.Е. Фурмана и Г.С. Ливанова [298].

Прямых определений развития очень мало, зато аспектных, напротив, много. Мы избрали главные, с нашей точки зрения.

Развитие внутренне обусловлено

Само понятие **развития** во многом связано с понятием *качества и его динамической составляющей*. Основой для понимания качества в развитии является представление о ступенях качества:

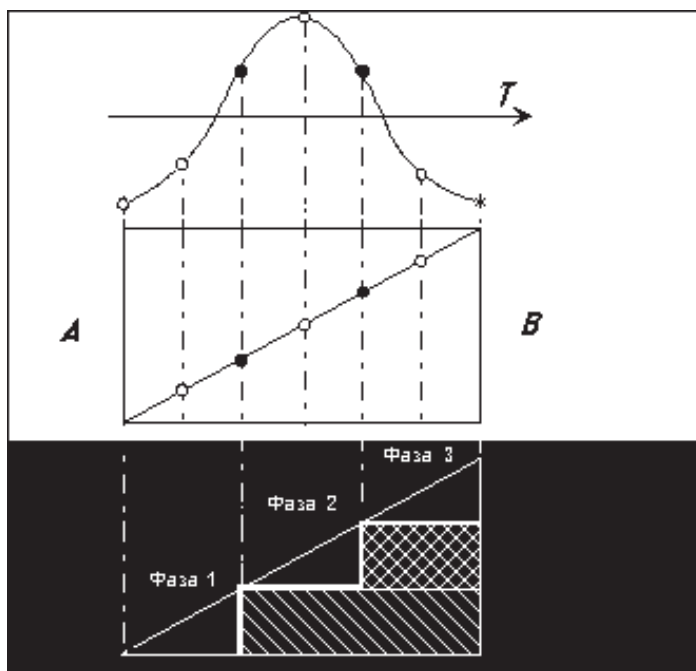

Рис 17. Три фазы цикла как ступени накопления качества.

Развитие включает в себе ряд последовательных преобразований. Ступени качества проявляются как непрерывно-дискретная функция: развитие **непрерывно по сути и дискретно по проявленности**.

Механизмы, обеспечивающие развитие

Рассматривая гегелевское “снятие” как “наследование” в процессе развития, можно провести аналогию с генетикой систем. При сохранении в новом *качество предыдущего цикла* уходит в потенциальное основание данной системы; таким образом, качество “уплотняется” и накапливается в некоторой последовательности. В системогенетике, акцентирующей момент преемственности в развитии систем, это отражает “обобщенный закон Геккеля”, введенный в науку А.И. Субетто [265]. Подобное “сохранение положительного” и

создает предпосылки для увеличения системной сложности. Сохранение и накопление положительного предполагает наличие пригодных для этого *генетических механизмов*. “Сохранение положительного” (в основе своей *эволюционно положительного*) уже содержит идею прогрессивного развития (где есть и дополнительность в виде “отрицательного” — регресс).

Неравномерность и измерение интенсивности развития. Можно отметить, что закон перехода количественных изменений в качественные фиксирует как минимум две стороны развития: **эволюционную** (накопление количественных изменений в структуре системы) и **революционную** (непрерывные скачки в развитии систем). **Скачок качества** есть форма развития, связанная с изменением интенсивности процессов в системе, о чем мы подробно говорим при анализе *кризисов в развитии* [23].

Всякое развитие *неравномерно*, и этот закон мы уже трактовали в системных терминах “состава и структуры”. Но можно это сделать и фазово. Так, в **фазе становления системы** есть масса возможностей, пустых ячеек структуры, которые быстро осваиваются (заполняются). Здесь ключевым для динамического анализа является определение “быстро”, ибо оно характеризует *интенсивность процесса* на данном этапе (отсюда, в частности, происходит “ускорение” в социальной жизни). При достижении *системной оптимальности* (*гомеостатическая фаза*) структура системы полностью насыщается и система приобретает нормальный для нее темп жизни. Далее количественные накопления приводят к такому *перенасыщению структуры*, при котором эта перегруженная структура начинает *препятствовать* росту количественных накоплений, и тогда наступает кризис — качество системы скачкообразно меняется. Система приходит к замедлению темпа жизни (отсюда, в частности, происходит “застой”), к стагнации (почти нулевой темп) и к гибели (нуль темпа).

Вариативность развития

Все разнообразие типов развития уже не удерживается гегелевской “узловой линией мер”, мы ничего не знаем о вариантах ее сценария. Этот недостаток восполняет теория “мерогенеза” [244], где количество и качество могут иметь сколько угодно потенциальных вариантов сочетания друг с другом и точно установленные сценарии развития.

Индикаторы

Существует целое семейство определений развития через индикаторы. Например, еще в работах начала 60-х годов [109] Л.А. Зеленев выделял парные категории “*устойчивость — изменчивость*”. Ее мы обнаружим и в основании генетической парадигмы [64; 218; 258], выраженной в терминах поведения системы. Эта пара модифицируется и может приобретать вид перпендикулярных векторов “*изменения и сохранения*”, где третье — “вектор развития”. Введя шкалы по двум векторам, развитие можно изобразить как совокупность микрошагов, в виде ступеней, и получить **ряд связанных ступеней развития** [95; 135]. Это **инвариант ступеней** и основа гегелевской “узловой линии мер”:

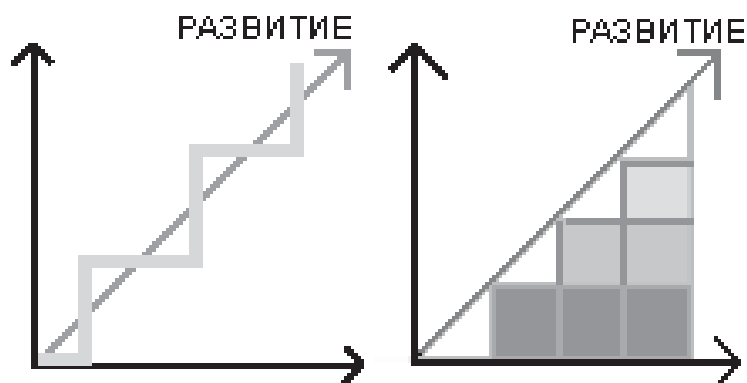

Рис 18. Различные способы представления ступеней развития.

Развитие и изменение

Противоположностью квантированному будет *развитие, понимаемое как поток, как непрерывная последовательность изменений* (взгляд А. Бергсона [48]). Например, так может трактоваться смена структурности системы, рассмотренная как **поток изменений**.

Изменение предстает как более многозначное и иногда даже более общее понятие, чем “развитие”.

Оно связано с *характеристикой необратимости*, не отрицающей возможности сохранения достигнутого. Отсюда следует и *понимание развития как возникновения качественно нового* — одного из самых сложных определений при всей его кажущейся простоте.

При введении в поле показателя “изменение — сохранение” субъекта на векторной плоскости проявляется **цель**; следовательно, развитие способно приобретать характеристику “целенаправленного изменения”. Его рассматривает И. Пригожин [210].

Само обращение к векторности приводит трактовку развития к некоторому логическому кругу. Существовали попытки *обойти векторность* и определить развитие несколько иначе. Развитие, по Б.М. Кедрову, есть *функция от направленности, тенденция, тяготение к чему-либо*: “если движение есть изменение вообще, то развитие предполагает определенную направленность в движении предмета, определенную тенденцию в его изменениях” [135, 124].

Характеристики развития через пару “прогресс — регресс”

Развитие может пониматься через системные понятия как **последовательность в смене одних уровней организованности другими**. В системно-структурном анализе встречается сведение критериев развития к **восходящей иерархии**. Идеи идут от первых биосистематиков, но таковы и взгляды современных исследователей биоэволюции — И.И. Шмальгаузена, К.М. Завадского, Б. Ренша, А.А. Любищева [64; 218; 258], а также таких исследователей НТР, как В.Г. Марахов, Ю.С. Мелещенко и др. [266]. Это — абсолютизация и **отождествление понятия развития с прогрессивным изменением**. Между тем “развитие” включает в себя и регрессивные изменения, и *нисходящие иерархические процессы*. В своей полноте “развитие” должно рассматриваться именно так — во всех вариантах.

В пределах известного нам мира в конечном счете любой регресс оказывается локальным, а развитие (*как процесс появления усложнения в системах и в системном мире*) в конечном итоге выступает как усложняющаяся восходящая иерархия. Важно помнить, что это происходит лишь *в конечном итоге* и исключительно на нашем отрезке истории. Рост системной сложности на макроуровне иногда и определяется как вектор развития.

Рассматривая категорию “развития” как модус более общей категории “движения” [23; 109], зафиксируем ряд специфических черт развития и его отличия от близких по смыслу категорий:

- развитие отличимо от “**изменения**” иерархически, *изменение выступает как более общее понятие*;
- развитие отличимо от “**преобразования**”, *которое сопутствует ему*;
- развитие *включает в себя понятие “процесса”, но не сводится к нему одному*;
- *частными случаями развития являются “прогресс” и “регресс”, они всегда локальны (так, разделение цикла на две полуфазы может условно трактоваться как прогресс и регресс — это виды изменений одной и той же системы)*;
- *снова-таки частными случаями развития является “дивергентное развитие” и “конвергентное развитие” (это — случаи, когда в системе, соответственно, увеличивается или уменьшается разнообразие). Данная трактовка прямо связана с составом системы.*

Если обобщить определения развития через парные индикаторы (изменение — сохранение, прогресс — регресс, дивергенция — конвергенция и т.д.), то можно получить, по сути, *одну иерархически организованную матрицу индикаторов развития*.

Уменьшая всеобщность категории развития для наших исследовательских целей, необходимо придать ему *новые характеристики: это — необратимость, преемственность, (историческая) связь изменений, направленность*. Понятия направленности и необратимости, хоть и связываются в определении развития, сами по себе не пересекаются.

Необратимость

Анализ развития всегда наталкивается на *понятие возможного*, на дуальность **обратимости и необратимости**. Шаги развития, возвращаясь к ступенчатому его пониманию, требуют *фиксации необратимости*. Между тем в биологической эволюции доказано и существование процессов возврата, частичной деградации, поворота вспять. Но происходит это всегда только в локальной ветви, в конкретной зоне, а не в биологической эволюции в целом [64].

По выражению Н. Винера, прогресс создает не только новые возможности для будущего, но и новые ограничения, то есть возможное в развитии дополняется *запретами*. Запреты не дают скатиться к деградации. Отметим, что запреты снова-таки приводят нас к понятию *“направления”*, невозможности возврата к уже бывшему. Для социальной философии это не праздный интерес: именно здесь кроется ответ на вопрос: а возможна ли (и если да, то каким образом осуществляется) смена пути развития в обществе, если оно вдруг “пошло не в ту сторону”? Это вместе с тем объясняет и все “табу”, присутствующие в механизмах культуры.

Понятие необратимости развития связано с *тремя модусами времени*: прошлое, как известно, необратимо, будущее есть поле для проявления свободы воли, активности субъекта, оно вариантно. Отношение к трем модусам времени в ракурсе “искусственное — естественное” задает ту или иную культурологическую позицию — от понимания культуры как преемственности до ее отрицания вообще [21; 29; 112].

Развитие включает в себя феномен необратимости [196; 298], но для современного философского осмысления мира этого недостаточно, потому что материя перестает быть в системе научных и философских представлений пассивной. По И. Пригожину [210], пассивная материя не способна породить Вселенную. Активность, с этих позиций, как бы перемещается от живого мира, где она всегда признавалась важнейшим атрибутом, ко всему миру в целом. Возникает новая **креативная онтология мира**, развиваемая, например, А.И. Субетто [261; 270]. Исходя из подобного представления, можно признать, что “всеоживленность” (или “панпсихизм”) этого Универсума присуща всем его ярусам [289]. Наличие такого понимания делает возможным изучение **жизни** общества, представление его как живого надорганизма, по устройству и функциям другого, чем известные нам ранее.

Направленность

Она линейна и векторна, она выступает как атрибут, присущий развитию. Её можно представить как соотношение с неким эталонным вектором. Но направленность процесса, который мы изучаем, не условна, ибо *вектор есть итоговая суть процесса*.

Направленность мы определяем, изучая процесс, и при этом *ничего о его обратимости или необратимости сказать не можем*. Даже в случае очень тщательной научной реконструкции, построения многих качественных ступенек, уходящих в прошлое, мы ничего не можем сказать *о возможной обратимости или необратимости* изучаемого. Это, действительно, философская, а не узконаучная проблема. И еще вопрос, имеет ли она однозначное решение.

Что касается способа фиксации развития, то мы представляем развитие в разнообразных проявлениях на всех “экранах”:

- как поток квантов (точки) и как непрерывность (волна);
- как уровни циклов и как структурные уровни;
- как фазы и как ступени;
- как состав системы (например, морфологию) в связи с циклом.

Суммируя основные моменты сказанного, можно определить **развитие как процесс необратимых и направленных изменений, порождающих новое, но вместе с тем — и как поток или последовательность фаз**, то есть и статически и динамически.

Высшую форму развитие приобретает в деятельности. Деятельность выступает как **высшая форма способности предметов к взаимодействию**. Один из предметов взаимодействия здесь эволюционно становится универсальным по свойствам, а отсюда — и по способностям, он может вступать во взаимодействие со всем предметным миром. **Деятельностный ракурс проблемы развития** мы рассматриваем в двух наших монографиях [15; 23].

Обобщение инвариантов статики

Подводя итоги, мы можем выделить в статике такие устойчивые статические **инварианты**, как:

1. **иерархию**, противостоящую центрическому взгляду на мир;
2. количественно-качественную **матрицу состава**, “ящик состава” (способную предстать в качестве системного **спектра**);
3. самостоятельный инвариант восходящих **ступеней** (суть которого — соединение качественных уровней по вертикали и временной последовательности по горизонтали, т.е. это — инвариант комбинированный, не просто статический).

Развивать подробно такие сложные инварианты, как, например, “иерархию” или “ящик состава” достаточно легко: этому посвящена большая литература, к сожалению, в основном переводная.

Так, старая гегелевская проблематика иерархии, поднятая в свое время еще в работах А. Богданова [53], сегодня хорошо развита до общесистемного уровня у М. Месаровича, Д. Мако и И. Такахары [187], она доведена ими же до сложнейших математических моделей [188].

Понятие о матричном устройстве состава очень важно в теории проектирования, и серьезно осмыслено в прагматизме Д. Дьюи [116]. Это понятие подробно анализирует специалист по методам проектирования Дж. К. Джонс [94]. Оно же фигурирует как инвариант и в работах по теории изобретательства Г.С. Альтшуллера [27].

Что касается инварианта “ступеней” и знаменитой “ступенчатой функции”, то без нее, с легкой руки Ф. Энгельса, вообще не обходилась ни одна работа по философии советского периода. И тем не менее, особого осмысления эта модель не получила и ее двойной статус отмечается впервые нами.

§ 2. МЕТАТЕОРИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ

Для построения *концепции системного генезиса общества* мы создаем методологию, соединяющую совокупность принципов философии и системогенетики, и устанавливаем связи, ведущие *от системогенетики к философии*.

Чтобы составить представление о **ядре общей системогенетики**, изберем **мета-теоретический ракурс** [109], в котором есть следующие разделы:

- **предметология** — учение о предмете данной науки;
- **системология** — учение о системе предмета данной науки;
- **методология** — учение о методе данной науки;
- **номология** — учение о системе законов данной науки;
- **терминология** — учение о категориях и терминах данной науки.

Кроме того, сюда включают **историологию** [21], **праксеологию** и **семиологию**, которые здесь не рассматриваются. Представим краткий обзор ключевых разделов метатеории системогенетики.

2.1. Предмет, терминология и методология системогенетики

Перечислим характерные *определения системогенетики*, имеющие предельно общий вид [266].

1. Системогенетика — это новый **интегративный комплекс** в науке, ориентированный на выявление закономерностей наследования в системах.

2. Системогенетика — это **инвариант системы законов** преемственности и обновления в развитии, отражающий общее для разных областей научного знания.

3. Системогенетика — это **внутреннее содержание эволюции**, определяющее механизм ее движения.

В термине “системогенетика” содержится характерная двоичность: она исследует как **системные** инварианты, так и всеобщие **генетические** закономерности, но главное заключено в способе их связанности. Подойдем к общим определениям.

В основе исследования системных инвариантов лежит понятие “**система**”. Все в мире может быть понято как система. *Системность* в философском освещении выглядит как конкретный “срез” через ведущую *категорию системы (системная онтология)*.

Определения системы

Дадим совокупность определений системы на основе инвариантов числового ряда “2 — 4” [17].

Единица, или система как Монада

Категория системы сопряжена с **категорией целостности**, присущей всякой Монаде. *Системность подразумевает целостность*, причем разного рода определения системы (скажем, телеологическое, через “цель”) в конечном итоге могут быть сведены к данной формулировке (“цель есть целое”). Такой подход задает *принцип системности мира* и любого его фрагмента как онтологический. У истоков его стоял Аристотель, с его **принципом целостности**, т.е. несводимости качества целого к качествам его частей. В данном преломлении он звучит как *принцип системной целостности* и задает *квалитативный ракурс*.

Парное определение системы

В.Н. Садовский проанализировал более сотни определений понятия “система” [230], но единого, как и в случае с понятием “информация”, нет [317]. Зато в них есть сходное: наличие в системе **элементов и их отношений, состава (компонентов) и структуры**. Отсюда следует онтологическое понимание системы [109] как “*единства состава и структуры*”, или “*системы как структурированного состава*”.

Парность в структуре и поведении систем

“**Структура**” осмысливается через пару *компонентов* “*изменчивость — устойчивость*” [265], связанных с модусами времени “*будущее — прошлое*”. Это — акт модификации структуры парой, в результате которого возникают “**структурная изменчивость**” и “**структурная устойчивость**”.

Механизм их совместной работы таков: система “передает” в надсистему границы, что задает ее потенциал *изменчивости* (будущее). Это — потенциал “преадаптации”, т.к. будущее материализуется в форме накопления *потенциала преадаптации системы* к своей надсистеме в будущем. В подсистеме система “передает” потенциал *устойчивости*, который есть прошлое, поэтому *структура системы есть накопитель прошлого времени*.

Отсюда — ряд свойств: **чем жестче структура, тем больше инвариантность системы**, и наоборот, чем менее жестка структура, тем больше изменчивость в поведении системы.

Прошлое материализуется в разнообразных формах **стереотипизации**, в системной памяти, в поведенческих *нормах*. Например, первая сигнальная система человека содержит эволюционно апробированные образцы поведения в “стандартных” ситуациях, присущих среде Земли. Стереотипы присущи и культуре, мы не раз упоминали об аналогичной стереотипизирующей роли ритуалов и традиций.

Структура, определяющая взаимодействие подсистем на нескольких ярусах в процессуальном контексте, предстает как *механизм формирования нового качества целого*.

Здесь рассматривается суть теории системных кризисов, например социальных революций: это — *коренное изменение структуры системы* с целью увеличения в ней будущего, надсистемного; само изменение состоит в резком упрощении структуры, в котором содержание едва оформлено, а информация едва овеществлена. Это — фаза внедрения новаций, активной проективности, разрушения стереотипов. В такой момент скорость социальных процессов (заполнение потенциальных “ячеек” структуры) максимальна, а система *предельно изменчива* и подвижна.

Обратным состоянием будет “застой”, который характеризуется прямо противоположно: стереотипизация, практически неподвижная, предельно усложненная структура с полностью заполненными ячейками, формальная и бессодержательная, опутанная своим прошлым. Система устойчива, но ее устойчивость исторически иллюзорна.

По Э.М. Сороко, *любая система есть пульсирующий биполярный осциллятор* — и таков весь системный мир, **биполярный универсум** [244]. По форме это близко к **категории Дао**, по В.П. Казначееву [128], и к первому закону диалектики, по Б.М. Кедрову [135].

Удвоенность может проявляться в любых системных проявлениях, мы собрали их целую коллекцию на всех ярусах мира [17].

Вертикальная пара, создающая жизнь цикла системы, — надсистема и подсистемы — создает и основания для выявления ее в биполярности. На пути конкретизации вертикальной пары, при иерархическом взгляде, обнаруживаем в каждой системе элементы, несущие в себе прошлое, и элементы, несущие в себе будущее. Их наличие связано с парой “устойчивость — изменчивость” в поведении системы. Устойчивость “прошлых” и изменчивость “будущих” элементов обеспечивают пульсацию системы, что и создает *биполярную осцилляцию*. “Элементы будущего” системы непрерывно диагностируют среду и потом переводят ее в эволюционный пласт развития, а “элементы прошлого” системы обеспечивают ее устойчивость. Однако устойчивость может принимать и более высокую, эволюционную, характеристику — выступать как *устойчивость развития*, а не только как устойчивость функционирования. Эти пары понятий — пересекающиеся.

Частотный спектр системы

Из положения “система обладает структурой” можно сформулировать два подхода в отношении **структуры**. Это — *спектр*, понятие, отражающее закономерности пульсирующего разнообразия внутри системы, и *структурная гармония системы*, характеристика способа ее организации.

Частотный спектр системы отражает ее *подчиненность распределению* пространственных, временных и качественных характеристик. Он отражает разнообразие ее состава и связан с понятием *жизненного цикла системы*. Цикл выступает как *акт системного классифицирования*, производящий ряд таксонов.

Система принимает на себя воздействие *надмира* и осуществляет их преобразование в форме классифицирования (модифицирования). **Частотный спектр системы** служит характеристикой ее как “*фильтра*”, *осуществляющего классифицирование*. В этом смысле **структура** системы есть классификационный оператор.

Каждая система характеризуется своим частотным спектром. Частотный спектр системы описывается **распределениями Мандельбротта — Лотки — Лоренца — Парето — Ципфа — Юла**. На это обращали внимание Ю.А. Шрейдер [314], Э.М. Сороко [243], Б.И. Кудрин [149], а обобщил закон А.И. Субетто [266]. Закон распределения в нашем варианте связан со строением состава и циклом системы.

Спектр двояк: от системы к надмиру ведет *длиннопериодная часть спектра*, от системы к подмиру — *короткопериодная*. Такое понимание спектра задает нашу последующую трехуровневость: надсистемные циклы, системные циклы, подсистемные циклы, — что есть в совокупности минимальный волновой “спектр системы”.

Структурная гармония систем

Представление о структуре системы как о *свернутом времени* существовало еще в палеонтологии и геохронологии Ж. Кювье [64], но впервые научно зафиксировано в геологическом принципе Стенона [215], в соответствии с которым **прошлое** геологическое время *идентифицируется по неоднородности* строения литосферы. Сюда же можно отнести и *принцип актуализма* Ч. Лайеля [150]. По неоднородности пространства здесь реконструируется сценарий времени. Еще более развернутую характеристику времени дает понятие “темпа”: это — представления С.В. Мейена [184] о **темпофиксации** и **темпопарации**, положение о *специализации времени* как выражении временных характеристик через пространственные, учение о циклитах в литомологии. Речь здесь идет о “ставших системах” или о ставшей части системы.

В понятии “хронотоп” время и пространство взаимоотображены что достаточно проявлено в эстетическом (М.М. Бахтин [43]), где произведение искусства выступает как хронотопо-концентратор. Отсюда — наш основной прием, примененный в третьей главе: декодирование ментального содержания через анализ форм в искусстве.

Структурная модель системы осмысливается через “симметрию” во временном (хроногармония) и в пространственном видах (пропорции в структуре системы, пространственная гармония и т.п.). **Идея симметрии** выражена в системе взглядов Э.М. Сороко на структурную гармонию систем. От понятий “мера” и “узловая линия мер” (Г. Гегель) Э.М. Сороко переходит к понятию **мерогенеза** [244], доказывая подчиненность гармонии систем рядам Фибоначчи. Мы различаем три типа логик меры, центральная из которых — “органическая” [17]. В несколько ином ключе Ю.А. Урманцев [285] рассматривает идею симметрии в троичности, дополняя ее асимметрией и диссимметрией, что полностью совпадает с нашими взглядами. Мысль о том, что диссимметрия (как сочетание симметричных и асимметричных начал) является основой жизни, высказывал еще В.И. Вернадский [59].

Пределы системного мира

На основе пары “изменчивость — инвариантность” можно установить пределы системной вертикали. **Изменчивость** дает рост динамики, а **инвариантность** выступает причиной замедления движения. *Чем больше цикл, тем сильнее действие инвариантного начала (устойчивость системы как сдвиг в сторону больших циклов), чем меньше цикл, тем быстрее скорость процессов в системе (изменчивость как сдвиг в сторону более коротких циклов)*. Это можно считать одним из самых важных **индикаторов поведения систем**, например социальных.

Пределы по вертикали системного мира: вверху все инвариантно самому себе, *скорость равна нулю, время исчезает*. Внизу исчезает *преемственность*, нет наследования, скорость течения процессов бесконечна — *время тоже исчезает*. Отсюда следует, что *мир конечен*: есть самая малая и самая большая скорости изменений, есть предельно большая и предельно малая системы в системном мире. Именно парность задает нам в самом общем виде все мерные шкалы для наших индикаторов и маркеров [8].

Тройка в определении системы

Любое дополнение к паре будет задавать новый ракурс и превращать определение системы в трехчленное. При этом начинают работать все известные нам свойства тройных моделей [44]. *Три иона тройки* порождают три возможных варианта определений системы: вертикальную тройку, горизонтальную тройку и их комбинацию.

В системогенетике сложилось устойчивое представление: “Система есть единство элементов и структуры (совокупность элементов и отношений), определяющих целостность” [265], — опирающееся на формулу “2+1” (“Монада, помещенная между сторонами Дуады”). Здесь *пара* (компоненты и структура) просто соотнесена с *монадным свойством* (целостность), принадлежащим системе как третьему.

Как только мы переходим в чисто **вертикальное измерение**, то говорим о системной онтологии — об **иерархичности системного мира**. Возникает иерархическая модель “надсистема — система — подсистема” (“надмир — мир — подмир”).

При анализе *метаменталитета* мы обнаружили, что этот взгляд присутствует в нем начиная с самых древних ментальных систем на Земле. Иное дело — его философское и особенно рациональное осознание и выделение: оно происходит медленно и лишь по мере приближения к XX веку постепенно превращается в общенаучный принцип. Окончательное свое закрепление этот принцип получает именно в системогенетике, где системы, находящиеся на трех уровнях иерархии, обнаруживают отношения “**вложенности**” друг в друга. Можно сказать, что только сейчас в науке формируется особый “мир систем” — иерархизированный системный мир, где всякая система может быть рассмотрена **имплицитно**, то есть вложенным образом.

В методологии мы различаем два аспекта: **вложенность** систем и **иерархическое устройство**, сопутствующее вложенности. Системная онтология подчеркивает лишь вертикальность — мы же считаем, что они *равновозможны*. Антропоморфно сама “*вложенность по вертикали*” привязана к схеме осей плоского креста, а крест — к человеку [202]. Данная модель лежит в основе менталитета [21].

Выделение “системы” в иерархическом (трехуровневом) вертикальном системном мире становится *актом системного познания*: чтобы выделить “систему”, нужно отделить ее в иерархии системного мира от “надсистемы” и “подсистемы”. Иерархия лишь маркирует три системы, выстроенные в вертикальном измерении, в целом *системная онтология* статична.

В работе Г.П. Мельникова [185] было введено в научный обиход понятие “**альтитуда**” (от греческого “**альт**” — “высота, глубина”). Системогенетическая альтитуда — это *количество всех системных надуровней и подуровней, включенных в исследование*. Предельно простой для тройной альтитуды, трех миров [187], является модель “**надсистема — система — подсистема**” [27]. Но за уровнями “над” и “под” на самом деле может скрываться сколько угодно уровней вверх и вниз, например мы уже приводили примеры пятиуровневости (система, два уровня в “надсистеме” и два — в “подсистеме”).

Альтитуда — богатое и емкое понятие, которое разворачивается в свой ряд сопутствующих приемов. Так, *акт декомпозиции* раскрывает **внутреннюю альтитуду**. Декомпозиция может производиться до того уровня, где элементы являются носителями *закона функционирования* данной системы. Взгляд из системы в надсистему аналогичным образом открывает нам **внешнюю альтитуду** — набор надсистемных уровней, на их основе определяются структура и функции системы.

Модели-кентавры

Комбинированный характер имеют “модели-кентавры”, в которых либо на вертикальной модели задается неправомерная горизонтальность (условное “время”), либо наоборот, горизонтальной (временной последовательности) добавляются неправомерные в данном ракурсе статические свойства.

К *понятиям-кентаврам первого рода* принадлежит **функция**. В горизонтальном измерении **функция** выступает как главная характеристика процессуальности, “поведения”, что само по себе уже содержит вертикальный, надсистемный, взгляд на эту систему. *Функция* есть проявление уникального **качества** системы, ее **целостности**. “Функция” в обоих измерениях остается “понятием-кентавром” и обнаруживает два смысла: в вертикальном мире — процессуальный, а в горизонтальном — иерархический.

Применение понятия “функция” дает **три типа анализа системы**: компонентный, структурный, функциональный. Его же по частям изучают в двух парных отношениях: “функция и структура”, “функция и морфология”, — что задает два известных варианта системного анализа (функционально-структурный и функционально-морфологический).

Тройная модель может быть переведена в статико-динамический вариант: “двое порождают третье”. *Надмир* и *подмир* здесь выступают как причинная пара, порождающая живущую систему, *мир* (третье).

Близкий ракурс отображен в гипотезе “двух наследственных потоков”, или программ, идущих к системе “от будущего” и “от прошлого” [256]. Слияние их демонстрирует структурно-генетическую модель, обладающую каузальностью и позволяющую перейти к циклической трактовке системы. Таким образом, сам “цикл” становится как бы формой синтеза двух иерархических потоков [266]. Из **надсистемы** в систему приходит **закон связей между компонентами** системы, а **из подсистем** берутся сами ее компоненты. Закон связей — закономерный таксон в непрерывно-дискретной последовательности надсистемы, генетическая разновидность надсистемных таксонов. Компоненты — актуально модифицированные элементы морфологии (например, прошлой, потенциальной, системы). Надсистемные связи есть то, что “наследуется из будущего”, а подсистемные компоненты есть то, что “наследуется системой из прошлого”. Это совпадает по смыслу с тройкой “*информация (связи) — энергия (сама система, ее жизнь) — вещество (компоненты)*” и дает возможность сконструировать альтитудное определение системы: **система как настоящее есть синтез, взаимопроникновение, “застывшая волна” между прошлым и будущим**.

Горизонтальная тройка переводит нас во временное измерение. Определяя систему как “третье”, возникающее при взаимодействии двух иерархически противоположных начал, мы сочли, что **всякая пара, порождающая третье, есть вертикальная пара** (проявление надсистемы и подсистемы). Структура и состав системы трактуются нами именно таким образом.

Наличие **трех типов** здесь выражается *обращением вертикальной иерархии на горизонталь*, в результате чего мы получаем **три подсистемы** с характерными свойствами. Применительно к ним вертикальная иерархия “опредмечивается” **в горизонтали**. В жизненном цикле системы возникают три подцикла, связанных с последовательным доминированием трех качественно разных подсистем. **Первая фаза** цикла (подсистема будущего) качественно связана с влиянием альтитуды надсистемы, а **последняя фаза** (подсистема прошлого) — с властью альтитуды подсистем. **Средина** обнаруживает собственно системное качество (ту же, *гомеостатическую, фазу* можно трактовать как момент, когда надсистемные и подсистемные влияния взаимоуравновешиваются). Средина, как можно понять, наиболее богата, ибо в ней проявляются одновременно *как одно, так и другое влияние*. Это, кстати, и порождает **четверку типов**: начало единично (надсистемное влияние), средина удвоена (и над-, и подсистемное влияние), окончание снова единично (подсистемное влияние). Такое, трехфазовое, определение — горизонтальное.

Три вида троичности: горизонтальный, вертикальный и “смешанный” — выводят нас на четыре типа [17]. Системные “четверки” не прибавляют к сказанному ничего нового. Если не считать уже упомянутых “**четыре типа анализа системы**”, по Л.А. Зеленову [109], в области содержания здесь практически нечего обсуждать в системном срезе.

2.2. Элементы генетической парадигмы

Особенностью системогенетики является концептуализация категорий “развитие” и “эволюция”. Но есть и более общее, родовое для них, понятие “генезис” [205]. В *генетической парадигме* существует своя совокупность связанных понятий со своей историей [23; 26]. К генезису можно подходить с нескольких позиций, изучать его в самых разных ракурсах, и все они будут обогащать его — таков наш **полифокусный подход**.

Поскольку в первом параграфе мы рассмотрели группу философских динамических понятий, а в следующем будем исследовать циклический тип генезиса, постольку тему циклогенетических понятий разворачивать здесь нет необходимости. Единственное, на чем здесь следует акцентировать внимание, — это инвариантность понятия “цикл”. Инвариант цикла дополняет два ранее введенных: инвариант “иерархии” и инвариант “состава системы”. Теперь у нас три методологически важных инварианта.

Блок, посвященный *разновидностям генезиса* [260], мы даем в сокращенном виде, потому что он не имеет принципиального значения для данной темы и отражен в нашей монографии [23].

Применение понятия “**система**” дает нам свой набор разновидностей генезиса. Если исходить из определения системы как структурированного состава [109], можно выделить *три типа* генезиса (*системогенезис*, *структурогенезис*, *генезис состава* системы). **Системогенез** (*эпигенез*) — процесс наследования и эволюции систем и системообразования. **Структурогенез** есть формирование и развитие структуры систем. **Генезис состава системы** фигурирует в литературе редко, чаще используется “морфологенез”. В рамках уровневой альтитуды мы изучаем **морфологию** как состав (уровень подсистем), а **конструкцию** — как способ связи элементов (компонентов) в систему.

Этот план — статический, но если к нему добавляется элемент динамики [109; 193], то возникают “системные четверки”. Таким четвертым обычно выступает *функция* — и можно говорить о *функциогенезе*. Его освещают в паре “**морфология и функция**”. **Морфогенез** предстает как процесс наследования и организации морфологической структуры, а **функциогенез** — как генезис функциональной структуры. Возникновение **функциональных инвариантов** в эволюции — результат многократно повторенного во многих циклах. Важнейшим результатом их взаимодействия является *полифункционализация морфологии и полиморфологизация функций*.

Объединим прочие точки зрения в две группировки: *уровни генезиса* и *способы генезиса*. Начнем с вопроса об уровнях, отвечая на него системно, через пары “целое — часть” и “внешнее — внутреннее”.

Пара “**целое и часть**”, как системно-уровневая, выводит нас на всеобщие понятия, имеющие таксономический и вместе с тем генетический оттенок, — *филогенез* и *онтогенез*.

Филогенез — эволюция *вида* (типа) систем.

Онтогенез — жизненный цикл (происхождение и развитие) данной *особи* (отдельной системы).

Через определение системы мы можем интерпретировать и два таких понятия, как “**телогенез**” (“телос” — “целостность”) и “**телеогенез**” (“телос”, “телеос” — “цель” как другое значение этого же слова). Они взаимосвязаны, как *цель — с целостностью*.

За **телогенезом**, как считает А.И. Субетто, стоит признание в эволюции и наследовании роли *активной адаптации*. Телогенез выступает как частный вид **системогенеза** по отношению к комплексам видов. Системогенез универсален: это — процесс наследования в эволюции систем и системообразования (формирования систем как целого).

“**Телеогенез**” — *генезис с целью*, под цель порождает свой ракурс. В качестве механизмов, реализующих *закон специализации*, выступают сразу два закона: закон **телеогенеза новых свойств** и **закон актуализации функций** в системе, сформулированный впервые М.И. Сетровым (см. [252]) как *категория организованности*. Продолжением его можно считать *функциогенез* (развивающий линию *от цели к функции* и далее, *от функции к структуре*).

Системогенез, телогенез и телеогенез связаны отношениями общего, особенного и единичного (как уровней качества). В этом же ряду можно анализировать важные проектные

связки: “целое — цель — функция — структура — состав” и “качество — цель — функция — конструкция — форма”.

“**Внешнее — внутреннее**” отражается в связанной паре “**мерогенез — гологенез**”.

Мерогенез, в понимании А.А. Любищева (биологическая систематика), есть *изолированное развитие* [260]. Это означает развитие в пределах некоторой постоянной “системной ниши”, например экологической, ниши экосистемы. Освоение такой ниши происходит “изнутри”. **Гологенез**, напротив, есть эволюция (наследование) в комплексах видов, то есть “извне”.

Мерогенез, по Э.М. Сороко, есть генезис систем в аспекте меры, *изменение меры* в процессе эволюции систем [244]. По смыслу данное понятие совпадает с любичевским: это — генезис в пределах меры.

Среди **способов генезиса** есть несколько парных типов.

Пара “**конкуренция — кооперация**” в переводе на язык генезиса становится парой “**селектогенез — адапциогенез**”.

Селектогенез — эволюция на основе конкуренции и естественного отбора.

Адапциогенез (телогенез) подчеркивает кооперативные свойства адаптации.

Тихогенез — модель эволюции, основанная на непредвиденных мутациях, *случайностях*.

Номогенез основан на признании в наследственности специфических *законов* развития, а следовательно, ограниченности формообразования. Суть его такова: *развитие не носит стихийного характера, оно канализировано*, оно всегда находится в определенном русле. Переживая второе рождение в ряде частных генетик, номогенез входит в число основных идей общей системогенетики.

Прочие типы мы здесь не рассматриваем, поскольку они имеют более специальную направленность.

Типы генезиса мы пробуем сгруппировать (подробнее см. [32]):

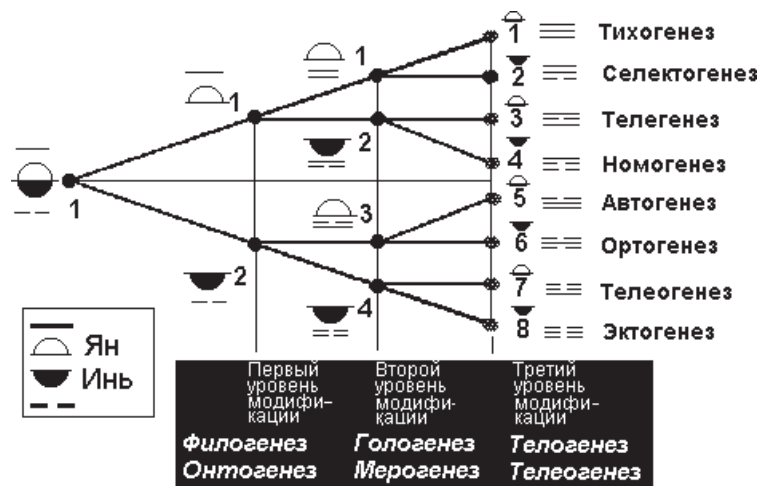

Рис 19. Система разновидностей генезиса.

Если расположить все выделенные **парные понятия** на цикле, то можно обнаружить, что они идеально привязываются к нему — как крайние тенденции (например, в начале социального цикла преобладает кооперация, в конце — конкуренция). Это дает нам возможность использовать их в качестве **индикаторов развития**.

* * *

Генезис по предмету порождает множество частных генетик. Что касается нашей темы, **социогенеза**, то это понятие мы рассмотрим во второй главе. Актуальное для нас множество специальных предметных генетик, связанных с нашей темой, — **социогенез, культурогенез, техногенез, антропогенез, интеллектогенез** и т.д. — мы осветили в серии монографий, но эпизодически будем обращаться к ним и в данном тексте.

2.3. Принципы и законы системогенетики

Прежде чем перейти к законам, упомянем о существовании двух принципов, универсально используемых системогенетикой: *принципа “поли-”* и *принципа “гетеро-”*.

Принцип “поли-” (множественности)

Он является ядром современного познания и противостоит монизму, хотя и не отрицает его, а скорее дополняет. Можно выразить его как известное требование всесторонности в исследовании предмета.

Связь *принципа “поли-”* с соответствующими понятиями, изложенными выше, создает параллельные ряды полипонятий:

Вложенность —————>	ПОЛИСИСТЕМНОСТЬ,
Иерархия —————>	ПОЛИИЕРАРХИЧНОСТЬ,
Генезис —————>	ПОЛИЦИКЛИЧНОСТЬ,
Время —————>	ПОЛИХРОННОСТЬ,
Пространство —————>	ПОЛИТОПИЧНОСТЬ.

Этот принцип мы последовательно реализовали в ходе исследования. Перечислим некоторые основные модели.

Глобальная полихронность представляет собой модель упакованного множества времен (от “астрономического”, космогенетического, времени — к геологическому, биологическому и к социальному временам).

Ментальная полихронность предполагает наличие множества особых “социальных времен” внутри современного менталитета (в современном мире).

Ментальная политопичность раскрывается как наличие множества особых пространственных моделей в современном менталитете.

Вместе названные принципы соединяются в **полихронотопический** ментальный принцип.

Полисистемное устройство современного социума подразумевает наличие на планете множества форм социального устройства.

Полифокусность развития и топического устройства фиксирует становление цивилизаций на Земле (Восток — Запад, четверка Л.И. Мечникова [190], восьмерка О. Шпенглера [313] и т.д.).

Полигенетическая картина истории включает как полихронность, так и полифакторность.

Полифакторность формирования цивилизаций — наш исследовательский принцип многослойного и многофакторного описания истории. У этого набора — большие возможности как в целом, так и в частности. (Например, целостный топосредотногенетический подход и принцип полифокусности истории реализованы в известной концепции Л.Н. Гумилева [84-86].)

Один из таких принципов — **полидеятельностный** принцип развития социума (Н.Я. Данилевский [91], Л.А. Зеленев [109]).

Принцип “поли-” обладает иерархической структурированностью, чему способствует дополняющая иерархию “вложенность”.

Принцип “гетеро-” (принцип неоднородности)

Вторым является принцип “гетеро-” (**принцип неоднородности**).

Разнообразие в системном мире всегда существует в форме целого, и это — основное, что составляет содержание принципа “гетеро-”. Мир гетеросистемен — это означает, что *неоднородность по качеству систем есть* его фундаментальное свойство. На основе данного принципа мы разворачиваем систему модификаций и индикаторов в нашем методе. Мы исходим из того, что **неоднородность устроена закономерно** и что идеалом научного исследования является открытие **инвариантов**, накрывающих предельно большое количество проявлений принципа “гетеро”.

Номология системогенетики

Появление законов свидетельствует, что наука достигла стадии серьезных обобщений. Статус закона, в отличие от тенденции, закономерности и т.д., в данном случае настолько высок, что вполне соизмерим с философскими законами. Ведь речь идет о системах (в качестве которых может выступать все) и об их генезисе (в который также могут быть включены любые виды генезиса).

Ведущий эволюционный системогенетический закон

Здесь мы выходим на ключевые понятия генетической парадигмы, инвариантные относительно типа и разновидностей системы. Исходят они из уже известных нам устойчивых биологических терминов **“онтогенез”** и **“филогенез”**, которые приобрели в системогенетике расширенное толкование, близкое к философскому. **“Филосистемогенез”** — филогенез, понимаемый как вся *эволюция*. **“Онтосистемогенез”** — *жизненный цикл системы*, движение по жизненному циклу системы. Они соотносятся, как “развитие” и “функционирование”. На основе данных понятий можно проиллюстрировать действие “обобщенного закона Геккеля”, предложенного А.И. Субетто [260] и основанного на расширении биогенетического закона, выдвинутого во второй половине прошлого века Ф. Мюллером и Э. Геккелем (*закон соотношения онтогенеза*) [64]. По смыслу он прост: **в онтогенезе повторяется филогенез** (каждая особь в индивидуальном развитии повторяет историю развития своего вида) или, в полном виде, “в онтосистемогенезе повторяется филосистемогенез”.

Можно выразить его в уровневых терминах: генетическая информация нижних уровней, сжимаясь, сохраняется на высших уровнях. Обобщенный закон Геккеля демонстрирует механизм системного программирования в эволюции и всех ее видах; он охватывает всю эволюцию и порождает большое количество частных терминов применительно к специфике разных областей знания. Например, в биологии есть понятие **“эмбриогенеза”**, совпадающее по смыслу с обобщенным законом Геккеля: это — *биогенетический закон Румквиста* [260]. Обобщенный закон Геккеля действует в интеллектогенезе: в педогенезе **системное время человечества** как бы **“обратно сжимается”**, в результате чего интеллект в онтогенезе человека повторяет развитие интеллекта в его филогенезе. Время в социогенезе “сжимается” несколько иначе: те промежутки, которые у человечества шли достаточно медленно по меркам жизни человека, в индивидуальном генезисе “проскакивают” очень быстро — это и есть “обратное сжатие системного времени” [265].

Если говорить об эволюции в целом, то следует подчеркнуть: эволюционная спираль есть процесс **интеллектуализации эволюции**, и она подчинена тем же законам сжатия системного времени: эволюция абиотического мира сжалась в эволюции живого, и обе они сжались в антропогенезе и социоэволюции.

Нам представляется, что эти открытия, принадлежащие системогенетике, недостаточно известны в философии и недостаточно философски осмыслены. Речь идет не только об общих аспектах, которые мы будем обсуждать в следующем параграфе, но и об освоении и о применении этих новых понятий и законов в самой философии.

Пакетный характер законов системогенетики

Совокупность системогенетических понятий дополняется и развивается **в пакете законов системогенетики**. Каждый из системогенетических законов может быть понят лишь в системе всех системогенетических законов — здесь срабатывает пакетно-сетевой принцип [235]. Но все, что мы можем позволить себе в рамках обзора, — это перечисление данных законов. Они в основном не требуют особой расшифровки. В пакет входят:

- закон спиральности развития;
- закон инвариантности и цикличности развития;
- закон дуальности управления и организации систем;
- закон системного наследования;
- закон системного времени (закон неравномерности развития целого);

- закон спиральной фрактальности системного времени, или “обобщенный закон Геккеля”;
- закон системного разнообразия (разворачивающийся в форме системы “законов адекватности”: по разнообразию, по сложности, по неопределенности, по системности);
- парные законы дивергирования (роста разнообразия) и конвергирования (сокращения разнообразия);
- парные законы конкуренции (исключения) и кооперации (дополнения).

Некоторые законы, имеющие наиболее важное значение для нашего исследовательского метода, мы кратко прокомментируем.

Закон спиральности развития

Фундаментальность **закона спиральности развития** подтверждается и дополняется целой совокупностью других законов: *законом системного наследования, законом инвариантности и цикличности развития, законом дуальности управления и организации*. Спиральность развития реализуется в форме двух типов спиралей, которые раскроем ниже. Членение спирали подчиняется принципу квантования, что и отражает структурная гармония систем [235; 244].

Закон дуальности управления и организации систем

Он является одним из наиболее часто упоминаемых законов системогенетики [252]. Он отражает *единство двух наследственных потоков*: наследственного потока, идущего через подмир системы, на уровне подсистем, и наследственного потока, идущего через надмир системы, на уровне надсистем. Это — *потоки от прошлого и от будущего*, два типа наследственного программирования, о которых мы уже упоминали [15; 23; 265].

Закон инвариантности и цикличности развития

Связанный с ним **закон инвариантности и цикличности развития** гласит: системное наследование циклично, а цикличность системогенетична. Этот закон определяет *циклически-волновой характер действия всех системогенетических законов* [261]. Системный инвариант является носителем цикла в развитии и одновременно носителем наследования.

Закон системного наследования

Этот закон впервые был осмыслен в статусе закона А.И. Ракитовым [216] и А.И. Субетто (в качестве необходимого условия включившим *наследственное программирование*) [253].

Закон наследственного инварианта.

Данный ряд дополняет **закон наследственного инварианта**. Через него реализуется *управляющая функция генетической информации*, на которую впервые обратили внимание наши известные системщики В.В. Дружинин и Д.С. Конторов [99].

Это очень краткий обзор тех положений, которые более подробно представлены в наших монографиях [14; 15; 17: 21; 23; 26].

§ 3. ПАРАДИГМА ЦИКЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

При рассмотрении философских оснований системогенетики мы анализировали ее устройство, методы, законы и понятия. При этом преследовалась не только общеметодологическая, но и прикладная цель: получить *основания и набор принципов* для построения концепции системного генезиса общества. Далее нам предстоит обратиться к более специальному и частному основанию, имеющему отношение к генезису, — на парадигме цикличности. *Циклические модели системогенеза* сегодня приобрели общенаучный статус, хотя гораздо раньше цикличность развития получила статус закона в философии.

Мы развиваем в этом параграфе методологию исследования, которая является развитием диалектики [95; 121; 251].

Если говорить о моделях, характеризующих возможные конфигурации времени геометрическим способом, то они таковы

Линейная	Плоская Круг и две спирали
Спирально-цилиндрическая	Конусная Объем

Рис. 20. Четыре варианта отображения времени в пространстве:

3.1. Закон единства и борьбы противоположностей. Противоречие

Среди законов диалектики первым *по значимости* должен следовать закон единства и борьбы противоположностей, который, по Б.М. Кедрову [135], выступает **двигателем, пружиной процессов развития**. Но для раскрытия механизма развития нужно составить понятие о *всеобщей спиральности развития*.

Мы имеем дело в исследовании с самодвижением истории человечества, а такие объекты и их поведение в науке описываются языком волновых колебаний. **Спираль** в этом смысле может трактоваться как **способ фиксации самодвижущегося противоречия**. Для наведения мостов между данными понятиями нам понадобится опорная модель, на которой будет происходить разворачивание остальных моделей. Это — модель цилиндрической спирали, на ней мы и рассмотрим “работу” первого закона диалектики, ядром которого является понятие “*противоречия*” [95; 96].

Характеристики противоречия. Множеству определений понятия “противоречие” присущи общие черты. Обязательным первым шагом в диалектическом анализе является выделение двух сторон противоречия, которые: а) взаимоподразумевают и б) взаимоисключают друг друга. Это — *первое необходимое* их свойство. *Вернее*, перед нами — *два свойства*, причем *неразрывно связанные*. Выделение этих свойств — обязательное условие, но недостаточное. Данному условию удовлетворяют и *противоречие*, и *простая дополнительность* (противоречие и метафизическая противоположность, контражность и контрадикторность, подобие и тождество). Их различие здесь мы не раскрываем (см. [23; 138]).

Противоречие подразумевает не только выделение двух сторон, но и *наличие третьего*, которое является порожденным двумя началами. Во всей совокупности противоречивых сторон предмета нас интересуют именно те, которые *определяют собой его становление*, — основные, ключевые, противоположности.

Разновидности противоречий

Понятие “противоречие” имеет свои модусы — два *вида* противоречий.

“Статически” фиксируемое противоречие — это противоречие, описывающее предмет с одной из сторон — либо со стороны количества, либо со стороны качества в общем (**онтологическом**) виде. В статическом противоречии *не идет речь о длительности, направленности, начале и конце* и т.д. Такие противоречия не характеризуются асимметрией сторон самого противоречия, они есть *предельные границы тождества*. Это как бы статическая характеристика “противоречия вообще”, но исключительно в плане его **потенциальности**.

“Динамическое” противоречие — противоречие, описываемое с привлечением процессуальности. Оно позволяет выделить такую характеристику, как *асимметрия* сторон противоречия, то есть сильную, *доминирующую, сторону* (которая поглотит свою противоположность). Тогда появляется возможность указать *направленность процесса*: с какой стороны противоречия начинается движение, какая сторона поглотит свою противоположность. Иными словами, в противоречии *фигурируют процесс, понятие развития и такие его характеристики*, как направленность, необратимость, приращение нового и т.д. Это — **актуализированная форма противоречия**. В философских терминах *длящемуся соответствует “актуальность”* — в противовес недлящейся “потенциальности”.

Порождение процессуирующего третьего

Вступление двух противоположных сторон во взаимодействие порождает **процесс** борьбы противоположных сторон. Сам процесс борьбы присущ некоему единому. “Два порождают третье” [138] — и это третье процессуирует. Процесс может идти с любой скоростью, в том числе и с нулевой.

Для описания процесса необходимы дополнительные характеристики. Противоречие должно обладать, по крайней мере, еще одним *свойством*: две его стороны “порождают” третье, и это новое **третье актуально процессуирует**. **Противоречие живет только во времени**. Этим наше определение противоречия как *динамического феномена* отличается от его потенциальных общих форм. Противоречие характеризуется “направленностью”, что изображает *не равный нулю* вектор процесса.

Процессуальное доминирование одной из сторон противоречия

В противоречии, определяемом как “неравенство равноправных сторон”, одна сторона должна доминировать. Это вызывает **эффект асимметрии сторон противоречия** и, по мнению ряда философов, является *причиной движения*. Асимметрия сторон противоречия возникает в силу преобладания одной из сторон, и это уже существует как бы *потенциально до начала процесса*: стороны не равнозначны, одна из сторон *должна обладать свойством поглощения противоположной стороны* в конце процесса.

Асимметричность процесса и ее отображения

Асимметричность сторон противоречия обнаруживается через пропорциональные отношения в структуре системы.

В работах по структурной гармонии систем Э.М. Сороко [244] настаивает на универсальности *гармонической асимметрии* — пропорционирования по ряду “золотого сечения”: она обнаруживается и в конструкции *форм*, она найдена и измерена в ряде важнейших *процессов* в природе и искусстве [312]. Асимметрично организованный процесс порождает и асимметричную структуру системы.

Если подойти к проблеме асимметрии в противоречии всесторонним образом, то обнаружится, что на самом деле речь идет о сочетании симметрии (А и В) и асимметрии (вектор от А к В), что в совокупности создает известное явление *диссимметрии* [235; 242]. Диссимметрические описания можно признать во многих отношениях *единственно возможными* по отношению ко всем известным нам системам. Диссимметрия диалектична, поскольку ее формула “и то, и другое”. Все живое диссимметрично, но поскольку диссимметрично все, что мы знаем, то весь обозримый мир (в каком-то своем хронопомасштабе) — живой.

3.2. Графическое представление противоречия

Примем за основу изображения противоречия прямоугольник с диагональю. Процесс взаимодействия противоположностей идет в направлении *поглощения одной из сторон второй стороной*, что задает его *направленность*. Фиксирует направленность процесса T-вектор:

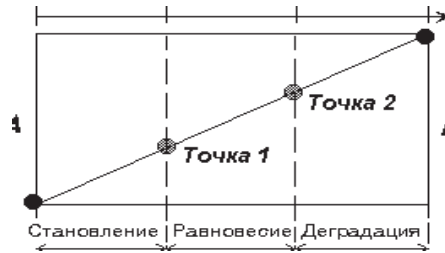

Рис. 21. Противоречие с вектором.

В данном случае сторона В поглощает сторону А. Исходное условие состоит в том, что сторона В будет сильной, доминирующей, априорно способной к поглощению в конце процесса самодвижения противоречия стороны А. Это и порождает асимметрию, “неравноправие равноправных” сторон противоречия, которая обозначается лишь стрелкой вектора.

Все нужные нам атрибуты противоречия — налицо: стороны взаимоисключают и взаимоподразумевают друг друга, задана направленность, асимметрия, доминирующая сторона противоречия, между А и В расположено третье, “живущее” на диагонали (диагональ как совокупность точек жизни третьего).

Фазы процесса развития противоречия

Взаимодействующие стороны противоречия А и В порождают третье, зримо живущее в рамках схемы на диагонали. Это — цикл жизни, описанный в данном случае со стороны своей каузальности, где причиной является наше противоречие.

Цикл от А до В един: это — системный цикл жизни. Но при переходе внутрь системы мы можем разбить его на части как угодно. Речь идет о **фазах цикла**. Понятие “фаза” фиксирует такие этапы развития, которые выступают как *существенные* и в себе завершенные [265; 322].

Самым простым случаем, обладающим диссимметрией, в этом ряду является трехфазовое членение. О причинах фазовой троичности мы уже говорили: это — разновидность тройной альтитуды в горизонтальном измерении. **Трехфазовость**, выделение трех устойчивых фаз в самодвижении противоречия (в цикле), встречается во множестве философских систем, которые универсализированы в гегелевской [68-70]. Методология Гегеля — основа, применяемая для исследования процессов.

Три фазы, применительно к нашему изображению противоречия, делают наглядными влияния сторон А и В. *Первая фаза, где преобладает сторона А, но уже проявлена и сторона В*, трактуется нами как **фаза становления (фаза 1)**. Средина, где *стороны взаиморавны по силе действия* и поэтому иногда кажутся “почти тождеством”, есть **фаза равновесия (фаза 2)**. Фаза, противоположная первой, где *динамическое равенство уже пройдено и идет процесс поглощения стороной В стороны А*, трактуется как **фаза деградации (фаза 3)** данного противоречия.

Изобразим фазы процесса самодвижения противоречия.

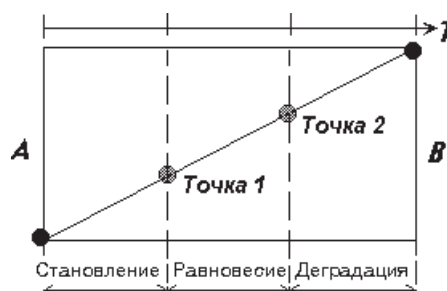

Рис. 22. Три устойчивые фазы в процессе развития противоречия.

Ничего не говоря об их содержательном наполнении, мы воспринимаем “силовые взаимоотношения” сторон А и В (А сильнее В, А равно по силе В, В сильнее А) через пропорции, образуемые вертикальными линиями, пересекающими нашу диагональ. Эти пропорции связаны в каждой точке диагонали вполне очевидной функциональной зависимостью.

Фаза есть некоторый отрезок диагонали, расположенный между значимыми точками (начало — точка 1 — точка 2 — конец). Точки на диагонали работают как индикаторы: они показывают, что в первой фазе сторона А сильнее, чем В, а в последней фазе — наоборот: В сильнее, чем А. Здесь можно дважды обнаружить пропорцию золотого сечения ($62/38$ и $38/62$ в процентах) или логарифмическую зависимость. В то же время каждая фаза отображена на векторе времени в равных отрезках (хотя на этом уровне абстракции мы на самом деле ничего не можем сказать о длительности фаз).

В середине стороны равны (момент тождества), и это — единственная точка равновесия сторон, что выражается пропорцией $50/50$. Данная точка лучше всего описывается современным понятием “гомеостаз”, а фаза, которой она принадлежит, выступает как *гомеостатическая*. Гомеостаз, по определению, не просто равенство, а процессуальное, динамическое равенство сторон, равновесная устойчивость противоположных сторон в процессе.

Интересно отметить, что в теоретическом анализе в большинстве теорий *первой* в тройке фаз чаще всего рассматривается именно середина, центральная фаза, где стороны противоречия А и В взаиморавны по силе, по своим возможностям. Например, в эстетике обычно начинают с категории прекрасного (гармонического и т.д.) и все прочее расценивают как ее модусы.

Пятифазовость (шестифазовость)

Выделение трех фаз выражает суть процесса достаточно адекватно, но это — предельно простое диссимметрическое членение цикла.

Троичность в ряде случаев недостаточна, особенно для больших систем (например, истории в целом). Шагом по развитию троичности является выделение пяти фаз. Трехфазовость и пятифазовость взаимосвязаны: пять фаз являются логическим развитием трех (могут быть выведены из фазовой тройки, в том числе графически). Если принять наши **три фазы как основные**, или “сильные”, между ними будет два перехода (фаза 1 — фаза 2; фаза 2 — фаза 3), что и дает нам возможность строить пятифазовую модель. Введение двух переходов ($3 + 2$) дает нам искомую **пятеричность фаз**. Пять фаз из трех возникают в системе двух дополнительных подсистемных спиралей (влияние “обратной спирали” как раз и делает значимыми переходы).

Поговорим о конкретных примерах в науке. Пятифазовость применяется по отношению к истории (как циклу) — таковы формационные модели. Пятифазовую модель по отношению к стилям применяли искусствовед И. Винкельман и эстетик Н.И. Крюковский [148]. На примере развития технических решений определенных видов техники А.Ф. Эсаулов раскрывает закон отрицания отрицания в “пятифазной” структуре [316]. Близкую позицию занимает Е.Д. Гражданников [79-80] в своей концепции классификации на основе построения *пятичленной классификационно-системной спирали*.

Выделение шести фаз есть обычно удвоение тройки фаз. Шестерка возникает в поисках симметрично-статической завершенности. Например, шесть выделяют: в категориях эстетики — Н.И. Крюковский [148] и в концепции социогенеза — О. Шпенглер [313]:

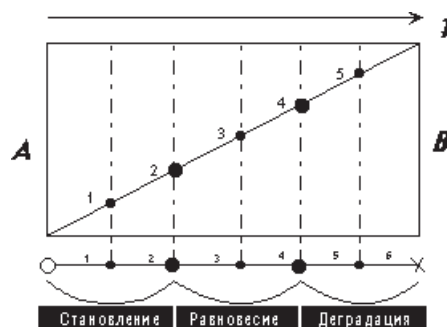

Рис. 23. Три устойчивые фазы и значимые переходы между ними: образование шести фаз.

N-фазовость, непрерывность и дискретность

Многозначная логика [319] позволяет выделять сколько угодно фаз в развитии противоречия. Это позволяет делать и **логика направления** польского философа Р. Роговского (см. [148]). И точно так же графически будет выглядеть процесс **с любым различным количеством фаз** — увеличится количество точек. Однако за значимыми переходами на самом деле стоит альтитуда подуровней, подсистемы данной системы — в этом и состоит *системный смысл многозначной логики*. Опускаясь по альтитуде уровней все ниже, мы можем заполнить этими точками весь наш процесс и перейти от дифференцированности (квантированности) в непрерывность (интегрированность). Это означает, что N-фазовость, в пределе стремящаяся к бесконечности, прокладывает нам путь к алгебрам. И если **статика связана с понятием числа и кванта**, то **динамика**, таким образом, оказывается **связанной с алгеброй и волной**. *Квантово-волновая теория* выступает здесь как *единственно возможный тип полного описания*.

Количество фаз определяет собой количество вводимых в исследование системных подуровней и фаз на них. Это дает нам удобный случай различить таксон, фазу и модус. Анализируя квантованность процессуирующего третьего, мы вплотную подошли к универсализации понятия “модификация” [109]. Статические компоненты (состав) и фазы процесса (цикла) — это таксономические единицы. Нам предстоит объединить их в единый подход.

Статические таксоны

Таксономические единицы, таксоны, можно изобразить точками на статической плоскости.

Представляя таксоны во времени, мы можем указать на *наличие последовательности*. Например, так последовательно показывает нам стрелка на часах цифры от 1 до 12. Полный цикл, — это проявление (или использование) полного таксономического набора.

Превращение таксона в фазу

Таксономические единицы на статической плоскости имеют классиологические свойства (количественные или качественные). В динамике таксон **приобретает длительность**, перестает быть точкой и становится **длительностью — размытой “фазой”**. Таксон перестает быть таксоном в онтологическом понимании и становится **фазой развития**, имеющей длительность, начало и конец. В пределах *длительности* собственная мера таксона сохраняется. Длительность как новая характеристика добавляется к существующей уже характеристике “качество — количество”, и в этом случае *связка “таксон — фаза” предстает* как целостное образование.

Таксоны и модусы

Есть и третья разновидность в универсальном понятии модификации.

Таксоны — некоторые единицы упорядоченного множества в классиологическом виде, единицы *статические и точечные* в нашем графическом поле моделей, хотя в математическом смысле это гораздо более сложные образования.

Фазы — таксоны развития процесса, модификации того же единого предмета, но взятые в движении, в жизни предмета.

Модусы — *единицы логики* развертывания, таксоны в логическом виде. Самая простая иллюстрация — логическое дерево: понятия не только фиксируются в связи, но и *ветвятся* [110; 243]. Здесь заложена связанность множества таксономических уровней, т.е. иерархия предстает не только в двойной или тройной альтитуде.

3.3. Опорные модели цикличности

Психологически мы “представляем” себе время не иначе как “перемещение”, а оно связано с пространством и антропоморфными осями (прошлое у нас располагается “позади”, будущее — “впереди”). Это единство хронотопа позволяет нам *типологически* представить *зримые способы фиксации* времени. Их немного: это — “**стрела**” (вектор развития), “**круг**” (повторяющееся в развитии) и “**спираль**”. Разнообразием в наборе отличается лишь спираль, имеющая три разновидности: одну — цилиндрическую и две — конические.

Простейшим (но не первым в истории) способом изображения времени является “**стрела времени**”. Описание такой временной стрелы в науке приписывается Орему.

Стрела связана с вектором “направленности”: она указывает, *куда развивается процесс*. Современная *физическая* картина мира выделяет несколько качественно разных “стрел”, мы описываем их [23].

Если говорить о спиральных моделях развития общества, то *отсчет* в них идет относительно естественного времени [302], принимаемого за такую стрелу.

Двигается в спиральных моделях не стрела, а *точка* на ней, с ней мы идентифицируем либо себя как *наблюдателя*, либо *объект*, который мы видим живущим во времени. Это “точечное” понимание времени ввел в науку Г. Галилей, и оно “натуральное”.

Допущение линейности времени в виде отрезка прямой восходит к геометрии Евклида, а “круговое время” скорее платоновское [204]. Круговая модель времени есть как бы удвоение линейного временного параметра. “Направление времени” в круге фиксируется двумя векторами (и их суммой), как на стрелочных часах [205].

Стрела задает направление, и, возведя на нее шкалу, мы можем говорить о метрике и длительности. **Круг служит местом для представления модусов, сменяющих друг друга с некоторой последовательностью**. Стрела не заменяет круга, но обычно дополняет его.

Спирально-цилиндрическая модель цикла

В центре понятий о времени лежит *модель цилиндрической спирали*, ставшая едва ли не основной в XIX веке. Все *предшествующие* модели есть та же, но “усеченная” модель, все *последующие* — ее усложнение. Таким образом, **все модели времени** можно воспринимать в конечном итоге **и как циклические, и как спиральные**, потому что все они могут быть приведены к “общему виду”.

Классическую модель времени “**спираль на цилиндре**” можно представить как синтез линейной и круговой. *Два перемещения соединены тут воедино*: линейное время одномерно, круговое время двумерно (перемещение *на плоскости*), спиральное — трехмерно. Перемещающуюся точку на этой модели надо держать в воображении *как минимум на трех плоскостях координат*. Трехмерное перемещение связано с шестью осями и с *декартовой системой координат*. Нужно было в менталитете дорости до восприятия трехмерности, чтобы в науке появилась объемная спиральная модель.

Спирально-цилиндрическая модель есть бесконечная равномерная **винтовая линия** на цилиндре. Скорость течения процесса в цилиндрическом цикле *постоянна*, и ее константность принципиальна.

На конических и более сложных спиральных моделях восприятие перемещения точки становится “четырёхмерным” — и возникает *темп, ускорение, изменение скорости* перемещения (*увеличение или уменьшение*). **Понятие темпа** вносит элемент релятивизма (изменчивость).

Цилиндрическая спираль трехмерна, но наше восприятие ее в основе двумерно.

Предлагаемая нами здесь комбинированная схема цикла состоит из трехмерного изображения витка спирали и трех плоских проекций (из которых одна проекция — статическая, а две прочие — динамические). Назовем ее **базовой схемой “цикла” (витка спирали)**:

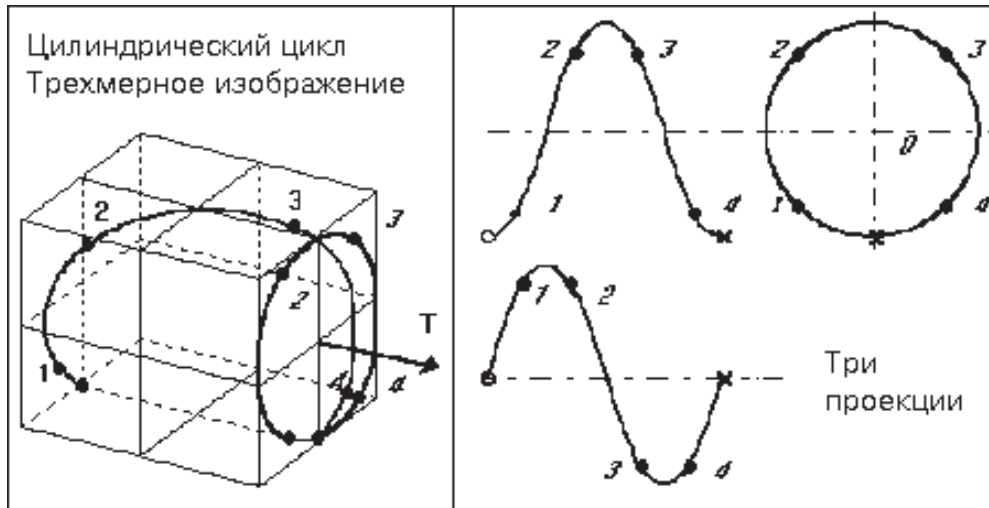

Рис. 24. Трехмерное и двухмерное изображения цилиндрической спирали.

Графические модели фазовости на цилиндрической спирали

Фазы всегда связаны с числом, но в первую очередь — с противоречием. Соединение цикла и противоречия есть наш второй шаг.

Противоречие, на котором мы изображали фазы, является именно *противоречием по определению*, то есть находится в пределах динамической плоскости. Следовательно, мы имеем право показать его связь с циклом жизни процессуирующего третьего, который можно изобразить при помощи либо двух проекций цилиндрической спирали, либо одной, если нет необходимости вычленять отдельно *жизнь качества и жизнь количества*.

Вот, например, трехфазовый вариант подобной связки:

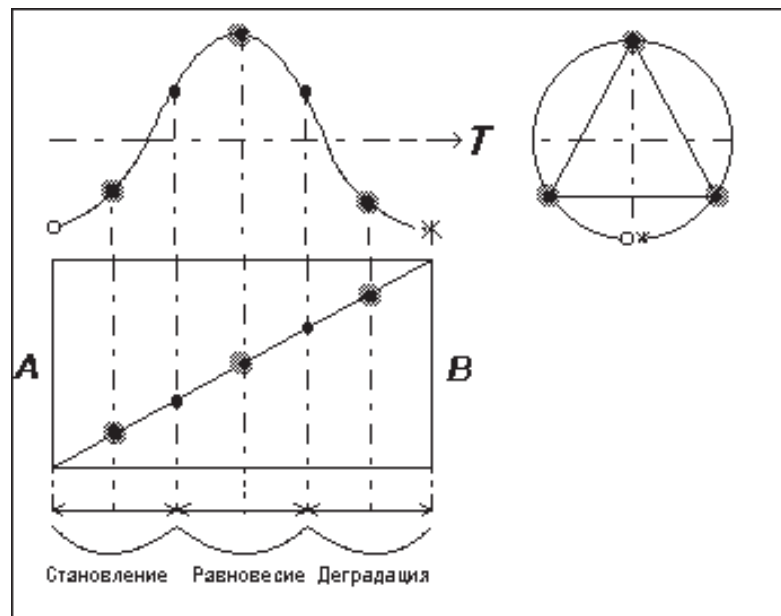

Рис. 25. Соединение противоречия, цикла и фаз.

От трех фаз перейдем к пятифазовому представлению:

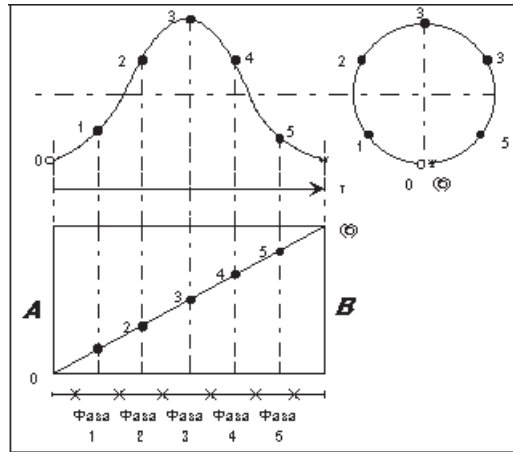

Рис. 26. Образование пяти фаз.

Линия, относительно которой навита спираль, — это Т-вектор, или “стрела времени”. На данной схеме начало процесса обозначим значком “о”, а окончание — значком “х”.

В третьей (круговой) проекции противоречивые стороны А и В как бы исчезают, складываясь, а центр круга является проекцией Т-вектора, или “стрелы времени”. Это — знаменитая **точка сингулярности**, принадлежность и бич всякой статики.

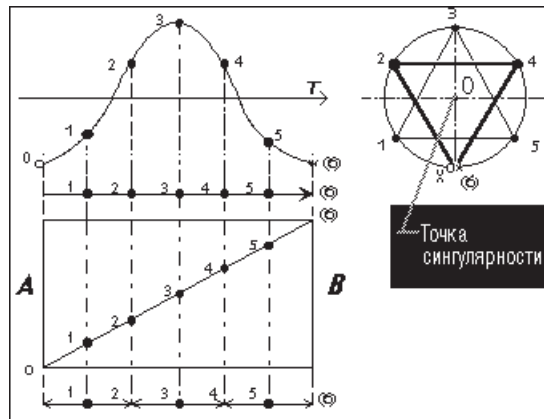

Рис. 27. Введение в схему цикла вектора времени Т.

На круговой проекции представлены таксоны, имеющие количественные и качественные шкалы. В полном пространственном виде можно изобразить и фазы, специфику **динамического противоречия А — В**.

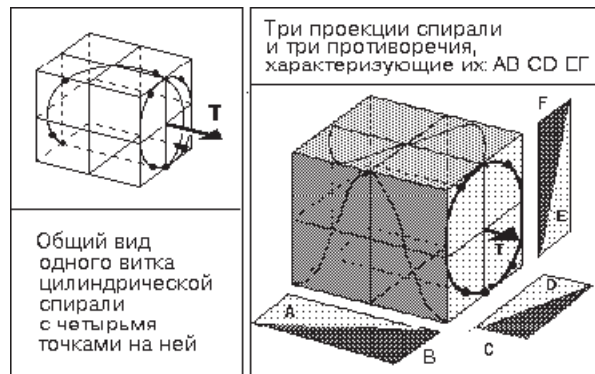

Рис. 28. Три ортогональных противоречия, описывающих цикл.

Цилиндрическая модель цикла содержит систему из трех связанных противоречий, что образует целых три типа плоскостного поэтапного описания. Сцепление противоречия, взятого из динамических проекций, А — В, и количественного противоречия, Е — F, позволяет говорить о динамике количественно, сцепление того же “А — В” с качественным противоречием “С — D” дает динамическое описание качества (подробнее см. [52]).

На круговой проекции спирали в таксонах представлен “ящик состава”, а в совокупности становится понятной и упомянутая трехмерность морфологии по отношению к циклу:

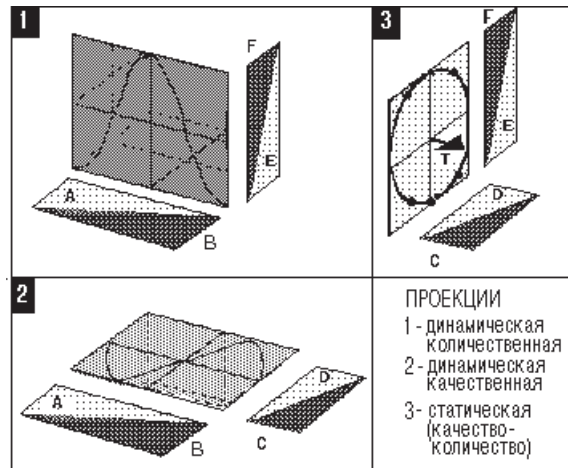

Рис 29. Попарное сцепление ортогональных противоречий.

Отметим, что кроме статического круга (3) спираль имеет две динамических проекции: нечетную (1) и четную (2). Это значимое выделение и мы находим его в моделях науки.

Например, в столетнем цикле есть два способа членения: **четный и нечетный**. Полувековые 50-летние циклы: экономические циклы Н.Д. Кондратьева, [143-145], культурные циклы В.М. Петрова [201], циклы О. Шпенглера [313]. Четвертьвековые циклы выделены И. Панченко [55]. Четная циклика используется для описания состояний, для которых измерения затруднительны. Трех-, пятифазовые (и прочие нечетные) циклы служат для описания измеримых явлений, например *смена трех поколений* в столетии. Аристотель оперировал *семеричной периодичностью* [31], А.Л. Чижевский [306-307] — *девяткой циклами в столетии*. Наблюдается разграничение их по типам и по представленности естественных и искусственных циклов.

Признак четности и нечетности выступает первично селектирующим. Но исходный материал может быть взят из разных баз данных. Соединение четных и нечетных моделей происходит на нашей схеме цикла абсолютно естественно, геометрически. Здесь можно произвести *перевод нечетного деления цикла в четное — и наоборот*.

При использовании этой модели мы получили более **общую философскую схему**, позволяющую совмещать *платоновскую и аристотелевскую* логики. По мнению логиков, элементам отношения противоположности присущи одинаковые количественные характеристики, а элементам отношения противоречия — различные. При симметричном делении цикла используется формальная логика с законом исключения третьего, а при непарном — диалектическая, где два начала порождают третье. Здесь *контрарность и контрадикторность отнесены к разным проекциям*. Указанные грани проявляются и в языке: об одном типе мы говорим “не” (живое — не живое), а о другом — “без” (умный — безумный) [138].

Спирально-коническая, импульсная и более сложные модели

Цилиндрическая модель и равномерные процессы — традиционная естественнонаучная *идеализация*, даже если мы обогатим ее понятиями ускорения и замедления. Нам же нужно приблизиться к таким формам описания развития, которые адекватны по сложности происходящим в социуме.

Два типа конических спиралей

Свернем в точку одну из круговых проекций в конце или в начале цилиндрического цикла. Два эти действия — качественно разные. Имеет смысл рассматривать два полученных случая отдельно, так как при одинаковости инварианта они противоположно ориентированы **по отношению к стреле времени**. Более того, это и два качественно разных процесса: "центростремительный и центробежный", "левый и правый" и т.д. Прежде всего в таких случаях **обратны изменения скорости**. В "расходящемся" процессе скорость изменяется от первоначальной бесконечности до нуля в конце:

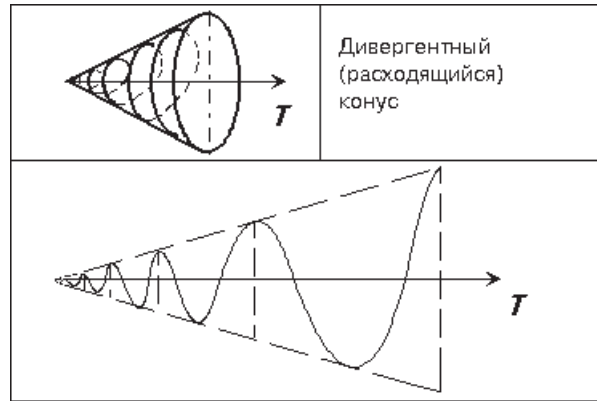

Рис. 30. Проекция конической спирали дивергентного типа.

А в "сходящемся" процессе скорость изменяется от нуля до бесконечности в конце:

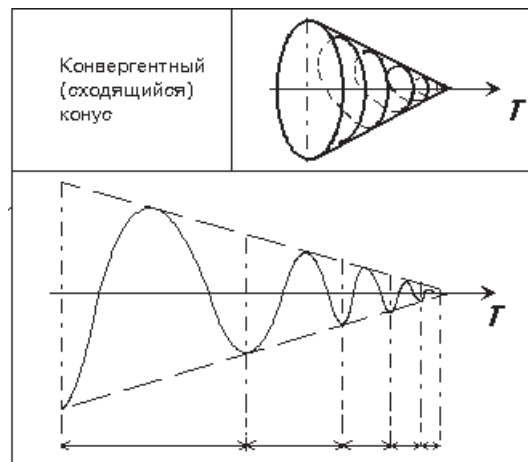

Рис. 31. Плоская проекция сходящегося конуса и его ритм.

Здесь интересно **наличие нуля скорости**, которое фактически означает, что *время в системе остановилось*, а это тот самый случай, когда мы говорим о статике.

На второй плоскости оба конуса: и первого, и второго типов — будут иметь один и тот же вид. В проекции на статической плоскости возникает плоская спираль. Такова, например, спираль Гёте, построенная радиусами по ряду золотого сечения [127]:

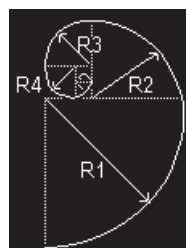

Рис. 32. "Спираль Гёте" с радиусами, являющимися числами ряда золотого сечения.

Дивергентные и конвергентные характеристики конической спирали

Всякая *расходящаяся* коническая спираль моделирует дивергентный процесс, завершающийся, как правило, заполнением "ящика состава". Обратный процесс, процесс на конвергентной спирали, — это некоторый синтез, обозначающий собой *сходящийся* процесс. При этом уже возникший ранее "ящик состава" используется в новом качестве.

Процессы, происходящие на конических спиралях этих двух типов, могут интерпретироваться как качественная дополнительность:

- *сходящаяся, или К-спираль, — спираль с отрицательной обратной связью*, где каждый последующий виток меньше предыдущего;

- *расходящаяся спираль, Д-спираль, спираль с положительной обратной связью*, где каждый последующий виток больше предыдущего.

Различие между ними не только в противоположной ориентации относительно вектора времени, но и в более существенном — в "левом и правом" эффектах [177; 183].

Два типа конусных спиралей взаимодополняют друг друга, что приводит к иному, целостному, процессу — "импульсу":

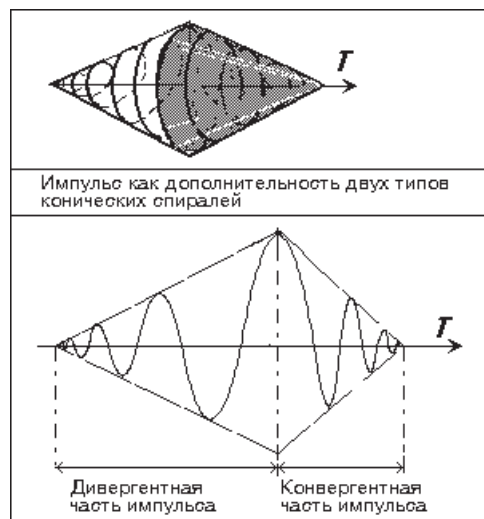

Рис. 33. Основные составляющие "импульса".

Импульс есть соединение (в форме дополнительности) двух взаимообратных конических спиралей, причем соединение тоже имеет два варианта, в зависимости от начала отсчета. **Импульсность** — способ существования любой развивающейся системы. Импульс содержит не только дополнительность, но и идею *преemptивности*, он позволяет выразить *целостность форм движения материи*.

Показатели течения процессов в коническом цикле

Использование модели процесса на конических циклах позволяет ввести такой индикатор, как "темп" развития. Коническое движение — это движение *неравномерное*, скорость процессов разная в начале и в конце конической спирали. Понятие темпа связывается с асимметрией времени, направленностью и необратимостью.

Эволюция видов животного и растительного миров предстает как дивергентный, развертывающийся из точки процесс, а в развитии материи оба вида спиралей вместе образуют целостный *импульс биосоциоэволюции*. У сходящейся спирали (например, социоэволюции) скорость нарастает с уменьшением величины витка, а темп увеличивается. У расходящейся спирали (например, биоэволюции), напротив, темп падает до минимума. Экологический гомеостаз — устойчивость видов живого на Земле — выражается в **замедлении** процесса биоэволюции к моменту начала истории человечества. Подобные явления связаны и морфологически: достигнутая устойчивость видов, очевидно, связана с исчерпанием возможностей морфологии живого в данных условиях Земли. Это — феномен достижения *полного таксономического набора*, выражающего именно своей полнотой *окончание цикла* биоэволюции (кстати, еще не до конца завершено).

История человечества в этом ряду есть сходящаяся коническая спираль. Коническое понимание истории эсхатологично: оно подразумевает ее “финал”. При введении понятия об *импульсе* картина меняется. Для того, чтобы развернулся импульс биоэволюции, нужен был предшествующий импульс образования устойчивых абиотических систем (иначе живому неоткуда было бы брать материал для строительства себя). Окончание импульса биосоциоэволюции есть переход в новое качество всех систем, что отражено как в *ноосферной* теории В.И. Вернадского, в идеях К.Э. Циолковского и А.Л. Чижевского, так и в целом — в исторически *оптимистичной* философии русского космизма [226; 289]. От сходящегося конуса стихийной истории человечество перейдет к расходящемуся конусу истории, управляемой разумом, — вот основа исторического оптимизма в нашей циклической трактовке.

Виток конической спирали асимметричен. Начальная его фаза длиннее завершающей — для конвергентной спирали, и наоборот: начальная его фаза короче завершающей — для дивергентной спирали. Отсюда — разные скорости в начале и в конце процесса развития. В истории есть этапы “ускорения” и “эпохи застоя”, то есть в общественном сознании существуют способ отображения и мера для изменения темпа социоэволюции. *Сжатие фаз к концу конвергентной спирали* и увеличение темпа служат индикатором окончания определенного этапа. Это едва ли не важнейший из временных индикаторов.

Универсальная дополнительность спиралей и импульсов

Наблюдая циклическую историю культуры, мы отметили, что в пределах одного уровня наряду с *видимым* характером движения *всегда* обнаруживается подспудное, второе, — дополнительное по тенденциям движение. Для цилиндрической спирали за модель можно взять двойную спираль ДНК:

Рис. 34. Пара взаимообратных спиралей.

Между тем исходная парность порождает фазовую троичность. Это утверждение основано на простом схематичном выводе, но дает нам в руки очень интересный инструмент. Например, в столетнем цикле в обществе существуют три “волны поколений” (длительностью — в 33 года) — дедов, отцов и детей:

Рис. 35. Троичность на двойной спирали.

На историческую арену у нас всегда попеременно будет выходить дополнительная генетическая ветка. Хотя **дополнительных циклов** — два (“деды — внуки” и “отцы”), в столетнем цикле мы выделяем три сущностные **фазы, объединенные устойчивой общностью менталитета**, что помогает ответить на вопрос: почему деды больше тянутся к внукам, чем к детям? — и объясняет известный феномен сходства, когда “внук — вылитый дедушка”.

История содержит и парность (четность), и троичность (нечетность) одновременно. Парность является *базовым* механизмом, приближенным к “вещественному”, а троичность — к надвещественному.

В социоэволюции — те же две спирали, но уже на конусе. Наряду с видимым в ней всегда существует дополнительное движение. В момент достижения **максимума** на основной спирали (гомеостатическая фаза) происходит окончательное отмирание предшествующего и принципиальное (подводное, невидимое) зарождение нового на дополнительной спирали — так наиболее просто можно сказать о действии этой дополнителности. Например, в пик *расцвета феодализма* окончательно *отмирают остатки рабства* и *потенциально зарождаются условия для капитализма*. Мы наблюдаем некие робкие, почти невидимые ростки — это **минимум** на дополнительной спирали. Достижение **максимума** на дополнительной спирали соответствует моменту *прохождения точки минимума* на нашей основной спирали; чаще всего это — революционный момент, сопровождающийся бифуркацией и изменением качества данной ветви спирали. Соотношение двух взаимообратных тенденций постоянно во времени, они повсеместно обнаруживают себя в истории и не имеют отношения ни к формациям, ни к конкретным странам: это — два противоположных типа (например, менталитета), пронизывающих всю историю общества по принципу *дополнительности путей развития*, биполярный осциллятор истории. Схема двойного конического цикла социальной истории имеет **видимую и невидимую части**:

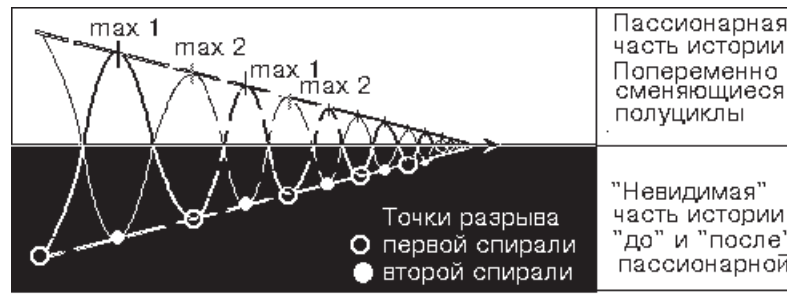

Рис. 36. Две попеременно сменяющиеся спирали на конусе истории.

Возводя принцип *дополнительности циклов* в разряд закона, мы получаем **усложняющийся ряд дополнителностей**. Первой у нас была дополнителность цилиндрических спиралей, второй — модель дополнительных конических спиралей. Эта коническая дополнителность свойственна и дивергентному, и конвергентному конусам, что означает: она свойственна и импульсу.

Третье — **дополнителность импульсов**. Они как бы встречно “вложены” друг в друга, и в этом смысле понятие “вложенности” относится и к импульсу. Два встречных конуса, взаимопроникая друг в друга, *образуют внутри второй импульс*, меньший по размеру, чем они сами. Этот **производный импульс**, образованный при помощи конической дополнителности, есть импульс, порожденный двумя взаимодействующими противоположностями, то есть “третье”. Это — “модуль-импульс”, дающий понимание об импульсе вообще, новый уровень раскрытия диалектического взаимодействия противоположностей на языке спиральности.

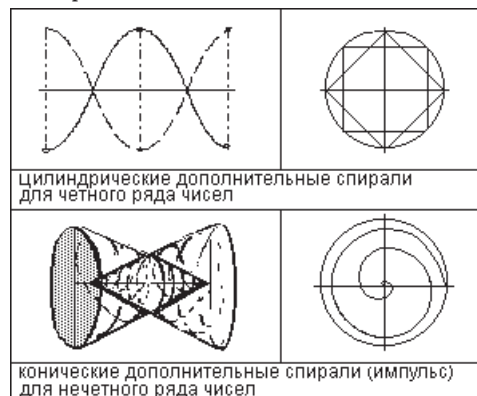

Рис. 37. Варианты циклической дополнителности.

Вложенность по принципу дополнительности импульсов образует *новую объяснительную парадигму развития*.

Выстроим импульсы в *равномерный* непрерывный ряд, потому что эволюция будет представлена далее как *неравномерный ритмический ряд импульсов*. Это — "**основная схема дополнительных импульсов**" с равномерным шагом:

Рис. 38. Возникновение двух уровней дополнительности в ряду импульсов.

Данные модели, в принципе, предельно просты. Они имеют некоторое отношение к социогенезу (при необходимости более точных и вариативных его описаний), поэтому для иллюстрации они представлены в сводной таблице 1.

Более сложные комбинаторные и вложенные циклические и импульсные модели представлены в нашей монографии «Формула истории» [23].

Пример комбинаций, возможных на этой основе, представлен в таблице 2.

Заключение к главе I.

Пройдя первый круг, вернемся к заявленным целям исследования. В первой главе мы получили новую методологию и ставим целью во второй главе с ее помощью построить новую концепцию системного генезиса общества — важнейшую часть социальной философии.

Мы искали новые методы исследования в социальной философии. Старые методы преимущественно использовали понятия, т.е. в нашей терминологии — методологию, связанную со Словом. Не отвергая важности понятийно-категориального анализа и синтеза, мы подкрепляем его совокупностью трех внепонятийных типов моделей. По отношению к таким моделям-инвариантам изначально было предъявлено требование очень высокой степени общности, близкой к философской.

Так был получен полиэкранный метод представления содержательного целого, где наряду со словом работает инвариант числа и оба этих способа отображения дополнены **хронотопически** — геометрическими и циклическими моделями-инвариантами. Вынесенное на единый экран приобрело не только особые свойства — возникли новые возможности. Раскрыть их все немислимо, мы продемонстрируем в начале следующей главы один пример, а остальное, содержащееся в ряде наших книг, упакуем в приемлемую табличную форму.

Это дает нам методологический инструментарий для исследования общества во всех аспектах: в аспекте его содержания и формы, состава и иерархического устройства, а также в аспекте его генезиса. На любой вопрос современной социальной философии можно ответить с помощью одной из предложенных нами моделей. Остается продемонстрировать, как работает данная методология на тематическом поле социальной философии. По большей части диссертационный текст лишь репрезентирует то, что отражено нами в серии монографий [14-15; 17; 19; 21; 23; 25-26].

Таблица 1.

Итоговое представление основных (простых или исходных) моделей цикличности:

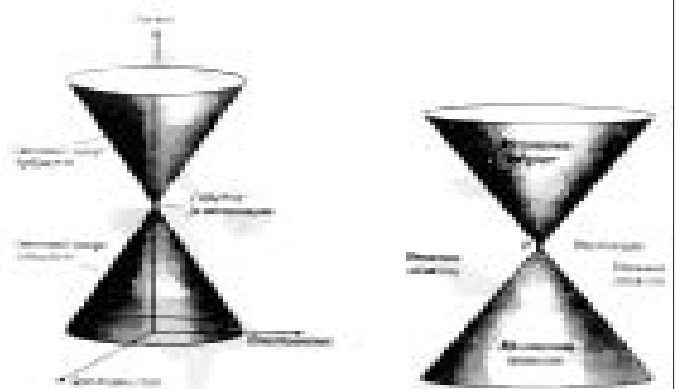
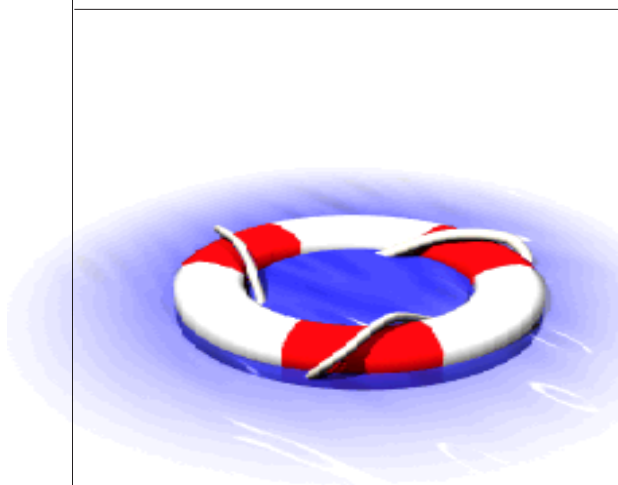
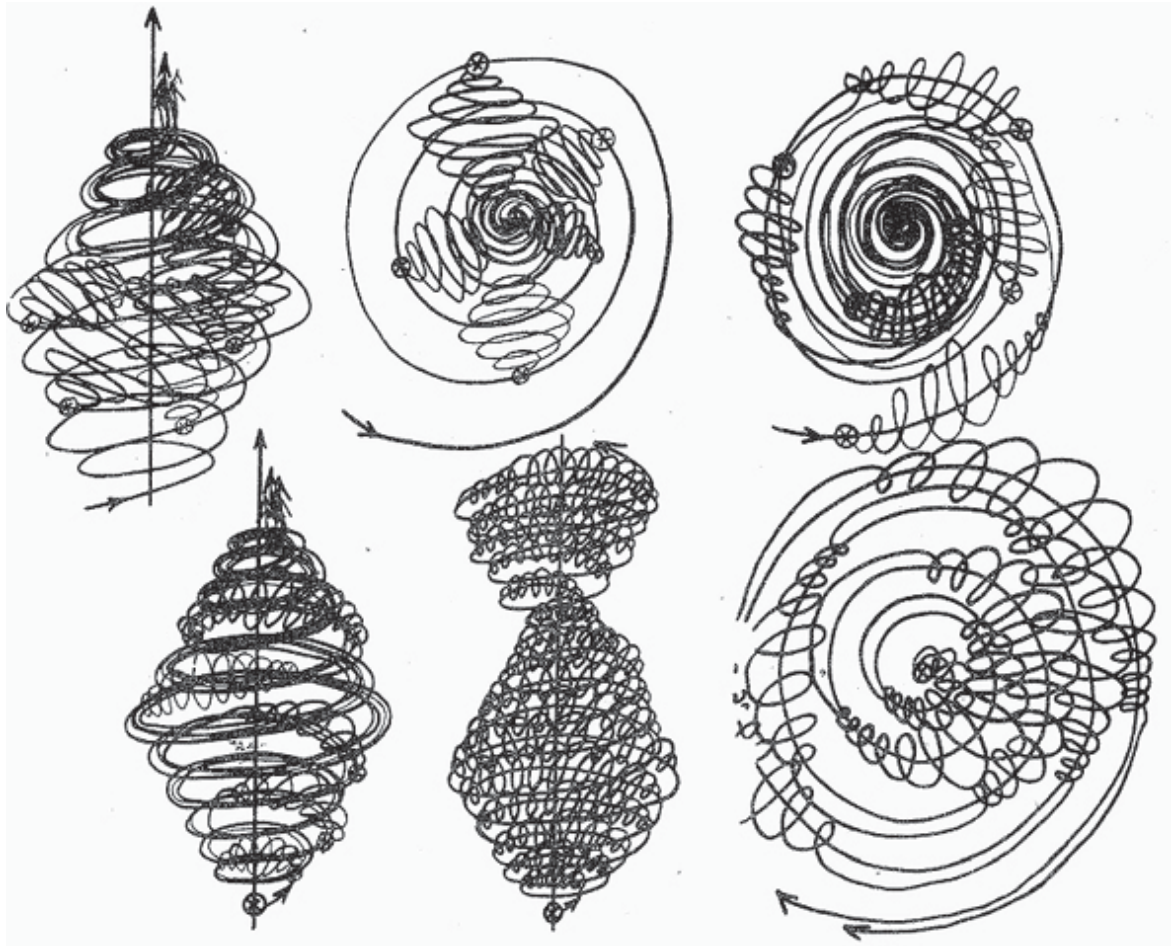
<p>Левая спираль Правая спираль</p> <p>Дуплекс-сфера</p>		
<p>Импульс Песочные часы</p>		
<p>Цилиндрические, конические и импульсные модели с дополнительностью</p>		<p>Большой Взрыв в космогонии</p>

	<p>Свертка конической спирали в кольцо</p>	<p>Свертка конической спирали вокруг цилиндра</p>	<p>"рог" Свертка конической спирали вокруг конуса</p>	<p>Ось, вокруг которой навивается рог</p> <p>Система вложенных дополнительных конусов</p>
<p>Основные комбинаторные свертки модели конуса</p>				

<p>Коническая спираль с модулем</p>		<p>1. Свертка в кольцо 2. Свертка в цилиндрическую спираль 3. Импульсы на импульсе</p>
<p>Многомерные импульсы (вложенные импульсы нескольких уровней)</p>		

Таблица 2.

Комбинаторные модели цикличности:

Глава II. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

§ 1. СУММА МЕТОДОЛОГИИ

Мы используем **четыре взаимосвязанных типа отображения** и удерживаем их на четырех взаимосвязанных “экранах” (полиэкранный).

Слово (понятие) обеспечивает коммуникацию в обществе наиболее эффективно; отсюда, от этого ментального выбора слова в качестве доминанты, — исходный динамизм еврокультуры. В коммуникационном канале слово “работает” *в текущем времени*, синхронно. Но его можно и онтологизировать, что приведет к трансформации слова в понятие (хотя со времен Платона считается, что слово лишь репрезентирует понятие [204]). **Число**, напротив, изначально ближе к уровню понятий; тем не менее оно работает в текущем времени как бы совершенно независимо (счет) [138]. Число и слово находятся в канале коммуникации [148] и обладают одновременно чувственной и надчувственной природой [162]. Однако в числе — больше рации, а значит, общего и всеобщего, в слове же — больше экспрессивно-чувственных возможностей (**выражения**, по А.Ф. Лосеву [172]), а значит, личностного. Между тем и число обладает способностью “выражения” (история искусства знает и такой язык, например его демонстрируют мусульманская, китайская культуры), порождая при этом две принципиально разные герменевтики [17]. Язык слов и язык чисел содержат **два способа организации понимания**, причем в слове эти возможности не столько шире, сколько специфичнее. Выполняя всеобщую коммуникативную функцию, слово и число выступают в качестве *классификационных метаязыков*. Язык слов больше сохраняет в себе элементы человеческого синкретизма, а язык чисел предназначен или для весьма абстрактной социальной коммуникации (философские числа, как у Пифагора [63; 106], философская геометрия у Декарта [93]), или для очень конкретной и прагматической (практический счет). Число абсолютно рационально и социально, хоть и базируется на нашей чувственности по отношению к конкретному.

Язык является гомоморфной моделью окружающего мира [258]. Все функции языка как инструмента человеческого познания (*обобщение, распознавание, абстрагирование*) можно отнести и к числу: оно, как и слово, выполняет классификационные функции (*обобщает* вещи, относит их к определенной категории). При помощи числа также происходит отнесение предмета к определенному классу, то есть *распознавание* его. Число дает возможность произвести *абстрагирование* (сокращение размерности пространственных признаков) как особый инструмент мысли. Ментальный мир древнего Китая был полностью построен на основе числовых инвариантов, и этот менталитет жив и функционирует до сих пор.

В этой области есть богатейшая философская традиция, представленная именами Э. Гуссерля и А.Ф. Лосева [170]; но мы ограничим нашу тему исключительно вопросами ментальных инвариантов. Первую монографию из цикла “Формула истории” мы посвятили именно числовым инвариантам в менталитете [17]. Палитра, которой мы располагаем в результате, содержит особое числовое метапостроение, применимое в качестве организующей конструкции во всех подходах (классиологическом, циклическом, иерархическом). Наблюдая за взаимодействием числовых ментальных моделей, мы выяснили, что их синтаксис далеко не беден. У чисел и их взаимосвязанностей есть также и своя семантика.

В менталитете используется числовой ряд 1-12, но основные числа-инварианты — это 1-6. В нашем универсальном геометрически-графическом языке итоги сведены в одной таблиц: в столбцах представлены основные инварианты: логическая иерархия, ступени, циклы, “ящик состава” и спектр (а также знаки и символы, что весьма важно для понимания синкретического ядра менталитета).

Основные способы употребления чисел натурального ряда (1 – 6). Таблица 3.

Число	Логическое дерево	Цикл и его фазы	Таксоны целого	Геометрическое выражение	Спектральное выражение	Выражение в искусстве	Символическое выражение
"1"							
"2"							
"3"							
"4"							
"5"							
"6"							

1.1. Основные методологические ходы

Мы используем в настоящей работе несколько важных четверок. У нас — четыре экрана: слово (понятие), язык числа (разновидность классиологических инвариантов), язык геометрических моделей (пространственные инварианты) и язык отображения временных последовательностей (циклы). Их можно осветить в другом ракурсе: два способа организуют понимание (понятие и число), а два — репрезентируют хронотоп (пространство и время = геометрический и циклический). Можно более точно представить их — как четыре взаимопересекающихся пространства: 1) классиологическое (модусы, таксоны, “ящик состава”, спектр и т.д.); 2) циклическое; 3) системно-альтитудное (иерархия и вложенность); 4) квалитивно-индикационное (индикаторы и маркеры). Первые три мы описали только что, а хронотопические индикаторы — ниже.

Все обозначенные подходы можно сочетать (как мы уже представили это частично в случае с числовыми инвариантами). Тем самым мы методологически приходим к решению содержательной задачи для всякой науки, с точки зрения парадигмального объединения классиологии, системогенетики, теории циклов и квалитологии.

Для демонстрации возможностей сочетательности, применим наиболее простой матричный подход, содержащий три варианта сочетания трех первичных инвариантов (иерархия, таксоны, циклы):

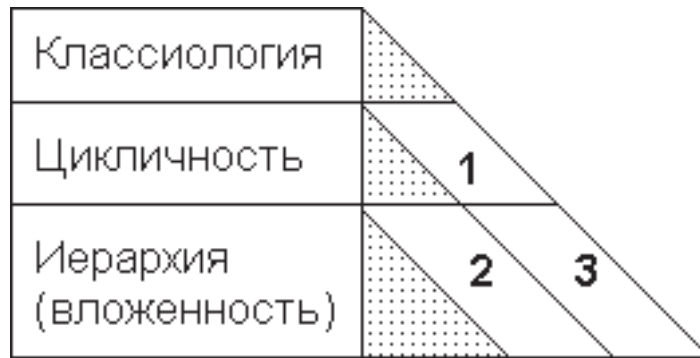

Рис. 39. Варианты сочетания основных методологических подходов.

В совокупности это — иерархически рассмотренный и дифференцированный хронотоп, предьявляющий разнообразие в пространстве, разнообразие во времени, уровни.

Каждое сочетание сущностно, каждое — порождает особый тип моделей. Чтобы представить целое, нужны либо их последовательная связка, либо одновременное представление их на одной плоскости. Мы делаем и то, и другое; результаты представлены в Приложении 1.

Последовательная связка подходов порождает совокупность новых теорий и законов системогенетики, вытекающих из данного метода.

1. Воссоединяя классиологический (мера) и иерархический подходы, получим особый срез меры в ее генезисе: иерархически представленное развитие меры (**закон иерархии мерогенеза**).

На этой основе хорошо иллюстрируются понятия: “спектр” системы и “распределение” свойств системы.

Если представить развитие меры еще и в циклическом виде, можно построить трехмерный “ящик состава”, связанный с иерархией и циклами.

2. Сведя воедино принцип уровней и цикличность системы, получим теорию многоуровневой цикличности (**закон иерархической полицикличности**).

На уровне подсистем формулируется особый закон иерархической спецификации подсистем, т.е. связи жизненного цикла системы с иерархией во внутренней альтитуде.

Примеров иерархической вложенности циклов трех уровней можно привести множество. Это — связанность и цилиндрических, и конических циклов, а также иерархическая вложенность импульсов, фиксируемая таблицей 1.

Иерархически вложенные системы можно параллельно представить и в аспекте состава системы. Это снова будет то же целое, но уже с акцентом на уровнях.

3. Следующее сочетание приводит к **закону пакетной циклической полноты модусов (он же закон связи состава системы, с ее жизненным циклом)**.

Если дополнить его иерархией, отразив их совместную связанность в едином законе, обнаружим итоговую закономерность, по смыслу аналогичную трехмерному “ящику состава”, связанному с циклами и иерархией, — мерогенезу, хотя и с другим акцентом (первичность цикла).

С учетом первенства в парах насчитаем шесть вариантов сочетаний, а в тройках — факториал из трех. В данном случае это не имеет существенного значения, но в науке нередко важно, из какой именно ее области происходит методологический ход (например, иерархически-циклический и циклически-иерархический подходы различаются).

Итоговая совокупность во всех случаях едина: состав + иерархия + цикл. В терминах системности это звучит как *состав системы* и ее *структура* (как иерархическое устройство); в терминах системогенетики к этому добавляется еще и *время*: состав + структура + генезис системы. Таким образом, речь у нас идет о развернутых системогенетических инвариантах, имеющих общефилософское отображение. Вместе с тем это — принципы, на которых базируется и методология философского исследования.

1. Философский *принцип единства исторического и логического* (в системогенетике может быть интерпретирован как *принцип единства циклического и классиологического подходов*).

2. Философский *принцип достаточной полноты* (в системогенетике отображается в двух наших взаимодополнительных законах: в законе пакетной циклической полноты модусов (состав — цикл) и в законе отражения в фазах цикла иерархии (иерархия — цикл) [23]).

Если мы теперь развернем все три составляющие в основных разновидностях, то получим более широкую сочетательную платформу, покрывающую большинство главных методологических ходов в науке (алгоритмы теории). Это проделано нами в монографии [23].

Мы добавляем к данному построению **числовые инварианты** и метод, который продекларирован в другой нашей монографии [17].

Всякая последовательность может быть осознана через инварианты числового ряда. Нерасчлененное есть единица, а все шаги от единицы к десяти есть ее разворачивание в разновидностях-инвариантах. Эти числовые инварианты лишены содержания и потому применимы для любого содержательного поля. Поскольку у нас — три основных содержательных принципа с вариациями, то в данном случае речь и идет о них. Мы можем применять их до той степени детализации, которая нас устроит с точки зрения глубины исследования.

Все известные нам **разновидности циклов** [23] могут быть представлены через четные и нечетные числовые модели, в простейшем виде — парные и троичные.

Парные модели

Парные конструкции, куда входит и деление пополам (например, цикла), получены за счет удвоения. К парным относится и переход от пары к четверке (удвоение удвоенного), создающий кванты “ящика состава” (например, ячейки морфологии). В логическом аспекте это — типологическая четверка. Модификация парой может ветвиться и дальше [17].

Переход от пары к тройке презентует проблему порождения.

Троичные модели

Все непарные циклические построения (3 - 5 - 7 - 9 и т.д.) могут быть принципиально приведены к исходной тройной.

Но на той же, тройной, основе строятся все иерархические модели [17; 80; 243].

Иерархичность и вложенность в нумерологическом освещении раскрыта в нашей упомянутой монографии [17].

Итак, числовая методология применима по отношению ко всем нашим основным методологическим блокам: метатаксономии, циклике и иерархическому подходу. Мы считаем, что используем здесь ее метаметодологические возможности.

В итоге представим сочетания принципов “класс — цикл — иерархия” и числовых инвариантов в форме таблицы.

Класс – цикл – иерархия						Таблица 4.
Числовой инвариант Три парадигмы	1	1				
	2	1			2	
	3	1	2		3	
	4	1	2	3	4	
	5	1	2	3	4	5
	и т.д.					
КЛАССИОЛОГИЯ Тип Фаза Морфологическая матрица						
ЦИКЛИЧНОСТЬ Цилиндрическая Коническая Импульсная						
ИЕРАРХИЯ (вложенность) Философская (О-О-Е) Системная (Н-С-П) Общенаучная (В-Э-И)						

Итоговые сочетания могут быть сведены в единое трехмерное построение, которое может послужить плодотворной основой для целого направления, программы науковедческих работ.

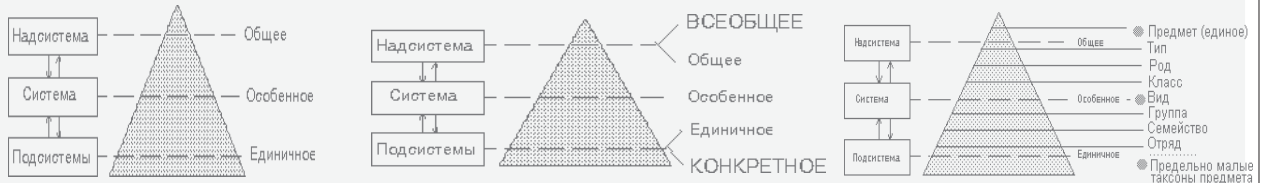
Задачу, поставленную в начале главы: взаимоотображение философского и системогенетического подходов и синтез их методов, — мы тем самым принципиально решили. Эта тема более подробно отражена в книге “Формула истории” [23]. Мы свели итоги к серии таблиц, куда вошли и другие схемы (см. Приложение 1).

Приложение 1

**ИНТЕГРИРУЮЩИЙ
МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОСНОВНЫХ СХЕМАХ**

Иерархия

Иерархия в числовых ключах: 3, 5, 7 и т.д. уровней иерархии:

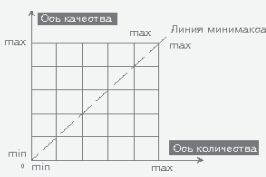

Иерархичность и вложенность (итоговый конус).

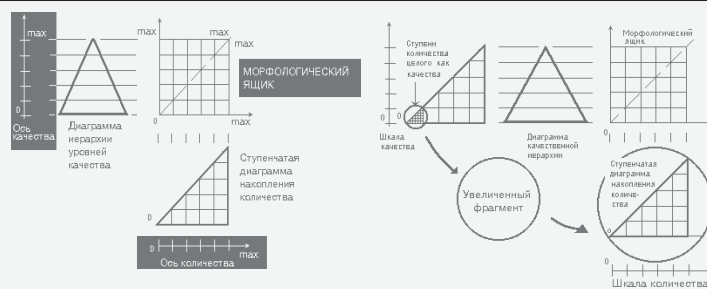
Иерархия в виде ступенчатой функции.

Состав системы. Морфология

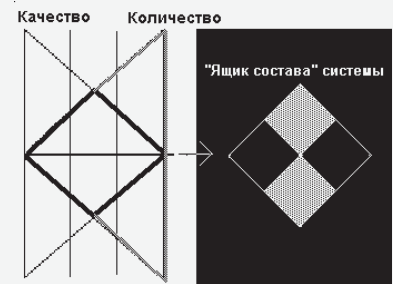

Морфологический ящик. Образование типологической четверки. Три разные типологические четверки.

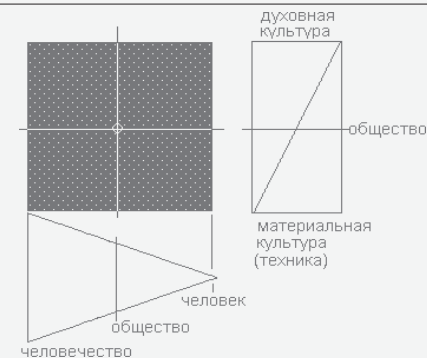
Морфология + иерархии

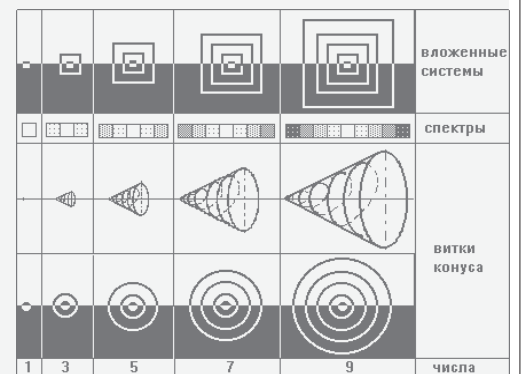
Морфология как соединение формальной и содержательной иерархий, ступеней количества и уровней качества:

Встречные иерархии количества и качества = ящик состава системы, морфология.

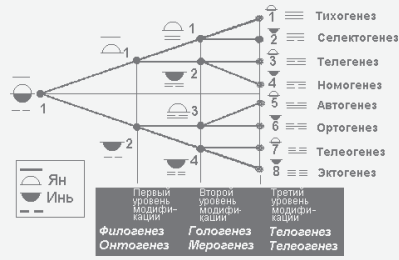

Морфология = иерархия + спектр — количество и качество.

Иерархия + спектр вложенностей

Иерархия уровней + модусы (уровневые таксоны)

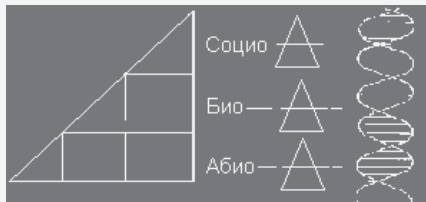
Логическое дерево с тремя иерархическими уровнями.

Две иерархии

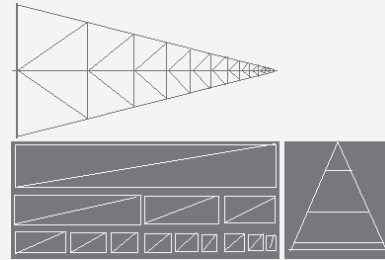

Количественная иерархия (ступени) + качественная иерархия (вещество - энергия - информация)

Иерархия иерархий

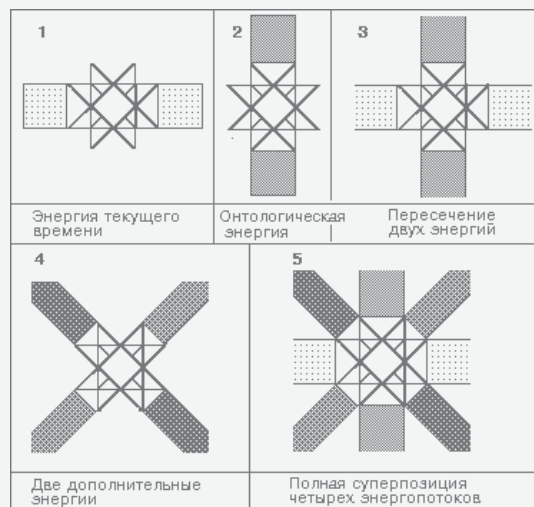
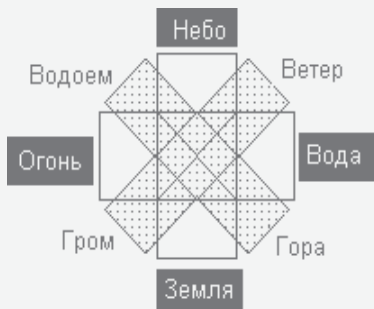

Иерархия (ступени) + иерархия (уровни каждой ступени) = иерархия иерархий, суперпозиционирование иерархий двух уровней.

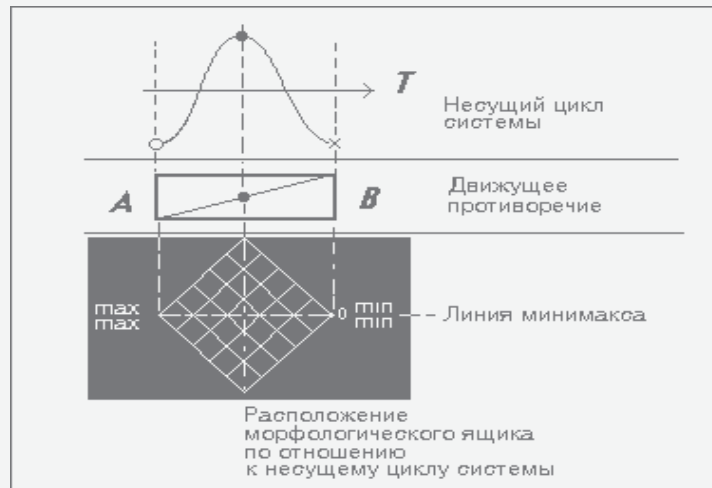
История как система вложенных конусов = иерархия уровней истории

Морфология морфологий

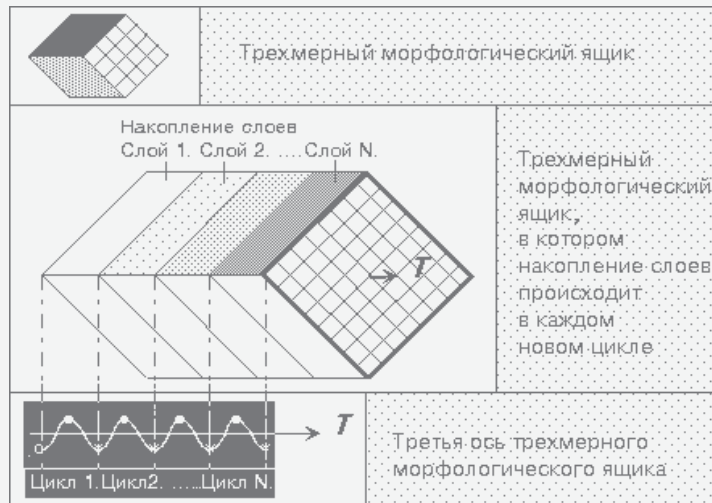

Морфология + уровни = суперпозиционирование морфологий двух уровней.

Цикл + морфология

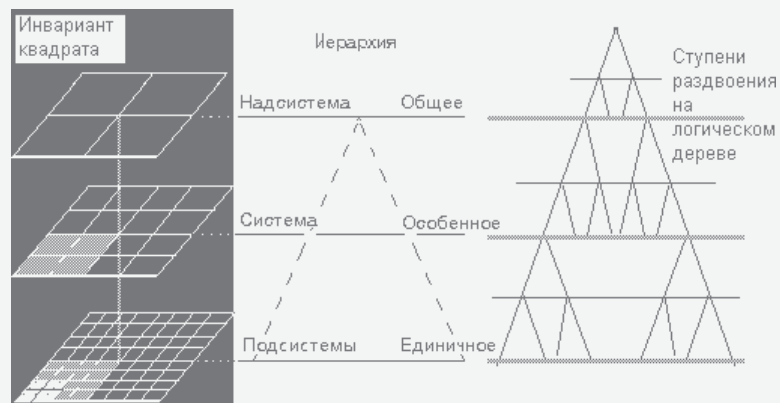

Закон связи морфологии с циклом.

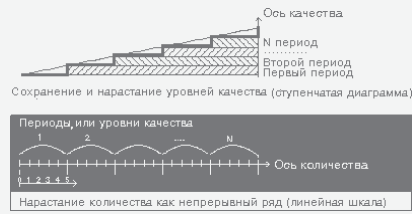
Морфология + циклы на 2-х уровнях.

Морфология (логическое дерево) + уровни иерархии

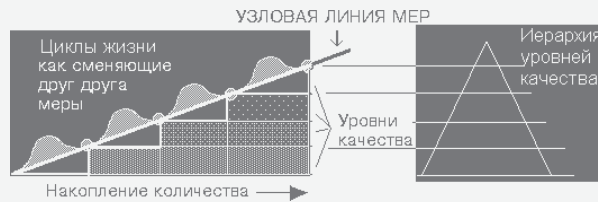

Морфология и уровни. Вложенность морфологий разных уровней.

Ступени = Цикл (в фазах) + иерархия (качество, периоды)

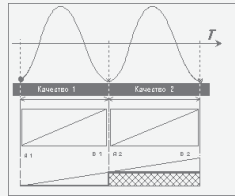

Циклы (периоды) + уровни иерархии (ступени)

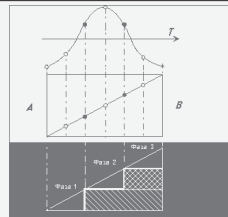

Циклы + иерархия (уровни). "Узловая линия мер".

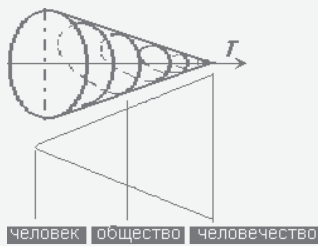
Совмещены оба варианта иерархии: и ступени (количественный), и уровни иерархии (качественный).

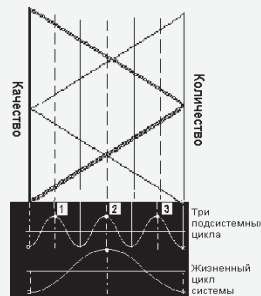
Циклы одного уровня + иерархия (ступени). Фрагмент "узловой линии мер".

Фазы цикла + иерархия (ступени).

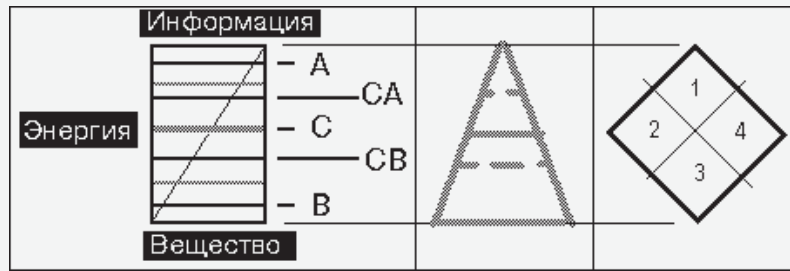

Конический цикл + количественная иерархия.

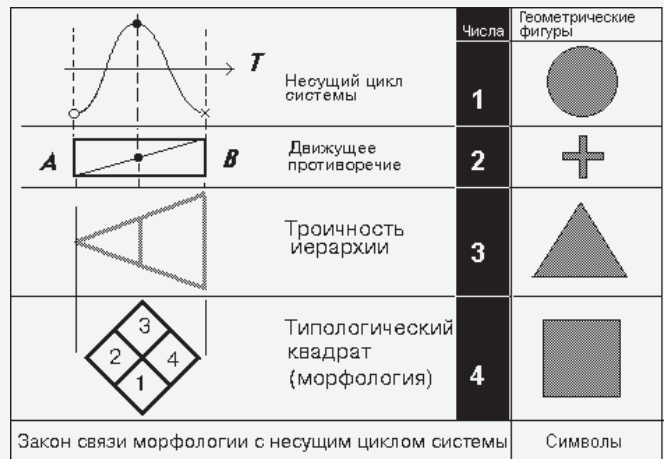
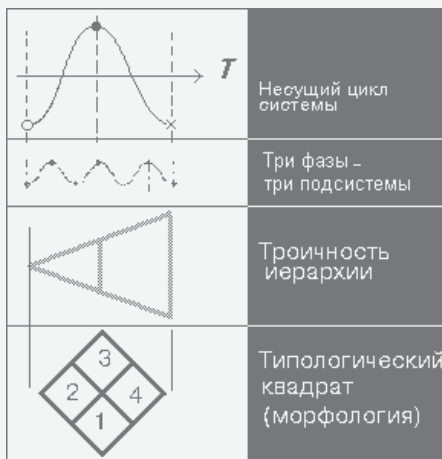

Циклы двух уровней + две встречные иерархии количества и качества.

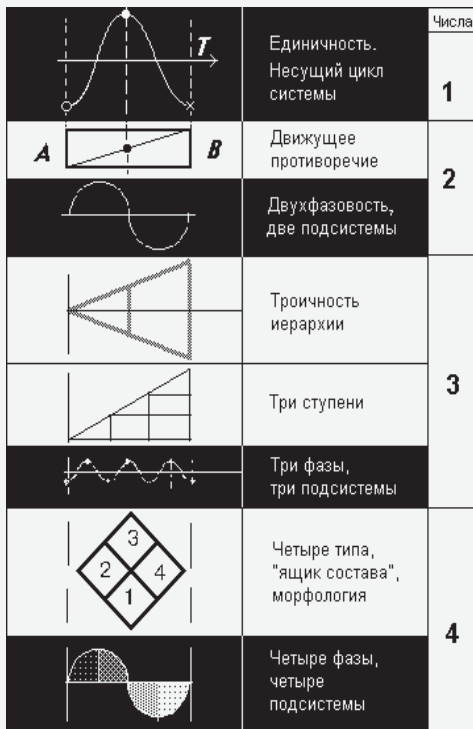
Иерархии + морфология + циклы

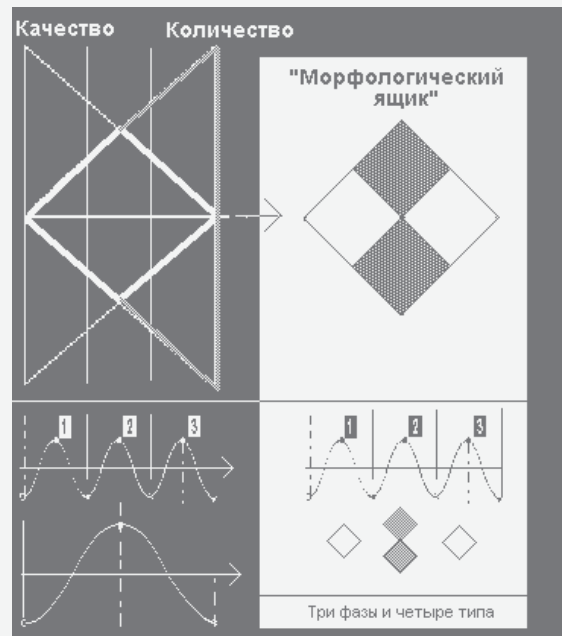
Переходы от единичного (цикл) к двоичному, троичному и четверичному.

Единство метода - цилиндрический цикл, три его фазы, тройная иерархия, пара и четверка морфологии (типы).

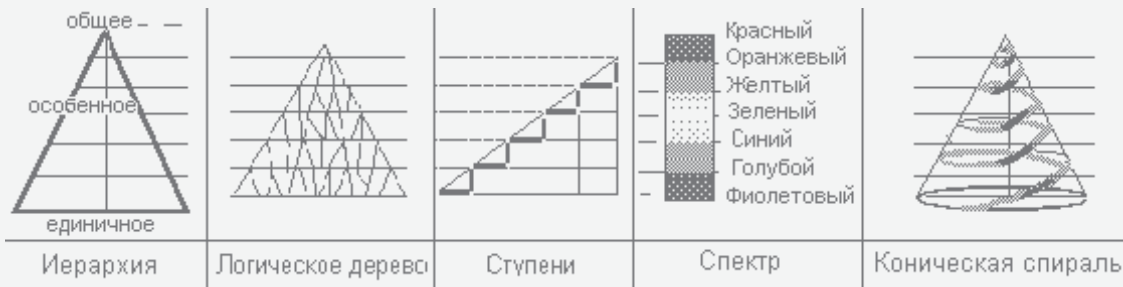
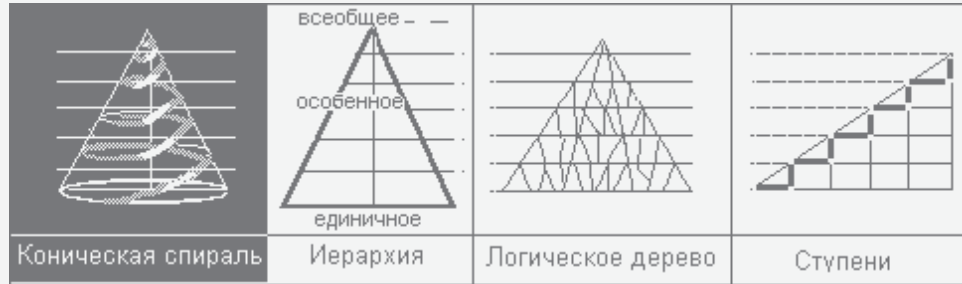

Единство метода в развернутом виде

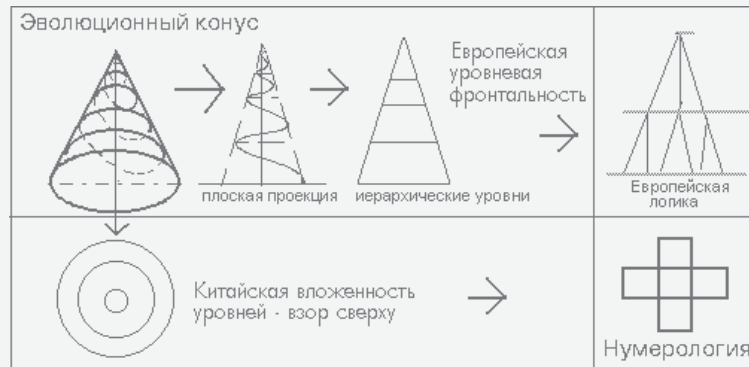

Иерархия (в двух видах) + морфология (4 типа) + цилиндрический цикл (в фазах).

Иерархия — ступени — спектр — циклы — морфология

Иерархические переходы: коническая спираль, уровни, логическое дерево, ступени, спектр.

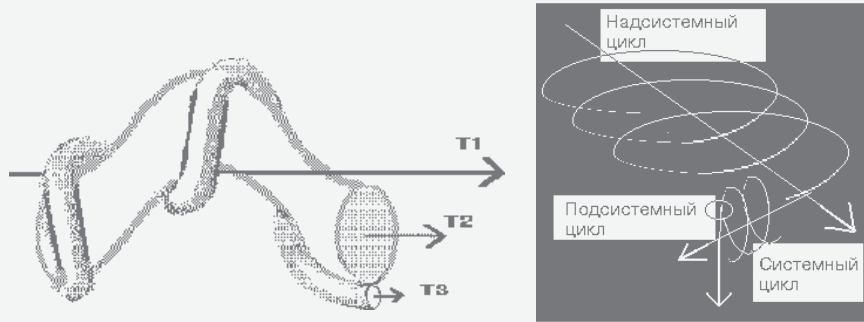
Конус + фазы = иерархия = логическое дерево.

Конус + фазы = ступени = иерархия = морфология (матрица).

Единство матрицы и мандалы (перевод матрицы в мандалу).

Циклы + иерархия + вложенность

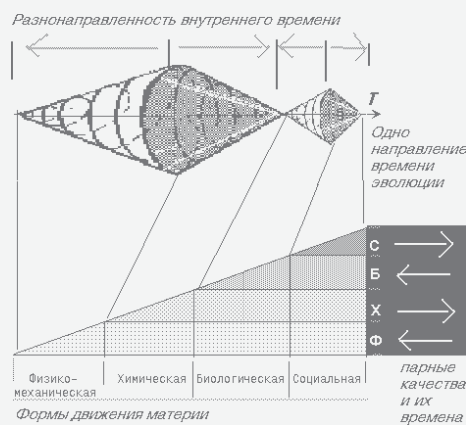
Цилиндрический цикл + иерархия.
 Суперпозиционирование и вложенность циклов трех уровней.

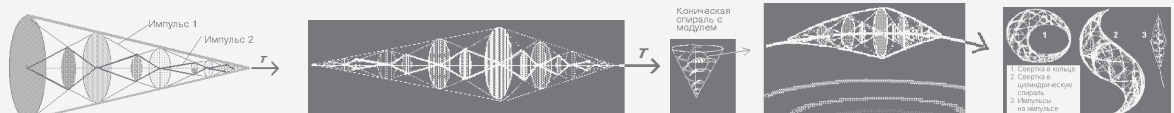
Сложный конический цикл + фазы.

Конический цикл + три уровня.

Импульс + уровни иерархии (ступени)

Импульс + уровни иерархии = суперпозиционирование, или вложенность импульсов.

1.2. Онтогенетический суперпозиционный экран

Решая задачу *синтеза* многочисленных отраслей идеального мира, мы попутно хотим сделать эти действия наглядными. Возникающие сочетания дают нам огромное множество конкретных исследовательских методик. В ходе решения двойной задачи мы используем **единый экран, куда** выводятся наши основные модели. Экран содержит все четыре типа отображения. По сути, он является синтезом только что перечисленных подходов. Они объединены одним экраном, единым исследовательским приемом.

Прием суперпозиционирования

В наших работах мы освещаем несколько типов приемов из разных областей деятельности [14; 15; 17; 19; 21; 23; 26], построенных по принципу *пакета прозрачных слоев*, способных совмещаться в единство “по вертикали”. Они работают в управлении, в проектировании, в искусстве, в компьютерном мире.

Например, исследователь В.Л. Глазычев использовал в своих работах метод “*пакета слайдов*” — взгляд сквозь него достаточно всесторонним образом раскрывал проектную ситуацию. На той же идеологии построены и многие компьютерные программы со *слоями и каналами*, способными совмещаться при помощи команды в единое изображение (например, Photoshop).

По утверждению психологов, наше сознание во многом устроено аналогичным образом: существуют некие *слои подсознания*, участвующие в принятии наших интуитивных и “волевых” решений [296; 318]. По принципу это все те же *кальки, слайды, или каналы*. Прием “пакета слоев” статичен, между тем наше сознание живет во времени, поэтому здесь в качестве аналогии скорее подойдет не статический “*принцип пакета слайдов*”, а динамический “*принцип пакета киноленок*”, потому что речь пойдет о синхронизации как любого одномоментного среза (онтологический взгляд, сущность), так и всей истории вместе (взгляд во времени жизни, в существовании). Соотношение сущности и существования, онтологии и экзистенции является ядром западной философии XX века [116].

Если довести эту мысль до *конечного состояния в качестве исследовательской методологии*, можно констатировать, что всякая работа по социальной истории должна бы представлять из себя как минимум пакет *синхронизированных* локальных историй (причем выделяемые “слои” и есть *состав социума* в данной теории). Например, в нашем ракурсе [25-26] история искусства, история искусствознания, история эстетической мысли, история философии в менталитете движутся вполне синхронно (хотя и не архижестко синхронно). Представить это *и порознь, и вместе* — значит решить проблему выражения, а следовательно, и композиции.

“Пакет слайдов” — это сочетание матрицы состава и иерархии.

“Суперпозиционирование” означает “наложение” ряда слоев и их последующее суммирование на одном “экране” [17; 23]. Нам необходимо получить отображение на едином экране *онтологических пакетов понятий* и отображение *синхронизированного целого* через совокупность индцированных и маркированных исторических фактов. Начнем мы с более простого, статического, способа отображения.

Онтологическое суперпозиционирование

Поясним суть на примере, существенном для нашей темы.

Нам долго не удавалось привести к единому знаменателю две эстетики: статико-логическую эстетику Л.А. Зеленова и динамическую эстетику Н.И. Крюковского. Они исходят из разных посылок: Крюковский говорит об “эстетическом отношении”, а Зеленов — об “эстетической деятельности”. Спроецировав обе концепции на единый **онтологический экран**, мы получили удовлетворительный вариант решения [26].

От эстетики — к теории деятельности

Чтобы пояснить это на схемах, потребуются три действия, которые мы представим как разные “кальки” (или как “пакет трех слайдов”).

Действие первое: мы выводим на экран рисунок, проясняющий специфику “эстетического отношения” в трактовке Н.И. Крюковского [148], **первую кальку**:

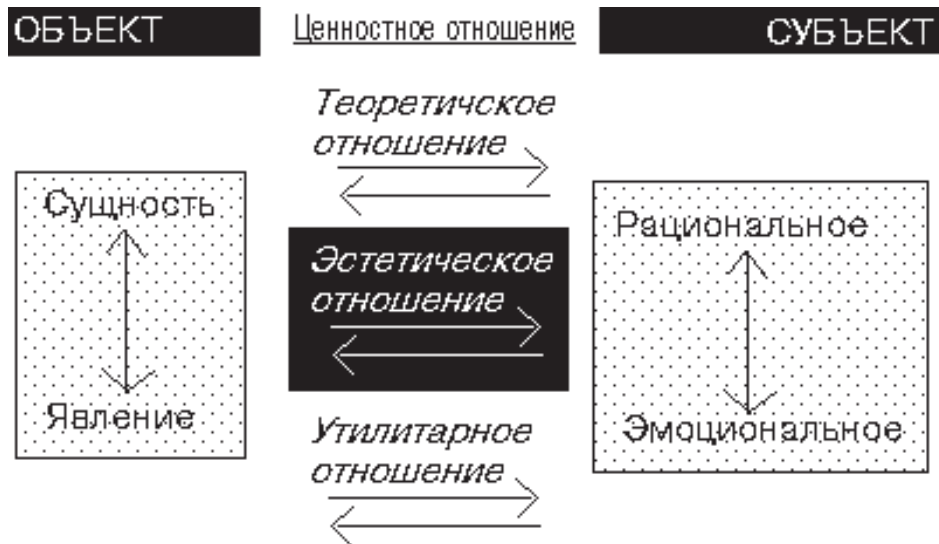

Рис. 40. Три типа отношений.

Логика построения проста: взяты *объект и субъект*, между ними установлено *ценностное отношение*. Чтобы выделить его ярусы, объект раскрывается как одно противоречие (сущность — явление), а субъект — как второе (рациональное — эмоциональное). При этом, развернутом, взгляде у двух взаимодействующих систем (объект — субъект) намечаются *три яруса* отношений (иерархическое устройство отношений). Верхний ярус, где “сущность” объекта соотносится с “рациональностью” субъекта, являет собой **теоретическое отношение**. Нижний ярус, где “явление” в объекте соотносится с “эмоциональным” в субъекте, — **утилитарное отношение**. Оба эти отношения — односторонние: и объект в них участвует одной стороной, и субъект. Лишь **эстетическое отношение** целостно, потому что сам наш субъект *выступает как единое, рационально-эмоциональное, существо* и относится к объекту, *взятому в единстве сущности и явления*. Разумеется, и Крюковский говорит о том же: крайние отношения не существуют в чистом виде — это скорее такие пределы, как “робот” и “животное”, т.е. данное построение устанавливает *пределы шкалы эстетического*. Основа его была намечена еще в эстетике И. Канта [130].

Превратим данную “кальку” в *инвариант*. Для этого от субъект-объектного отношения следует перейти к более широкому человеко-предметному. Есть **человек и мир** вне его, между внешним миром и человеком (как биосоциальным субстратом) стоит общество, с его культурой и деятельностью, и без общества нет человека по определению. Противоречие “общество — человек” подразумевает третье — двусторонний **“канал связи”** человека с обществом. Раскрывая первую и вторую стороны противоречия как собственные дополнения, мы тем самым раскрываем и это третье, оно предстает как трехъярусная иерархия.

То, что в схеме Крюковского обозначено как *эстетическое отношение*, на самом деле есть *вообще любое деятельностное отношение*. И у такого отношения есть естественные пределы в виде рационально *отражающей* деятельности человека и его материально-производящей деятельности. В середине мы получим деятельностно отраженный канал связи. Та же иерархия, но “наоборот”, содержится в известной психологической тройке: **“труд, общение, познание”** [168].

Само наше среднее [164] — коммуникация — может получить как минимум два деятельностных проявления. Раздваивая середину, мы совершаем **переход от тройной иерархии к модели четверки**. И тут вступают в силу все известные нам общественные и прочие существенные четверки, способные работать *в инвариантном режиме*.

Например, из единой коммуникационной деятельности (**деятельности общения**), по М.С. Кагану [123], мы получаем *ценностно-ориентационную и коммуникативную деятельности*. М.С. Каган изначально базируется на аксиологии, а если говорить о ценностях, то можно увидеть здесь сократовские (по происхождению) **четыре типа ценностей**. Исходное *ценностное отношение* переведено в деятельностное и предъявлено как типологическая четверка. Поместим ее в середину рисунка:

Рис. 41. Основная аксиологическая типология: четыре типа ценностей.

Итак, поместив на исходную *кальку 1* (эстетическое отношение, по Крюковскому) *кальку 2* (типы ценностей), мы обнаружим, что за "эстетическим отношением" скрываются **два аксиологических отношения**: эстетическое и этическое.

Говоря об инвариантах метода, отметим, что Крюковский применил иерархическую тройку, а Каган — типологическую четверку. И в первом, и во втором случаях для расширения смыслов можно воспользоваться уже известным нам набором инвариантов тройки или инвариантов четверки [17], их не много. Так, в инварианте *повернутого квадрата* фигурирует несколько моделей, готовых к содержательному сопоставлению: четыре первостихии, четверка ценностей и четыре вида деятельности (по М.С. Кагану):

Рис. 42. Сопоставление трех типологических четверок.

Мы ставим здесь чисто иллюстративную задачу — продемонстрировать **структурный инвариант**. С позиции средств идеальной деятельности, пары, тройки и четверки имеют одинаковое назначение — это все инварианты. Применение тех или иных числовых закономерностей обладает своей логикой. Мы совершили (вместе с Гегелем и Крюковским) переход от **единичного** к **удвоенному** (субъект — объект, общество — человек) и далее — к **троичности** (общество — канал связи — человек), которая сама по себе иерархична. Уже

здесь можно применить для расширения значений множество инвариантных троек из других областей, но мы этот шаг опускаем. Раздвоив третье, мы вышли на совокупность инвариантных **четверок** и рассмотрели некоторый ряд.

Далее можно пойти по пути *модификации* четверки. Например, в своей теории деятельности Л.А. Зеленов [111] исходит из того, что четверка типов бедна как всякая универсальность и что **родовые деятельности** имеют аспект **изменени и сохранения**. При этом он *модифицирует* типологическую четверку *дополнительностью (двойкой)*:

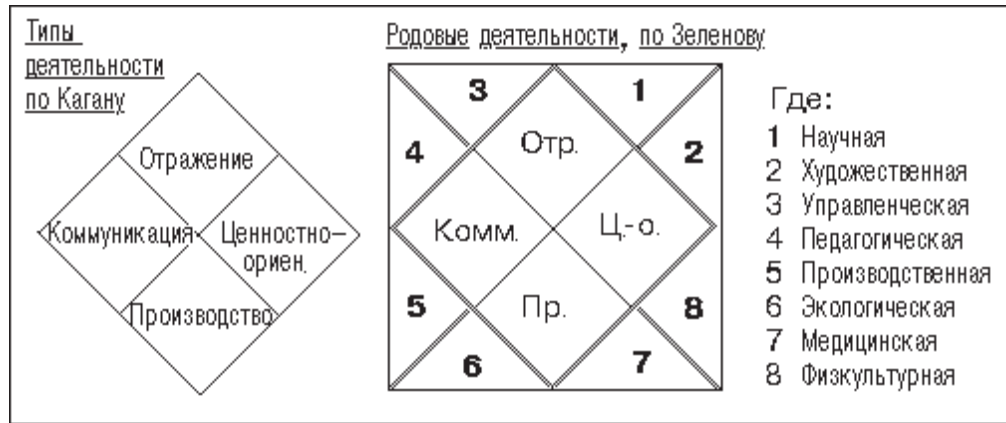

Рис. 43. Развертка из четырех типов восьми родов деятельности.

Действие по удвоению добавило новый уровень таксонов, образующих наружное охватывающее кольцо на плоскости, или новый уровень модусов. В образовании восьмерки родовых деятельностей Л.А. Зеленова участвуют три пары противоположностей: "человек — общество", "духовное — материальное", "изменение — сохранение". Инвариантная восьмерка получена как удвоение инвариантной типологической четверки.

Изучим подробнее оси, на которых мы расположили противоречия. Продолжая исходную линию размышлений, возвратимся к схеме "эстетического отношения" Н.И. Крюковского. Обе пары Крюковского расположены на горизонтальной оси — ее мы можем идентифицировать с *осью текущего времени* (экзистенции). А соединение Человека и Общества сущностно: оно носит всеобщий *онтологический характер*. Перед нами — два отдельных **акта наложения слайдов**, или, по нашей терминологии, "**суперпозиционирования**" ($1+2=3$; $2+3=5$):

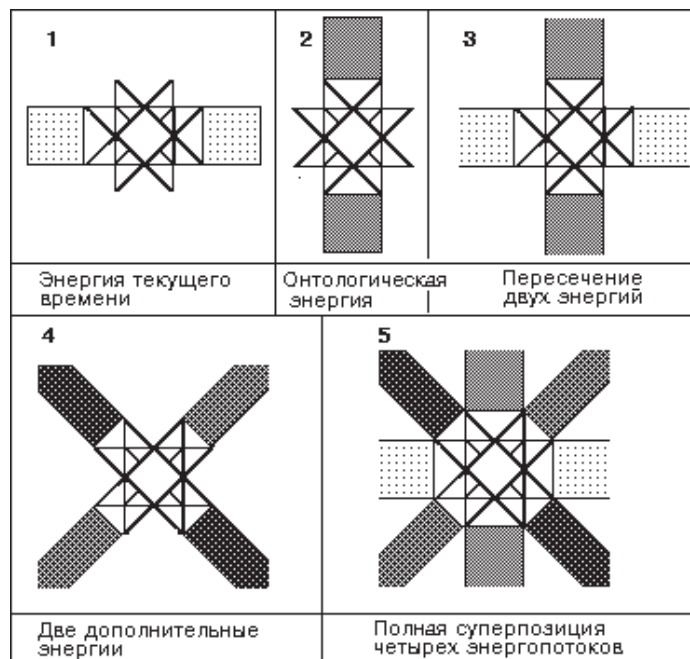

Рис. 44. Суперпозиция основных и дополнительных энергопотоков.

Мы явно перешли на более высокий уровень абстрактности. На суммирующем экране предстает *одно изображение*, а под ним как минимум четыре слоя “калек”, или “слайдов” (1, 2, 4а, 4в). Каждая модель, и суммарная — тоже, может быть рассмотрена и как *совокупность таксонов*, и как *морфологическая конструкция целого*, и как *набор связанных функций*, и как *набор разновидностей информации* (связанной с той или иной функцией).

Роды деятельности мы описали на основе восьмиугольной суперпозиционной схемы — “звезды деятельности”. Наиболее общий смысл представленной в центре **“звезды деятельности”** [17] выражен универсальным экраном, где установлена связь Вещества, Энергии и Информации. Но если отвлечься от таксонов деятельности и прояснить *логику* образования подобной восьмерки, то мы увидим древнейший инвариант, известный в истории классической китайской философии [138] как **мандала** “Порядок внутреннего мира”.

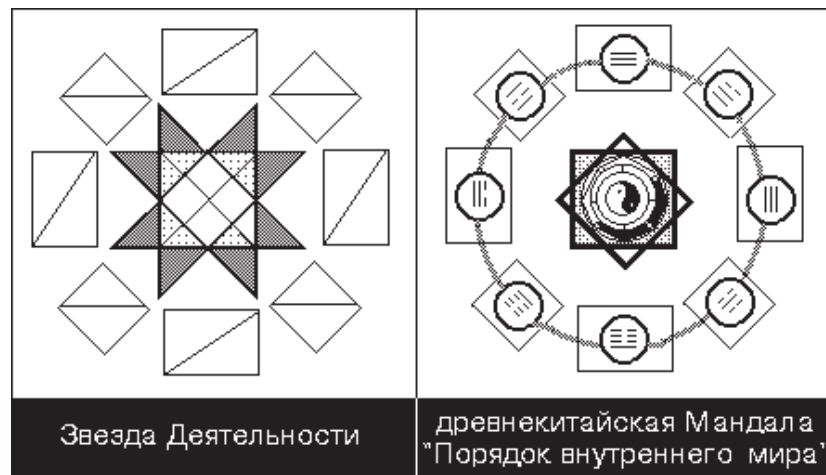

Рис. 45. Инвариант из восьми сцепленных противоречий и его проявления.

При раздвоении **четверки стихий** в древнекитайской системе возникает дополнительность в виде еще одной характерной четверки:

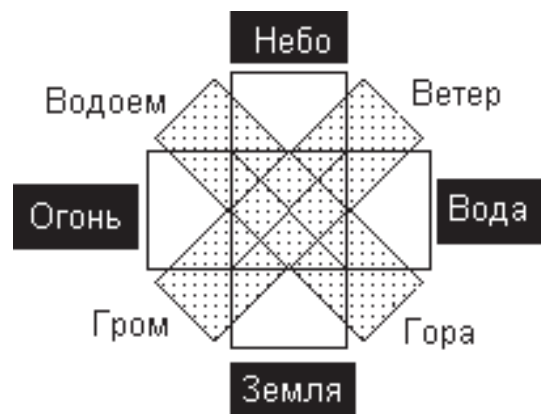

Рис. 46. Восьмерка стихий в китайской классической философии.

Восемь типов, отраженных в китайской мандале, состоят из так называемых триграмм. Триграмма построена на основе своеобразного двоичного кода, в котором представлены два универсальных начала: *непрерывность* Ян и *дискретность* Инь (в графическом плане это — **непрерывный** и **разорванный** посередине отрезки, что весьма напоминает принцип азбуки Морзе). При переводе на язык европейской логики получим три шага по раздвоению, где в качестве оснований избрана пара Ян и Инь, “противоположность” вообще. Непрерывность и дискретность (хронотоп) — значения, которые выражены графически-символьно: *непрерывность в пределе* — это время, а дискретность, соответственно, пространство.

Интересно отметить, что внутри самой классической китайской философии есть два аналогичных по смыслу начала: Лао Цзы основал даосизм, а Конфуций — нумерологию; Дао есть *путь*, то есть непрерывность, а нумерологическое Число — предельно простая абстракция дискретности (кстати, ряд исследователей доказывает, что даосизм возник позднее конфуцианства и как реакция на него). В Греции на месте этой диалектической пары — Платон и его ученик Аристотель (как на фреске Рафаэля).

В случае с выведением видов и родов деятельности мы прослеживаем *три содержательных шага по раздвоению на противоположности*. В теории деятельности Л.А. Зеленова (и НФК) все эти три шага к тому же описаны достаточно разнообразно [109; 111; 193].

Сопоставим, так сказать, еврологику трех раздвоений и мандально-центрическую восточную логику:

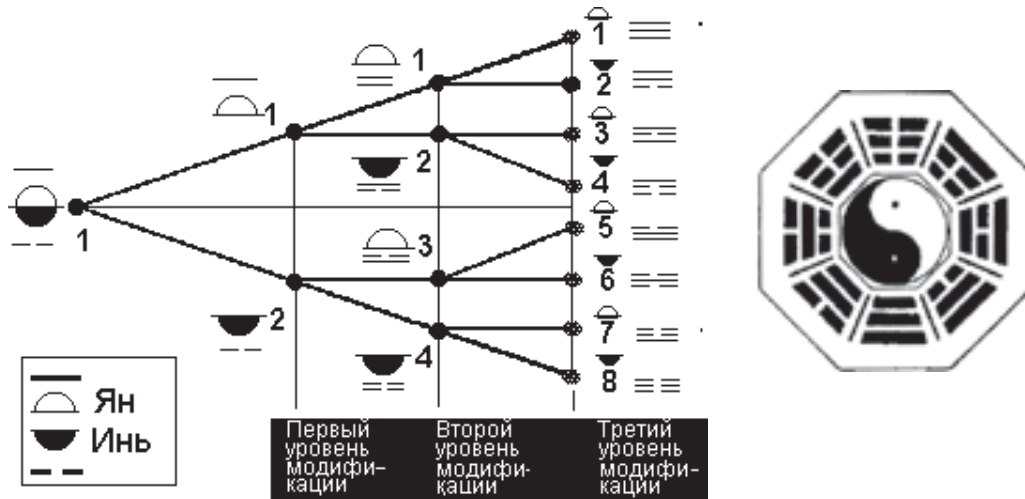

Рис. 47. Упорядоченное представление восьми основных типов в двух логиках.

Восемь триграмм в мандале, как легко убедиться, образуются как комбинаторный перебор *всех вариантов* на трех уровнях модификации. Это — очень важный момент, потому что и сам прием **трех уровней модификации** имеет содержательное наполнение. Это как минимум все те значения, которые мы выстраивали при связывании основных иерархических и циклических троек.

Получен набор модусов с некими парными контркачествами, повторенными на трех уровнях иерархии. Причем те предельные значения, которые содержатся в китайской мандале, не существуют в чистом виде в европейском варианте философии. Смысл китайского приема “триграмм”, если возможно вообще их соотнести, состоит в трех шагах европейской логики парных модификаций.

Тот факт, что перед нами — столь глубокий мировоззренческий инвариант, позволяет надеяться, что мы получим дополнительные возможности в трактовке свойств имеющих схем на основе восьмерки. Это уже некий **инвариантный ракурс суперпозиционирования**, скажем, очень важная “дельта плюс” самого нашего метода, позволяющая *переносить свойства, если инвариант структурно един*.

Здесь следует уточнить содержание применяемого нами понятия “инвариант”. В Европе **понятие закона** было выработано на границе Нового времени, а в Китае уже в XI веке неоконфуцианцы использовали **универсальный моделирующий принцип** — “ли”, единый и в то же время присущий каждой вещи [300, 28]. Именно такое понимание ближе к графико-числовому инварианту, который является наиболее важной частью, ядром нашей системы четырех типов отображения. Нумерология китайского образца — “особая теория символических пространственно-числовых структур” (учение о символах и числе) — схожа с пифагорейско-платонической *аритмологией* или, в терминах А.Ф. Лосева, *структурологией*. Для структурологии центральными являются категории Символа (образа) и Числа [170, 10].

Дальнейшие шаги могут исходить из какой-либо цели. Наиболее близка к теме диссертации тема модусов деятельности, ее внутреннего системного строения и ее таксономии. Но эта тема уже рассмотрена в нашей монографии [15]. Основные инвариантные модели здесь целочисленны, и они детально проанализированы нами в другой монографии о числе-инварианте [17]. В обществоведческом плане это проделано в “Формуле истории” [23]. И потому, как ни жаль, столь выигрышную тему мы вынуждены в данном тексте опустить.

Далее постараемся осветить, что можно извлечь из полученного пакета в плане методологии.

Перекрестный перенос внутри суперпозиционной схемы

Мы рассматривали пока три чужие схемы (три исходных слайда): схему эстетического отношения Крюковского, схему деятельностных модусов Кагана — Зеленова и инварианты, связанные с типологической четверкой. Все дополнительные сведения мы получили методом “перекрестного опыления” этих трех главных схем-слайдов. В итоге мы вышли на инвариант, на котором построены и древнекитайская мандала “Порядок внутреннего мира”, и наша “звезда деятельности” [15].

Такой способ суперпозиционирования мы называем прямым, потому что никакого особого вскрытия структурного инварианта и его дополнительного анализа мы здесь не проводили. Зато вполне очевидно, что мы свободно переносили **свойства** с одной схемы на другую, а в сумме — на итоговую. Прием переноса свойств состоит в том, что *перенос произведен по осям*. Его можно раскрыть в вариантах: как горизонтально-осевой, вертикально-осевой, перенос по восходящей диагонали, по нисходящей диагонали, а также послойный комплексный. Все это — разные исследовательские приемы.

Прямой перенос — очень эффективная методика: это — готовая исследовательская и педагогическая *технология*. Способ переноса здесь напоминает “перекрестное опыление”. Мы помещаем содержательно разное рядом на основе **геометрического сходства схем**.

Так, если мы вернемся к исходным трем “слайдам”, то обнаружим, что проделали здесь уже целый ряд *операций перекрестного переноса*:

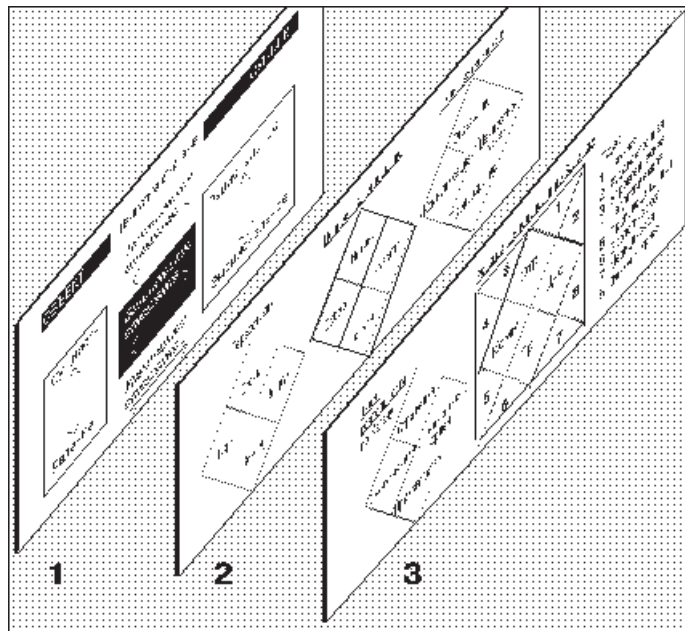

Рис. 48. Представление суперпозиционных схем как “пакета слайдов”.

С первой схемы на обе другие мы перенесли идею “раздвоения и познания противоположных сторон” — *раздвоенного как дважды раздвоенного*. Со второй схемы мы перенесли

идею существования не только горизонтального, но и вертикального *раздвоения раздвоенного* — здесь возникла модель тройной иерархии, а далее — *четверка*. С третьей схемы мы перенесли на все прочие идею *третьего раздвоения* — и тогда появились четыре оси и восемь противоречий. Вернувшись назад, мы говорим: все это присутствует и в первой, и во второй схемах, но невидимым, неявным образом. Такой, обратный, ход мыслей не из чего не вытекает, его можно назвать почти интуитивным, хотя на самом деле перед нами нечто вроде эффекта “герменевтического круга”, где есть предзнание, заданное контекстом целого.

В итоге нашей суперпозиции, когда мы вышли на инвариант мандалы “Порядок внутреннего мира”, был сделан весьма значительный шаг вперед. Мы ввели такую плоскость рассмотрения, которой нет ни в одном первоисточнике, включая и древнекитайский.

Проделав многоступенчатый *дивергентный анализ*, усложняющийся по ярусам, мы произвели и обратный, *конвергентный, синтез*, в результате которого **приписали простому свойства более сложного**. Этот ход можно изобразить двояко, на плоскости и в объеме, но суть будет одна:

Рис. 49. Единство инварианта в плоском и объемном виде.

Мы получили в итоге простой геометрический инвариант, несущий на себе **многозначный пакет инвариантных смыслов**.

Когда мы будем переходить к более сложным (уровневым, альтитудным) образованиям, принцип суперпозиционирования в онтологической форме будет все так же сохраняться.

Он является чем-то немного иным, чем толерантность и "**вложенность**" систем разного уровня друг в друга хотя бы потому, что мы завязываем связи на наших вложено-наложенных схемах иными способами. Суперпозиционирование открывает нам путь и к **мерогенезу** [244], но тоже не сводится к нему.

1.3. Генетическая проверка онтологических схем

Нам остается осветить еще один ход, который раскроет весь генезис, и, таким образом, кроме принципа онтологического суперпозиционирования на схеме предстанет второй важнейший принцип: *всякая онтологическая модель достоверна только тогда, когда ее можно проверить как генетическую последовательность*. Следовательно, принцип "онтологического" связывается в пространстве единой схемы с "генетическим суперпозиционированием".

Если мы учтем генетический аспект восьмерки (в виде Звезды Деятельности), то нам необходимо будет мысленно вернуться к той схеме, на которой мы развели во времени и пространстве Человека и мир Социума. При этом в генетическом плане мы обнаружим удивительную вещь — не только “звезду деятельности” (или древнекитайскую мандалу “Порядок внутреннего мира”), но и все шаги известного нам генезиса биологического и социального миров (а если “вторую природу” социального мира воспринимать как *некромир*, — то и более ранние, зеркально отображенные, стадии генезиса мира). Пока мы не ввели подробно спиральное и дискретно-спиральное представления, оставив наши интерпретации на плоскости. Но даже из формы разворачивания “лепестков” восьмерки во времени видно, что перед нами происходит развешивание этих лепестков по некоему пространственному витку цилиндрической спирали.

Сами системы, сходящиеся в человеке, возникают в процессе биологической эволюции и антропогенеза в последовательности от простого (тело) ко все более сложному (органы чувств — мозг). В момент, когда началась социализация человека, включился процесс функциональной асимметризации полушарий его мозга. Если мы посмотрим на технику (выступающую пока точным отображением и компенсатором недостаточности основных функций человека — телесной, чувственной и рациональной), то увидим ту же эволюцию, в той же последовательности, — от “вещественной”, через “энергетическую” к “информационной” технике. У техноса пока нет единственного — асимметрии полушарий мозга. Нет машинных систем, идентичных по функциям и сложности “старому” полушарию мозга человека.

Представим все этапы этой эволюции на одной схеме:

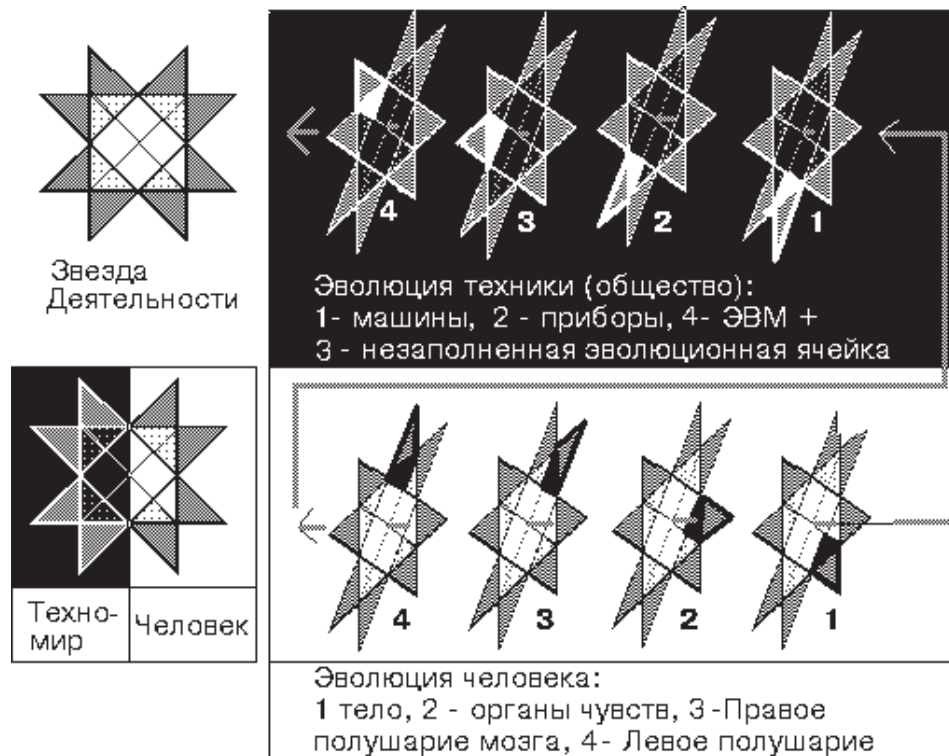

Рис. 50. “Звезда деятельности” в двух эволюционных линиях.

Нам кажется, что тут есть и какая-то загадка, и даже эволюционный закон. Брошенная вперед, в авангард эволюции, левополушарная рациональность структурно проще, чем упакованная неизвестно каким количеством слоев предшествующих этапов эволюции правополушарная сверхсложность иррационального типа. Ее действительный эволюционный резерв обнаруживается в моменты кризисов (архаика), когда включаются старые, проверенные эволюцией программы. Таким образом, старое, предшествующее, содержит гораздо больший эволюционный резерв, чем новое. Это находит проявление в поведении человека: в моменты рационального кризиса он склоняется к мистике, а на самом деле обращается к более устойчивой сверхсложности иррационального. Это же находит проявление в динамике общественно развития: эволюция “общественного сознания” (а точнее — всех уровней менталитета) направлена от рационального все к тому же иррациональному. Может быть, в этом и состоит загадка странной, “рваной”, эволюции: вбрасывая новое, как щуп, далее она постепенно отступает к испытанным временем эволюционным механизмам. Но это новое не исчезает, а апробируется и создает еще один потенциальный слой в пакете накоплений, в резерве эволюционной выживаемости общественной системы. Данный процесс отражен и в языке: “добрые старые времена”, “новое — это хорошо забытое старое”, “дедовские способы надежнее новых будут” и т.д.

Если посмотреть на складывающиеся части “звезды деятельности”, то перед нами последовательно предстанут четыре типа систем: абиотические системы, биосистемы (до человека), технические системы, социальные системы. Они расположены на разных уровнях разных слоев, то есть пока “склеены” в пары внутри важных для нас слоев. Но их можно и развести, и это даст генетическую последовательность в типах. Мы их наложили и сцепили друг с другом на

схеме Звезды Деятельности. Это дает нам ответ на вопрос о содержательном аспекте суперпозиционирования на наших предыдущих схемах:

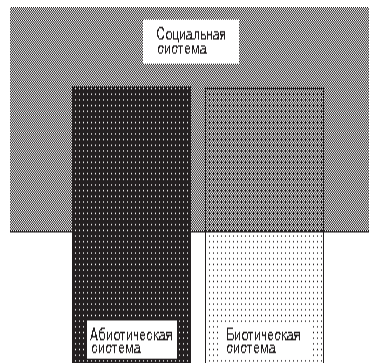

Рис. 51. Социальная система как суперпозиционная система "второго слоя".

Как ни парадоксально, но общество как система устроено комбинированно-разорванным образом: абиотическое — общественная, "вторая", природа и биотическое — человек. Если же понадобится ввести сюда еще и естественный мир, то он будет просто зеркально отраженным в пространстве относительно человека:

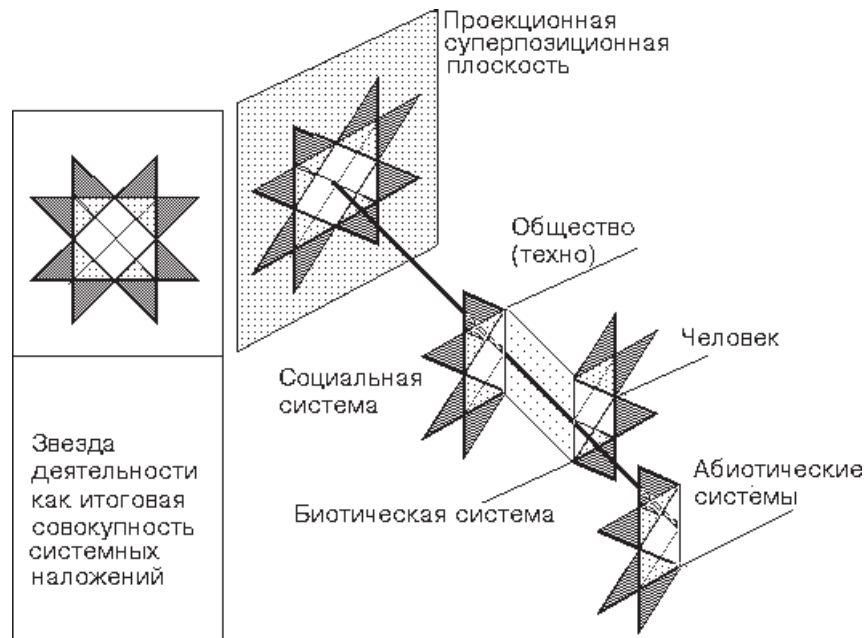

Рис. 52. "Звезда деятельности" как суперпозиционное наложение трех систем.

Мы, по сути, ввели не совсем традиционный тип "наложения слоев": провели *генетическое суперпозиционирование систем*, входящих в такое единство, как "общественная система". Она выступает как *невидимая конструкция*, которая базируется (функционирует, живет и т.п.) на абиотических (техника как особая и изменяющаяся телесность общества) и одновременно на биотических системах (морфологически неизменные люди как особое суммарное "биотело" общества): это — формула "**технос + социос**". Остальное принадлежит человеку (от геноса и выше) и природным системам.

В духовном отношении (культура общества) этот особый организм есть нечто, произрастающее посредством людей как "**дельта плюс системы**". Социум "ведет себя" в некоторых отношениях как организм (обладает "психикой") и даже "мыслит" (коллективный разум), а конкретные люди и человеко-машинные системы ("*клетки*" этого организма) играют в нем не большую роль, чем клетки нашего организма в нашей жизни. Эволюционирование тела техники обеспечено при помощи идеальных накоплений, производимых в культуре людьми. На эти две эволюции направлено устройство западного общества и иже с ним. Что же касается человечества в целом, то заметим: тут есть разнообразие вариантов общественного устрой-

ства: не все типы развития общества детерминированы техносом. Впрочем, это выходит за пределы данной темы и будет рассмотрено в свое время.

* * *

Мы применили на суперпозиционных схемах два приема, о которых говорили в самом начале: соединили компонентный анализ со структурным (**онтоотображения**), а затем — со спирально-генетическим. Причем мы ввели жесткий принцип взаимодносзначного соответствия: все построенное на **онтоплоскости** должно проверяться и подтверждаться в генезисе.

На этом наш разговор о методе не завершается. Мы пока не осветили такую его важную особенность, как **внутреннее дополнение инварианта до полноты в пределах той же онтологической плоскости**. Это — достаточно сложная тема, ее не раскрыть сразу. Мы к ней будем подходить по частям, вводя для рассмотрения то один, то другой, то третий ракурс и только потом объединяя их в одном изображении. Если мы начнем это делать немедленно, то при общей принципиальной обедненности самих схем может возникнуть эффект излишне глубоких трактовок слишком простого изображения-символа.

Если говорить о новизне, то в современной философии ничего похожего на полученный синтез в области метода пока нет.

§ 2. СИСТЕМНО-СТАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Постановка задачи о выделении ядра знаний об обществе

Практически первая половина работы была посвящена методу и это соответствует ее основной ориентации (философия науки). Теперь нам предстоит обратиться к прикладной теме и упорядочить совокупность представлений, терминов и понятий, имеющих отношение к наукам об обществе. Эта область знания имеет *полифокусный характер*, но единого и хорошо структурированного “универсума” здесь пока нет. Различие точек зрения задано ментально-исторически [21].

При всем разнообразии подходов в обществоведении всегда содержится проблематика, связанная с устройством и развитием общества. Инвариантным выступает наш системно-генетический ракурс — общество как система и его генезис, отсюда и подступы к решению проблемы концептуализации социальной философии, поиск инвариантного конструкта ее как “метаобществоведения”.

Чтобы воссоединить все ветви, необходимо обозначить содержательное ядро такого конструкта. Оно должно быть более объемлющим, чем любые частные направления, и поэтому — более абстрактным. Это ядро открывает нам закон структурности, не только основной набор наук и теорий, но и ярусы общности, содержащиеся в данном наборе и т.д. Знание об обществе необычайно разветвилось, однако такая дифференциация знания столь же неизбежна, как и последующая интеграция, уже простирающаяся в наше время.

Наука на каждом этапе не просто подводит итоги и производит возгонку и уплотнение всего известного до нее — она еще и дает экстраполяционный прогноз. Это требование применимо и к нам, ведь сегодня мы должны не только описать, понять законы развития, но и *начать творить историю*: на наших глазах история все больше проектируется и все меньше выступает как стихийная.

2.1. Надсистемное представление предмета социальной философии

Начнем с предельных надсистемных оснований. Социальная форма находится в ряду других форм. Ее можно рассмотреть и отличить на этом уровне общности в трех ракурсах.

1. Ракурс состава

Л.И. Мечников [190] упоминает, что в классической науке XIX века фигурировали аристотелевские по происхождению “три царства”, самым крупным образом делившие науку **по объекту**: минеральное, растительное и животное — царства [31], к которым О. Конт добавил “мир социологии” и социологический объект. Так возникла группировка в первую четверку: неорганический, органический (растения и животные), социальный “миры”.

Однако группировать в четверку можно и по другим основаниям [17]. Так, четыре формы движения можно представить как типологический квадрат, встречающийся во всех учебниках:

Химическая	Биологическая
Физическая	Социальная

Рис 53. Четыре основные формы движения материи.

Если акцентировать жизнь, то увидим: все неживое получает название “абиотического” — и можно сгруппировать модусы в тройку системы. Но можно и, наоборот, расширить абиотический мир и различить в нем две формы движения. Это имеет важное значение для схемы глобального генезиса.

2. Ракурс генезиса

Четыре уровня организации материи (формы ее движения) предстают как этапы макроэволюции на конических импульсах, с уменьшающимся во времени шагом:

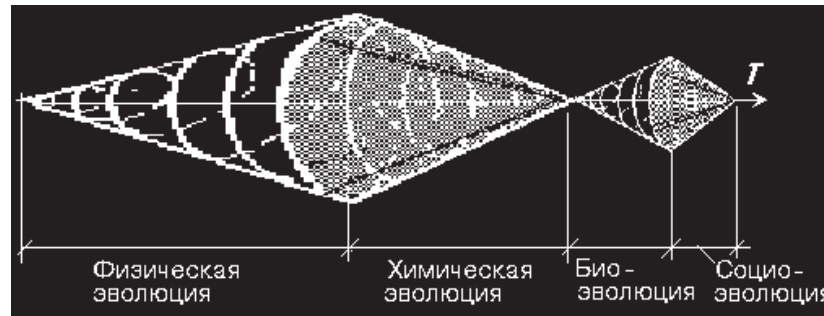

Рис. 54. Макроэволюция в ее основных этапах.

Социогенезис получает первую качественную спецификацию как развитие на конвергентной конической спирали.

3. Ракурс иерархии

Соединив четверку типов с тройкой (три типа систем) при помощи ступеней, увидим по вертикали оформленность в качественные уровни:

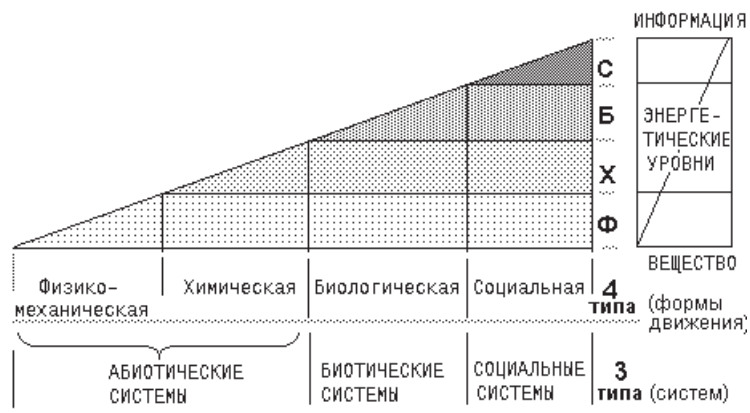

Рис. 55. Формы движения материи и материальные системы в уровневом представлении.

Перед нами — наиболее крупные уровни и в системном, и временном (этапы) отображениях. Такое представление подразумевает общую иерархию: макроэволюция предстает как “восходящая” иерархия, с постепенным ростом сложности систем.

Акцентируя внимание только на качественных уровнях, от ступеней перейдем к иерархии: это — иерархия одноуровневая, надсистемная, позволяющая назвать социальную форму движения эволюционно высшей, и ничего более.

4. Ракурс индикаторов.

Полииерархичность (поуровневая иерархичность) позволяет раскрыть интересующий нас уровень системно. Для этого каждый уровень иерархии можно представить подсистемно-иерархически. Исходя из такого понимания, выстроим **три иерархии**: а) *связанные ступенями глобального генезиса*; б) *упакованные иерархически*. Вот как они выглядят в наиболее общем виде:

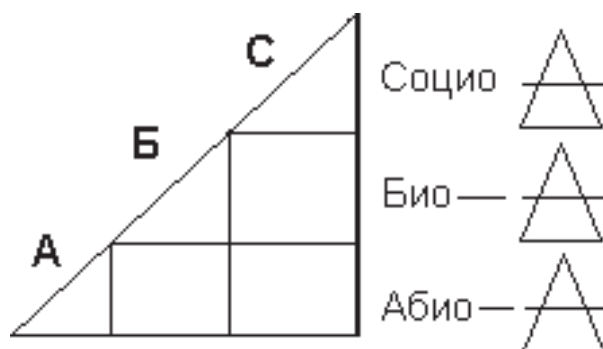

Рис. 56. Ступени системной иерархии, объединяющие три подсистемные иерархии.

Схема удерживает и представляет две логики: логику макроэволюции (ступени *глобального генезиса*) и логику внутреннего устройства каждой формы движения материи (например, *социогенезиса*). Перед нами, с одной стороны, иерархически и генетически связанное системное представление по поводу интересующего нас предмета (общество, социальный мир и его место в общем мире), а с другой — основа искомого “логического дерева”. Общественное знание уже можно начинать “развешивать” на нем, поскольку “дерево” как конструкция включает и биооснову (в человеке), и абиотический мир, подвергнутый общественному преобразованию (техника, вторая природа).

По сути, здесь в наиболее общем виде предъявлена вся полифакторность общественного развития. Два мира (“био” и “абио”) уже прошли свой этап становления, они перестали быть доминирующими в эволюции и являются потенциальной основой для эволюционирующего общества. Это не значит, что эволюция абиотического или живого миров совсем прекратилась — это значит, что они (с позиций интересующей нас общественной эволюции) приобрели относительно гомеостатические черты. Кроме того, влияние общественного человека на их эволюцию возросло и достигло планетарного масштаба [128]. Вопрос о системах абиотических и биотических факторов, определяющих собой общественное развитие, более подробно рассмотрен нами в книгах “Эволюция ментального хронотопа” и “Формула истории” [23; 26]. Данные факторы выступают вместе с тем и как совокупность индикаторов общественного развития, из которых главным мы считаем ментальные индикаторы. (Им посвящена наша третья глава.)

Выстроив все доминантные факторы в иерархию иерархий, мы можем против каждого из них поставить соответствующую научную школу или теорию ученого. В крупных блоках снизу вверх расположатся: геоклиматическая детерминация культур — Л.И. Мечников, первые геополитики; этногенез — теория Л.Н. Гумилева; социогенез на основе материального производства и эволюции техники — К. Маркс, Н.Д. Конратьев, А. Тоффлер, А.И. Субетто; культурогенезис — Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби; генезис на основе эволюции общественно интеллекта — А.И. Субетто, ментальный социогенез — наша теория и т.д.

Итак, возникает целый букет надсистемных моделей: структурных, генетических, альтитудных. Далее мы будем двигаться от надсистемы к системе, об общего к частному.

2.2. Системное представление предмета социальной философии

Классиологическая группировка

Если спроецировать содержание знания об обществе на метауровне внутрь общественной проблематики, мы получим состав *ресурсов, которыми располагает общество*. Это позволит наметить основные подходы к изучению проблем цивилизации (как общественной организации). *Ресурсоспектр цивилизации* обнаруживается в среде деятельности. **Деятельность** способна выступать системообразующим началом общества, ее динамическим ядром. Так, описывая имеющиеся у цивилизации *фонды*, Л.А. Зеленев [111] называет четыре:

Рис. 57. Четверка цивилизационных фондов.

А.И. Субетто [570] говорит об "антропофонде" вместо "генофонда" (это — другой ракурс, он точнее в актуальном смысле). Можно применить дополнительный ракурс, отображающий не только типологическую связанность, но и иерархическую *вложенность*:

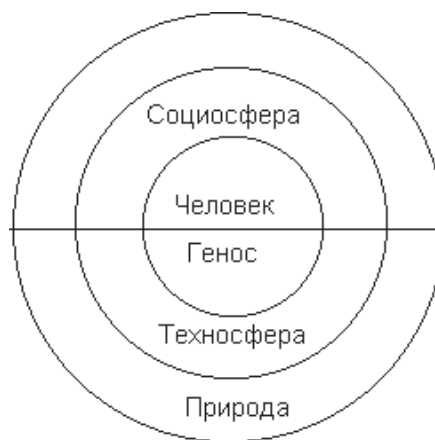

Рис. 58. Вложенность, модифицирующая основные фонды цивилизации.

На представленном типологическом основании строятся исследовательские подходы в науке:

Рис. 59. Четыре основных подхода к проблемам исследования цивилизации.

Каждому из моноподходов свойственна своя объектная специфика и потому — ограниченность, которую преодолевают **комбинаторные подходы**. В едином **цивилизационном подходе** происходит поэтапное объединение всей проблематики “природо — техно — социо — гумано”. Это упорядоченное множество, содержащее все варианты знаний об обществе, с позиции деятельностного ресурсоспектра, было предложено Р.И. Никифоровым.

Ход по сочетанию и поэтапному синтезу представляет один, комбинаторный, вариант разворачивания ядра — *в пределах состава системы*. С применением инварианта иерархии эти же тематические пласты можно развернуть иначе — по уровням.

Иерархическая группировка

С внешней стороны эволюция общества есть результат взаимодействия замкнутой системы “общества” с внешней средой. Л.И. Мечников приводит в своих работах *совокупность факторов становления эволюции* и описывает их иерархически: от биосистем — к биосистемам — и к социосистемам. Это весьма существенные и относительно **самостоятельно становящиеся факторы**, влияющие на общество совокупно. Сегодняшнее понимание общественного развития содержит совокупность *последовательного скрещивания самостоятельно эволюционирующих факторов*, групп факторов, кластеров, (построенных как иерархический “пакет слайдов”).

Главная проблема будущего — научиться управлять социоприродной эволюцией, коэволюцией. Сделать это можно, если мы опишем поведение цивилизаций как системное, через *исторически синхронные срезы*, связывающие в единство **пучки самостоятельно эволюционирующих факторов** (находящихся на разных уровнях иерархии и потому имеющих разную длительность циклической динамики).

В первой половине XIX века преобладал подход, построенный на *монодоминантном* наборе факторов. Скрестив расовую теорию с географической и т.д., ученые сделали шаг вперед. Постепенно стала использоваться все более сложная и широкая взаимосвязанность факторов разных уровней, т.е. в науке утвердился принцип “поли-”. Полифакторность, представляемая в современной геополитике, уже настолько сложна, что моделируется при помощи математических моделей — и только на компьютерах [50].

Циклическая группировка

Логически (классиологически и иерархически) организованное проверяется в генезисе, с применением циклических моделей. Это группирует “пакет” модусов (главных факторов) сценарно, как циклически связанный [272]. В обществоведении движение наметилось в направлении от фиксации доминирования естественной внешней детерминации (гео- и т.д.) к фиксации доминант среди внутренних факторов, к самостоятельно эволюционирующему обществу. Внутри общества закономерность снова повторяется: от факторов детерминации низших уровней (экономический детерминизм, технологический детерминизм) движение идет к пониманию роли культуры и идеальной детерминации истории. Общая картина, конечно, значительно сложнее, но мы приблизимся и к ее пониманию.

Отметим, что для циклической группировки этой группы знаний мы можем применить два открытых нами закона: распределение по циклу иерархических уровней (тройки уровней) и распределение по циклу состава (типологии, основанной на четверке).

Что касается внутренней логики развития и системности общества, данная проблематика разработана значительно лучше. Перейдем к ней.

Внутрисистемное представление предмета социальной философии

Человечество есть система. Эволюция человечества протекает под действием *пакета внешних факторов* и *внутренних*, надсистемных и подсистемных. Отсюда — две взаимодополнительные эволюционные логики.

Напомним о сути двух используемых нами в статике принципах.

Первый принцип — **иерархический (альтитудный)**. Его применение означает, что предмет социальной философии изучается на нескольких уровнях; среди них выделим системный уровень, где располагается предмет наших исследований. Внутри системы иерархия связана со структурой системы.

Второй принцип раскрывает меру предмета в ее границах. Его можно назвать принципом **качественно-количественного** (вертикально-горизонтального) **разнообразия**, и в этом своем качестве он широко используется в науке. Внутри системы он связан с составом системы.

Количественно общество состоит из людей. В качественном измерении общество есть культура, носители ее — технические объекты и люди.

Принцип иерархии применим к качественному и к количественному ракурсам.

Исходя из такого понимания, можно зафиксировать в **обществоведении изнутри** два специфических *статических ракурса* знания:

— **социологический** ракурс, в основе которого лежит “горизонтальная” иерархия социальных групп (он описывается совокупностью подходов, зафиксированных П. Сорокиным в его учебнике социологии еще в 1918 году и с тех пор, по сути, мало изменившихся);

— **культурологический** ракурс, в основе которого лежит представление о социуме как о культуре (о духовной и материальной культурах, о различии внутри общества культуры и техники как духовного и материального и т.д.).

Таким образом, упрощая вывод до схемы, покажем, что “социальный мир” проявляется:

— в вертикальном измерении как иерархизированная культура (с пределами “духовная культура — материальная культура (техника)”, где “общество как культура” есть их воссоединение, единство);

— в горизонтальном — как иерархия социальных **групп** (где крайними сторонами, пределами, выступают человечество и человек):

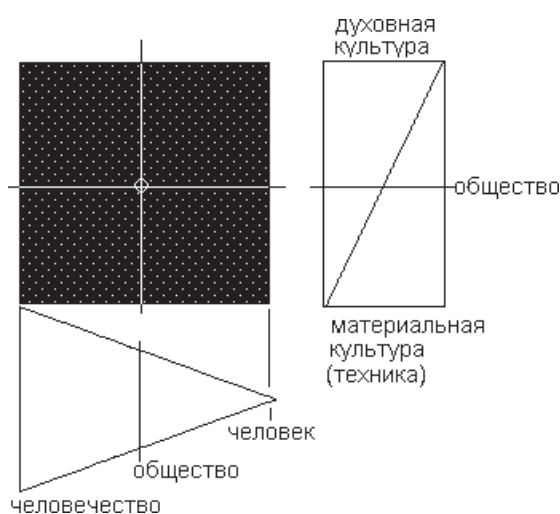

Рис. 60. Развертка двух основных подходов к изучению общества.

Культура, представленная здесь через пару, может так же быть представлена и через иерархию, что мы увидим ниже.

Понятно, что всякое социальное проявление в образовавшемся “поле” должно иметь как своего носителя (группу или единицу), так и свою культурную специфику (духовную и материальную).

Значимых социальных проявлений не много. Во-первых, потому что устойчивых социальных групп по уровням в истории набирается мало. Во-вторых, рассматривая тему “общество как культура”, наука использует небольшое в принципе разнообразие терминов.

В ядре всей этой статической конструкции находится деятельность, которая является динамическим ядром развития общества.

Детализацию мы начнем с количественной социологической иерархии как более простой. По сути, это просто шкала.

Социологическая иерархия социально-исторического знания

Определим иерархически-альтitudную конструкцию общества. Она не только статико-социологическая (иерархия общественных групп), но и одновременно вложенно-циклическая (вложенная и взаимосвязанная система циклов жизни групп разной длительности — от максимальных к минимальным). Эта конструкция общества позволит нам раскрыть по уровням предмет обществоведения в ракурсе групп. Ее можно представить и как трех-, и как пяти-, и как N-уровневую. Для нашего исследования оптимальным является пять уровней.

1. Сверхорганизм **человечества**.
2. Совокупность сообществ одной формации.
3. **Общество**.
4. Социальные общности и группы в обществе.
5. Отдельный **человек** (включаемый в социальные общности, группы и общество).

Понятие иерархического масштаба

Каждая обозначенная группа имеет свой пространственный “масштаб”.

В системном ракурсе основных уровней будет три, они удерживают *масштабы надсистемы, системы и подсистем*. В то же время это и *масштабы пространства* по степени их локализации, а также *масштабы вложенных временных циклов*, имеющих вполне конкретную мерность. Отметим, что таким способом выявляется специфика не только самого уровня (например, время общества), но и разнообразие времен в его морфологии (например, экономическое время общества и его циклы, политическое время и его циклы, циклы культуры и т.д.). Метрика уровня едина, однако она подразумевает разнообразие внутри спектра.

Уже первый теоретический ход **связывает** наш объект с его системным местом в иерархии и его хронопопическим отображением. Такой схемой постоянно пользуется все обществоведение, хотя в полном виде в качестве инварианта она никогда и никем не предьявлялась. Восполним этот недостаток.

1. “Сверхорганизм человечества” живет во временном масштабе *всей истории*, и его пространство обитания — *вся Земля*. Это — максимальный *надсистемный масштаб*, соотносимый с космоизмом. Человечество есть первый **макрообъект**, сопоставимый по значимости с биотическим и абиотическим мирами. Это — масштабное определение социальной философии и философии истории.

2. “Формационная совокупность обществ” живет во временном *масштабе формации*, а ее пространственная локализация связана с большими территориями, на которых располагаются общества, включенные в данную формацию. Это уже более локальный, но все еще *надсистемный масштаб*. Нового объекта, с точки зрения обществоведения, здесь как бы и нет: перед нами — фазы жизни *сверхорганизма* человечества или совокупность *обществ* одной формации.

3. Общество — система и особый **объект**, центральный для обществоведения. Вот почему цикл жизни общества мы воспринимаем как системный цикл (*несущий цикл системы*). Освоенное пространство жизни общества зависит от возможностей удержания обществом своих “границ”. Именно эти параметры выделяются и изучаются в геополитике, где обществу-системе придается смысл “территориального организма”. Мы дополняем ее “хронополитикой” [21].

4. Социальные общности, устойчивые группы людей, — подсистемные образования (несколько страные, как бы и не из этой иерархии). Они иногда имеют свой временной масштаб (поколение и его цикл жизни), но, как правило, не имеют какой-то особой пространственной локализации. Нового объекта и здесь тоже нет — это *либо фазы* жизни общества, *либо подсистемы* в его внутренней иерархии (внутренняя альтитуда, например кастовое устройство общества или общество как система социальных страт). Можно анализировать состав и свойства социальных групп и снизу — как совокупности, состоящие из людей (например, в психологии малых групп). У групповых социальных общностей есть четко отслеживаемая цикличность.

5. Отдельный человек — **микрообъект**, предельно малое подсистемное образование, квант общества. Он имеет естественный временной масштаб, связанный с биологической жизнью человека (хотя это и не доказано). У него есть и столь же естественный пространственный масштаб, но уже не столько биологический, сколько социальный. Циклическое устройство и гармония человека (связанная иерархия его циклов) — одно из перспективных направлений современного знания (биохронология, ритмология, кризисология личности и т.д.).

Значимых объектов в нашем поле и во всей иерархии — всего три: **человечество, общество, человек**. Два других обозначенных уровня носят переходный характер и не имеют

устойчивого объекта, несмотря на свою значимость для обществоведения (формационная теория и понятие о социальных группах) [146]. Для нас это очень важно, ведь мы ставим во главу угла идеальную детерминацию истории и изучаем жизнь менталитета, не имеющего хронологической локализации.

В дальнейшем мы будем выделять на *едином формационном* уровне два подуровня: крупный — уровень формаций и более мелкий — уровень культурно-цивилизационных групп. При таком подходе, отличающемся от традиционно обществоведческого, само наше системное понятие “общество” (применяемое во многих науках) становится во многом тождественным понятию “цивилизация”. Это позволяет уточнить и наше отношение к некоторым так называемым *формациям*, например “первобытно-общинная формация” не содержит никаких цивилизаций, но в литературе постоянно употребляется термин “первобытное общество”; при рассмотрении его относительно иерархических масштабов ни одно из первобытных сообществ (племя, род, община) не выходит за рамки исторических “социальных групп”. Во всей остальной истории *общество* и *цивилизация* (а часто и “государство”) масштабно совпадают, поэтому “первобытность” можно считать “доцивилизационной формацией”, или **протоформацией**, где роль “общества” выполняла та или иная “социальная группа”.

Разворачивать четвертый уровень иерархии нас заставляет сам существующий в обществоведении и социологии подход к обществу с позиции *каст, сословий, классов и страт*, а также сопутствующий ракурс социальной и групповой психологии, соотношения “общественного сознания”, “идеологии”, “политики” и т.п. Мы попутно затронем указанные проблемы ниже; важно, что они уже изначально упорядочены уровнем представлением.

Отмеченная ранее некоторая неверность выделения социальных групп в хронологическом выражении остается. В системном смысле правильнее было бы определить некие существенные “подсистемы общества”, имеющие точную пространственно-временную локализацию и, соответственно, опирающиеся на некие локальные социальные группы. Мы нашли пока единственную альтернативу социологически определяемым сословиям, классам и стратам: это — “поколения”, совокупность которых можно накрыть исторически конкретным понятием “общество”. Но тогда между уровнем общества — цивилизации и уровнем человека возникает (ничем объектным не наполняемая) иерархия существенных модусов, *этапов жизни цивилизации*. При этом, даже если мы разделим уровень на два (по любому из принципов), как мы уже разделили второй, получим уже **семиуровневую альтитуду**. Для специальных прогностических и более глубоких обществоведческих исследований она применима и значима, мы же ограничимся лишь упоминанием о ней.

* * *

В представлении об уровнях можно ввести требование базирования на чем-то целостном, и таким целостным будет “организм”. Закон роста организмичности (уровней системной связанности) мы рассматриваем ниже, здесь же ограничимся замечанием: разномасштабных “организмов” в социальном мире — три: организм человека, организм общества (например, в геополитике) и организм человечества (в русском космизме).

Если мы попробуем для начала связать нашу тройку уровней с предметными областями знания и науками, то обнаружим, что только некоторые упоминания о “человечестве в целом”, его исторической судьбе и хронотопе содержатся в социальной философии и около нее. Единой надсистемной совокупности знаний под названием “**человечествоведение**” пока нет, за исключением весьма расплывчатого эволюционного ракурса. Кстати, Гердер в своем подходе к философии истории был первым и остается единственным, кто последовательно удерживал в том числе и этот всеобщий масштаб.

Уровень “общества” (а также такого его ракурса, как “цивилизации”) отображен в большом **обществоведческом комплексе наук** (включая “цивилографию” [305] и “социогенетику” [260; 323]).

Если говорить о “феномене Человека” [203; 308], то можно сказать, что его начинает изучать формирующееся на наших глазах “**человековедение**” [193], но продвинулось оно не намного дальше, чем гипотетическое “**человечествоведение**”. Таким образом, два важнейших в системном плане объекта социальной философии — человечество и человек, микро- и макрообъекты, — до последнего времени оставались в науке без своего “ведения”.

Закон увеличения масштаба социального целого в истории

Наличие трех уровней дает нам выбор, когда мы переходим к анализу соседних пар. Выбирая ракурс социальной философии, следует изучить связку “человечество — общество”. Отсюда — проблематика формаций, цивилизации и культуры и т.д. В обществоведении основной является связка “**общество — человек**”. Это — первичная пара для системного исследования альтитуды вглубь, ибо *качество* под названием “общество” вырастает из некоторого *количества* людей, находящихся в связке “целое — часть”.

Зафиксируем: “**целым**” для общества всегда была группа, но никогда им еще не было человечество (хотя именно с такой ментальной идеи начиналось Новое время). И “нация”, и прочие масштабы довольно абстрактны, зато группа от семи человек до города конкретна. **Группа, особенное**, и есть первое осязаемое “целое” для человека — части (в детстве это — семья).

Иное дело, когда масштаб этой целостности постепенно увеличивается, а уровень движется в сторону увеличения всеобщности по той же представленной иерархии. Помнится, был такой недолгий момент в истории нашего социализма, когда мы явно чувствовали себя не нацией, не государством, а общественно-экономической формацией (первые полеты в космос и мироощущение в фантастике И. Ефремова и братьев Стругацких). На пороге перехода “человечество — человек” эта всеобщность дойдет до предела: **целым станет человечество** (и тогда же оно само станет частью, единичным, для чего-то из высших иерархий типа “Великого Кольца” И. Ефремова). И путь человечества в модели “циклы на конусе истории” ясно и зримо показывает нам это.

Всеобщим здесь является **движение к человечеству**, а форм его проявления в *ракурсной истории* — несколько, например можно насчитать как минимум четыре типа в морфологии общечеловеческой ментальности. Возможны и другие ракурсы, например “интеллект и интеллектогенез” [270; 272], также связанные с этой *объектностью* (интеллект делится по тому же основанию, что и группы — в социуме) и *в циклике*: индивидуальный — групповой — общественный (совокупный, всеобщий) интеллект. И он, и его масштаб растут по мере приближения к точке “конца истории” на конусе.

Таким образом, важнее всего здесь **закон возрастания масштаба организмичности**. В схематическом виде он может быть представлен прямо противоположным сходящемуся конусу истории:

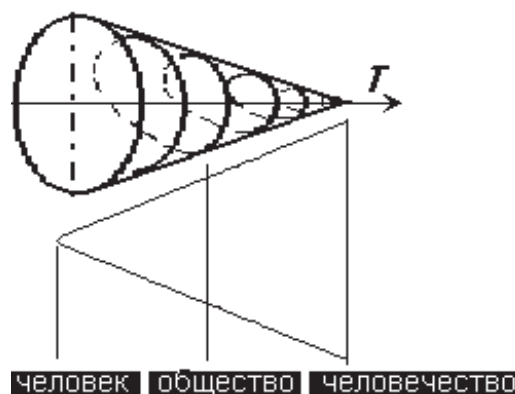

Рис. 61. Движение общества в его истории в сторону максимальной интеграции.

Этапы роста масштаба человеческих сообществ можно анализировать количественно. Но и качественно волны дифференциации и интеграции закономерны.

Интересно отметить, что социальная философия в XX веке приобрела тот самый статус, который она и должна была приобрести, если исходить из содержания этой схемы. Именно социально-философская основа идеологии большевиков сделала их ментальными лидерами: они попали в резонанс с менталитетом человечества. Конечно, остается сожалеть, что при этом не были учтены уже созревшие для синтеза с управлением социогенетические теории, а марксизм превратился в редуцированное идеологическое орудие. Но вот что характерно: никакого

иного развернутого **учения о человечестве и его эволюционном пути** не было тогда и пока еще нет, особенно по интересующему нас параметру — росту интегрированности (организмичности) человечества в целом. Идеологии “информационного общества” [1] для такой темы маловато, она не меняет атомарного менталитета, а усугубляет его.

Не удовлетворяет этому критерию и идеал “мирового хозяйства”, ибо он означает всего лишь поглощение мирового разнообразия одним, техническим, типом цивилизации. Но это — особая тема, далее мы еще обратимся к ней.

Культурологическая иерархия социально-исторического знания

Культура связывает человека, общество и человечество. В основе лежит механизм превращения культуры социума в культуру личности и обогащения культуры за счет деятельности личности:

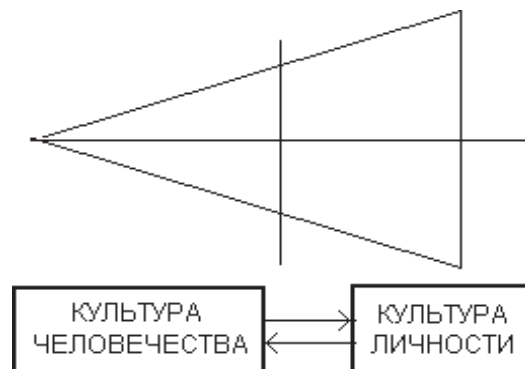

Рис. 62. Взаимодействие культуры человечества и культуры личности и социоиерархия.

Творческие программы, реализуемые и разрабатываемые самой личностью (как *самодетельной* личностью), обогащают экофонд, технофонд и социофонд человечества.

Общественное является наиболее широким понятием, включающим в себя социальное. **Социальное** обнаруживает свою двоякость: оно отлично от технического и от биологического. “Социальное” нужно отличить и от культуры в широкой трактовке. Применив по отношению к культуре вертикальную пару “духовное — материальное”, получим четверку состава культуры, позволяющую это сделать:

ДУХ	Духовная сфера общества	Духовная (психическая) сфера личности
МАТЕРИЯ	Материальная сфера общества, технофонд	Материальная основа (биосубстрат) личности, возникающая за счет генофонда
	ОБЩЕСТВО	ЛИЧНОСТЬ

Рис. 63. Четыре основные составляющие культуры.

Таким образом, “социальное” в культурно-типологическом смысле совпадает с духовным измерением культуры. Но что есть культура?

В определении культуры первым признаком будет ее *искусственность* (в отличие от *естественности*, т.е. от всего, присущего предшествующим этапам эволюции). Культура есть

то, что характерно лишь для социального мира. В этом плане культура отличима от натурального (в природе) и от биологического (в человеке). **Культура** — это искусственные социальные образования, а ее явления — **культураны**. Культура общества всегда имеет технические носители.

В общем виде (в статике) проявления культуры нейтральны.

В истории все нейтральное трактуется ценностно неоднозначно: оно поляризуется. **Культура имеет две формы бытия в истории**: позитивную и негативную (**культура и антикультура**). Цели делают культуру позитивной и негативной. Открытия науки — объективная ценность, но их можно применять с целью выживания или для истребительной войны. Негативна не сама культура, а лишь *способ ее использования* (например, в истории фашизма).

В культуру входит *вся иерархия социальных образований* (социальные институты и отношения, деятельность, потребности и способности) и *все компоненты деятельности* (субъект, объект, средства, процессы, система, среда, условия, результаты). Эти элементы берутся в их позитивном значении. В деятельностно-иерархическом определении **культура есть позитивный социум** [112].

Система культуры личности — это *система позитивных социальных образований личности*. Можно типологизировать культуру, исходя из культурной *изоморфности* личности и общества: в культуре общества есть те же три блока, которые существуют и в культуре личности, — **информационные, операциональные и мотивационные** образования (подробнее см. [15]).

Социально-историческое знание в форме самостоятельных наук

Социальной философии принадлежит высший уровень абстрактности, вместе с философией истории. Различие социальной философии и философии истории, с позиции системогенетики, можно обозначить как соотношение логического и исторического, статического и динамического ракурсов по отношению к одному и тому же предмету. У них один и тот же макрообъект — человечество.

Чтобы раскрыть взаимодействие “человечества” и “общества”, уровнем ниже можно выделить формационную теорию, теорию менталитета, теорию общественного сознания, общую теорию культуры (культурологию), теорию цивилизаций (цивилографию) и т.д. и т.п. Здесь встает более конкретная задача определения специфики социально-философского знания по отношению к иному знанию того же уровня и более низких по степени абстрактности уровней.

Если взять за основу *уровень общности*, закладываемый в основание разных наук, имеющих отношение к социально-историческому знанию, то можно расположить их по **трехуровневой альтитуде**: от общего, через особенное, до единичного. Можно выделить в том же, обществоведческом, поле все ту же “социальную статику” (*социологию*) и “социальную динамику” (*социогенетику*). Прямыми проявлениями этих ракурсных воззрений, вплоть до совпадения терминов, являются: “Социальная логика” Г. Тарда [276] плюс все известные социологии, а также несколько современных “Социогенетик” [260; 323].

Соединив троичность иерархии с двумя ракурсами, мы получим:

ИЕРАРХИЯ		Статика	Динамика
	уровень общего	Социальная философия	философия истории
	уровень особенного	Обществоведение	социогенетика
	уровень единичного	Часть общества (цивилизация)	конкретная история

Рис 64. Три уровня статических и динамических аспектов знаний об обществе.

Или, предельно упрощенно:

Социальная философия (и философия истории)	— уровень общего
Обществоведение (и социогенетика)	— уровень особенного
Часть общества (и его конкретная история)	— уровень единичного

Поскольку перед нами — иерархическая вертикальная тройка, отметим, что она обладает всеми особенностями множества *троек* такого типа.

Применив, например, тройку “вещество — энергия — информация”, можно обнаружить в историографии, что *социальная философия* и *философия истории* оперируют все больше *информационными* моделями (где *социальная философия* выступает как методология всеобщей истории — *философия истории*). Отсюда и некоторая абстрактная условность мира семиотических моделей, и их подверженность “критике снизу” за “теоретизирование” и отрыв от конкретики истории (в чем особенно преуспели историки).

Конкретно-историческое исследование, напротив, опирается исключительно на *овеществленные* артефакты, следы и памятники прошлого. История здесь представлена **как завершившееся бытие**, как **продукты деятельности людей**. Эта позиция кажется сама себе неуязвимой, хотя ее односторонность очевидна: это — “взгляд многих кротов из своих норок”. А ведь еще в первой трети века М. Блок [52] и Л. Февр [286] ехидно писали, что такие историки подобны сундуку для хранения фактов.

Но если это — две крайности, то тогда именно *обществоведению* принадлежит как бы синтез “верха” и “низа” в наиболее общем виде (другой вопрос: выполняет ли реальное обществоведение подобную функцию). Из тройки “общее — особенное — единичное” данному уровню соответствует *особенное* (как наиболее богатое). И из тройки “вещество — энергия — информация” нам открывается *энергетическая* концепция: история предстает здесь как процессуальная **деятельность людей**. И, поскольку мы при этом переходим в горизонтальное измерение, эта деятельность может рассматриваться во всех трех временных модусах: в прошлом (история), настоящем (деятельность) и возможном будущем (футурология, прогностика) [246]. В структуре “общество — человек” деятельность разворачивается как через оформленность в *отношения и институты*, так и через ее человеческие основания в виде *потребностей и способностей* (деятельность в пятиуровневой альтитуде). Это — тот ракурс обществоведения, который имеет динамическое причинное ядро самого общества — деятельность.

К системному уровню относится и проблематика общественного интеллекта (разума), менталитета и общественного сознания. Но при таком, слишком универсальном, подходе обществоведение просто заменяет собой и социальную философию, и конкретную историю.

При кажущейся простоте данное теоретическое построение покрывает весь возможный спектр типов исследования социально-философского поля. И далее мы можем рассматривать альтитуду и циклику N уровней.

Отметим характерную историчность этой иерархии. Например, 20-е годы XX века начинаются с острого интереса к *социальной философии*, 60-е, середина века, концентрируются на проблемах *обществоведения*, а представший перед нами недавний конец века признавал только *конкретно-исторические*, да и то предельно локальные, исследования. Иерархическое уровневое разнообразие живет здесь как историческое, проявленное в фазах векового исторического цикла.

Динамический аспект предметного поля социальной философии

Кроме статического необходим еще и взгляд на проблему социальной философии в развитии. Его дает взаимосвязанная **система всей циклической динамики**, имеющей отношение к обществу. Для простоты мы поменяем местами акценты на вышеприведенной схеме:

Философия истории (социальная философия)	— уровень общего
Социогенетика (обществоведение)	— уровень особенного
Конкретная история (часть общества)	— уровень единичного

Итак, на уровне общего — **философия истории**. Она отражает динамический аспект социально-философского знания в целом.

Социальная генетика — уровень особенного, отражающий динамический аспект обществоведения.

Наконец, уровень единичного отображает **конкретно-историческое знание**, имеющее столько слоев и ракурсов, сколько того требует глубина исследования.

Мы специально затронули тему *эволюции философии истории в формационных циклах* в нашей монографии [23]. Подводя циклические итоги, укажем, что *надсистемное влияние* явно на первых этапах, *системное* — в середине, *подсистемное* — на последних этапах исторических циклов. Это выражается в использовании соответствующих хронологических масштабов и **в перемещении масштабов в циклах**. Надсистемная глобалистика масштабно *больше отдельного общества*, она проявляется как *общее*, и в нем есть элементы *вечного и будущего*. Системность анализирует мир исходя из настоящего, и масштаб ее — *норма, присущая обществу*, а история общества освещается здесь как социальный и человеческий процесс. Подсистемная ориентация имеет дело с масштабом меньше системы, посвящена аспектам рассмотрения и *частям общества* и ориентирована на прошлое (сужение истории “до масштаба черепка”).

Три таких отчетливых этапа очевидны в истории XIX века:

— объектная глобалистика философии истории от И. Канта и Г. Гегеля (место общества в надсистемном масштабе);

— органицизм (общество как системная самость = организм) и *деятельностная* типология культур у Данилевского;

— экзистенциальная (и в этом смысле субъектная) философия истории у А. Бергсона, затем — у О. Шпенглера.

То же — в XX веке. Исторический материализм, сформированный у нас в 20-е на базе марксизма, не отличается по своей глобалистике от социологии Э. Дюркгейма [103], общеисторических устремлений школы Анналов [38] и многотомной “Всемирной истории” А. Тойнби [280]. Срединка века дала этногенетическую типологию культур, по Л. Гумилеву [84-86]. Она не менее глобальная по общему замыслу, но локальна по доминантному признаку. А к концу века мы с необычайным интересом штудлируем работы по исторической психологии [274; 310], цивилиграфии [305] и конкретно-исторические многотомники. Перемещение интересов в сторону более локального и более субъектного — налицо.

С той же позиции трехфазовости нами исследована эволюция **социогенетики** (сюда можно отнести становление “идеи истории” по отношению к обществу) [21] и проблемы историзма XX века (см. также [283]). Более локальный (подсистемный) уровень — эволюция культурных и цивилизационных взглядов на общество — осмысливается нами в другой монографии [23].

§ 3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, МЕНТАЛИТЕТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

3.1. Иерархия доминирующих факторов развития общества

Идеальная детерминация истории и менталитет

Чтобы полнее раскрыть эту важную тему, приведем основную графическую схему, которая показывает возможность перевода парных моделей в тройные и в четверичные (как в статике, так и в динамике). Это — один из вариантов связывания наших трех типов отображения метасмысла (число, геометрия, цикл) на одном экране. Далее мы развернем инвариант понятийно.

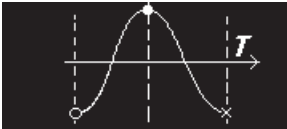
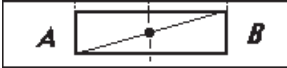

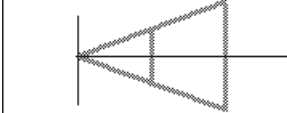

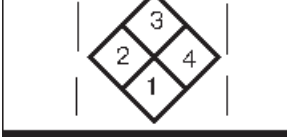

	Единичность. Несущий цикл системы	Числа 1
	Движущее противоречие	2
	Двухфазовость, две подсистемы	
	Троичность иерархии	3
	Три ступени	
	Три фазы, три подсистемы	
	Четыре типа, "ящик состава", морфология	4
	Четыре фазы, четыре подсистемы	

Рис. 65. Связанность циклического, иерархического, классиологического и качественного аспектов.

Совокупность факторов развития общества можно отобразить любым способом, например по уровням иерархии. Оснований для такой иерархии может быть множество, и между ними возможны смысловые переходы [17]. Для простоты изложения изберем в качестве первичной тройку "вещество — энергия — информация".

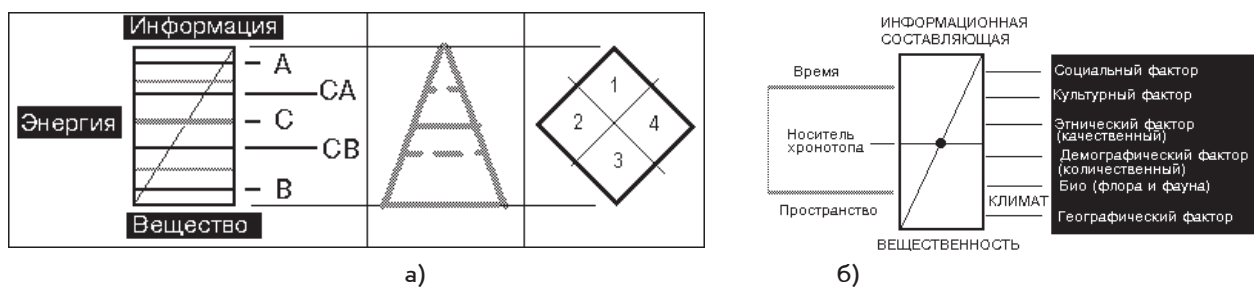

Рис. 66. а) Основные группы факторов в парном, троичном и четверичном видах.

б) Развернутая иерархическая совокупность факторов общественного развития.

Три иерархических яруса можно интерпретировать циклически, т.е. исторически.

На заре истории развитие цивилизации больше зависело от нижней, *вещественной*, части многоуровневого набора факторов — природных, экологических.

На следующем уровне данного пакета — расовые, демографические, этнические факторы. Это — обладающий своей спецификой антропофонд, не только близкий к природным факторам, но и зачастую прямо от них зависящий (территория, климат, расы и т.д.).

Со временем увеличилась зависимость цивилизации от ее коммуникативных возможностей. Контакты и обмен информацией обеспечивались за счет торговли и культурно-диффузных процессов, а так же за счет постоянных войн, которые обеспечивали все виды обменов (технологические и этнические в том числе). Историческая динамика культуры обеспечивается контактами, позволяющими накапливать и осознавать свое уникальное содержание [23]. Культурные обмены тоже во многом зависят от удобства или неудобства расположения, что позволяет выделить в геополитике особую совокупность *геокультурных* факторов. *Пространство и время* цивилизационных контактов замыкаются в едином геокультурном показателе цивилизации — этот хронотоп представлен на схеме. С точки зрения топической динамики, сложились *неподвижные* цивилизационные центры Азии и *подвижные* — Западной Европы, но это лишь часть системы из четырех типов (как мы увидим, производных от типов менталитета).

При перемещении вверх по иерархии и вперед по истории можно наблюдать переход доминирования *от пространства ко времени*, что отметил О. Шпенглер. Это — ступени от топики (экологических условий) к энергоэтническому (фактор энергонаполнения, активности и сопротивляемости внешним воздействиям) и далее — к технико-экономическому и культурному факторам.

Культурная детерминация истории может рассматриваться как самостоятельное явление, и это — важнейшая задача на стыке культурологии и социальной философии. Но при этом нужно отчетливо понимать, что культура есть только общественный механизм, базирующийся на технике. *Содержание культуры* находится в области идеального. Таким образом, вопрос о культурной детерминации делится на аспекты технико-технологической и идеальной детерминации истории.

Фундамент цивилизаций составляет технико-технологический базис (более высокий его уровень — экономический). Об эволюции этого фактора будем говорить ниже.

Переводя вопрос уровнем выше, мы дополняем картину до целого. Факторы нижележащих уровней описаны до нас (особенно подробно — в геополитике), не будем их здесь презентировать, но есть смысл дополнить их набор до системного целого. А в системном целом именно эта часть — эволюция идеальных факторов общественного развития — пока не проанализирована достаточно подробно. Мы не склонны абсолютизировать **идею идеальной детерминации истории** (как ранее абсолютизировали идею материально-экономической детерминации), мы дополняем вопрос до диалектической полноты, говоря: на развитие цивилизаций влияет *и то, и другое*, речь — о доминировании, а оно аспектно. Всякий монизм в пределах предъявленной иерархии факторов исторически объясним и имеет циклическую обусловленность [21]. В XX веке, где были реализованы глобальные проекты “управления историей” на целых континентах, ощутимо увеличивается значение факторов идеальной детерминации истории.

Таким образом, в истории наблюдается явный переход доминирования по иерархии (от единичного, через особенное, к общему). Тройных видов содержательной иерархии немало, и все они могут в этом поучаствовать. Например, в ранних цивилизациях главными были **вещественные** факторы, еще в XIX веке — **энергетические** (и не только в физическом, но и в социальном смысле), а сейчас — духовные, **информационные**, проектные, рефлексивные и т.п. То же самое можно сформулировать в тройках “подсистемы — система — надсистема”, “Тело — Душа — Дух”, “Сома — Психе — Логос” и т.п. Отсюда, например, и такая связка: проективность требует обращения к надсистемному, рефлексивному, Логосу (Мышлению).

Это — **закон перемещения доминирования в истории**, которому можно придать не только тройной, но и парный, и более сложные виды. Так, в парном виде фиксируется переход от материальной составляющей культуры к духовной. Если рассмотреть *четыре типа ресурсов*

цивилизационного развития, **закон перемещения доминирования** можно сформулировать как ступенчатое перемещение доминирования в истории от экологического к социальному типу. Социальность мы отождествляем с духовной составляющей культуры, а ее содержание находится в идеальной сфере (и имеет информационную проявленность).

Идеальные факторы развития общества, духовная составляющая культуры образуют смысловое ядро, подойти к которому следует дифференцированно. Так возникает вопрос о составе и иерархии этого идеального ядра, а главное — о механизмах, при помощи которых происходит развитие общества.

Предварим конкретное рассмотрение обозначенной темы связкой с предыдущим. Мы выяснили, что проблематика социального мира включает в себя как минимум три уровня и содержит три объекта. Тему “общество” можно осветить тройко: с позиции социальной философии и философии истории, “общество” — часть “человечества” и генезис этой пары (1); с позиции обществоведения, устройство и генезис общества как системы (2), с последующим переходом исследования в подсистемный план (3).

При описании интересующего нас *идеального ядра* на грани социальной философии и обществоведения обнаруживает себя тройка понятий: это — общественный интеллект, менталитет и общественное сознание. Нам потребуются описать их связанность в целое, но вместе с тем различить их специфичность. Для этого указанные понятия необходимо связать с некими носителями, социологическими объектами. А это потребует и определенности хронологических масштабов применительно ко всем трем понятиям.

Итак, логика нашего исследования состоит в том, что мы первоначально выявили устройство универсума знаний социальной философии, вычленили ее специфику и основные модели. Среди этого набора исторически самым актуальным мы признали вопрос идеальных факторов детерминации общественного развития. Изучить это *идеальное ядро* мы собираемся в аспекте его состава, иерархического устройства и хронологической масштабности.

3.2. Основные положения теории общественного интеллекта

В теории общественного интеллекта существует множество точек зрения, но основные уже проанализированы и суммированы другими исследователями [270; 272]. Мы будем опираться в этом направлении на работы А.И. Субетто, обобщенные в его докторском автореферате “Общественный интеллект: социогенетические механизмы развития и выживания. Философско-методологические основания и начала теории общественного интеллекта” (Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. — Нижний Новгород, 1995).

Общественный интеллект он понимает как совокупный интеллект общества. Различение “интеллекта” и “разума”, как и понятие **всеобщего интеллекта**, близкое понятию “общественного интеллекта”, впервые появилось у К. Маркса. Нам представляется, что общественный интеллект взят здесь недифференцировано и его можно иерархически масштабировать, связав с соответствующими объектами.

Совокупный общественный интеллект может быть определен в нескольких наиболее актуальных для нас ракурсах.

1. Общественный интеллект определяется через “социокультурные формы синтеза общественного сознания и знания”. *Сознание* действует во времени, в то время как общественное *знание* находится вне временного потока. Этот синтез построен по аналогии с работой психики человека. Он продолжается в тезисе о единстве рационального и иррационального, “левополушарной” и “правополушарной” частей общественного интеллекта.

Субстрат интеллекта — знание. Знание — основа культуры, если понимать под “знанием” всё (в таком определении знание идентично “содержанию культуры”). Знание сохраняется в памяти общества, базирующейся преимущественно на абиотических носителях.

2. Определение общественного интеллекта через четверку ценностей звучит так: “общественный интеллект опирается на **синтез Истины, Красоты и Добра**. Интеллект, не вооруженный критериями Красоты и Добра, теряет свою прогностичность, а значит, часть своего сущностного определения”.

Такое представление расширяет общественный интеллект до универсального синтеза всей духовной сферы. Но эта декларация не соответствует тезису “знания есть субстрат интеллекта”. Этическое и эстетическое не имеют отношения к знанию и входят в него не могут по причинам, например, субстратным: этическое проявляется в поступках, а эстетическое (функция выражения) — в произведениях искусства. Ни то, ни другое не есть знание; этико-эстетическое скорее относится к сознанию.

Если уж ставить вопрос о синтезе Истины, Добра и Красоты, то следует дополнить их Пользой — тогда включается вся аксиологическая четверка. Возникает вопрос: как осуществим такой синтез? На субстрате знания он вряд ли возможен. С нашей точки зрения, синтез четырех основных типов ценностей есть пятая ценность — Благо. Она была исходной при возникновении человека, и она же становится конечным этапом развития человечества как целого. Мы специально рассматриваем этот вопрос в ряде наших книг [15; 17; 21; 23; 25; 26].

3. Основная его функция в масштабах мегаэволюции: “интеллект есть управление будущим” со стороны общества. На стадии биоэволюции действует естественный отбор (метод проб и ошибок), а в социоэволюции важнейшую роль приобретают многочисленные формы будущетворения. Антиэнтропийная направленность интеллекта сопровождается усложнением систем и ростом их “организмичности”.

Совокупный общественный интеллект “реализуется через свои совокупно-интеллектуальные функции управления процессами будущетворения — прогнозирования, планирования, проектирования, программирования, нормотворчества, законотворчества, формирования доктрин и идеалов, определяющих ценностно-ориентированное управление будущим”. Это — функции “футуродейтельности”, к ним добавлены нормативный и ценностный аспекты, презентующие этическое и эстетическое, а также такие стороны проявленности общественного сознания, как идеология и политика.

Важнейшим, с нашей точки зрения, моментом теории общественного интеллекта является закон роста идеальной детерминации в истории.

В теории общественного интеллекта утверждается, что общественный интеллект определяет общественное бытие. “Идеальная детерминация” истории на базе общественного интеллекта проявляется в усилении роли общественного интеллекта в механизмах общественного развития. Это утверждение не вызывает особых сомнений, и прежде всего для XX века, в котором возникли, были осознаны и конкурировали интеллектуальные технологии.

Детерминация проявляется через усиление проективности (тенденции роста масштабов, сложности, энергоемкости проектов, программ и планов, реализуемых обществом и отдельными группами с помощью государства по отношению к общественному развитию). Проективность как функция общественного интеллекта становится все важнее — она перерастает в особое “производство” внутри общественного интеллекта и институциализируется.

Идеальная детерминация общественного развития все больше основывается на особой прогностической деятельности (связанной с управлением обществом) как части деятельности будущетворения. Стратегический горизонт управления будущим со стороны общества, по мнению А.И. Субетто, обеспечивает наука. Но это верно скорее для XX века, в котором пытались управлять обществом, апеллируя к знанию. Идея научного управления обществом — источник множества социальных проектов. Один из них — система научного управления обществом, восходящая к идеологии Просвещения, — была частично реализована в идеологии СССР. А.И. Субетто предлагает свой проект “образовательного общества”, содержащий новую идеологию (разбор этого направления см. в [21]).

Теория общественного интеллекта фактически превращается при таком взгляде в “гносеогенетику”. Общественный интеллект становится носителем социогенетических механизмов развития и сам предстает как социогенетический механизм.

Между тем в механизмах культурного наследования не все сводится к знанию. *Вертикально-иерархическому характеру гносеогенетики мы противопоставляем культурно-ментальную генетику, имеющую иной субстрат, иные механизмы и иное устройство; но об этом позже.*

А.И. Субетто рассматривает характерную на сегодня технократическую перекошенность знания [252-272] (асимметрия единого корпуса знаний), которая анализируется в работах В.П.

Казначеева [128], Л.А. Зеленова [107-112] и Ю. Хабермаса. Мы склонны считать источником подобного перекоса менталитет Нового времени, который начинается с Просвещения (знание) и ускоренно движется к НТР (знание + техника, Истина + Польза). В этой смычке нет места истинному Человековедению (разве что манипулятивной психологии и практичной медицине), а обществоведение признается необходимым постольку, поскольку обществом можно и нужно управлять в сугубо утилитарных целях. В западном менталитете всюду ищется и всюду находится личная Польза, что прекрасно осознали и выразили в XX веке и Пирс, и Джемс, и Дьюи [116].

Субетто говорит об интеграции наук и наступлении синтетической революции в эволюции общественного интеллекта, о становлении новых парадигм в организации единого корпуса знаний (в науке, в культуре и в образовании): системной, классификационной, циклической, качественной, методологической. Субетто оценивает эти процессы как позитивные, поскольку они способствуют выравниванию существующей информационно-энергетической асимметрии.

Мы согласны, что такие процессы идут, но наша оценка их прямо противоположна — мы склонны считать их опасными. В основе механизмов управления знанием лежит идеология инструментального рационализма, четко заявившая о себя в начале XX века. Она от начала до конца западная, в ней не задается вопрос о нравственности и красоте, только — о пользе, только — о личной. Поэтому чем более интеллектуально вооруженными будут борцы за личную пользу (а это оружие непременно попадает им в руки), тем опаснее современное знание для человечества и его будущего. Вилка же возникает ввиду того, что и указанная асимметрия не менее опасна.

Таким образом, в качестве выхода из сегодняшней ситуации в теории общественного интеллекта А.И. Субетто предлагается проект “образовательного общества”, некоторая утопичность которого — в ориентации на знание, которое почему-то должно стать ценностно обогащенным. Истина употребляется современной техноцивилизацией в целях полезности — и никакого другого стимула не наблюдается.

Дуальное определение совокупного общественного интеллекта включает циклическую схему “маятника” (рацио — иррацио). Однако за ней скрываются лишь стороны противоречия, проявляющиеся в процессе развития общественного интеллекта *через свое доминирование* в циклах. Что есть то третье, что не принадлежит ни “рацио”, ни “иррацио”, каков субъект — носитель этого третьего, — в теории интеллекта ответа нет.

Поскольку мы идем по пути выделения крайних сторон данного противоречия, то рассмотрим вслед за “разумом” более традиционное, “общественное, сознание”.

3.3. Общественное сознание

Суть сознания, в отличие от знания

Простейшее и самое очевидное отличие: сознание живет во времени, знание — вне времени.

Понятие сознания — принадлежность психологии. Необходимо было сначала обнаружить и начать изучать “психическое” у человека (а также у животных), затем предположить, что общество в определенном смысле есть такой же организм (антропоморфная или зооморфная модель общества), и лишь потом смогли возникнуть идея и проблематика “общественного сознания” и целого веера психологий, изучающих аспекты и уровни его.

Говорить об общественном сознании можно исключительно *на уровне конкретного общества*, т.е. в пределах предмета не столько социальной философии, сколько обществоведения.

Общественное сознание живет во времени, кроме того, оно растворено в некотором *множестве активных индивидуальных сознаний*. Исчезая из этого множества, некая форма общественного сознания деградирует и умирает.

“Сознание” *действует в канале коммуникаций и ценностных ориентаций*. Вот почему сюда относят идеологию, политику, нравственность и искусство. Оно способно также превращаться в нормы (писаное право как нормированная мораль, этикет и т.д.).

Модели состава общественного сознания

Тройные модели

“Общественное сознание” делится на уровни, которые координируются с нашими иерархическими тройками:

идеальный (информационно обусловленный) уровень;
коммуникационный (энергетически обусловленный) уровень;
вещественно обусловленный уровень.

Для координации применима еще одна известная тройка: “познание — общение — труд” — она деятельностная. Соединим их:

информация — познание — философия (наука);
энергия — общение — идеология, политика, этика, искусство;
вещество — труд — производственные отношения.

Модель четверки

В четверке раздваивается средний уровень (энергии). Два новых типа есть разновидности “энергетики”, деятельности, коммуникации. Например, можно применить в этих целях аксиологические типы:

идеально-теоретический тип общественного сознания (Истина);
этический тип — морально-нравственное отображение (Добро);
эстетический тип — художественное отображение (Красота);
отображение производственных отношений (Польза).

Другие четверки, например деятельностная, дают другой ракурс — и примыкающие формы становятся яснее:

познавательный тип — философия (наука);
коммуникационный тип — искусство, СМК;
ценностно-ориентационный тип — нравственность, идеология;
преобразовательный тип — производственные отношения.

“Средние” типы и представляют основной интерес для исследования форм общественного сознания. Кратко обозначим их.

Идеология не создает новых проявлений общественного сознания, а лишь *управляет имеющимися*: стягивает в конструкт (осознанно оформляет), актуализирует или пассивизирует разные проявления по мере возможности. Если понимать “идеологическое” как связанное с особенностями сознания, присущими тем или иным большим социальным группам, то можно заключить: идеология — это еще и “фильтр”, пропускающий одно и не пропускающий другое, а вся “социальная психология” на этом уровне есть как бы спектр таких “калибрующих” фильтров.

Попытки разделить “общественное сознание” на два уровня (на “**общественную психологию**” и “идеологию”) проводятся по аналогии с функциональной асимметрией мозга человека (эмоционально-чувственное и рациональное). Можно посмотреть на эту пару и с позиции “часть — целое” (часть общества со своими целями, которая стремится управлять данным обществом и его сознанием).

Внутри **политологии** сознание рассматривается с точки зрения возможности его активизации для достижения кратковременных (“сиюминутных”) политических целей. Выстраивается параллельный ряд: натуральное (*естественное*, стихийное) общественное сознание и ряд *искусственных* (управленческих) операторов, относящихся к нему (идеология, политика). Характерно, что иерархичности общественного сознания может соответствовать управленческая иерархия, все больше идущая к рационализации и тяготеющая к росту масштаба (геополитика и т.п.).

Иерархия масштабов общественного сознания

Если есть сознание, то должен быть обозначен и его носитель. В этом освещении наши три “объекта” (человечество — общество — человек) надо воспринимать субъектно. Три масштаба опираются на три “объекта = субъекта” и дают нам три типа “сознания”.

В *надсистемном масштабе* и в хрономасштабе истории живет сверхорганизм человечества. Обладает ли он в целом “сознанием”, сказать трудно (это требует исследования), но мы придерживаемся именно такой гипотезы (исходя из “всеоживленности”). Наша точка зрения состоит в том, что для включения сознания столь высокого уровня должны быть достигнуты необходимый порог количества людей и некая степень их связанности в целом, структурной сложности (порог организменности).

В *системном масштабе* это — конкретно-исторические проявления “сверхорганизма”, модифицированные в текущем времени. Здесь располагается то самое, “**общественное, сознание**”, формы которого изучает обществоведение (хотя никто из теоретиков не дает определения, кому, какому субъекту оно принадлежит).

В *подсистемном масштабе* есть два ракурса: в ракурсе психологии это — *сознание отдельного человека*, в конкретно-историческом исследовании перед нами — “вещи”, некогда выступавшие средствами или продуктами деятельности, а также “овеществленности” иного рода (кости и скелеты людей и животных и т.п.); если они и обладают “сознанием”, то в наименьшей степени.

Наука периодически преподносит нам те или иные *промежуточные масштабы*. Например, этносы вписываются между средним и нижним масштабными уровнями и имеют свой субъект (этнос) [84-86], со своим поведением, психологией (этнопсихология) [274] и т.п. атрибутами. Поскольку здесь явлена новая разновидность “организма”, имеющая свою жизнь, дифференциацию и интеграцию (суперэтносы), то нужно рассматривать и “сознание этноса”, которое интересно совершенно особыми взаимоотношениями с культурой.

На уровне выше общества “суперэтносы” создают еще один особый масштаб. Однако в нем уже живут цивилизации и культуры, обладающие своим сознанием и определяемые из другой системы взглядов. Все это содержится в едином “общественном сознании”, которое становится слоистым (“пакет слайдов”), — и в нем возникают многообразные уровни “подсознания” и т.д. и т.п.

Система из пяти масштабов вполне приемлема для наших целей.

Напомним (и альтитуда тому доказательство): говорить об общественном сознании можно исключительно *на уровне конкретного общества*, т.е. в пределах предмета не столько социальной философии, сколько обществоведения. Выше по уровню речь идет уже не об обществе, а о формациях и “сверхорганизме человечества” в пределах всей истории, ниже — о сознании групп, входящих в то или иное конкретное “общество”, вплоть до “сознания личности”. Таким образом, мы можем гипотетически поговорить о “сознании человечества”, находящемся в процессе формирования, а также о сознании устойчивого “общества”, о собственно “общественном сознании”. Но у человечества в целом и сразу во всей истории мы пока не обнаруживаем **одинаково устойчивых “форм сознания”**, в то время как у отдельных обществ такие формы общественного сознания есть, их набор инвариантен, и разными являются лишь их роль и связанность в целом. Локализация по уровням более-менее ясна, и понятно, почему мы все же относим эту проблематику к социально-философской: она явно выходит за границы обществоведения.

Попытки введения в социальную философию темы *сознания больших социальных групп и индивидуального сознания* неправомерны: это — тематика психологии и ее ветвей

(социальная, групповая и индивидуальная психология), — даже с учетом исторического ракурса (*историческая психология*). Мы опускаем эти темы: они рассмотрены нами в монографиях [21; 23].

Взаимодействие трех уровней сознания

Из тройки (общественного, группового и индивидуального сознаний) выберем сначала крайнее парное взаимодействие общественного и индивидуального сознаний, имеющее диалектически противоречивый характер и связанное с механизмом культуры [100].

Сознание индивида имеет общественный характер, ведь оно определяется социальной средой, культурой, менталитетом того социума, в котором тот живет. Отсюда — первая стрелка взаимодействия: индивидуальное сознание во многом организовано общественным сознанием, “пропитано” им. Эта линия, доведенная до “средового детерминизма”, одно время сильно преувеличивалась; ее значение, действительно, велико, но отнюдь не абсолютно [34].

С другой стороны, содержание общественного сознания пополняется за счет продуктов индивидуального сознания. Трансляция культуры личности в культуру общества дает нам вторую, обратную, стрелку взаимодействия. Общественное сознание растворено в некотором *множестве индивидуальных сознаний*.

Индивидуальное сознание есть своеобразный сплав **общего, особенного и единичного**, где *групповое* выступает как особенное. Можно подойти к этому и с точки зрения масштабной. Всякое индивидуальное сознание вложенным образом включено в хронические и топические уровни, которым соответствуют свои масштабы. Хроническую вложенность циклов мы уже исследовали, а если говорить о топической, то отметим: здесь нам подойдет, к примеру, “средовой” подход [181; 236; 247].

3.4. Основные положения теории менталитета

Взаимоотношения менталитета и общественного сознания

В этих проявлениях **объект у нас один и тот же**, и иерархия его та же.

При полном тождестве объекта и его иерархичности менталитет и общественное сознание различаются **как константная и переменная части единой общественной психики**.

Если психика процессуальна и индивидуальна, принадлежит горизонтальной оси, то менталитет только общий, общественно-групповой, принадлежит онтологической оси (хотя оказывает матрицирующее действие на психику). Отсюда — столь характерные поиски архетипов коллективного бессознательного, существующих якобы априори. Нет, говорим мы, ментальные инварианты подвижны, подвержены сменяемости, имеют генетическую преемственность, они сложно суммируются. Но только они динамичны в масштабах истории в целом (надсистемы) и потому могут казаться незыблемыми внутри общественных циклов

Различие ментального и психического выражается через масштаб действия во времени: *ментальность действует на больших циклах, психика (сознание, деятельность) — в узком диапазоне настоящего, на малых циклах*.

Сейчас скорость сменяемости ментальных инвариантов и скорость сменяемости содержания общественного сознания небывало сблизилась. И потому достаточно часто можно наблюдать следующее: а) их смешивают; б) принимают одно за другое.

Наиболее простым образом мы можем их различить иерархически, и мы это уже, по сути, проделали. Добавим в этому всеобщий интеллект, и получим уровневую тройку. Разум (рациональные знания) накапливает свои продукты вне времени (в мире платоновых “идей”, в семиотическом мире) — “общественное сознание” живет во времени, причем в настоящем. Менталитет уникален тем, что воссоединяет вневременной “мир идей” и временной “мир сознания”.

Отсюда, из этого понимания, исходит “скрепляющая” роль менталитета в устройстве общества: именно менталитет удерживает картину мира на больших исторических циклах, задает восприятие времени и пространства, содержит единые нормы морали и эталоны красоты. Напрашивается вывод, что менталитет есть синтетическое третье:

Рис. 67. Менталитет как синтез разума (вневременного знания) и общественного сознания.

Менталитет в этом плане есть то инвариантное, что “удерживает”, скрепляет, определяет общественное сознание на больших периодах истории. В нашей трактовке эти инварианты действуют на формационных циклах (другие подходы сводят его до масштаба истории нации, а то и менее, но все равно это — значительные исторические циклы).

Тогда собственно “общественное сознание” выступает как живущее в “настоящем” — оно приобретает черты обыкновенной телекамеры, которая фиксирует все, попадающее в ее объектив.

Двухполушарная “психика” общества

В психике общества — два начала: общественный разум и общественное сознание. А.И. Субетто называет их “всеобщим интеллектом”, но этот термин есть лишь объемлющая рамка для двух разных начал. Как они вместе работают, он не раскрывает, акцентируя все внимание на знании, на рациональном в нем. Мы же говорим: соединяясь, эти два начала образуют третье, которое мы и называем менталитетом. В нем рациональная мысль не отделена от эмоций сознания, как и в самом человеке. Это трудно применить к категории общественного интеллекта, тем более, что она иерархически не дифференцирована.

Менталитет не рациональный разум (он не опирается на знание, он не озабочен Истиной). Вместе с тем он содержит устойчивые формы метазнания, преимущественно эволюционирующие. Способы удержания знания в менталитете синкретичны и пока слабо изучены: менталитет легче описать, чем определить.

Двигаясь по пути отрицательных определений, мы выяснили следующее: менталитет — это не наука; менталитет — это не идеология.

Менталитет не тождествен сознанию, ибо сознание озабочено Пользой; для сознания он слишком консервативно неизменен, инертен. Поэтому о менталитете часто говорят как об “окрашенности” общественного сознания. На самом деле он удерживает константные рамки общественного сознания на больших исторических циклах. Менталитет здесь служит руслом, по которому текут, сталкиваясь, многочисленные струи.

Менталитет не знание и не сознание: это — синтез того и другого. Поэтому проявлен он в синкретических символах — многозначных и вместе с тем достаточно единообразно интерпретируемых всеми.

Исходя из сказанного, заключаем: ядро менталитета — этико-эстетическое. Это — ценности долговременного действия, которые определяют повседневную деятельность людей. Этическое — это ментальная дуальность (что есть Добро и что есть Зло). Эстетическое — это хронопическая модель менталитета, с позиции гомеостатики.

Таким образом, в качестве синкретической картины мира менталитет определяет жизнь людей сверху вниз (идеи), вертикально; а в качестве ценностей (через установки) — горизонтально.

В итоге феномен менталитета можно описать при помощи соединения двух схем: схемы иерархии уровней общества (человечество — общество — человек) и схемы двухполушарной общественной психики (“рацио” — “иррацио”).

Это порождает всю возможную совокупность проблем, которых мы так или иначе коснулись во всех наших работах [17; 21; 23]:

	Разум (Рацио) Интеллект Рац.М. _____	Менталитет _____	Чувство (Иррац.) Сознание Иррац.М.
Человечество	Разум Человечества	Менталитет Человечества	Сознание Человечества
Общество	Разум Общества	Менталитет Общества	Сознание Общества
Человек	Разум Человека	Менталитет Человека	Сознание Человека

Рис. 68. Совокупность ментальных проблем.

Для теории менталитета важны переходы и взаимосвязи (прямые и обратные) между выделенными ячейками — как горизонтальные, так и вертикальные, а впрочем, и диагональные.

Поэтапное определение менталитета

Рассматривая связанность таких особых “фильтров”, как культура и идеология, мы отмечаем, что менталитет вводит в данный пласт свои особые ограничители, связанные с *господствующей картиной мира*. Это сразу переводит нас на иной уровень циклов: картина мира не меняется в истории длительное время, в то время как “картинки” общественного сознания меняются быстро и постоянно.

Менталитет в нашем **обществоведении** определяют как **духовно-психологический облик общества** или, во времени, — **“дух эпохи”** [87-88]. В самом определении содержится двойственность: “духовное” есть статическое и константное, а “психологическое” — живущее во времени; таким образом, и здесь — парность. Далее “облик” (лик, лицо, обличье) — нечто, явно имеющее отношение к форме, оформленности. Таким образом, менталитет в этом определении можно воспринимать как некую *оформленность, имеющую в своем содержании константную духовную составляющую и вторую, способную к временному видоизменению*.

Менталитет константно “работает” на длинных циклах, где только и может качественно видоизменяться; его действие в этих циклах непрерывно, в отличие от политического и идеологического типов воздействия, которые имеют дело с более мелкими циклами и приводят не столько к модификациям менталитета, сколько к его “освоению” внутри цикла. В этом своем виде он является принадлежностью не социальных групп (классов, наций и т.п.), а конкретного общества, либо находится уровнем выше, чем общество (например, менталитет формации).

Задачу более глубокого исследования понятия “менталитет”, с позиций идеологической, культурологической и социально-исторической проблематики, мы исключаем из настоящего текста, поскольку она детально рассмотрена нами в работе “Формула истории” [23].

* * *

Известный историк М.А. Барг определил менталитет как “совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т.е. путем *повторения*. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе *онтологическим* (ответ на вопрос: *что это?*) и *функциональным* (ответ на вопрос: *как и зачем это?*) *объяснением*, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. *Идентичность* менталитета среди его носителей обуславливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и

те же явления объективного и субъективного мира, т.е. тождественным образом их интерпретировать и *выразить в одних и тех же символах*” [41, 4].

Определение М.А. Барга позволяет исчерпывающе ответить на вопрос: менталитет — это совокупность (система) символов, которая раскрывается как “понятия, образы и идеи”. Иными словами, если это — символы, то символы, по крайней мере, трех уровней — рациональные (понятия), чувственные (образы) и переходные между ними, ценностные.

Здесь сказано, как формируется менталитет: путем многократного повторения, то есть циклически, с накоплением качества, — и указано *предназначение* менталитета: служить **способом выражения** знаний о мире и о человеке в нем. Но знание, выраженное рационально, и иррационально, и чувственно, — это не совсем “знание”, это уже более наполненный багаж.

В связи со *знанием и выражением* можно предположить и наличие встречного процесса *понимания*. Эту систему символов, сообщающую наиболее широкое для данного общества “знание”, упакованное на трех уровнях, должен понимать (тождественно *интерпретировать* и тождественно *выражать*) каждый член общества (что является условием жизни менталитета). Если мы поставим перед современными проектировщиками культурных коммуникаций задачу создать нечто, обладающее одновременно такой фундаментальностью и такой всеобщностью, да еще способностью восприниматься всеми членами общества, они от такой задачи откажутся как от невыполнимой в принципе. Менталитет все это может.

Данная система символов служит способом выражения: 1) знаний о мире (*внешнее*) и 2) знаний о человеке в нем (*внутреннее*). Общество стоит посередине, между миром и человеком, образуя ту границу, которая и отделяет внешнее от внутреннего. Зафиксируем исходную *константность*, неизменность и неизменяемость, фигурирующую по отношению к менталитету.

И, наконец, все это отрефлектировано относительно известной нам совокупности осей (плоскостей): вертикальной — онтологической и горизонтальной — временной (жизнь, деятельность).

Данное определение-каркас мы пополним за счет других, расширяющих интерпретацию “менталитета”. Наберем из разных определений отдельные свойства и будем отмечать их курсивом.

Например, менталитет “пронизывает жизнь” людей одного времени. Но это свойство мы уже выделили несколько в ином виде — как **константность**. К нему можно добавить также **инвариантность** относительно людей, их положения, возраста и т.п. характеристик.

Дадим формулировку, содержащую сумму разверток.

Менталитет есть многоуровневая система символов, выражающих фундаментальные общественные “знания”. Это — система символов как внешнего, так и внутреннего характера (как о мире, так и о человеке в нем), которая работает и в онтологии, и в деятельности. Примененная в коммуникации, она работает как выразительный язык, обладающий свойством одинаково восприниматься и интерпретироваться всеми членами общества. Менталитет формируется в истории путем циклического накопления качества.

Менталитет есть система символов, обладающих константностью и инвариантностью для людей данного общества и данного времени.

В разных школах европейских стран термин “менталитет” приобретает специфические оттенки: английский (mentality), немецкий (Mentalitat) и французский (mentalite). Определение, данное в работе М.А. Барга [81], скорее немецкого толка.

* * *

Говоря о менталитете, нельзя обойти тему понимания ментальности в школе “Новой исторической науки”, или Школе «Анналов» Л. Февра [286] и М. Блока [52]. Мы рассмотрели и ее [23], но и в данном случае даем лишь ряд итоговых определений.

Из трудов Дюркгейма в Анналы перекочевали **коллективные представления** (мифы, верования, социально-правовые нормы), но они подверглись, как пишет В.А. Шкуратов [310], “гуманитарной обработке историков, искавших человека”, в результате чего и стали **ментальностью**.

Мы выделили несколько важных моментов, отраженных в работе данной школы.

Ментальность выступает как константное и инвариантное (статическое, объективированное)

и противостоит понятиям, связанным с подвижностью и психикой (динамическое, субъектное). Если человек — *биосоциальное единство*, то его “био” обеспечивается психикой (присущей и животным), а его “социо” — менталитетом. Итак, менталитет априори **социален и статичен**.

Характерные моменты *статики*, заложенной в менталитете:

- картинность, панорамность, зримость (видение, воззрение);
- квантовая статическая характеристика динамических процессов (“слайды”, или “кинокадры”).

Менталитет нигде не оформлен (“метапространство”).

Но он **обладает системностью**, классифицированностью (матрица, “склад”, т.е. сложность) и внутренней **иерархией**.

В **составе ментальности** — системы символов, понятий, идей, образов и ценностей.

Ментальность содержит ядро мировидения: она матрицирует мировоззрение как “картину мира”.

Ментальность содержит коллективные представления о внешнем мире, общие мыслительные установки по отношению к окружению, идеологию, умонастроение, единую “психологическую матрицу” эпохи, склад ума, воображение (здесь сразу несколько масштабов).

* * *

Масштаб менталитета показывает, что его состав масштабно един: это — проявления высших иерархических ярусов (мировоззрение) больших социальных групп, крупного временного ритма (формации, эпохи).

Менталитет обладает инвариантностью по отношению к социальным группам или странам.

Менталитет может быть только общим, общественно-групповым, и принадлежит он онтологической оси.

Менталитет *оказывает матрицирующее действие на психику, управляет мышлением и действиями людей*, управляет индивидуальной психикой. Он обладает способностью к формированию групповых установок. Менталитет (как знаково-символическая система) управляет обществом, индивидуальной и групповой психикой, поведением людей и масс.

Ментальность имеет два измерения: человеческое — предметное, социологическое — культурное. Первое отражает взаимодействие человека и всей иерархии общественных групп (от семьи — до человечества). Второе содержит любые “следы” человеческой деятельности, объективированные продукты культуры. Ментальность связана с деятельностью и объективируется в ее продуктах.

Менталитет актуализируется в процессуальности. Менталитет не только актуализируется, но и материализуется в процессуальности.

Состав и иерархия масштабов менталитета

Что есть в менталитете? В приведенных определениях кроме рациональных *идей* (или понятий) важное место в структуре ментальности занимали *аксиологическая* составляющая долговременного действия, а также *образы*, несомненно имеющие отношение к эстетико-художественному. Например, мы уже обнаружили, что в менталитете фигурируют *долговременные нравственные нормы*, а на более коротких циклах в нем живут *эстетические идеалы и нормы*, сложно соотносящиеся с нравственными. Что касается долговременных “норм пользы”, которые тоже есть в менталитете, мы подойдем к ним постепенно.

В устройстве *глобального менталитета* мы обнаруживаем инвариантную внутреннюю дифференциацию (четыре типа), которую по-разному содержательно наполняем, применяя аппарат разных наук. Но эту же, инвариантную, матрицу-четверку мы только что использовали и при раскрытии морфологии “общественного сознания”, принадлежащего не глобальному менталитету, а обществу. Что из чего проистекает, здесь гадать не приходится: менталитет по уровню находится выше “общественного сознания” и потому матрицирует его на больших циклах. Таким образом, “формы общественного сознания” есть проявление содержания менталитета в основных типах; по крайней мере, они явно “запараллелены”.

Четверка — оптимальная развернутая типология проявлений менталитета [17].

Мы имеем дело с социологической иерархией менталитета.

Предельно большим в иерархии будет такое расширение понятия “менталитет”, которое применимо к человечеству и действительно на протяжении всей его истории. Здесь можно попытаться использовать ряд производных, отображающих разные грани вопроса и образующихся за счет “масштабных” приставок **макроменталитет**, **мегаменталитет**, **метаменталитет** или же **надменталитет** и т.п., — вариантов достаточно много. Простейшей матрицей для данного хода является системно-уровневая тройка “**надмир** — мир — **подмир**”.

Чтобы говорить о *ментальности человечества всех времен и народов*, ее надо как минимум отличить от чего-то качественно иного и вместе с тем рядоположенного, например от *вероятных ментальностей* инопланетных цивилизаций или иных человеческих цивилизаций, может быть, бывших ранее на Земле. Такого рода мысленными экспериментами насыщена вся научная фантастика “золотых 60-х”, когда активно дебатировались возможности космического Контакта и даже шел поиск языков для этого (наиболее универсальным были признаны языки геометрии и числа).

Надсистемный уровень “менталитета человечества” *задает структуру содержания*, которую мы в значительной степени описали: это — **глобальный ментальный хронотоп**. Такова развертка уровня “**общего**”.

Перейдем от надсистемы к системе. Собственно “**менталитет**” у нас фигурирует на формационном уровне, потому что в пределах трехуровневой модели (альтитуда) именно **ментальная формация** у нас является системой. Все то, о чем мы говорили по поводу макроменталитета, применимо и здесь, различие состоит в уменьшении масштаба. Однако появляется и специфическое, присущее данному уровню, уровню “**особенного**”.

На подсистемном уровне (культурно-цивилизационные группы, фазы ментальной формации) можно говорить о **микроменталитете**. Здесь набор специфических показателей резко увеличивается, ведь мы перешли в определенном смысле к “**единичному**”.

Итак, обозначим **три иерархических уровня**:

мегаменталитет — человечество в целом, история в целом (**макроментальная цикличность**), надсистемный уровень, общее;

менталитет — формации (**ментальный цикл**), системный уровень, особенное;

микроментальность — культурно-цивилизационные группы (**микроментальная цикличность**), подсистемный уровень, единичное.

Все уровни вместе можно объединить таким общим термином, как “ментальность”. Он применяется, когда нет необходимости исследовать менталитет дифференцированно или в случае выделения общих моментов, свойственных любым уровням менталитета.

В психологическом ракурсе, каким бы он ни был, основная проблема сводится к *носителю* и его масштабу: что (а точнее, “кто”, какой субъект) выступает в качестве носителя “ментальной системы”.

Варианты уровней таковы:

- если это — *человечество в целом*, то мы имеем дело с уровнем мегаменталитета — и тогда нужно анализировать мегаинварианты, характерные для всех его проявлений в прошлом, настоящем и будущем;

- если это — *формационный менталитет*, то круг сужается, но опять-таки под определение *носителя “ментальной формации”* должны попадать не только европейские (и приближенные к ним или исходящие от них), но и все прочие формационные проявления;

- если это — *культуры и цивилизации*, то их “ментальные системы” имеют локальный характер.

Мы захватываем все уровни и исследуем различие между мегаментальными инвариантами, формационными составляющими менталитета и микроментальностью культурно-цивилизационных групп и локальных цивилизаций [23].

Заключение к главе II

От ментальной статики — к ментальной динамике

Используя наши основные методологические положения, мы уже вплотную приблизились к построению **теории ментальной динамики**. Во-первых, мы провели последовательное содержательное качественное различие специфики менталитета, отличив его от внешне сходного — общественного сознания, идеологии, политики и т.д. Во-вторых, мы вскрыли как морфологию, так и иерархию менталитета, что позволяет нам сразу же ввести в действие альтитудное (уровневое) понимание ментальной циклики, а также, сосредоточившись на ментальном цикле, использовать закон связи состава и цикла.

Из этого возникает многуровневая ментальная динамика. Но описанием ее мы в данном случае заниматься не будем: это — проблема для отдельного синтетического исследования по истории социума, где менталитету должна быть отведена своя роль. В крайнем случае речь должна идти о **ментальной генетике**, которая вполне способна стать самостоятельной наукой внутри обществоведения — под эгидой социальной философии.

Проблема реконструкции менталитета

Специфической особенностью менталитета является его одновременное присутствие в ментальном “метапространстве”, в социальной коммуникации (язык), в деятельности, в объективированных продуктах деятельности (формализуемые знаки и символы, которые содержат код).

Содержание (и идеальная структура) менталитета проявлены в языке и транслируются в коммуникации, оформленность возникает в объективированных продуктах деятельности. Искусство есть тот же язык. В произведениях искусства мы ищем то же, что структуралисты искали в языковых текстах. Структура ментальности может быть схвачена лишь опосредованно, через язык и объективированную культуру, понимаемую как язык.

В *исторической психологии* для этого применяется выделение специальных “характеристик субъективации культурных продуктов” [310]. Восстановить по ним психический мир прошлого можно, лишь пройдя довольно сложным путем, и о нем говорят наши книги [14; 15; 17; 19; 21; 23; 25; 26].

Наш ход тот же: в текстах искусства мы находим и читаем “менталитет”. Интересен прием, который мы используем: промежуточное *упорядочение эстетических модусов на всех уровнях* дает настоящий универсум модусов выразительности. Следовательно, с точки зрения структуралиста, достоинство в том, что в нашей исследовании задаются некоторые **формализуемые аспекты** языка искусства, дополняющие остальные известные аспекты по иным уровням.

Для нас не так важно непосредственное знание менталитета личности, общности или человечества, их масштабов и специфики. Значительно важнее возможность ретроспективно-прогностического (*прошлое* как ставшее и *будущее* как вероятностное) описания и предсказания поведения на всех трех обозначенных уровнях, управленческого влияния на компоненты менталитета.

Мы предлагаем системогенетическую гипотезу: **ментальный знак (символ) обладает способностью запускать в группах и человеке некие программы, определяющие его поведение**. В его составе — *универсалии*, исполняющие *эту роль* во всех проявлениях менталитета. Пока одна симметрия (и ее проявление в золотой пропорции) одинаково подходит и для времени, и для пространства.

Мы определяем XXI век как век гармонии, а не преобладания знания, век синтеза, а не доминирования и поглощения. С нашей точки зрения, в пространстве между рациональностью знания и “отображающим” общественным сознанием располагается живой и подвижный сгусток менталитета, который не повластен рации.

Так что нами ожидается наступление “века менталитета”.

Глава III. МЕНТАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

§ I. ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

1.1. Инварианты эволюции и возможности глобального прогноза

При обращении к модели “эволюционного импульса” речь шла о разнонаправленности времени на разных уровнях движения материи [23]. Рассмотрим теперь, какие последствия влечет за собой это положение. Нас будут интересовать возможности прогнозирования глобального генезиса применительно к обществу.

Прием прямой параллельности

Гипотетически, в общих чертах, мы знаем, как развивался процесс физической эволюции. Это позволяет нам сопоставлять его с биоэволюцией — по признаку однонаправленности и общего для них *дивергентного* характера данного этапа эволюции. То же самое мы можем сказать и по поводу химической эволюции и эволюции социальной: они — *конвергентные*.

Можно провести параллели между генезисом химических элементов и генезисом общественных систем. Для этого понадобится, по крайней мере, **единый модельный язык описания процессов**, и мы определили его: это — спирально-циклический язык. Используя три уровня циклов, мы применяем для описания генезиса общества самую простую **модель из девяти спиралей третьего уровня**.

Такой тип моделей приложим и к истории общества, но почти не употребляется в химии. Нам не известны подобные описания генезиса системы химических элементов. Периодическая система элементов Д.И. Менделеева — модель итога генезиса химических элементов; она построена как плоскостная матрица, т.е. как европейская [23]. Если перевести ее в восточный радиально-круговой вариант, то она же будет выглядеть как плоская *модель “венца девяти спиралей”*, исходящих из одной точки. Подобные модели с некоторых пор применяются для описания именно Периодической системы. Они снимают многие ранее существовавшие в плоском матричном представлении проблемы, но у них есть свои недостатки: они не отвечают на ряд важных вопросов системного плана.

Мы сделали шаг вперед и вывели эту спиральную периодическую систему элементов в объем. Была получена **объемно-спиральная модель на основе эволюционного конуса химических элементов**, которая сняла ряд проблем и плоско-матричного, и плоско-радиального типа моделей. Метод системогенетики дал здесь хороший результат. С нашей точки зрения, попытки описания **системы элементов** без описания одновременно и ее генезиса являются односторонними. То же касается и общества: все варианты описания системы (структуры и состава) общества, не имеющие соответствующей *генетической проверки*, всегда будут однобокими. В этом состоит методологический смысл единства исторического и логического.

Зафиксируем основное: прямая параллельность химической эволюции и эволюции социальной вывела нас на единую спирально-коническую модель. Мы утверждаем, что структурно это одна и та же модель, а различие состоит в содержательном ее наполнении (различие предметов) и соответствующих хронотопических (пространственно-временных) особенностях.

Таким образом, здесь описан прием сопоставления в глобальном генезисе идентичного, инвариантного по принципу дивергентности и потому — структурно параллельного.

Прием обратной параллельности

Далее отметим, что нам на этом структурном уровне в принципе все равно, куда направлен вектор времени внутри конуса. Это означает, что мы можем взять “обратные” процессы (например, биоэволюцию) и отнести к эволюции общества те инварианты, которые там обнаружатся, **но с обратным знаком**. Это поначалу звучит несколько парадоксально, ведь

зеркально отраженная биоэволюция должна будет идти в сторону одного простейшего организма; на самом деле ничего странного в этом нет, если принять тезис, что человечество на всем протяжении истории только **становится** как невидимый и единственный на планете сверхорганизм. Все синтетические сферные концепции, понятие о коэволюции (и так далее) не противоречат данному предположению, а напротив, подтверждают его.

Такова вторая возможность почерпнуть **эволюционные инварианты** из прошлых стадий развития материи. Она позволяет включить для рассмотрения теперь уже **все стадии известного нам глобального генезиса**.

* * *

Что дают нам эти приемы в прикладном смысле?

Если мы на основе вычислений и замеров достоверно узнаем, что спираль истории не сегодня-завтра завершится, то возникнет вопрос: что же нас ждет в таком случае? Прогноз получить можно, если развить гипотезу о двух разноуровневых вложенных импульсах. В момент **конца нашей социальной истории** мы перейдем от спирали конвергентного типа, завершающейся образованием единого человечества (*сверхорганизма*), к новой спирали, расширяющегося дивергентного типа. Будем считать, что кое-что мы о ее свойствах уже знаем, ведь у нас описаны два подобных эволюционных конуса, различающихся как ступени качества: физическая эволюция и биоэволюция. На пороге — третья ступень того же ряда качеств. Прогнозировать в подобных условиях достаточно трудно, но уже можно, потому что есть хоть какие-то серьезные основания для построения глобальных гипотез дальнейшего эволюционного развития. Вполне реален и прогноз "постдивергентного", то есть конвергентного, этапа эволюции нашего общественного надорганизма в ряду прочих надорганизмов во Вселенной (будущий глобальный кризис возникающей планетарной суперцивилизации).

Модели на основе двойной спирали

Можно соотнести уже продемонстрированную ранее логику **эволюции** со спиральным типом развития **на двух взаимобратных спиралях**. Здесь есть две модели: цилиндрическая и коническая.

Двойная цилиндрическая спираль хорошо известна в биологическом мире: это — двойная спираль ДНК, несущая всю эволюционную информацию. Поскольку природа экономна, мы можем предположить, что в истории, как и в микромире, действуют одни и те же законы. Это привело нас к гипотезе "вселенского шнура", пронизывающего все формы движения материи и выходящего как за точку сингулярности "Большого Взрыва", так и в будущем — за следующую точку сингулярности ("схлопывание" Вселенной) [142].

Наши выводы об особенностях глобальной эволюции вполне могут оказаться интересными биогенетикам. Модель двойной спирали все время усложняется, и мы представляем себе ее не иначе как "структурно запрограммированное время". Сейчас она выглядит у нас шнуром из четырех составляющих (парные двойные спирали).

Коническая модель. Две взаимобратные спирали на конусе описаны нами ранее. В тот момент, когда некое противоречие наиболее активно развивается, можно обнаружить затухающий процесс развития иного противоречия, которое образовано из слабой стороны предыдущего противоречия (но только как бы подспудно, "невидимо", не оказывая явного влияния). Когда развивающееся противоречие достигает состояния равновесия, остатки старого окончательно исчезают — на смену им приходит момент зарождения нового противоречия, которое в продолжение некоторого периода не вступает в активное взаимодействие с основным противоречием, находящимся в состоянии постепенной деградации, а позже революционно сменяет его. Такое существование *нового внутри деградирующего старого (и старого — внутри активно становящегося нового)* прекрасно иллюстрируется историей общественных формаций, где это происходит постоянно. Эволюционистам [64] следует поискать аналогичные процессы и в других, прошлых, этапах глобальной эволюции — они там непременно найдутся.

Ясно одно: в момент наивысшего (классического) расцвета одной системы в ее недрах окончательно умирает ее предшественница и издает первый крик новорожденная система, которая ее заменит путем системной "революции". Но если это так, то в нашем социальном

мире должно наблюдаться следующее: *примерно в средние века должна окончательно затухнуть биоэволюция*, но в это же время *должен зародиться "могильщик" этого общества (социума)*. Так что некие "драконы" еще вполне могли жить во времена рыцарей. Проявления **нового эволюционного свойства**, идущего с нарастанием, следует искать начиная с этого срединного времени, а его активность должна сильно увеличиваться в нашем времени, т.е. ближе к концу социоэволюции. У этого нового эволюционного свойства должно быть нечто, связанное с обратным знаком в области энергии; если считать, что общество использует некую *плюсовую энергию*, то новая должна быть минусовой. Напрашивается вывод, что эта энергия находится в самом человеке (и ее можно обнаружить у живых существ), а отнюдь не в абиотическом мире, где мы ее упорно ищем вместе с нашей техникой. Если применяемая ныне энергия связана с обратным ходом социального времени, то новая — не должна быть *дискретной и прямой* по вектору времени. Простейшее предположение состоит в том, что грядущая техника человечества — живая.

Таким образом, мы знаем не так уж и мало, чтобы наблюдать макромир и пытаться ставить некие **ключевые эксперименты на эволюции**.

Если исходить из принципа дополненности, то можно иначе взглянуть на историю. Мы должны предположить, что до момента достижения устойчивости социоэволюционных процессов шло дивергентное расширение видов живого. Ограничивающим фактором социальной эволюции выступала, с одной стороны, система видов живого (конкуренты и источники питания), а с другой — становление самого человека. Исходя из логики дополненности, можно утверждать: должен быть еще и некий *протовиток* у самого человечества (**антропогенез**), завершающийся в момент, когда сообщество людей начало ощутимо влиять на экосистему в целом. Причем это — протовиток антропогенеза очень большой длительности, и он едва ли не больше всей известной нам социальной истории.

Завершим ряд рассуждений и гипотез тем, что кажется нам достаточно бесспорным. Во-первых, можно опереться на структурное сходство всех известных нам эволюционных конусов — как прямых, так и обратных. Во-вторых, в последовательности двух известных нам *эволюционных импульсов* история человечества есть лишь последняя часть *импульса биосоциальной эволюции*, где история социума представляет собой конвергентный конус — таково **место истории в глобальной эволюции**. Модель достаточно адекватно отражает этапы движения истории человечества в известных нам цифрах (в допустимом разбросе).

Итак, сделаем первый шаг в обобщении всех гипотез социальной динамики на макроуровне: в импульсе биосоциоэволюции место истории человечества — сходящаяся конвергентная спираль, близкая к конической (хотя на деле и очень сложная).

Мы использовали в данном случае модель, основанную на языке циклов. Она — надсистемно-первичная, и мы ее развиваем далее на системном и подсистемном уровнях. Чтобы перейти к этим двум последующим уровням, нам требуется решить, в какой пропорции необходимо и возможно расчленить такое целое, как историю. И оказывается, что язык волновых колебаний не единственная в нашем методологическом наборе возможность для анализа социальной динамики. Второй возможностью является Число.

1.2. Варианты иерархически-циклических моделей истории

В большинстве теоретических работ по истории (по философии истории в том числе) в основе обнаруживаются простые конструкции с использованием числовых ключей-инвариантов от 1 до 10. Полностью все основания и варианты предьявлены нами в работе "Числовые инварианты в менталитете" [17]. Они неотделимы от прочих основных инвариантов иерархии и цикла.

История как единый цикл и как типы менталитета

История человечества как единый цикл анализируется нами в ряду прочих эволюционных циклов — двух циклов неживой природы (абиотический импульс) и дивергентного цикла живого (биологическая эволюция). Это придает специфичность истории человечества: мы видим

конвергентный конический цикл дополнительным к дивергентному циклу биоэволюции. В процессе анализа мы обращаемся не только к предельному уровню, который выступает, скажем, надсистемным, но и к уровням внутри него: к системным (формационным) циклам истории и ниже. Можно принять за системный цикл именно конический — и тогда все формационные подциклы будем рассматривать как подсистемные.

Обращаясь к самому первоначальному нашему анализу числа, вспомним о существовании двух осей: онтологической вертикали и временной горизонтальной оси. Чаще всего онтологию мы воспринимаем как иерархию (например, первая научная классификация живого в креационизме К. Линнея представляла собой именно иерархию), а время структурировано рассматривается нами как цикл или последовательность циклов (в этом смысле трансформационизм и дарвиновская теория естественного отбора — горизонтальные).

Соединение горизонтали и вертикали дает нам **матрицу “иерархия — цикл”**. Очень важно, что иерархия в данном случае представлена как конический цикл, — такую связь мы демонстрировали уже не раз, и она сущностная. Далее, в зависимости от числа, можно говорить об уровнях иерархии (И — N) и о фазах горизонтального цикла (Ц — N). Нам остается наполнить образующиеся матрицы (И — Ц) конкретикой. Это и есть первый модуль **формулы истории: матричное представление модели истории одновременно на двух иерархических уровнях**.

Все известные исторические построения могут быть представлены в виде такой матрицы, и каждое из них имеет свою формулу. Мы пройдем не по всему числовому ряду, а лишь до того уровня, на котором заканчиваются конкретно-исторические исследования: это — ряд “1-6”. На уровнях ниже формационного есть варианты членений циклов до 9. И, хотя некоторые описания могут показаться раздражающе очевидными, мы должны реализовать задачу полного представления всех моделей истории.

История как единичность

Это — один цикл, **цикл истории**, это — целостный взгляд на историю человечества как на “жизнь” организма человечества, цикл с началом и завершением. Единое неделимо и потенциально — и открытие такого *единства истории* было важным моментом становления философии истории.

Тем не менее мы знаем и о существовании в едином неких подсистемных циклов: это — циклы формаций. Подсистемные циклы — *отдельные витки на конусе*: это — “деформированные конусом” цилиндрические спиральные витки. В качественном виде такое упрощение допустимо.

Соединение системного и подсистемного циклов дает нам *матрицу “1x1”*, пока “пустую”, где по горизонтали — история, а по вертикали — “формационный” цикл (подсистемный по отношению к конусу истории):

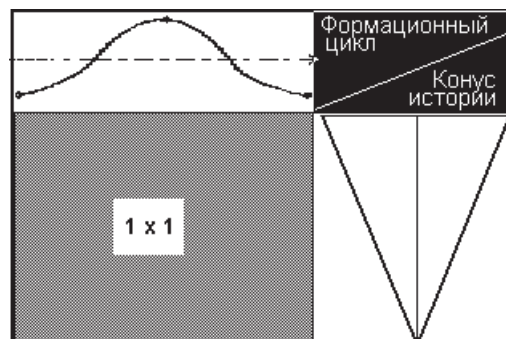

Рис. 69. Принципиальная схема двухуровневого описания истории.

История как парность

Предложим абсолютно абстрактную *схему истории с парой*, которую можно наполнять тематизмами и сопутствующими значениями сколько угодно (пригодна она и для анализа многих историй, как всеобщих, так и предельно локальных):

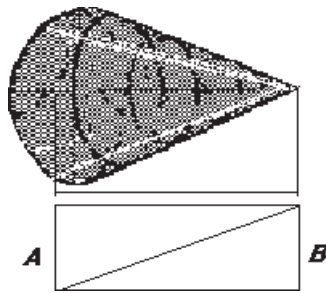

Рис. 70. Конус истории и движущее противоречие истории.

За “историю в целом” теоретики берутся редко. Но если берутся, то в качестве предельности употребляют только одну пару: “Дух — Материя” (к ней по смыслу сводится множество близких модификаций этой пары). Такова позиция в философии истории Г. Гегеля [70; 133], а также воззрение на историю (как проявленность Культуры и цивилизации) у Н.К. Рериха [222]. Как справедливо замечает Л. Шапошникова [222, предисловие], эта пара лежит в основании известного тройного построения П. Сорокина [246].

О **двухформационной** истории после Нового времени речь нигде не идет, если не считать остатков христианской философии истории (историю до Христа и историю от первого до второго пришествия Христа фактически можно понимать и как две формации). Чаще всего речь идет о **дуальности оснований** по поводу единого витка истории. Наиболее известный нам классический пример — политэкономическая история человечества, с точки зрения К. Маркса. Здесь в качестве движущего противоречия выступает пара “производительные силы — производственные отношения”, применяемая для обоснования причинности качественных формационных скачков (приводящая к “*пятичленке общественно-экономических формаций*”). Примерно так же (как количественно-качественные скачки) обосновываются “технологические” уклады, которые мы подробно анализируем [21; 23].

Один из примеров парного описания по иному основанию дается в книге А.А. Ивина [119]: история представлена в ней как проявление управленческой пары “тоталитаризм — демократия”. По тому же пути прошел К. Поппер [209], со своей парой “открытое общество — закрытое общество”. Это — два разных ракурса, но они методологически близки, потому что описывают *устройство управления* и связанную с этим общую идейную ориентацию общества.

Подставлять на подобной, “причинной”, схеме можно многие основания, мы же перейдем сразу к матричной схеме, где, по сути, получим два связанных противоречия (их связь — это связь системы с ее подсистемами):

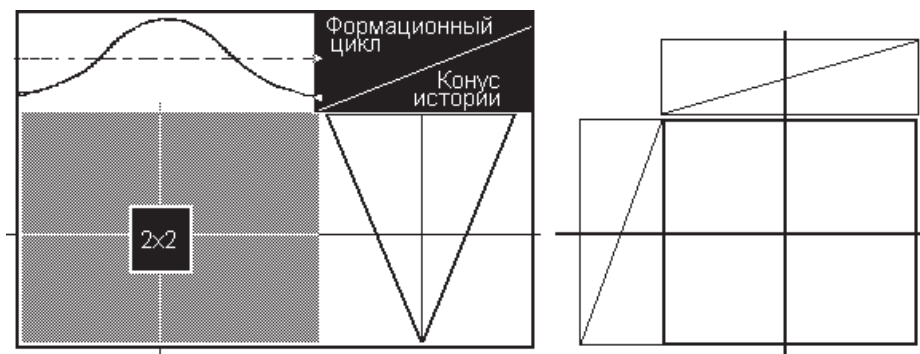

Рис. 71. Четыре типа в истории.

Используя всеобщий принцип дополнительности, можно проиллюстрировать, что образующаяся четверка содержит, во-первых, парность “Восток — Запад” [158; 165; 183], во-вторых, четверку, описанную Л. Мечниковым [190].

История как троичность

Прежде всего речь идет о широко известных способах *деления истории на три фазы*. Например, Древний Мир, Средневековье и Новое Время (наше время) [313]. Это — *назывные фазы истории*, т.е. названиями они указывают на главный признак — “приближение к современности”, — что называется, без особых претензий.

Фазовый подход на основе тройки в принципе открывает возможность совершенно аналогичных *пятифазовых* моделей (и все более сложных нечетных моделей). Это — переход **от трех к любым нечетным фазам**.

Но есть и обратный вариант. Множество черт, свойственных пятифазовому подходу к циклу, можно *редуцировать* до троек (а иногда это просто необходимо проделывать для методологического выравнивания теории). К пятифазовым можно отнести, например, подход к историческому циклу у А. Дж. Тойнби [280] помимо других “пятифазовиков”, о которых мы подробно пишем [21; 23]. Такая, пятифазовая, история четко координируется с тройкой (первое противоречие):

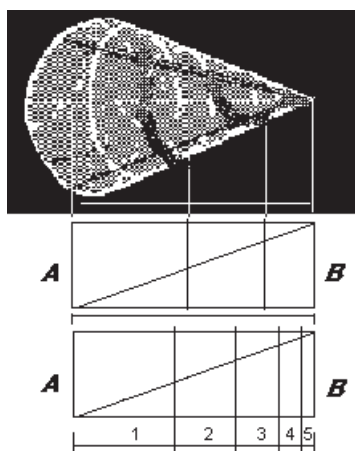

Рис. 72. Три фазы и пять фаз на историческом конусе.

Редуцировать до троек можно и большее нечетное количество фаз, например семь и девять. Схема сопоставления сохранится.

Второй подход: “привязывание” исторического цикла к **иерархиям** или тройкам, образуемым из противоречий. Так, скажем, Э. Тоффлер, с его теорией “третьей волны” [282], и А.И. Субетто, с теорией типов экономики [272], фактически связали историю с известной тройкой “вещество — энергия — информация” (и такими ее вариантами, как “Дух — Душа — Тело”, “Логос — Душа — Соматика” и т.п.). На этой же методологической базе многие авторы выдвигают такое определение нашего этапа истории, как “информационное общество” [1].

В науке и искусстве, как и в экологии, всегда заполняются все возможные ниши. Если мы не обнаружим сегодня теорию, связывающую, например, историю с такой важной тройкой, как “надсистема — система — подсистема”, то завтра она непременно найдется под множеством иных словесных облачений — стоит только дотошно покопаться в литературе и в архивах. В этом смысле с инвариантным числом в ментальных моделях иметь дело значительно проще, чем с конкретными проявлениями троек или других чисел: никто не анализировал до нас историю, так сказать, в столь общем виде, хотя именно это и должно являться основой всякой серьезной теории.

Суть даже не в примерах, а в продолжениях, которые позволяют множить из тройки неисчислимо количество вариантов *как в одну, так и в другую стороны*, как назад, к парным моделям, так и вперед, к любым непарным. Это — возможность, которую представляет нам найденная ранее логика переходов между числовыми инвариантами [17]. Например, мы можем взять характерную *двойку* А.А. Ивина (*тирания — демократия*) и превратить ее в тройку, в результате чего получим не два, а *три типа способов управления в цикле*: тирания или деспотия (моно-), демократия (поли-) и их сочетание (“моно-” + “поли-”). Полученная новая тройка применима как к истории к целом, так и к ее отдельным формационным

циклом. Так, в *Древнем мире* с начала цивилизованности первый, деспотический, этап наблюдается в Египте, Междуречье (а также в Китае и Индии), второй, демократический, этап — в Греции, с ее полисной демократией, и, наконец, третий — в Риме, сочетающем власть императора с властью сената (“моно-” + “поли-”). Схема “моно- + поли-” есть как бы итог циклических схем управления, например такова современная схема “президент + парламент”: она хороша тем, что позволяет гибко переключаться на моноуправление в экстремальных ситуациях (типа войны или Великой депрессии) и применять неспешно накапливающееся качество полиуправления в более ровный исторический период. Конкретных разновидностей подобной управленческой схемы в истории было немало.

Сюда же, бесспорно, относится знаменитая тройка социальной динамики П.А. Сорокина [246], представленная в его классическом предвоенном четырехтомнике. Он назвал **три вида фундаментальных культур**: *идеальный* (или религиозный), *идеалистический* (или промежуточный) и *чувственный* (или материалистический). “Тройка” координируется с исходной суперпарой “Дух — Материя” или с любой исходной тройкой (например, “Дух — Душа — Тело”, “Логос — Энергия — Соматика”).

Если мы обратимся к теме анализа истории через произведения искусства, то в этом поле мы сможем увидеть достаточно большое количество **троичных индикаторов** (маркеров), пригодных для описания параметров исторического процесса с данной стороны [26]. В наших книгах мы группируем их (*по ионам тройки*), что позволяет нам сразу связать множество однотипных индикаторов в сложное смысловое единство. Эта операция выявления инвариантного смыслового ядра [17] очень важна, но воспроизвести ее здесь мы не можем в силу ограниченности объема диссертации.

Обобщим сказанное до итоговой схемы *трех фаз в формационном цикле*, представленных матрично относительно тройки исторического конуса:

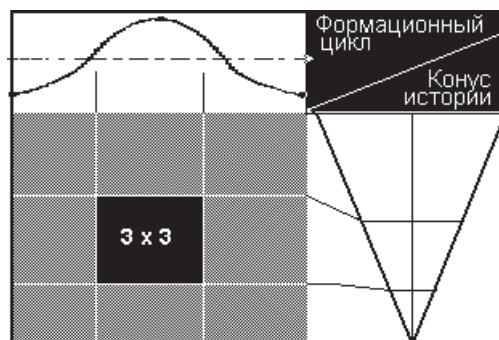

Рис. 73. Модель истории на основе трех фаз.

В определенном смысле троичная модель является стартовой для любой теории социальной динамики. Три фазы и связанные с ними индикаторы процесса — это минимальный набор, обеспечивающий инвариантное описание любого процесса, в том числе и в этой области.

История как четверичность

Никто из известных историков не выделял *четверку* исторических **формационных типов**. Глобальная фазовость истории всегда нечетна: история в целом *должна содержать зримую асимметрию*. Легко делить на симметричные части круг или цилиндрическую спираль, но *конус* истории вполне естественно хочется поделить асимметричным образом. Органическим аналогом этой модели выступает коническая раковина.

Зато историки выделяли, и не раз, четыре фазы в промежуточных циклах (меньше формационных). Такой фрагмент истории, представленный как цикл-четверка, приводит нас к весьма важному “**закону связи состава** (морфологии, компонентов) **с системным циклом**” и “**морфологическому кубу**” (как упаковке всех исторических циклов). Именно так мы рассматриваем, например, историческое развитие **морфологии искусства**.

Пойдем самым простым путем: сведем четверку к тройке. Наличие переходов такого рода мы уже достаточно обосновали в логике числовых переходов [17]. Связывая типологическую

четверку, взятую в качестве инварианта, с конусом истории, мы ищем ответа на вопрос: какими *в принципе* могут быть модели менталитета в наиболее крупных блоках? При таком подходе **типы** глобальных ментальностей укладываются в известную схему четверки, а четверка — в цикл истории.

Следует еще раз упомянуть, что мы осмысляем инварианты числовых моделей. Вот почему мы можем поставить **качественных четверок** рядом столько, сколько наук мы захотим сюда привлечь (конечно, наук того ранга, к которому принадлежит сам вопрос по степени всеобщности). Так, раскрывая строение *человека* и его отображенность в модели *человечества*, мы чаще всего используем в качестве основы именно четверку.

Связь четверки типов с тремя циклами истории есть целочисленная иллюстрация закона, который мы так настойчиво презентировали в первой главе, — закона связи морфологии с циклом. Из данной связки можно сделать ряд далеко идущих выводов относительно типов глобального менталитета.

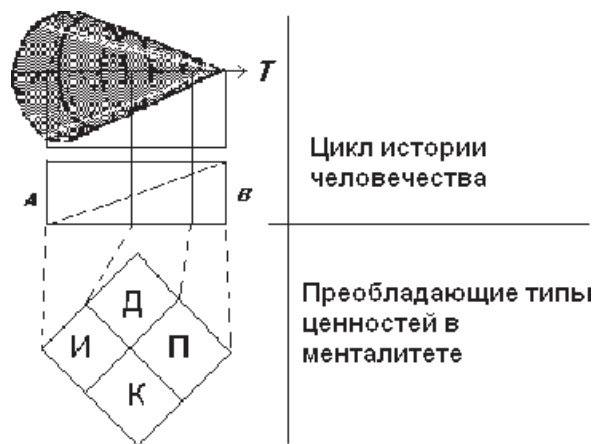

Рис. 74. Последовательное доминирование в истории основных типов ценностей.

Накопление смыслов вокруг подобного хода имеет множество вариантов. Сюда можно отнести все, что нам известно о тройках и четверках (а если угодно, то и о двойках). Ромб, или повернутый квадрат (в который вписаны в данном случае четыре типа ценностей), можно перевести в три уровня (что дает *соотнесенность* информации с Истиной, энергии — с Добром и Красотой, вещества — с Пользой) или в диалектическую пару (Логос — Соматика) и так далее. Это — особая работа, не лишенная изысканности, но нам нужно сейчас описать сам ход в принципе. Остановимся на простейшей связке смыслов. Даже она весьма необычна по своим выводам.

Соответственно изложенной трактовке, схема ментальной истории человечества начинается с *преобладания ценности истины*. Это требует пояснения: *истина* — явление групповое, она нужна *для всех*, и ее ценность, следовательно, **превыше морали, красоты и соображений пользы**. Таков Древний мир, такова и античность [98] до “осевого времени истории” [325]. Более того: можно сказать, что именно созревшая истина дала плоды в “осевом времени”, и в этом — его особенность. Но Истина имеет пока *герметичный характер* и принадлежит маленькой касте (жрецов и т.п.): они ее хранят и от имени Истины властвуют в обществе. Не чем иным, кроме поклонения высшей Истине, невозможно объяснить геометризм египетских и всех первых пирамид во множестве частей света. Здесь на ранних этапах действует “герметическая герменевтика”, характерная, например, для Тота Гермеса Трисмегиста [118]. Кстати, аналогично описывают данный этап П. Сорокин, А. Тойнби и многие другие.

На втором этапе (с осевого времени истории) мир вступает в полосу поисков Добра (и именно на данном этапе возникают все мировые религии, дающие *нравственный закон* в форме нового Завета). А затем наступает черед Красоты, что великолепно видно в Европе начиная с готики. Вот эта пара — “Добро и Красота” — совместно действует в срединной формационной фазе, и у неё там — особая жизнь, о которой мы говорим подробно в наших монографиях [21; 23; 25; 26]. **Нравственные регуляторы менталитета** прочно удерживают

все средневековые (заметим, древнее жречество правит не от имени Добра, а от имени надсистемной Истины; все церкви средневековья, хоть и остаются единственными, кто поддерживает огонь познания, опираются в своей власти именно на нравственную проповедь от имени Бога). Теологическая герменевтика опирается на веру как гаранта адекватного понимания Священного писания.

Самый пышный расцвет *формальной красоты* (причем везде, во всем человечестве) приходится на конец средневековья, на Возрождение и поток стилей вслед за ним, в линии “барокко — классицизм — рококо — ампир” и далее. Это — немалый по размеру и немаловажный по значимости этап, который длится вплоть до конца Нового времени (стиль “модерн”). Приход Красоты вроде бы явно не отодвигает нравственных регуляторов, но сильно разрушает доверие к церковным формам организации и ослабляет гнет коллективного нравственного долженствования. Характерно, что даже первый приступ формальной красоты возникает в церковном искусстве (прекрасный Бог), а затем перекидывается на светское. Например, на Руси он проявится в потоке шедевров иконописи (А. Рублев) и церковного зодчества.

Новое время без обиняков отодвигает регулятор нравственного долженствования на второй план и в итоге провозглашает *единственной ценностью* пользу. Этот прагматизм в переходном периоде еще “отягощен” добром и красотой (скажем, такой двойственностью отличается английский менталитет, такова же была и русская культура до конца XIX века). Среди четырех ветвей мировых религий на первое место (с позиции доминирования) выходит наиболее приспособленная к идее пользы католическая ветка, а внутри нее — протестантская ветвь (о чем так красноречиво пишет Макс Вебер [58; 67]).

Наиболее завершенную, “чистую”, так сказать, форму подобный тип менталитета приобрел в американском обществе, оторванном от корней и традиций Старого Света. Здесь он уже полностью лишен оставшихся в чужом историческом прошлом регуляторов всеобщей истины, морального долженствования и аристократической (по основному носителю) красоты. Достаточно прочесть О’Генри, чтобы сомнения отпали: это уже было растворено в менталитете США сто лет назад и неистребимо в нем.

Всеобщее (истина) перешло в богатое оттенками особенное (добро и красота), далее — в единичное (и единственную ценность — мою пользу). Причем, если на первом этапе всемирной истории доминирование принадлежало носителям-единицам (всеобщая истина — один носитель, герметическая герменевтика), то на последнем — все наоборот (единичная польза — общество эгоистов, экзистенциальная герменевтика). XX век оформил этот эгоцентрический прагматизм в новую “философию”.

Рассматривая науку Нового времени, мы можем отметить, что она все более отдаляется от идеи Бога и корпоративности средневекового общества и все более опирается на “разумность” и уникальную единичность человека. Своего рода пределом в этом отношении становится XX век. Примеров здесь можно привлечь множество, например в начале XX века возник эмпириомонизм А.А. Богданова [227]. И “эмпирио” (опыт, практика, прагматизм), и “монизм” сигналият нам о том, что человечество (его наука как всеобщее отображение мировоззрения, евроменталитета) *достигло отрыва* от ценностей добра и красоты (от всеобщей высшей Истины оно оторвалось давно, еще до христианства) и сконцентрировалось на утилитарном — на ценности личной пользы.

Позитивизм (от О. Конта и в некотором отношении — через К. Маркса) был *философским* выражением сдвига в эту сторону. Но он лишь оформил то, что вызрело в западном менталитете: меркантилизм, утилитаризм, прагматизм, изгнание любых норм и регуляторов, кроме *пользы в форме чистогана*.

Поразительно: наша социалистическая революция, немецкий национал-социализм и “американский образ жизни” построены *на одних принципах*, и этот принцип — **максимум пользы**, “невзирая на” (цель оправдывает средства и т.д.)! Ленин был проектировщиком и абсолютным прагматиком в политике, отчего вошел в современные справочники как изобретатель новой *политической технологии* коммунизма. В его “Философских тетрадах” [161] вся мировая философия методологически штудируется и “выжимается”, как лимон, для единственной цели — захвата власти. Таков же по принципу и чисто научный эмпириомонизм А. Богданова

(да и многих иных веток позитивизма в России). Гастевский ЦИТ, и НОТовское движение, и богдановская “Тектология” [53], как и его литературные утопии, отнюдь не оборотная сторона конвейера Форда и “научной системы выжимания пота” Тейлора — это одна и та же по ориентации линия.

Таким образом, человечество в целом эволюционирует от всеобщей Истины (которую, вполне возможно, древние египтяне знали вернее нас, но знали *единично и герметично*) к Пользе. Можно ли сказать, что процесс идет от информации к освоению энергии и уже далее — к веществу? Можно, но применительно к обратному и в обратной же последовательности: от вещества — к энергии, затем — к информации. Например, носителем Истины в Древнем Египте стали пирамиды (вещественный носитель), носителем нравственной проповеди — все виды искусства (прежде всего слово, его энергетика), носителем Пользы — информационные машины, от которых современные молодые люди практически не отходят (они прикованы к лазерным игрушкам и интернету, как рабы — к галерам). О чем идет речь? О носителе, о посреднике, о воплощенности. Эволюция этой материализованной опоры — эволюция техники, а она есть *зеркально повернутая во времени ментальная эволюция*.

Сложим теперь две тенденции и получим известную нам схему. Она приводит и к графику распределения, но мы привязываем ее здесь только к циклу (заменяющему конический цикл истории):

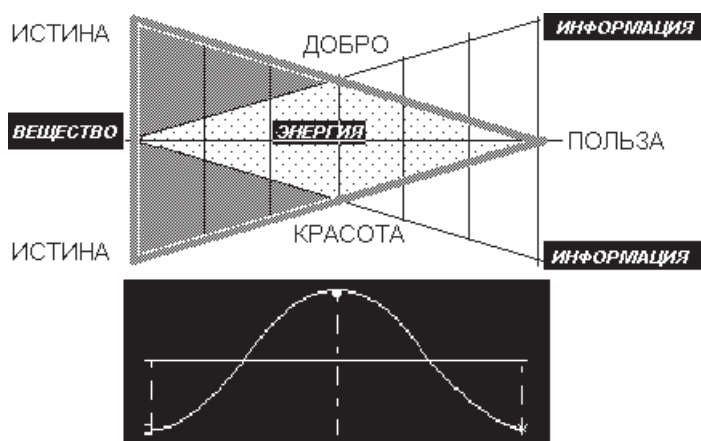

Рис. 75. Совмещение тройки, четверки и цикла.

Здесь серый треугольник показывает движение от всеобщей истины к индивидуальной пользе, а черный — движение от вещественных носителей через энергетические (вещественно-энергетические и энерго-информационные) ко всеобщей информационной системе носителей. Мы приводим схему в предельно общем виде.

Как мы говорили ранее, и **ЭВОЛЮЦИЯ ТИПОВ ЭКОНОМИКИ** образует *обратную последовательность*, описанную в “Третьей волне” А. Тоффлера [282], а также в обобщающих работах А.И. Субетто [272] и адептов информационного общества [1]. Ее логика: от вещественных технологий — через энергетическую цивилизацию недавнего прошлого — к *информационной* (постиндустриальной) цивилизации.

Вывод, который мы уже сделали на данной основе, вообще-то, не имеет аналогов. **Эволюция техники (некроэволюция) обратна эволюции менталитета Человечества.** Наша техника живет во встречном времени по отношению к людям и их времени.

Из этого, возможно, частного, вывода мы делаем ряд как *более широких*, так и *прикладных* выводов (на основе отдельно накопленного материала, продемонстрировать который здесь нет возможности). Идеальное или живет, или осваивается нами (человечеством) в направлении, противоположном эволюции реального (носителей идеального). Эти миры даже иногда разводят как “реальность и действительность”. **Содержание эволюционирует в направлении, противоположном форме**, — это очень важный закон для понимания, например, эволюции искусства. В истории европейской науки Нового времени отчетливо наблюдается движение от Истины к Пользе, что и выразилось, к примеру, в феномене техники.

Но кроме техноса в обществе есть еще и человек. Еврочеловек эволюционирует так же: у него перемещается *доминанта ценностей* от социальных к животно-биологическим, и происходит переключение трех подсистем: левое полушарие (социальность) — правое полушарие (целостность, синкретичность) — тело (органы чувств). Последнее проявляется как биологический гедонизм, который всегда ведет к вырождению человека (что отметил П.А. Сорокин [246]).

Суть все-таки в самой схеме взаимопроникающих треугольников, и она здесь важнее примеров. Содержательно ее можно рассмотреть на любом аспекте социума, получив при этом целую серию новых теорий.

Некоторые выводы

Анализ набора числовых инвариантов для истории дает нам пакет таблиц. Он начинается с таблицы 1x1, где конус истории сочетается с его отдельными циклами в фазах (система и ее подсистемы, качество и количество). Но далее возникают вопросы: какое количество фаз взять за основу, четное или нечетное количество фаз, и почему так, а не иначе?

Для каждого числа-инварианта можно построить свою матрицу, но можно сгруппировать четные и нечетные ряды. Такая группировка раскрывает перед нами целые поля особых значений. Самое основное состоит в том, что четные и нечетные *членения цикла на фазы* привязаны к количественной и качественной (статической и динамической) плоским проекциям цилиндрического цикла.

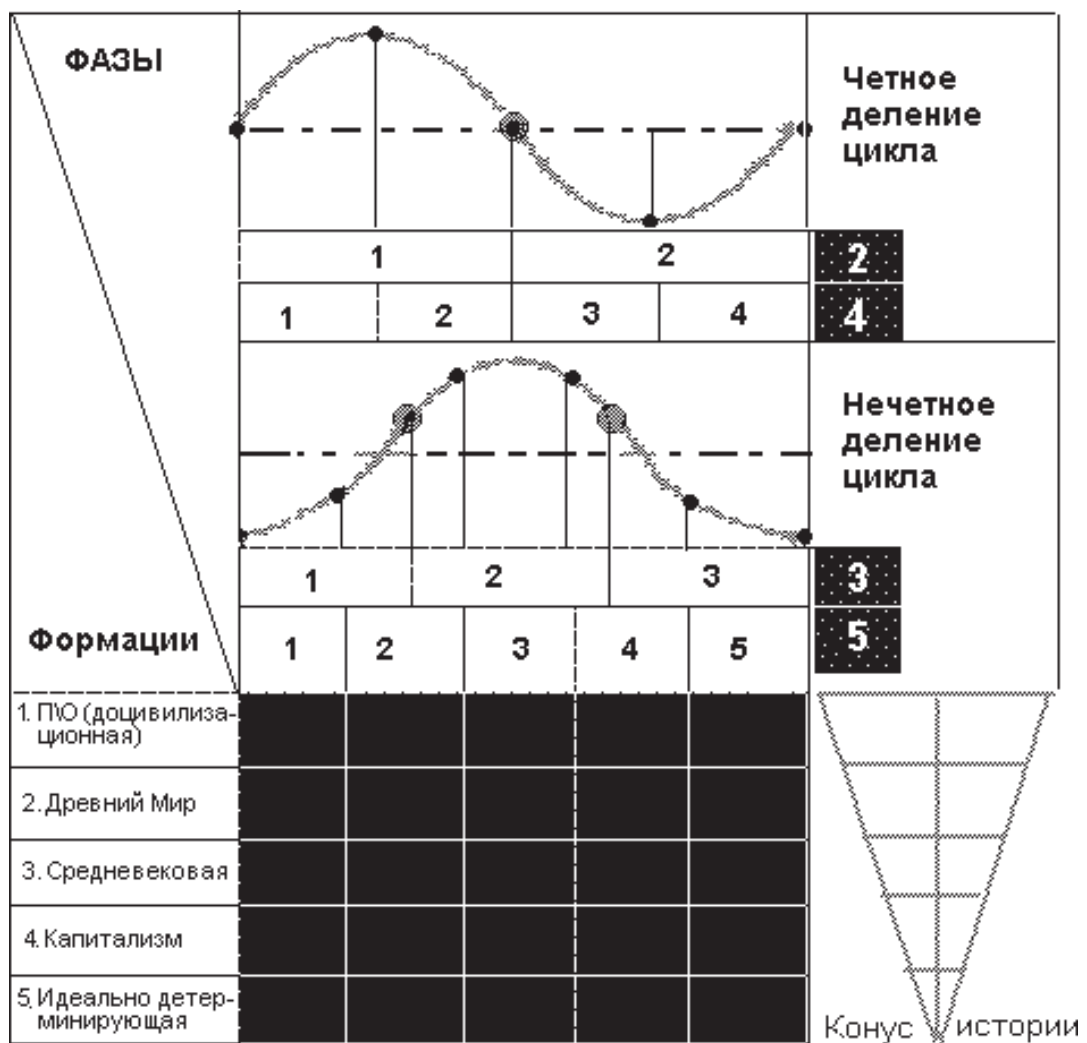

Рис. 76. Соотношение пяти формаций с четными и нечетными рядами фаз.

Чем не “таблица Менделеева” для истории? Мы построили ее в итоге как матрицу 5x5 (пять формаций и пять фаз), но из предыдущих рассуждений вполне можно заключить, что *абстрактно* возможно определение любого количества формаций и любого же количества фаз (см. тему “Мерогенез” в [17]). На практике, если говорить о социальной и антропоциклике и их отражении в научной литературе, **максимальное количество формаций в истории** пока равно пяти, а **максимальное количество фаз** в самом цикле (без перехода к подсистемам следующего уровня) — семи (Аристотель). Матрица 5x5 является самой употребляемой в исторических построениях [21].

На схеме видно, что такое набор *пакетных понятий* и что такое *множество наборов циклических понятий* (понятий, связанных одним циклом) вообще, организованное в числовых ключах.

Но в принципе группировка по четному и нечетным рядам — это полумера, необходимая только для лучшей демонстрации. *Полумера*, поскольку мы уже выработали аппарат **для перевода** числовых моделей как в сторону увеличения числа, так и наоборот. Это дает нам возможность поместить все варианты членения цикла вместе, по натуральному ряду:

Фазы Цикла	1	1			
	2	1		2	
	3	1	2		3
	4	1	2	3	4
	5	1	2	3	4
Формации					
1. ПЧО (доцивилизационная)					
2. Древний Мир					
3. Средневековая					
4. Капитализм					
5. Идеально детерминирующая					

Рис. 77. Соотношение пяти формаций с любым количеством фаз от 1 до 5.

Исходя из того, что в теоретических построениях не встречается более пяти формаций, примем данную схему за основу (если встретится вариант более фундированный, мы ее тут же и расширим).

Но, вообще-то, можно последовательность 1 — 5 (и далее) применить к виткам формационного конуса. Это представляет интерес не только в общем виде (мерогенез), но и при учете немногочисленных промежуточных схем членения истории. В остальном преобладают единица (цикл истории как целое) и тройка (трехфазовая история типа “древность — средневековье — современность”). Итоговая схема имеет известный нам вид, содержащий любые **сочетательные формулы истории** (типы: 2x2, 2x3, 2x4, 2x5, 3x2, 3x3, 3x4, 3x5, 4x2, 4x3, 4x3=4, 4x5, 5x2... 5x5 и т.п.):

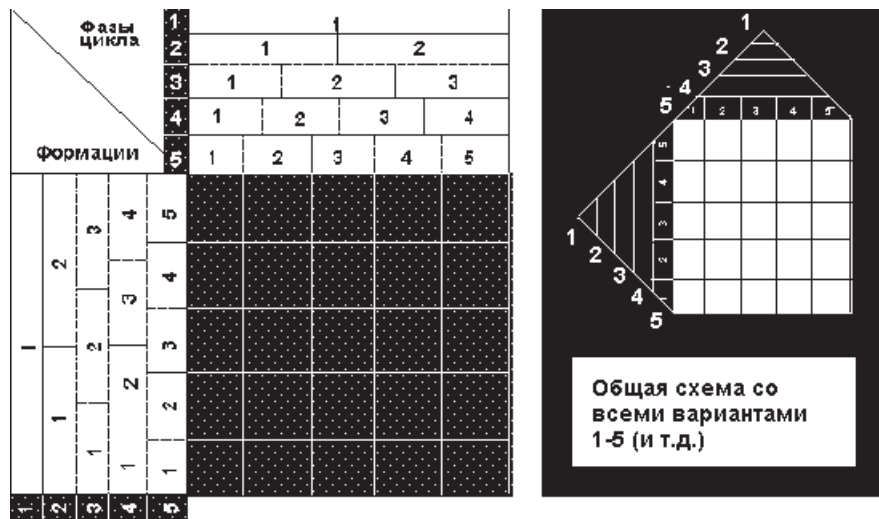

Рис. 78. Матрица всех вариантов (в пределах от 1 до 5) двухъярусной истории.

Матричный прием связывает лишь два элемента из тройки “надсистема — система — подсистема”, и в случае социальной философии и философии истории он связывает надсистему (история как целое) и вложенные в нее системы (совокупность формаций). Мы можем переместить эту “парную системную рамку” вниз — и тогда получим связанность системы (*фаз формаций*, или культурно-цивилизационных групп) и ее подсистем (цивилизаций как *фаз данных групп*).

Использовать в исследовании вместе и связывать в нечто единое две разноуровневые матрицы нет особой необходимости (теряется наглядность), поэтому мы применяем тройную “псевдосвязку”, в которой социальная история предстает как качественно определенный цикл (поскольку уже ранее ее специфика выделена нами из этапов глобального генезиса). Такая операция позволяет нам достаточно наглядно представить развернутые уровни системной и подсистемной модифицированности, а также соединить их вместе (произвести суперпозиционное наложение, продемонстрировать их **вложенность**).

Вот, к примеру, как это выглядит для нашей системно-подсистемной формулы 3 x 3:

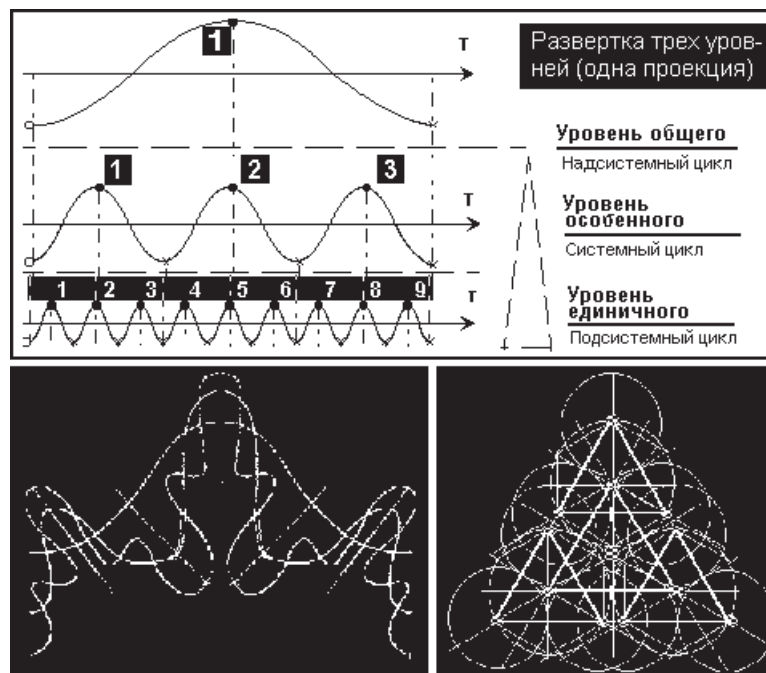

Рис. 79. Три яруса трех циклов и различные варианты их суперпозиционного наложения.

§ 2. МЕНТОСФЕРА И МЕНТАЛЬНЫЕ ФОРМАЦИИ

2.1. Ментосфера и ментальный ресурс человечества

Освещение сути менталитета и его места в “психике общества” позволяет нам говорить о его центральной роли в обществе, о его устройстве и его динамике. Повторим и разовьем некоторые ключевые положения, присоединяя к ним наши новые выводы.

1. Менталитет можно модифицировать по разнообразию состава

Мы обнаружили в истории четыре типологически разных линии развития (способов выведения этой типологии — множество) [17]. Ментальное целое человечества предстает **морфологически как четверка основных ментально-культурных типов**. В истории это выражается в наличии четырех качественно разных по основаниям типов, локализованных на территории Земли.

Мы выдвигаем тезис о необходимости формирования “экологии истории”, потому что считаем, что все существующее на Земле ментальное разнообразие есть проявление единой и неделимой ментальной сферы человечества — “ментосферы”. Ее отличие от “ноосферы” как “сферы разума” содержательно проанализировано нами при определении понятия “менталитет” [23].

Ракурсов у четверки немного, например **четыре деятельностных типа**. Можно применить не только деятельностный, но и не менее широкий, “аксиологический”, ракурс [124]. Наличие уникального множества способов трактовки четверки делает эту модель для нас базовой, ее мы представляем в форме четырех самостоятельных эволюционных линий на конусе истории:

Рис. 80. Четыре самостоятельные эволюционные линии в истории.

С этой важнейшей исторической моделью можно связать ряд широко известных исследований в интересующей нас области социальной динамики, например теорию “великих исторических рек” Л.И. Мечникова [190]. К четверке такого типа можно свести развернутые в разнообразии видов историко-деятельностные теории Н.Я. Данилевского [91], О. Шпенглера [313] и А. Тойнби [280].

2. Менталитет можно модифицировать иерархически

Менталитет полииерархичен и обнаруживает свое присутствие сразу на нескольких уровнях. Их как минимум три, и высший из них — формационный. Иерархия имеет хронологические масштабы.

3. Менталитет можно модифицировать циклически

Менталитет остается качественно неизменным на протяжении циклов каждого иерархического уровня. Мы членим историю на фазы, и эти временные модусы с устойчивым качеством образуют ментальные формации [23], внутри которых менталитет непрерывно модифицируется по более низким уровням.

Сочетание этих выкладок означает, что менталитет присущ человечеству в целом, дифференцирован по четырем типам, выступает регулятором деятельности общества на неких фазовых промежутках истории, в пределах которых он остается качественно однородным, и

живет на нескольких уровнях. Отсюда — наше определение *ментальных формаций*, в котором берется высший уровень иерархии (и рассматривается цикл этого уровня).

Мы приняли основную схему деления истории на пять формаций. Она задает количественную определенность в датах и позволяет говорить о едином законе формационных пропорций в истории человечества (формационная структура истории). Центральный вопрос формационного деления таков: если оно является настолько всеобщим, как мы представляем, то *формационный менталитет должен относиться не к одному региону, а ко всей Земле, не к одному обществу или группе обществ, а ко всему человечеству?* Это условие в теоретическом обществоведении никогда не соблюдалось, в том числе и в экономико-формационной теории советского марксизма (проблема “восточного способа производства”).

Наша теория ментальных типов говорит, что каждый из них обладает не только своей пространственной локализацией, но и своей собственной закономерностью формационной истории.

Единственная строго научная теория, распространяемая на все человечество, — это теория А.Л. Чижевского [307]: автор не только исследует многие аспекты жизни общества в зависимости от естественных космических факторов (натурный детерминизм), но и настаивает на их синхронном действии по всей территории Земли и по отношению ко всему человечеству [306].

Гелиотараксию дополняет *системная* теория пассионарности Л.Н. Гумилева [84-86]. Его понятие пассионарности базируется на единстве живого вещества в пределах Земли (биосферы, шире — формирующейся ноосферы). Воздействие главных надсистемных факторов (управляющих космических излучений, в частности Z-излучения Солнца), по-видимому, трансформируется в энергию биосферы, в результате чего происходит формирование на конкретной территории пассионарных этносов. Эти пассионарные этносы “заряжаются” совокупной энергией биосферы и выступают главной движущей силой истории на своем отрезке. Являются ли они базисом социальных преобразований? — вопрос другого уровня, потому что подобного рода низовая энергетическая активность *не имеет содержания*.

Но если оба эти автора идут “снизу”, от физики и биопсихического субстрата живого на Земле, то мы рассматриваем вторую, противоположную, линию — эволюцию блока идеальных образований, детерминирующих историю “сверху”.

Большая часть научных выкладок подобного уровня (формации по “способу производства”, “технологические уклады”) имеет отношение только к западному, евроамериканскому, типу культуры.

Глобальных факторов формационного развития — немало. Их совокупность образует усложняющуюся иерархию, которую мы уже представили, исследуя более подробно [21; 23]. Логика саморазвития менталитета видится нам высшей в этой иерархии, а по отношению к ней все прочие факторы — частными. Вариантов тематических сочетаний их с ментальной проблематикой может насчитываться столько, сколько мы назовем существенных факторов в развитии человечества. А мы уже говорили, что наиболее подробно иерархия этих факторов разработана в геополитических теориях [21; 279], но она ни разу не была обобщена на философском уровне. Перед нами снова-таки иерархически сгруппированный “пакет слайдов”, важный для социальной философии.

Хотя развитие истории и обосновывается на пассионарном этносе, обладающем исторической активностью, хотя оно детерминировано естественной цикличкой и всем обозначенным “пакетом”, социально-культурное содержание человечества развивается по собственным законам. История детерминирована также идеально, а более всего — ментально. Сформулируем это как **принцип ментальной детерминации истории**. Блок “идеально детерминирующих” факторов истории мы проанализировали во втором параграфе, придя к выводу, что в менталитете синтезируются два начала, но при этом он обладает собственной спецификой. С одной стороны, история обусловлена когнитивной эволюцией (мегацикл Истины), с другой — работой общественного сознания (короткие циклы, циклы Пользы). Менталитет мы отождествляем с работой пакета циклов средней длительности, калокагатических (Добро и Красота) [26].

Разнообразие ментосферы и формационная пассионарность

Наш подход опирается на **содержательную (ментальную) пассионарность**, которая сложно соотносится с энергетической пассионарностью этносов и т.п. проявлениями пассионарности.

Понятие ментосферы дает возможность описать целое в определенном аспекте. Разнообразие ментосферы разворачивается в трех взаимосвязанных пространствах: морфологическом, иерархическом и циклическом. При этом, полифокусном, взгляде решить *проблему пассионарности в истории* не просто, но возможно.

Прежде всего встает **вопрос о доминировании в истории четырех ментальных типов**. Пока картина в пределах истории вырисовывается следующая. Первой должны были занять место лидера носители менталитета Истины. Это — Древний Египет и его великие исторические соседи. Позже лидерами станут этическая по ментальности Индия и эстетический Китай [26]. Последними на эту арену выходят прагматики, носители менталитета Пользы. Причем речь идет сначала об арабах средневековья, только потом — о западноевропейском мире Нового времени.

Это — типологическое доминирование во всей цивилизованной истории. К нему можно приплюсовать доцивилизационную первобытность, где все типы упакованы синкретично. Оно не соотносится с формациями, хотя довольно интересно в смысле лидерства и преемственности: европейцы очень стараются присвоить себе историю “от Египта”, в то время как начинать им следовало бы ее никак не ранее XIII века.

Ментально-формационное деление истории более отчетливо: это — предельно большой ритм истории. Понятие формации удерживает длительность существования, но не содержание менталитета. Один и тот же по типу менталитет в рамках формации “накрывает” целую совокупность одновременно существующих обществ. Однако при разговоре об истории человечества мы обычно концентрируемся на явно доминирующих *ментальных лидерах* (авангард) и лишь вскользь говорим об остальных пассивных соседях по истории (арьергард). Нередко пассивная часть человечества составляет более 99% населения в конкретный момент истории. И даже внутри обществ-лидеров доля настоящих носителей менталитета, как правило, тоже весьма невелика. Историю двигают вперед, конечно, не единицы, но и не массы — остается только “элита”.

Доминирование в истории может иметь множество названий. Например, мы применяем на формационном цикле гумилевский **принцип пассионарности** [86]. С тем же успехом на формационном уровне можно применить *принцип выделения элиты* по А. Тойнби [280].

Основания этого приема следует искать в философии истории Г. Гегеля [70; 133]. В ней заложен “принцип снятия”, из-за которого авангард и монополизирует историю: народы-авангарды снимают в себе всю предшествующую историю, а все прочие не имеют права голоса в истории. Марксизм “народ” заменил “классом”, Тойнби — элитой, Гумилев — этносом, но могут быть и другие варианты. Это неравенство перед лицом истории оспаривается в концепциях “плюрализма цивилизаций” и “культурного многообразия мира”. Они исходят из позиции, что всемирная история разворачивается непредсказуемо, в лучшем варианте — как результат диалога и взаимодействия народов, где каждый вносит свой вклад в историю [29; 34; 41; 49; 61; 66 и др.]. На самом деле антитезы нет — и вопрос касается вовсе не истинности или неистинности тезиса Г. Гегеля, а способов и пределов его применимости.

Мы исходим не из гегелевской *идеи становления разума, мирового духа* или близких к ней по схеме идей рериховской Культуры. В связи с этим нас не интересуют сами по себе народы, государства и цивилизации. Мы рассматриваем **ментальную эволюцию — самодвижение менталитета** — как факт истории [21; 25]. Культуры и цивилизации участвуют в этом как промежуточные передаточные звенья иерархического механизма истории, что позволяет нам относительно достоверно прогнозировать общественное развитие в пределах обозначенной области.

На данном основании мы делим все сообщества людей одного времени на *актуальные и потенциальные*, на содержательный центр и периферию исторического развития. Актуальными называем те сообщества, которые являются **носителями и выразителями данного**

формационного менталитета. Это не имеет никакого отношения к идее прогресса и не ставит на всех других печать “регрессивных” обществ или сообществ. Потенциальными являются либо те, кто ранее был носителем доминирования и перестал им быть, либо формирующиеся сообщества, еще не ставшие носителями исторически доминирующего менталитета; есть и так называемое “болото”, неотносимое никуда. Потенциальное не менее ценно для истории, чем актуальное, ибо это — общий и единый ресурс. Результатом истории стало то, что существующее ныне множество ментальных моделей живет равноправно и равноценно, в чем мы солидарны с постмодернистами.

Актуальные и потенциальные сообщества расположены в нашей модели “истории по типу ДНК” на двух взаимодополнительных спиралах истории. Это — очень важная модель, мы детально проанализировали ее в наших работах [17; 23; 25; 26].

Таким образом, в понятии “менталитет формации” отображается преимущественно то, что относится к актуальной части сообществ. В долгом жизненном цикле ментальной формации актуальной или доминирующей становится то одна, то другая группа обществ, народов и этносов. Но именно **процесс перехода ментального доминирования является содержанием “мировой истории”**. В нем нет никакой идеи социального прогресса (поскольку речь не идет о социуме) — есть идея реализации пакетной или циклической полноты: пока не будут реализованы в историческом цикле все ментальные модели, цикл истории не может завершиться. Мы это формулировали как закон связи состава и несущего цикла системы, а Н.Я. Данилевский образно писал о поле, которое должно быть исхожено полностью и во всех направлениях [91].

В отличие от идеологов Нового времени, в том числе Гегеля, мы отрицаем одномерность “снятия”. Это означает, что все типы менталитета и их фазы, выстроенные в единой исторической последовательности, системно равноправны, равнозначны, одинаково ценны. Самым ценным является сложившийся естественный порядок их взаимодействия на планете (экологическое ментальное равновесие), самым безумным было бы поглощение одним менталитетом всех прочих — ментальная унификация. Это примерно то же, что из всего живого на планете оставить одних волков или хотя бы людей. Менталитет первобытных сообществ явно не может конкурировать с рациональным менталитетом обществ Нового времени, но означает ли это, что он эволюционно не ценен? Процессы ускоренной унификации способны уничтожить один из самых важных резервов культуры человечества — ментально-культурное разнообразие. Ценность его сродни ценности разнообразия в абиотическом и живом мире, а также ценности разнообразия в генетической программе человечества (недаром Н. Федорова [287] так заботила идея восстановления человечества в исторической полноте). Разнообразие всегда выступает как важнейший эволюционный резерв, и поддержание его — совокупная задача человечества.

Функционально-морфологический ракурс ментосферы

Кроме проблемы перехода доминирования можно проанализировать **устройство наличного ментального ресурса** в преемственном накоплении. В данное историческое время на планете содержится вертикальная “упаковка” сообществ, устойчиво сохраняющих тот или иной *бывший менталитет*. Потенциал послойно существует на всей территории Земли, и на наших глазах происходит активная диффузия всех четырех ментальных типов и пяти фазовых разновидностей. Такие гибриды, как “рыночный социализм”, несколько не хуже, чем, скажем, “конституционная монархия”. Здесь явно есть еще резервные возможности, варианты самого невероятного скрещивания ментального разнообразия. Путь этот закономерен, и нам необходимо осмыслить его необходимые свойства.

Понятие ментальной формации содержит синтез двух подходов:

— с позиции социологической, речь идет о “человечестве” как об объекте, а также о формационном делении, которое присуще этапам его жизни;

— с позиции “органической теории”, менталитет — это особая **управляющая функция**, свойственная таким объектам, как “общество”, и в данной функции отображается качественная специфика конкретной ментальной формации. Менталитет одной формации характерен для ряда обществ, существующих как одновременно, так и генетически последовательно.

Таким образом, анализ **ментальных формаций** можно отнести к разряду *функционального анализа* жизни сверхорганизма под названием “человечество” в его фазах. Но у этой проблемы есть и *морфологический* аспект, и о нем можно поговорить подробнее.

Мы типологически (морфологически) делим единый формационный менталитет на четверку. Самое важное состоит в том, что эти четыре отличающихся типа формационного менталитета *географически расположены в разных регионах*, связаны попарно и содержательно, а главное — существуют по принципу дополнительности топических пар (Восток — Запад, Север — Юг).

Эти типы матрицированы в топике, т.е. это — **топические типы менталитета**. Есть ли здесь проблема доминирования, ответить трудно, ведь они существуют во всей истории (всегда) и являются единым генератором ментального содержания человечества. Они сосуществуют одновременно, но могут и условно доминировать.

Типологические процессы перехода ментального доминирования на территории Земли мало отражены в современной науке. Если в синтетической теории Л.И. Мечникова эскизно намечено их зарождение, то вся последующая жизнь типов менталитета осталась вне интересов науки (по крайней мере, нам об этом неизвестно). В первобытности менталитет в принципе един: это — синкретический менталитет всего человечества, внутри которого можно обнаружить характерные три фазы. Но если обратиться к формациям Древнего мира и средневековья, то можно увидеть, что **четыре типа глобальной ментальности**, проявившиеся еще при становлении первых цивилизаций на четырех “исторических реках” [190], успешно сосуществовали, и это вовсе не означает однозначного исторического доминирования в силу небольших возможностей топического перемещения армий. Однако уже в “осевом времени истории” ситуация сильно изменилась — и цивилизационное доминирование идеологии Александра Македонского тут же почувствовали на себе все его соседи, вплоть до Индии [98], правда, ненадолго. Переходы глобального доминирования наблюдаются и в средневековье [44; 186]. Геополитическая интенсивность доминирования одного ментального типа резко возросла с началом Нового времени. Этот перелом в глобальном доминировании мы изобразили на графике “исторической экспоненты” [21].

Четыре обозначенных константных типа существуют на протяжении пяти формационных фаз. **Формационное разнообразие менталитета создает его временную модификацию** на верхнем уровне. В итоге мы получаем на уровне истории как целого 20 основных комплексных **хронотопических** компонентов. Каждый топический тип проживает свои формационные фазы (хроно), и этот процесс еще не завершен.

Ресурсоспектр ментосферы

В менталитете человечества насчитывается четыре типа больших логик [23]. Мы посвятили специальное исследование морфологии генетических (временных) и пространственных инвариантов [21], а также ключевым типам логики (правилам) [17]. Это — хронотопический и логический спектры, составляющие суть идеального ресурса ментосферы.

Все это является частью более широкой **морфологии ментальных инвариантов** — существенных элементов ментального ресурса общества, составляющих содержание его ментального ресурсоспектра.

Выстраивание содержательных аналогий в этом пространстве — очень плодотворная исследовательская работа. Ее можно провести на основах, которые мы наметили в конце первой главы. Например, можно связать в пакет все модели, построенные на инварианте четверки (типологического квадрата). В философии существует всего четыре возможности объяснения мира (философские мировоззренческие ключи), а тот или иной тип мировоззрения задает вместе с тем и свой тип понимания (мира и себя в мире) и свой тип логики (герменевтические и логические ключи). Так выстраивается **четверка мировоззренческих ключей**.

Но такая же по инварианту четверка присутствует в аксиологии (ценностные ключи в виде Истины, Добра, Красоты и Пользы)? Четырем разным типам менталитета соответствуют

четыре разных способа фиксации взаимоотношения между обществом и личностью (индикатор “свобода общества — свобода личности”) — типы регулятивной нормативности в виде этики и права. Так мировоззрение дополняется **ценностными установками**, а это и есть основной состав менталитета, который мы осмыслили во втором параграфе.

Кроме того, каждому ментальному типу соответствует одна из **доминирующих деятельностей** (в типологии из четырех). Это находит подтверждение в теории Н.Я. Данилевского [91].

Значимых четверок — больше, и налицо их явная пакетно-слайдовая связанность (содержательный параллелизм). За основу можно взять любое основание, но дополнять его придется всеми прочими.

Например, китайский менталитет построен на нумерологическом типе глобальной ментальной логики, порождающем свою специфику моделей ментального хронотопа, нравственные социально-индивидуальные взаимоотношения, устройство культуры, идеологии, политики, конструкцию общества, язык его искусства и т.д. При сравнительном описании, особенно в истории в целом, отчетливо проступает общий ценностный ключ этого типа — Красота: ритуализированная (ритуал церемоний), сценированная, оформленно-выразительная основа общественной жизни, порождающая адекватное устройство. Совокупность наших характеристик является самой важной и достаточно полной, мы утверждаем универсализм и определенную полноту предложенного нами подхода.

В искусстве ментальное содержание специфически отображается в образной форме. Наиболее важным здесь является хронотоп — конкретная модель времени и пространства, фигурирующая в данном обществе. Если взглянуть на эту проблему *в ракурсе проектно-деятельностном*, то становится понятно, что речь должна идти о *ресурсно-деятельностном подходе*: **какими ментальными моделями располагает сообщество людей, такое время и пространство оно себе и присваивает** в деятельности.

Если задаться вопросом о связи ментальных инвариантов в единую морфологию, получим ответ: морфология в формационном цикле соподчинена с менталитетом формации по введенному нами “закону соответствия морфологии несущему циклу системы”. При таком подходе мы вправе рассматривать морфологию ментальных инвариантов двояко — статически и динамически, т.е. в системогенетическом ключе.

На материале истории философии и философии истории можно проследить, как возникал современный набор ментальных инвариантов: этот взгляд — *пакетный*. Хотя в общем плане такая постановка вопроса есть в постмодернизме, мы тем не менее исходим из идеи универсальной классифицированности мира, а не эклектики в смысле беспорядочной множественности и бессвязной вариативности. Этот набор инвариантов по ступеням складывался в современную картину мира, и все ранее существовавшие инварианты остались в ней “в глубинах общественного подсознания” (т.н. скрытые инварианты). Они не снимаются, а живут наряду, например в век науки никуда не исчезли народный опыт и религия, с их особыми ментальными наборами, культурными механизмами и т.д. Они сосуществуют послойно и в определенном смысле совершенно парадоксально (например, когда в устройстве рационально очищенного “менталитета социализма” мы обнаруживаем явно религиозные и даже первобытно-архаические конструкции). Это особенно заметно в периоды кризисов, когда происходит стихийный возврат к архаическим механизмам, эволюционно предшествующим. После госсциализма, после “новой исторической общности советского народа” и т.д. возродились механизмы крайнего национализма, “мафии” — родоплеменные, семейно-клановые и т.п. Это значит, что они никогда и не уходили, а жили подспудно и что именно многослойность такого рода ментальных механизмов и является основой эволюционной выживаемости общества в целом.

Послойное накопление ментальных инвариантов в исторических циклах можно изобразить ступенчатой функцией; результатом накопления является их иерархически связанный “пакет”.

Фиксация и переходы в циклическом проявлении

В истории наблюдаются переходы между формациями, сопровождающиеся кардинальной сменой мировоззрения и ментальных ценностей. Этот **процесс содержательного перехода пассионарности** формационного уровня носит революционный характер, хотя идет иногда веками.

Продуцирование новой картины мира, смыслов, символов и ценностей приходится на моменты *формирования содержания*. Ментальные основы меняются **только в самом начале больших ментальных циклов**. Однако формируются эти смены гораздо раньше.

Внутри формационной истории тоже есть переходы, но они модификационные и касаются смены носителей — культурно-цивилизационных групп и отдельных цивилизаций. Это — процесс связывания, слияния доминирующего ментального содержания с тем или иным этносом, народом или государством. В таком слиянии менталитет неизбежно модифицируется, не теряя при этом формационного качества.

В формационном менталитете Земли всегда обнаруживается четверка типов. Оставаясь, например, средневековым (как фаза **во времени**), менталитет модифицируется в пределах пространственной локализации. История чаще всего описывает борьбу за пространство и жизнь внутри него какого-либо одного ментального типа. Мы же выдвигаем вопрос о **хроноорганизмах**, имеющих границы во времени, которые оказываются значительно более устойчивыми и жестко детерминированными, чем пространственные. Наряду с геополитикой мы предлагаем рассматривать **хронополитику** (где в основе — ментально целостный хроноорганизм).

Но то, что свойственно истории как целому, повторяется и уровнями ниже, потому что это — набор инвариантов.

Закономерность этапов доминирования внутри формационного цикла состоит в смене четырех ключей, даже в одном регионе. Например в античном средиземноморье от главенства принципа Истины в Древнем Египте происходит постепенный переход к нравственно-кастовому Междуречью (своды законов), а затем к принципу калокагатии в Греции (и доминированию Красоты в эллинизме). Завершается цикл “рабовладельческой формации” принципом Пользы, лежащим в основании ментальности имперского Древнего Рима.

2.2. Сопоставительное выделение специфики ментальных формаций

Выявить специфику формаций можно по ряду оснований. Но, какой бы ракурс мы ни избрали, следует развести вопросы: “что такое формация?” (вопрос социальной философии) и “сколько было формаций?” (вопрос философии истории).

Наличие формаций предполагает целое: это — **идея человечества как целого**, системно единого, как организма. Она существует в истории недолго, два-три века, тем не менее отношение к ней не раз менялось на прямо противоположное, сами эти смены имеют закономерно циклический характер. Так, воззрения Г. Спенсера [248], основные гегелевские положения, марксова экономическая теория — принадлежность первой фазы векового цикла. Они и возрождаются (резонируют) ровно век спустя в той же фазе. И наоборот: в конце векового цикла происходит резкое отторжение принципа единства и ценностью выступает принцип “поли-” (множественность). Таковы взгляды А. Бергсона [48], О. Шпенглера [313] и т.д. С ярого отрицания формационных моделей и декларации отдельности локальных культур начинал и А. Тойнби [280], но в последние годы жизни, когда его взгляды на *эйкуменический генезис человечества* стали завершенными, он же склонялся к идее формаций [281].

Формации — самые длинные отрезки истории человечества, в пределах которых остается неизменным некое качество общества (оно задается исследовательским ракурсом). Количество формаций производно от результатов такого рассмотрения. Здесь действует закон системной связанности всех ракурсов, и можно сказать, что формационное деление присуще целому и что от избранного ракурса оно зависит значительно меньше, чем от метода.

Формации есть предельно большие (в данном случае — надсистемные) фазы истории.

Историю можно делить на отдельные фазы по множеству оснований, и **аспектов для членения истории** на предельно большие фазы — некое конечное множество. Существенным является случай, когда это множество имеет основанием структурность самой надсистемы. Вариантов структурного членения целого уже не так много. В истории науки не раз появлялись **ракурсные формационные модели**. Нередко избранный ракурс объявлялся системообразующим (тотальным), но вскоре обнаруживалась его ограниченность. Попыток такого рода было немного, мы осмыслили основные [23].

Культурные формации на основе парного индикатора

Начнем с самого высшего яруса. Формационный взгляд при всей своей первичной простоте позволяет сделать два различия: формации — это не “цивилизации”, формации — это не “культуры”. Это означает, что по отношению к истории может быть применено характеризующее ее предельное противоречие “Дух — Материя”.

В теме “Формации как этапы самостановления духа и Культуры” мы проанализировали теорию исторической динамики Г. Гегеля [70], концепции Н.К. Рериха [222], П.А. Сорокина [246] и Н.А. Бердяева [49-50]. Двигателем истории, по Гегелю, является абстрактный Разум — двигателем истории, по Рериху, Сорокину и Бердяеву, является дух (Культура). Их объединяет воззрение на историю как на прогрессивное восхождение, но если у Гегеля в центре разум, то у трех русских мыслителей основание по объему шире понятия разума.

Соотношение духа и материи, по Г. Гегелю [133], приводит, во-первых, к установлению определенных этапов их связанности, во-вторых, к понятию “всемирной истории как таковой”. Универсальность истории основывается на идее единства человечества. Периодизация истории связывается с жизнью народов и держав, а главным историческим институтом у Гегеля выступает государство — проявленность разума, имеющая глубоко национальную основу. Все исторические формы самосозидания божественного духа в этом обретают свою историческую логику возникновения и ухода со сцены [288]. Государство, по Г. Гегелю, выступает как объективный разум, а культурные ценности — как разум абсолютный, обретающий конкретность в рамках того или иного государства. Таким образом, концепция Гегеля может быть названа **духовно-исторической**, хотя иногда ее называют **культурно-исторической** [146]. Но последнее название больше соответствует как раз концепции Н.К. Рериха, П.А. Сорокина и Н.А. Бердяева.

Культурно-цивилизационный подход Н.К. Рериха [222] позволяет проследить в истории крупные фазы, связанные со становлением *Культуры* и ее оформлением в *цивилизациях*. Рерих говорит о человеческой **истории как об идеально детерминированной** и основывается на паре “Дух — Материя”. Однако источником идеальной детерминации по отношению к человечеству как системе у него выступает реальная надсистема — Космос (и субъекты Космической эволюции, называемые в Живой Этике Иерархами Света). Таким образом, речь идет о Космической эволюции человечества, в которой земная история, очевидно, выступает в качестве фрагмента и управляется свыше посредниками. Данный взгляд на историю является системогенетическим. Вместо нерасчлененного абсолюта в надсистеме появляются ярусы иерархии: между Богом-Творцом и нами возникают промежуточные звенья живого космоса.

Культура и цивилизация различены у Рериха как *дух и материя*. Культура представлена как “форма существования духа на нашей Планете”. В Культуре дух *становится*. Инертная земная материя сопротивляется восхождению Культуры. Вывод таков: “не материя формы держит дух, а нетленный и неразрушимый дух держит эту материю и обеспечивает ей потом возможность нового возрождения” [495]. В качестве двигателя истории здесь выступает надсистема — **дух, приобретающий форму культуры**; “самоорганизация духа есть форма существования Культуры”, а “формы цивилизации вполне зависят даже от проходящей моды. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима” [222]. Цивилизация материализована: это — “обустройство жизни”, схожее со смертной телесностью человека. Вечный дух Культуры остается, проходя циклы развития. Носителем Культуры являлись не цивилизации, а человечество в целом.

Характер и тип цивилизации определяются уровнем взаимодействия с Культурой — возникает фазовая характеристика: взаимодействие целей (космических, эволюционных) и средств. Говоря об этапах взаимодействия Культуры и цивилизации у Рериха, Л. Шапошникова склоняется к трехфазовой схеме цикла П. Сорокина, которую мы подробно разобрали в нашей монографии [23]. В своей концепции циклов Культуры Сорокин **создает картину на уровне следствий** и выделяет **три вида фундаментальных Культур**:

- идеальную, или религиозную;
- идеалистическую, или промежуточную;
- чувственную, или материалистическую.

Сорокин не говорит о формациях, а скорее предлагает свою трехфазовую схему для характеристики самодвижения внутри формационного цикла. В истории человечества обнаруживают себя **три этапа взаимодействия духа и материи**, цивилизации и Культуры.

Мы рассматриваем их в [23], здесь же представим лишь итоговую схему:

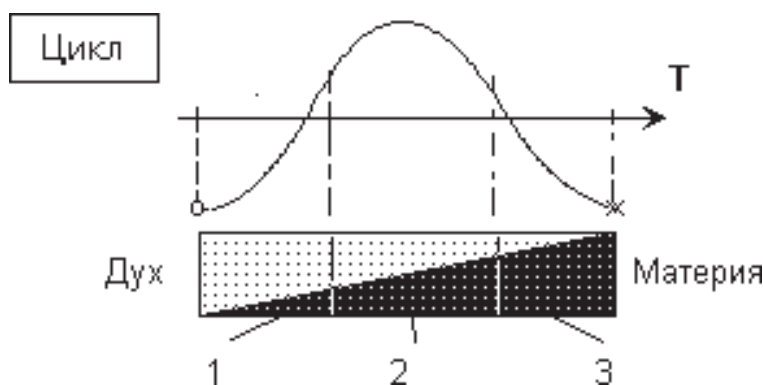

Рис. 81. Три этапа циклического взаимодействия Духа и материи.

1. Этап доминирования Культуры над цивилизацией (духа — над материей). Ранняя теократия.

2. Этап равновесия Культуры и цивилизации (духа и материи).

Церковь — место сопряжения Культуры и цивилизации.

Гражданская власть более присуща цивилизации.

В позднем средневековье уже **доминирует цивилизация, а не духовная Культура.**

В конечном итоге всякая церковь **превращается в теократию, связанную с земной материей, а не с Высшим и духовным.** Из недр теократии, путем превращения ее в формально пустую, появляется **безбожная цивилизация Запада.**

Иную картину демонстрирует Индия, где Культура и цивилизация до XX века сохранили изначальную гармонию. Культура здесь всегда оставалась целью, и ей удавалось удержаться от перехода в цивилизацию, ибо основные институты этой цивилизации были как бы освящены. Индуизм был не столько религией, сколько образом жизни. Лишь вторжение чуждой евроцивилизации нарушило многотысячелетнее равновесие этой социальной конструкции.

3. Этап доминирования цивилизации над культурой (материи над духом).

Когда берет верх материальная цивилизация, Культура отходит на второй план, утрачивая способность влиять на цивилизацию. Их расхождение является особенностью исключительно XX века. Здесь идентично оценивают ситуацию и Н.К. Рерих, и Н.А. Бердяев: “Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни” [50]. Данная тенденция — западная, но в силу технической экспансии процесс приобрел глобальный характер. **Цивилизация**, утверждал Н.А. Бердяев, **имеет не природную и не духовную основу, а машинную основу.** В ней **само мышление становится техническим.** Она обслуживает материю общества и **потакает самым низким чувствам и инстинктам человеческого тела.** Следовательно, цивилизация есть эволюционный тупик для человечества.

Л. Шапошникова отмечает: в чистом виде “цивилизация”, оторванная от культуры, проявляется в колониях с XVIII по XX век. Затем она начинает оказывать обратное действие

на метрополии [222]. Особенно точно это применимо к истории США. Но в том же русле находятся и **эволюционные проблемы современной России**.

Социалистическая цивилизация, возникшая после 1917 года, была вторым историческим шагом в данном процессе. Это была прозападная цивилизационная модель, предварительно очищенная от мешающих средневековых и даже капиталистических культурных примесей. Культуру здесь заменила узкопрагматическая идеология марксизма, а в качестве религии стала фигурировать одна из европейских социально-экономических теорий полувековой давности.

Социалистическая цивилизация, лишенная естественного эволюционного источника, неизбежно породила псевдомеханизмы культуры, которые могли существовать исключительно в зоне тотального государственного контроля. Ее творцы, яростно отрицавшие буржуазную цивилизацию, взяли из нее самое худшее: бездуховность, грубый материализм и машинное обустройство жизни. По Бердяеву, «капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме. Но социализм также продолжает дело цивилизации, он есть другой образ той же «буржуазной» цивилизации, он пытается дальше развивать цивилизацию, не внося в нее нового духа» [50].

Данный этап еще не завершился, в том числе и формально: мы живем в третьей фазе все того же менталитета социализма — это фаза «приватизированного социализма». Распался его громадный лагерь, и именно в момент распада выявилось, что никакая Культура не цементировала данное сообщество людей, поэтому развод был столь скорым и не особенно болезненным. Ничего нового на руинах не возникло: мы вернулись на шаг назад в цивилизованности, где образцом для подражания снова выступает Запад, но никуда не продвинулись в Culture. Хуже того, мы беспрепятственно впустили к нам поток массовой лжекультуры, а с нею влился *«трупный яд разлагающейся цивилизации Запада, который губит живые и здоровые клетки российского организма»* [222]. Частная собственность несет с собою все сопутствующие пороки: культ денег, бездуховность, аморальность, искажение истинных человеческих ценностей, эксплуатацию животного в человеке, его самых низких инстинктов.

Между тем неудача социализма не снимает вопроса, который был им поставлен: как выйти за пределы буржуазной цивилизации? Ответ прост: необходимо вернуться в лоно Эволюции, связанной с космическими процессами. Однако в эволюционном процессе нельзя «вернуться» буквально — так можно только деградировать. Иная ступень к синтезу Culture и цивилизации может возникнуть лишь на более высоком уровне, не раньше. Меняется смысл цивилизации: она одухотворяется и выходит на иной технический уровень.

Имея в виду синтез Истины, Добра, Красоты и Пользы, Рерих писал: «Искусство и наука являются устоями грядущей эволюции». При этом «сама материя станет другой, что сразу отразится на новой расе людей, идущей уже на смену нашей».

Эволюционный оптимизм Н.К. Рериха перекликается с оптимизмом П.А. Сорокина, который также считал, что выход состоит в формировании нового типа взаимодействия Духа и материи.

Технологические формации и идеальная детерминация истории

Принцип роста идеальной детерминации в истории введен в теорию общественного интеллекта и означает, что в истории в целом **растет доминанта идеальной, «искусственной», детерминации**.

Обратимся к схеме исторического конуса и к расположенному под ним индицирующим противоречием «вещество — информация», средняя часть которого — энергетическая. Здесь *констатируется наличие трех этапов* в развитии общества, разных по длительности:

— *вещественного*: общественный интеллект еще не может подняться до рефлексии над историей;

— *энергетического*: резко возрастает энергетическая вооруженность общества при отставании его пропотенциала;

— *информационного*, в котором мы живем.

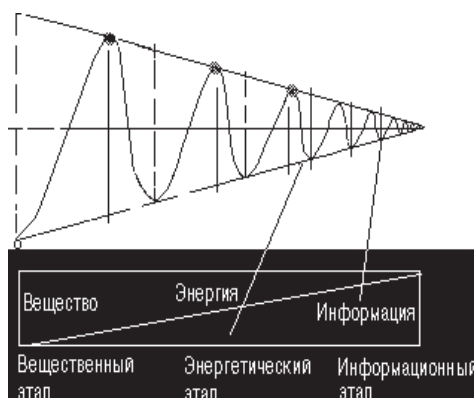

Рис. 82. Три этапа в истории, определяемые по отношению к веществу, энергии и информации.

Но третий этап пока не дорос до необходимой полноты уровня: возрастание роли общественного интеллекта в истории, увы, не сопровождается необходимым повсеместным ростом качества прогнозирования и проектирования.

Основные проблемы нашего времени: преодоление стихийно сложившейся информационно-энергетической асимметрии человеческой цивилизации; управляемое наращивание всех способов работы с будущим (футуродейательностей); вывод механизмов опережающего развития на качественно иной уровень.

Действие рассматриваемого принципа роста идеальной детерминации истории в наше время связывают с появлением «информационного общества» и «информационной экономики». Действительно, налицо резкий скачок в информационной емкости производства и управления, информатизации вообще всех видов деятельности. Между тем техника и техническая цивилизация движутся не сами по себе, а на «топливе» идей, на росте роли интеллекта. Информационная техника — это еще не интеллект. Именно **идеи выступают в качестве субстрата интеллекта**, живущего в науке, культуре и образовании. Можно констатировать общее нарастание идеальной детерминации по мере проникновения науки во все сферы деятельности (онаучивание деятельности), по мере идеологизации и политизации общества и т.д. Принцип роста идеальной детерминации в истории отражает историческую тенденцию усиления действия второй линии причинно-следственных связей: *от общественного сознания — к общественному бытию*.

Мы считаем, что рост идеальной детерминации состоит **и в усилении рациональной составляющей, и в усилении влияния на ход истории самоосознающего (рефлексирующего) менталитета, который шире рационального**.

Этот принцип выражается в усилении креативного начала как в социальной эволюции, так и эволюции вообще по отношению к становящейся **единой современной человеческой цивилизации**. Креативность — шире проективности и прогностичности, потому что и проективность, и прогностичность по преимуществу рациональны, а творение — акт появления не бывшего до того — в основе своей синкретично.

Деятельностные формации — системный ракурс

Эти два примера основаны на парном (противоречие) и тройном (фазы) индикаторах, примененных по отношению к истории как циклу в целом. Они задают, по сути, систему трех формационных фаз. В основании первой теории — Культура, в основании второй — обменные процессы. Чаще всего формационный подход связывают с деятельностью: история предстает в нем как объективный, независимый от сознания и воли людей, результат их деятельности.

Духовную и материальную деятельности в их связке мы только что рассматривали. Проявились и **три типа деятельности**, скоординированные с тройкой: «вещество — энергия — информация». Способ членения истории на три технико-технологические фазы (формации) применили и А. Тоффлер [282; 322], и А.И. Субетто [272].

Четыре типа деятельности являются развитием первоначальной парности и связаны с морфологией менталитета (четверка типов).

Н.Я. Данилевский [91] показал, что той или иной цивилизации присуща своя **доминантная деятельность** (а за ней и доминирующая ценность). Его *философия истории имеет доминантой деятельность*. Историко-деятельностная типология цивилизаций Данилевского может быть трактована как *общая типология человеческой деятельности*, в которой он впервые выделил четыре основных типа деятельности.

Из четверки типов возможно вычленение и большего таксономического набора, например родовых деятельностей (и родовых сфер социальной жизни). Мы посвятили этому специальную работу “Звезда Деятельности” [15], в основании которой лежит подход Нижегородского философского клуба [111]. Исходную систему восьми родов деятельности мы несколько раз приводили ранее. Здесь представим итоговую возможность определения *аспектных деятельностных формаций* на основании родов деятельности.

1. *Управленческие формации* (властно-политическая история).
2. *Педагогические формации* (трансляция культуры).
3. *Научные формации* (формационные научные парадигмы).
4. *Эстетические формации* (ключевые способы выражения).
5. *Производственные формации* (теории К. Маркса, Э. Тоффлера, А.И. Субетто, С.Ю. Глазьева [77] и т.д.).
6. *Экологические формации* (тема почти не разработана в науке).
7. *Физкультурные формации* (культура отношения человека к своему материально-духовному базису, его здоровью, гармонии и развитию).
8. *Медицинские формации* (понимание здоровья и отношение к здоровью). Можно написать формационную историю медицины, где методы выводимы из ментальных особенностей разных обществ и меняются по фазам их развития).

Совокупную формационную историю в деятельностном аспекте следует представить как “слоеный пирог” (пакет слайдов), где восемь обозначенных деятельностных ракурсов составляют слои *социоса* — системы деятельностей. Это — живое динамическое ядро общественного развития.

Интересно указать на *доминирование родов деятельности в формационном цикле* [15]. В начале цикла наиболее важна в менталитете *проблема изменения*. Отсюда — главенство вопросов управления, науки, производства, а если учитывать телесную готовность человека к исполнению его гражданских функций, то и физкультуры. И мы фиксируем целые *пучки теорий* в данной области именно в такие моменты истории. Например, формирование классического экономизма в XIX веке, включая марксизм, относится к его первой фазе: даже Евгений Онегин “читал Адама Смита”, экономика и управление (политэкономия) были модными темами. На втором этапе превалируют эстетика и наука, *проблемы равновесия*, и идеей гармонизации окрашены все деятельности и общество в целом. На третьем, поскольку все уже достаточно перекошено, — актуализируются **сохранение** и все связанное с ним: экология, медицина, педагогика. Идея спасения от краха цивилизации (нравственного, педагогического и т.д.) принадлежит как раз последнему этапу. Выступая как утопии, далее эти теории реализуются в новом цикле в реальности.

Деятельностный универсум есть один из возможных подходов к вычленению *аспектных формаций*. В конечном итоге *какова теория общества, такова у нас будет и его история*. Мы берем за основу **эстетическую деятельность** и рассматриваем проблему глобальной истории сквозь призму эстетических произведений и произведений искусства, потому что считаем: это — единственная сфера, где менталитет представлен целостно.

Ментальные формации. Завершим все сказанное в параграфе единым определением: ментальные формации — это такие максимально большие отрезки истории, на протяжении которых менталитет остается неизменным в своем глобальном качестве. Это — наиболее крупные фазовые, циклические модусы менталитета.

Как минимум таких формаций пока насчитывается пять. Эти ступени социоэволюции демонстрируют преемственность единого процесса становления общечеловеческого менталитета (мы говорим о первом уровне системогенеза общества).

§ 3. ИТОГОВАЯ МОДЕЛЬ ГЕНЕЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мы определились с уровнем ментальных формаций и задали его картину, внутренние уровни, варианты типологии и циклику. При переходе от формационного цикла к истории конкретных сообществ мы идем по пути деления каждой формации на фазы и придания им отчетливой содержательной специфичности. Данному уровню, фазе формационного менталитета с устойчивым качеством, должен соответствовать и **носитель цикла** — часть человечества, к которой переходит доминирование формационного менталитета. С этой целью мы и вводим комплексное понятие “культурно-цивилизационная система”. Оно, со своей стороны, требует, разведения и определений составляющих терминов “культура” и “цивилизация”, а также анализа связанности цивилизации и культуры, что мы и проделали исторически и логически в ряде наших работ [21; 23].

Определить культуру можно, выйдя за ее пределы, например в аспекте деятельности. Место культуры в универсуме деятельности мы рассмотрели в работе “Звезда деятельности” [15], основанной на идеях Нижегородского философского клуба [111-112]. Приведем *определения термина “культура”*.

Культура — это позитивный социум.

В данной точке зрения содержится несколько пластов:

— культура есть **человекотворное** (“культура” — в отличие от “натуры”), внебиологическое, чисто социальное явление;

— культура есть то в человекотворном мире, что обладает **позитивным значением**, выступает как **объективная ценность** (обратными значениями обладает понятие “антикультура”);

— культура есть совокупность позитивных **социальных образований** (способностей, потребностей, деятельностей, отношений, институтов).

В последнем определении основой является тройка: “личность — деятельность — общество”. Здесь присутствуют: и личность, с ее потребностями и способностями, и общество, с его институтами и отношениями, а также деятельность, связывающая общество и личность. Все компоненты деятельности [111] образуют как вещный, так и идеальный потенциал культуры [15].

Культура есть совокупность человекотворных социальных образований, обладающих позитивными значениями. Данное определение — генетическое, ибо позитивное значение определяется относительно вектора истории человечества.

Если культура выступает механизмом **духовного накопления** (восхождения) человечества и человека, то **цивилизация — формой организованности общества**, сохраняющей его в качестве устойчивого социального образования. Подобное разделение, проведенное, по сути, по принципу “**духовное содержание как изменение и цивилизационные механизмы как сохранение**”, приводит нас к наиболее широкому из возможных философских взглядов. Названные **два вектора** в совокупности дают *нам необходимую категорию развития* и образуют ту ступенчатую функцию, о которой мы говорили при философском анализе проблемы развития.

Мы в этом вопросе занимаем в целом позицию системогенетическую, но здесь важен ракурс, при помощи которого мы обращаемся к понятию “цивилизация”. Если это — государственность и гражданское общество, то главные признаки должны браться из самого определения. В качестве такового практически во всех вариантах речь идет *о способе организации управления в обществе*. Мы подробно анализируем эту тему в наших работах, выделяя типы организованностей и способы общественного управления [15; 23].

3.1. Культурно-цивилизационные системы

Вводимое здесь новое понятие (культурно-цивилизационная система) является синтетическим. В самом общем виде культуру и цивилизацию мы можем развести как **содержание и форму самого общества**. Если мы воспроизведем понятие “**цивилизация**” как **государственность и гражданское общество**, то обнаружим, что в исторической

конкретике **культурно-цивилизационная система** разворачивается как **историческое множество цивилизаций, объединяемых устойчивой общностью культуры**.

Культура, понимаемая таким интегративным образом, накрыта **надсистемной ментальной общностью**, объединена общим менталитетом.

Например, мы можем говорить о десятке параллельно существовавших цивилизаций рядом с Древним Египтом, приходивших на историческую арену и уходивших с нее, но в совокупности мы говорим о *культуре древнеегипетского типа*, об определенной исторической *разновидности культуры*, с характерным и узнаваемым оттенком менталитета и способом общественной организованности, нормативности и единством стилистики в искусстве.

Кстати, к данному типу мы относим и идентичные ей по духу и по формам организации цивилизации доколумбовой Америки, хотя их ментальности различаются. Аналогичные исторические этапы, проживаемые в разных местах и в разное время, порождают во многом аналогичные *формы культуры* и искусства. Точно так же, культурно-расширительно, мы говорим об *эллинской культуре*, охватившей полмира, или *римской культуре*, включая сюда и провинции, и римские влияния и так далее.

Витков формационного менталитета — четыре, а фаз (культурно-цивилизационных систем) — по три в каждом. В европейско-христианской ветке истории мы можем насчитать **12 ментальных модификаций** (хотя самый ранний этап достаточно всеобщ для всех).

Первобытный менталитет и его **культурно-цивилизационные группы**

1. Палеолитическая.
2. Мезолитическая.
3. Неолитическая (переходная энеолитическая).

Менталитет ранних цивилизаций (античности, рабовладения) и его **культурно-цивилизационные группы**

4. Египетская.
5. Греческая.
6. Римская (имперская фаза).

Менталитет средневековья и его **культурно-цивилизационные группы**

7. Византийская и раннероманская.
8. Романо-готическая.
9. Возрожденческая.

Менталитет Нового времени и его **культурно-цивилизационные группы**

10. Английско-голландский раннебуржуазный тип.
11. Классический североамериканский буржуазный тип.
12. Менталитет XX века как имперская фаза (эпоха “возрождения” и имперская фаза).

Чтобы приблизиться к конкретике истории, упомянем, что последний, 12-й, тип имел у нас три внутренние фазы:

- сталинский государственный социализм;
- хрущевско-брежневский классический номенклатурный социализм;
- номенклатурный капитализм (постсоциализм, или эпоха “возрождения”, реставрации, капитализма).

Здесь применим принцип исторического параллелизма, позволяющий устанавливать черты сходства в аналогичных фазах, как в ментальных, так и во внутренних, фазовых.

Даже при простейшем сопоставлении и явном неравенстве истории сталинизма (30 лет и 3 года) и истории Древнего Египта (3 тысячи и еще 300 лет) аналогии уместны и возможны, причем сопоставление кажется *исторически неравным* лишь поначалу. Если присмотреться, то можно убедиться: тот же сталинизм (вкуче с фашизмом) использует все приемы и методы своих предшественников по истории, складывая их в ярусы (отчего и выглядит столь дико в “цивилизованном” XX веке):

— это первобытное отношение к природе и к людям, доходящее до *неразделимости “я и мы”* (построенное на противостоянии “хорошие мы — и плохой мир вне нас”);

— это египетский принцип организованности, при помощи которого создаются гигантские *машины из людей* (см. "Миф мегамашин"), в этом смысле ранняя древневосточная бюрократия с глиняными табличками ничем не отличима от нашей или гитлеровской;

— это почти *церковная по способам внедрения в мозги людей* идеология и почти религиозное по формам учение ("Краткий курс" сталинского марксизма или "Майн Кампф" Гитлера, личная библия), это и устройство партии по образцу монастырского ордена;

— это раннекапиталистический *рационализм*, замешанный на прагматизме, с его идеей мессианского несения на себе огня всемирного *прогресса*, с опорой на всевластие разума, что позволяло покорять непокорных прогрессу, неверных на всем земном шаре (таковы идеологически и "Мировая Революция", и "Третий Рейх").

Подобного типа параллелизм присущ не только этой первой, но также второй и третьей фазам [19].

* * *

Вернемся к цифрам, ведь историки почему-то очень любят считать: они насчитали у Н.Я. Данилевского — 13, у О. Шпенглера — 8, у А. Тойнби — 21 *цивилизацию* (так заявлено, но, вообще-то, описано 18). Мы пойдем другим путем — и у нас вариантов будет столько, сколько нужно для целей исследования.

В пятиуровневой модели истории, которую мы брали за основу, возможны оба варианта (и по 3, и по 5 фаз — на каждом уровне); предельный вариант при трех уровнях — "4 x 5 x 5" — 100 таксонов. Но это — для профессионалов-историков высшей лиги, потому что мало вывести таксоны — нужно найти и описать их в истории, что выходит за пределы интересов социальной философии.

Определение культурно-цивилизационных систем

Таким образом, "**культурно-цивилизационная система**" в нашем конкретном исследовательском контексте — это прежде всего **типологически конкретное ментальное образование**, модус, имеющий как свои повторяющиеся, так и свои неповторимые формальные признаки в разных цивилизациях как в составляющих ее модусах.

Мы вводим понятие культурно-цивилизационной системы, чтобы обозначить *наиболее крупные фазы внутри формационного менталитета*. Причем их может быть как три, так и пять — сколько фаз мы берем для рассмотрения, столько и найдем в истории. Например, между Древним Египтом и Грецией мы обнаружим *крито-микенскую* группу (именно как культурно-цивилизационная система она и понимается в истории, и *объединение разных цивилизаций здесь уже не является условностью*), между Грецией и Римом — этрусскую группу (и речь здесь будет идти не об отдельной этрусской цивилизации, а о группе цивилизаций, с аналогичной по ментальному типу культурой).

Понятие о культурно-цивилизационных системах располагается у нас между ментальной формацией, с одной стороны, и цивилизациями как оформленными проявлениями государственности и гражданского общества — с другой. В истории они и присутствуют — как отчетливо наблюдаемое *объединительное единство менталитета* разных цивилизаций, в то же время их вроде бы нет в общественных организованностях, которые подчинены описанным закономерностям [52]. *Формации*, этот наиболее крупный исторический отрезок устойчивого менталитета, мы предлагаем представить в виде совокупности трех или пяти культурно-цивилизационных систем. Название термина — в силу его *кентаврообразного* соединения — не представляется нам окончательным.

Данный симбиоз заполняет зияющий промежуток между *формационным* ментальным циклом и "*локальными цивилизациями*". Между тем, если бы данное понятие не обладало содержательностью и не предоставляло нам новых исследовательских возможностей, мы бы его не ввели. Оно является важным для нас понятием потому, что его свойства особенно проявляются при привязке к нему наших фундаментальных индикаторов. Пока мы это делаем на уровне теоретических конструкций, но в наших книгах дан анализ истории, где все эти конструкции начинают жить [19; 21; 23; 25; 26].

Интересным ракурсом целого (культурно-цивилизационного организма) и подтверждением его существования служит *переход доминирования* от цивилизации к цивилизации при

сохранении единства объединяющей их культуры. Таков, например, крито-микенский переход. Если говорить о нашем времени, а оно для нас актуальнее, то можно утверждать: мы живем в новой, по сути, цивилизации, иной, чем десять лет назад, но это — все та же родимая советская культура, с ее, до боли знакомым, менталитетом: мы смотрим все те же, советские, фильмы и любим их больше всяких американских супербоевиков, слушаем и интерпретируем все те же, советские, песни, интересуемся подробностями из жизни все тех же людей из нашего прошлого.

* * *

Завершая данную тему, обозначим, что наше прочтение связки “формация — культура — цивилизация” по уровням “общее — особенное — единичное” (надсистема — система — подсистема) сопоставимо с ярусами пары “содержание и форма”. Формационный менталитет и есть само глобальное **содержание**, а цивилизация есть **форма** существования общества. Что касается культуры в этом промежутке, то кроме свойства накрывать собой, своим качеством, исторический ряд цивилизаций, она несет на себе как содержание, так и, согласитесь, форму. Культура — это еще и исторический механизм, трансформирующий глобальную содержательность (т.е. содержание + смысл) менталитета в уникальную форму цивилизаций.

Из множества определений культуры мы в данном случае применяем альтитудное, иерархически-уровневое и циклическое (всякая культура живет свой цикл, **культура выступает как циклический хроноорганизм**). **Культурогенетика** невозможна без подобного понимания, и нам оно представляется наиболее плодотворным в нашем полиуровневом и полициклическом контексте.

В целом мы согласны с точкой зрения А.Л. Чижевского, что *синхронизм цивилизационных процессов*, связанных с деятельностью Солнца, присущ всем цивилизациям разных ментальных типов. К такому выводу склоняются и его продолжатели [21]. Исследование *циклического синхронизма* в истории методом “от противного” стало одной из очень плодотворных тем у А.Т. Фоменко [294].

Это означает, что циклический механизм общего синхронно проявлен в единичном, что обеспечивает особенное — культура.

3.2. Пятиуровневая модель фаз социогенезиса

Основная модель

Развитие общества мы исследуем одновременно на пяти уровнях: от истории формаций до истории произведений искусства [23; 25; 26].

Первый уровень — это уровень, позволяющий отличить социогенезис от прочих видов генезиса. Здесь есть две возможности. Одна, достаточно традиционная, — вскрывает отличие генезиса общества (как социальной формы движения материи) от генезиса иных форм движения материи. Поскольку это — специальная большая тема, мы коснемся только “конусной” интерпретации ее: сначала дивергентный конус становления физической формы движения материи дополняется до импульса конвергентным конусом химической формы движения материи, а затем дивергентный конус становления живого получает в качестве дополнительности сходящийся конус социоэволюции. Таким образом, весь известный нам надсистемный генезис укладывается в два импульса и четыре конуса.

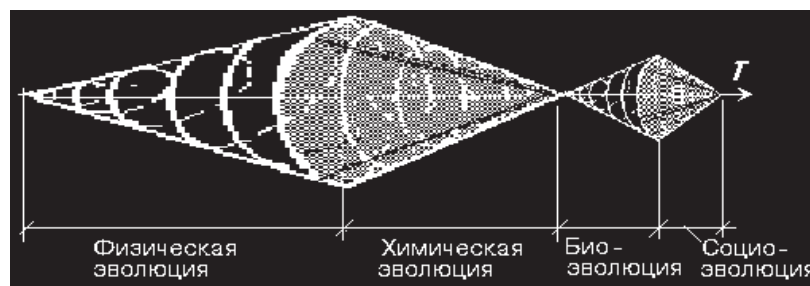

Рис. 83. Два импульса (четыре конуса) мегаэволюции.

У всех этих сверхсистем существует своя *эволюционная* наднадсистема. Она как бы "останавливает" развитие одних систем и "запускает" другие. Биоэволюция начинается в момент достижения максимального разнообразия в химической эволюции. Та, в свою очередь, — в момент максимального разнообразия физической эволюции. В данной модели при желании можно узнать и то, что описывал (но не изобразил подобным или иным образом) в своей книге П. Тейяр де Шарден [308].

Второй вариант этой модели — ступенчатый, представляющий восходящее качество систем и последовательность их становления:

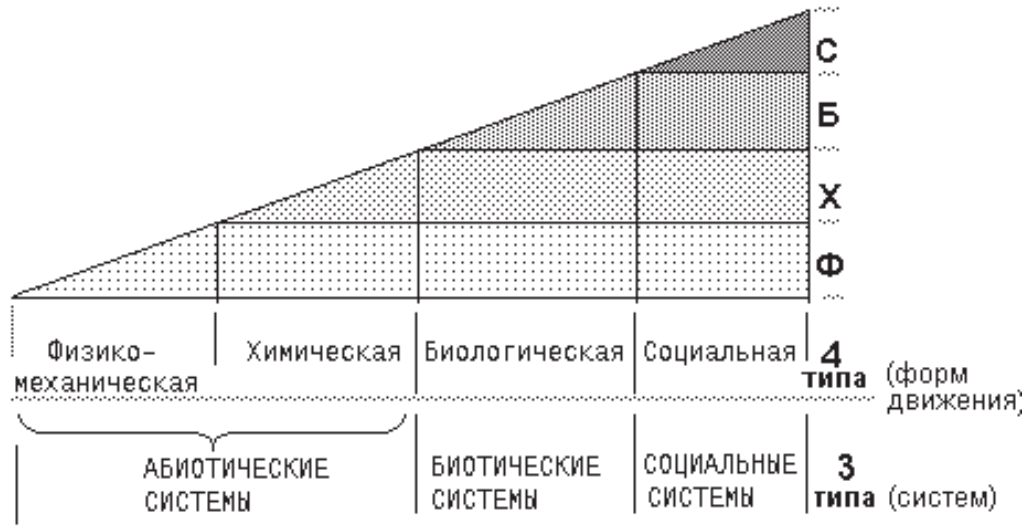

Рис. 84. Три типа материальных систем и четыре формы движения материи.

По Г. Гегелю [68], есть три *типа взаимодействия*: “механизм”, “химизм” и “организм”; социальность у него организмична [70].

Далее, переходя от надсистемного уровня ко все более мелким циклам, мы как бы уменьшаем объекты, но увеличиваем различимость.

Второй уровень: на сходящемся конусе социоэволюции (системного генезиса общества) навиты формационные витки. Мы избрали ракурс “ментальных формаций”, но говорим и о других формационных ракурсах. Вот пример сопоставления общественно-экономических и ментальных формаций:

Циклы социальной эволюции	Пять экономических формаций	Типы менталитета
	<ol style="list-style-type: none"> 1 Первобытно-общинная 2 Рабовладельческая 3 Феодалная 4 Капиталистическая 5 Посткапиталистическая 	<p>Мифологический</p> <p>Раннецивилизационный</p> <p>Теологический</p> <p>Рационалистический</p> <p>Проектный</p>

Рис. 85. Формационная пятерка — инвариант.

Третий уровень — это *фазы самой ментальной формации*, которые мы выражаем, например, через три опорные категории.

Ментальная формация — наше **ведущее системное понятие**. Три основные примененные нами категории (трагическое, прекрасное, низменное) — это понятийный набор, о котором мы развернуто поговорим. Вместе с тем это и матрица культурно-цивилизационных групп:

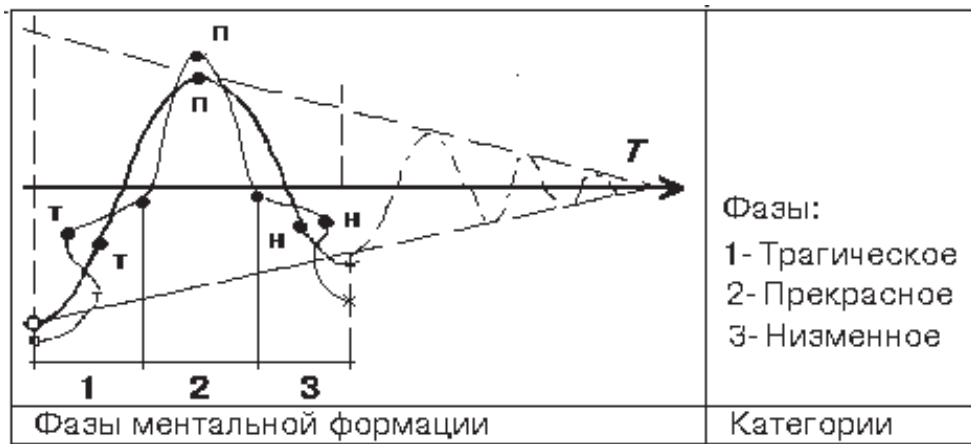

Рис. 86. Три фазы формации, предстающие в качестве категориальных фаз.

Четвертый уровень — это фазы самой категории, которые мы рассматриваем как “стили” (ниже — подробнее о них). Мы накладываем суперпозиционно на витки категорий еще и витки стилей. Поскольку дело происходит на сложных конических и цилиндрических спиралях в объеме, наложенных (навитых) друг на друга, результирующая плоская кривая имеет довольно сложную траекторию, примерно такую (хотя это далеко отстоит от математической модели):

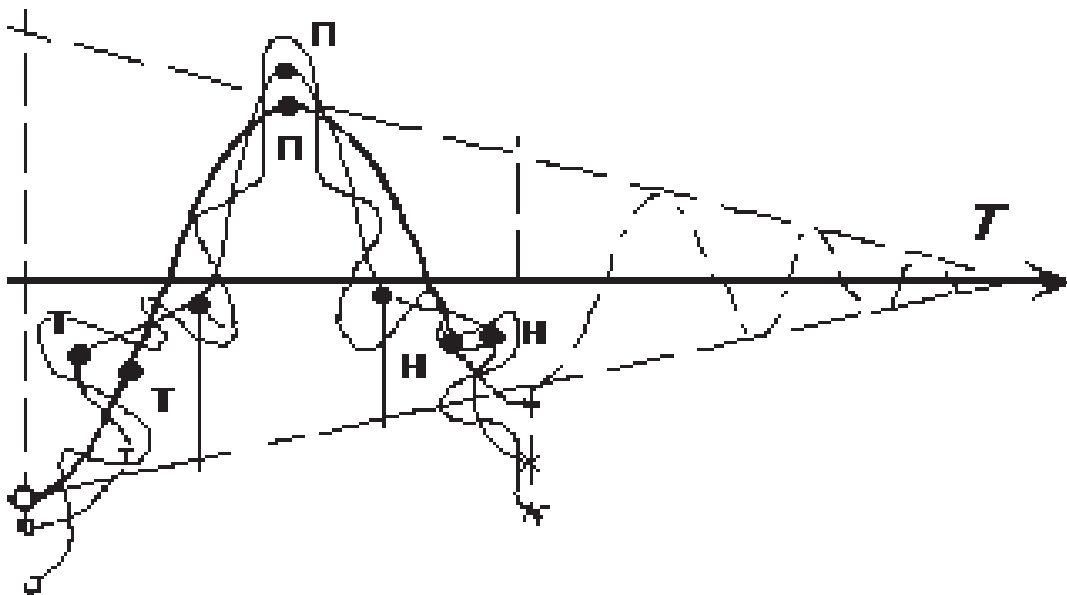

Рис. 87. Наложение третьего уровня — стиливых фаз.

Здесь тоже равновозможен набор из пяти (и более) фаз.

Пятый уровень — это взгляд на разнообразие внутри стиля. Изобразить его тем же методом наложения уже весьма затруднительно: при всей простоте кривых в отдельности, по плотности они приближаются к хаосу. Выходом из этого может быть иная по типу, гораздо более условная, иерархическая схема, где мы представляем уровни циклов от надсистемных к системным и подсистемным через нескольких уровней. Чтобы не изображать сами циклы, мы заменяем их **условными противоречиями**.

От последнего уровня конкретных произведений есть резон перейти к коническому циклу истории человечества: каждое произведение становится точкой на оси истории с конкретной датировкой. Середина конуса, вектор исторического времени, есть **глобальная хронологическая шкала**.

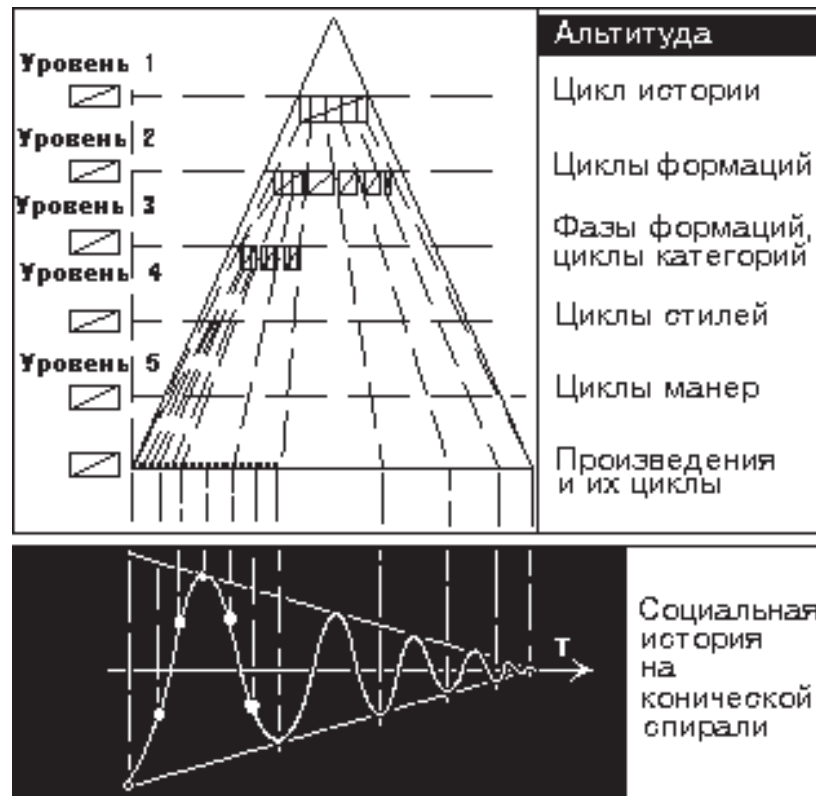

Рис. 88. Условное представление суперпозиции пяти уровней.

Эта схема состоит из пяти уровней циклов. На другом экране в иерархической модели это — *пятишаговое* логическое дерево. Мы разбирали в сумме методологии двойные и тройные связки, но их может быть и больше, чем мы здесь обозначили.

Возможности иных моделей

В принципе, мы ограничиваемся тремя уровнями циклов, представляя пятиуровневую модель истории как оптимальную для конкретных исследований. Редуцированная **трехуровневая схема** истории возникает из пятиуровневой следующим образом: *первый и второй уровни* не различаются и освещаются как единый “надсистемный уровень” (хотя заходы в сторону раздвоения мы постоянно делаем в тексте). Точно так же *четвертый и пятый уровни* вместе анализируются как обобщенный “подсистемный уровень” (и здесь мы тоже несколько раз выходим на их раздвоение). Неизменным во всех вариантах остается только наш главный, третий, “системный уровень”.

От третьего уровня вверх и вниз можно строить модели с любым (грубо говоря с N) количеством уровней. Чем больше будет эта альтитуда вверх и вниз, тем, соответственно, точнее выявятся закономерности для совокупности исследуемых нами закономерностей. Интересно, что последовательность, возникающая при этом, предстает как ряд нечетных чисел: при введении одного яруса вверх и вниз — 3, двух ярусов — 5, трех ярусов — 7, при четырех — 9, при пяти — 11 и так далее.

Желательно, чтобы альтитуда была выстроена симметрично относительно системного уровня, хотя на самом деле такое требование ничем не оговаривается, на практике встречаются всякие варианты, в том числе комбинированные и несимметричные (например, вверху — семь небесных сфер, а внизу — пара-тройка уровней). Но интуитивно преследует желание удержать симметрию, заданную масштабной тройкой “макромир — мир — микромир”. Середина мира — человек (мера человека). В идеале это — трехуровневая (Рай, Чистилище, Ад) и развернутая в уровнях модель мира в “Божественной комедии” Данте.

Вернемся к идее, которую мы использовали в методологической части работы. Речь у нас шла о *матричном представлении* связи двух уровней и численных инвариантах. Например, для надсистемы с тремя циклами и системы с пятью циклами матрица выглядит как 3×5 и т.п. Если мы теперь захотим соединить три уровня, то нам придется построить две матрицы. Такой

матричный поуровневый анализ можно продолжать как вверх, так и вниз, связывая соседние уровни попарно.

От этого остается один шаг до формулы. Возьмем количество уровней, которые введены нами в альтитуду и обозначим **У_n (номер уровня)**. Теперь для каждого уровня нам остается определить количество циклов на данном уровне **Ц_n (количество циклов)**. До какого предела мы можем это делать? Абстрактно — до любого, а конкретно — речь идет о сумме общественных системных “организмов”. Например: (У₁, Ц₃) + (У₂, Ц₃) + (У₃, Ц₃) — “формула” *трехуровневой модели, с тремя же циклами на каждом уровне* (девяткой микроциклов). То же самое можно сделать с пятеркой или комбинациями тройки и пятерки.

Остается вопрос о четных рядах и четно-нечетных сочетаниях. В принципе, мы и уровни иерархии можем взять четные, и количество циклов — тоже. Но такой анализ будет как бы частично “системным”, т.е. неполным, усеченно-системным, ибо истинный вид альтитуды симметричен относительно системы, а естественной цикличности — “от тройки”. Отсюда же и иерархической способ группировки циклов в тройку.

Вся четная циклика является в определенном смысле псевдоцикликой, ведь в основе ее лежит “ящик состава”, морфология. Например, “четыре времени года” построены аналогично древней “четверке стихий”, четверке “сторон света” и т.п. [17].

3.3. Формула истории и длительность ментальных формаций

Вывод, из которого следует формула истории

Обнаруженные нами *всеуровневые инварианты* дают возможность утверждать: и эволюция в целом, и история человечества удивительно единообразны в своей повторяемости как в целом, так и в частях: эволюция использует на всех уровнях один и тот же набор структурных инвариантов, что и позволило нам схематически изобразить их на нашей пятиуровневой схеме истории искусств как *противоречие вообще*, то есть как *любой инвариант*.

Хотя в истории человечества на всех ее уровнях применены одни и те же инварианты, **результатом их соединения являются неповторимость и преемственность** любой исторической последовательности. Возникновение неповторимого из повторяющегося дает нам возможность говорить о **формуле истории, поддающейся математическому описанию**, причем довольно простому и обозримому.

Во-первых, на каждом уровне один и тот же инвариант воплощается в *разных масштабах* и имеет разные носители. Эти масштабы пропорционально связаны одним и тем же, **пропорциональным, отношением**. Мы склоняемся к пропорции “1:3”, точнее, говоря о **длительности**, — к шагу по основанию натурального логарифма (2,7); но возможен и вариант “золотой пропорции”, на котором настаивает не один автор.

Каждый из уровней носителей мы можем рассматривать и изучать как самостоятельно живущий организм со своим набором параметров. Многие из написанных историй являются **историями на одном уровне и только по отношению к одному носителю**. Мы же их суммируем во всеобщей истории.

Во-вторых, мы обнаружили связанность системы дополнительных спиралей (парность) с тройкой (уровней и фаз), то есть связанность и взаимоотображенность *парности и троичности*: это — основа и наших индикаторов, и деления цикла на непарные фазы (как минимум, это — троичность). Троичность, присущая всем вложенным циклам, в результате позволяет нам построить формационную динамику с точно измеряемым *законом формационного резонанса*. Раскроем его, хотя и без подробностей.

Шаг эволюции

Гипотеза о шаге эволюции построена на совокупности наших циклически-уровневых моделей. Для начала нам необходимо соединить историю человечества с ее моделью конической спирали (с переменным шагом) и локальные, стационарные, устойчиво наблюдаемые циклами более низких уровней (например, циклы О. Шпенглера [313], Н.Д. Кондратьева [143-145], А.Л. Чижевского [306-307] и т.д.) — с их константным шагом. Мы вводим для этой цели **закон**

перехода доминирования по альтитуде вложенных циклов. Он приводит нас еще к одному важному выводу: в вертикально-иерархическом мире мы обнаруживаем, по сути, то же, что и в горизонтальном, — иерархия может быть представлена структурно: как “бывший” конический цикл с витками-уровнями. Переход доминирования в истории человечества есть постепенный переход истории на все более короткие *несущие системные циклы*.

Вложенные циклы: 10000 — 3000 — 1000 — 300 — 100 — 33 — 11 лет.

Вложенность исторической шкалы мы представляем примерно так:

- 10 тысячелетий понадобилось человечеству, чтобы вступить в предцивилизационную фазу;
- 3 тысячи лет просуществовали цивилизации Древнего Мира;
- тысяча лет — основной срок жизни средневековой формации;
- триста лет — цикл формации эпохи промышленной революции;
- сто лет длится “социалистический” эксперимент в России (он еще не завершен и находится в своей третьей фазе);
- тридцать лет и три года продлится постсоциализм;
- 11 лет останется до перехода в новую историю человечества.

Но последние цифры скорее юмор: история еще никогда не измерялась годами. Граница восприятия цикла как исторического близка к сроку жизни человека — около 100 лет.

Существует устойчивая особенность истории: всякая качественно новая система есть *бывшая подсистема* старой системы [148]. Она должна иметь длительность — треть предыдущей. Например, Рим, с его тысячелетней историей, есть последняя, третья, часть раннецивилизационной формации; отсюда — тысячелетие средневековья и тысячелетняя история Византии. Но *треть на конусе* — это не чистая числовая треть. Сложные модели “искривленного импульса с осью из другого импульса” скорее всего и дают отклонение от золотого ряда к основанию натурального логарифма.

Пропорциональные отношения между длинами эволюционных конусов инвариантно повторены внутри каждого конуса. Шаг эволюции един — независимо от форм движения материи. На основе анализа истории искусств мы обнаружили, что ментальные формации по длительности подчинены общеэволюционной закономерности. Те же закономерности наблюдаются и **внутри одной ментальной волны**.

Принятые системы датировок в исторической науке не являются бесспорными (см. работы Н.А. Морозова и А.Т. Фоменко [294]). И, хоть это — уязвимое место для критики глобального циклизма, такие модели в науке нужны. Их нужно строить через известные нам отношения длительности любых этапов эволюции: только так **мы и сможем уточнить достоверную длительность истории**. Движение должно идти как от общего к частному (от глобальных циклов к системным), так и от частного к общему (от подсистемных циклов к системным), и применять здесь нужно и можно как прямую, так и обратную экстраполяции.

3.4. Закон формационного резонанса

На верхнем уровне история человечества предстает как формационная история. У нее есть как минимум два главных измерения.

История человечества **в горизонтальном измерении** имеет вид *последовательности фаз конвергентной конической спирали*, где всякий раз новая фаза примерно в три раза меньше, чем предыдущая.

Но такова же история и **по вертикали**, где она демонстрирует нам работу исторического механизма, раскрывающего постепенно *уменьшающиеся по уровням подсистемные циклы* с тем же шагом.

Мы вправе предположить, что эти два явления связаны между собой общим **механизмом формационного резонанса**. Измерения длительности истории в столь простом варианте показывают, что поскольку и соотношение системы к подсистеме, и соотношение витков конической спирали как уменьшающихся примерно равно 1:3, то это, по сути, одно и то же. Вся известная история человечества предстает как совокупность ряда циклов в годах: 10 000 — 3 000 (3300) — 1 000 — 300 (330) — 100 — 30 (33) — 10 (11) — 3 (3,3) — 1.

Таким законом мы впервые вводим в научный обиход единую гипотезу членений истории **и в горизонтальном и в вертикальном** отношениях. Но главное состоит в том, что при помощи нашей гипотезы можно фиксировать **переход пассионарности** на самом высоком уровне — **на уровне ментальных формаций**. Речь идет о значимости в истории, которая не имеет отношения к длительности формационного цикла. Тогда, например, текущее "русское столетие" равно по значимости трем тысячелетиям древнего мира, тысячелетию средневековья или всей предшествующей истории евроамериканского капитализма. Теперь об этих формационных витках мы поговорим чуть конкретнее.

1) Первобытно-общинная ментальная формация

Этой формации предшествовал этап **антропогенеза**. Судя по известным нам данным, он был гигантским по длительности [98].

Цикл формации первобытно-общинного менталитета был самым длинным в истории человечества. В литературе достаточно четко определены его внутренние фазы. В большой периодизации истории в данном качестве выступают *три условных "века"*: каменный, бронзовый и железный. Первобытное общество захватывает каменный век и приближается к бронзовому в момент овладения медью.

Интересующий нас "каменный" мегацикл делится у историков на *три эпохи*, три внутренних цикла: *палеолит* (палео — древний, литос — камень), *мезолит* (средний камень), *неолит* (новый камень). Иногда неолит завершают фазой *энеолита* — эпохой появления меди в орудиях труда. Последнюю эпоху по многим признакам следует отнести к переходным, "бамперным".

Больше всего историкам известно о поздних и средних этапах, сложнее всего датировать первый, палеолитический, этап. Мы можем применить **метод обратной реконструкции**, принимая гипотезу: целое нам известно как закон конической спирали с постоянным шагом. Возникновение мезолита датируют с разбросом, но в среднем это — 10 тысяч лет назад. Достоверная длительность мезолита — около шести тысячелетий. Неолит без энеолита насчитывает 2,5 тысячелетия. Соотношение между ними (с учетом разброса данных разных исследователей) будет примерно равно 2,7 — 3. Тогда длительность первого периода (палеолит) в целом должна быть равна примерно 16,2 тысячелетий. И начало всего первобытного цикла приходится на 30 тысячелетий назад. Середину палеолита наши историки искусства относят к точке в 52 тысячи лет назад, что достаточно сильно расходится с данными кембриджского путеводителя. Между тем, называя цифру в "30 тысячелетий" (назад), мы говорим не о возникновении цивилизации, а о *первых проявлениях активности в искусстве* [25], и в этом случае данные сходятся.

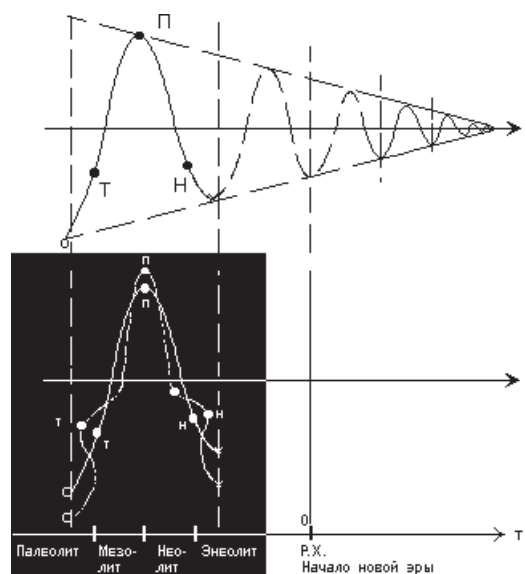

Рис. 89. Цикл первобытного менталитета.

В итоге **в цикле первобытной ментальности** (каменного века) мы можем выделить **три крупных цикла (эпохи)**, а в каждой эпохе — по **три ведущие культуры**, три малых

цикла. Примененные здесь индикаторы — эстетические (см. подробнее [23; 26]), отсюда и соответствующая спецификация фаз на уровнях.

Эпохи мы связываем с базовыми категориями трагического, прекрасного и низменного: *палеолит — трагическое, мезолит — прекрасное, неолит — низменное*. Культуры *внутри эпох* мы связываем со *стилями*: это — **архаика, классика, декаданс**. Значит, на последнем уровне мы получим *девять ментальных микроциклов, девять культур первобытного сообщества*. О цивилизациях в этом случае говорить рано, ведь они еще не возникли.

2) Раннецивилизационная (античная) ментальная формация

О ее общей длительности строить гипотезы нам, в принципе, не нужно, мы имеем дело с достаточно однозначными цифрами (хотя и здесь разброс иногда составляет пару тысячелетий).

В европейской *античной ментальной формации* мы выделяем три фазы, связанные не столько с отдельными цивилизациями, сколько с группами цивилизаций, объединенных единством менталитета. Это — Древний Египет, Древняя Греция и Древний Рим.

С точки зрения периодизации, нам важно указать на то, что культуры *энеолита* (так называемый бронзовый век) не являлась чем-то самостоятельным в сфере менталитета. Это явно переходная, бамперная, смешанная система мировоззрений, длившаяся около трех тысячелетий. В ней есть *и все признаки предыдущего менталитета, и все начала последующего*, совокупность механизмов (дуальность) того и другого. **Бамперные культуры** в истории являются чрезвычайно плодотворными. Но, с точки зрения наших интересов, мы будем выделять только типологически однородные, острохарактерные, в чем-то даже более бедные, чем бамперные, но и более устойчивые в своей *ментальной интонации* культуры и цивилизации. Именно они остались в истории.

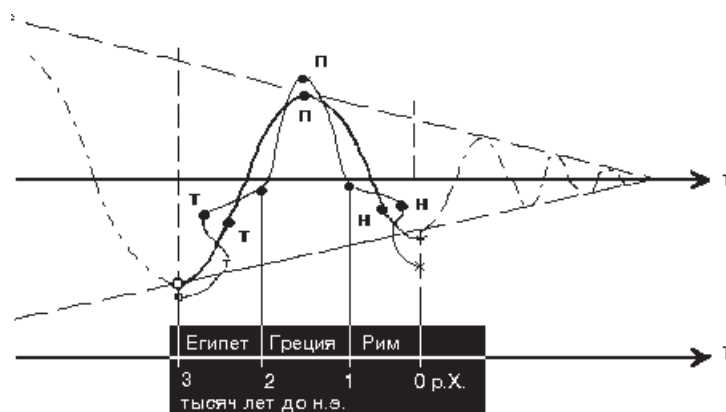

Рис. 90. Три главные цивилизации Древнего мира и их связь с категориальными фазами.

Первая и вторая ментальные формации в совокупности называются у некоторых историков Древним Миром [313], откуда и ведет свое происхождение упрощенная "трехчленка" всеобщей истории.

Начнем движение по формационному циклу. Культуры, примыкающие к Египту, объединены *менталитетом категории трагического*.

Древний Египет — категория трагического

В литературе повсеместно приводится периодизация из трех царств. Мы связываем их с установленными нами стилями: Древнее царство — явная архаика, Среднее царство — классика, Новое царство — декаданс единой категории трагического. Их длительность отчетливо связана с тем же шагом, каждое новое царство примерно в три раза (2,7) короче предыдущего. Между ними есть собственные "зоны бифуркаций".

Представим первую фазу (цикл трагического) на схеме:

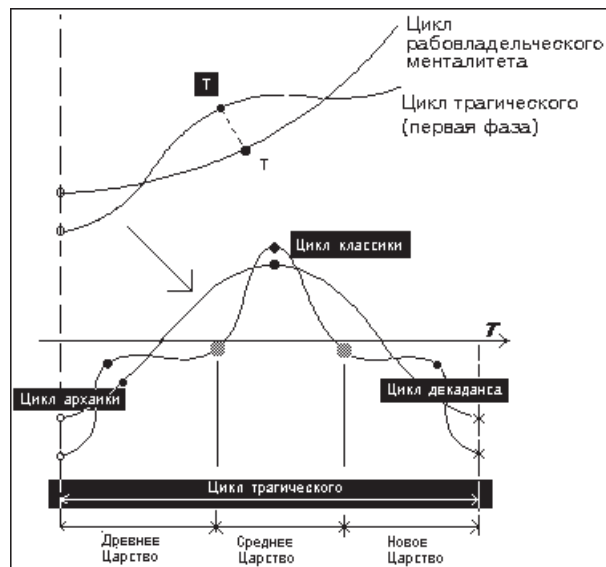

Рис. 91. Три цикла в истории Древнего Египта — три царства.

Историю этой цивилизации никак нельзя представлять себе непрерывной: существовали взлеты, но существовали и периоды очень долгого небытия, иногда сравнимые с самой длительностью царств. Просматриваются *бамперные промежутки* в периоды между царствами — от трех веков до века. Такое же расстояние отделяет Египет от Греции, а Грецию — от Рима. Наличие подобных “зон молчания”, видимо, и давало основания историкам говорить о локальных культурах, не связанных между собой. Но постепенно эти переходы (мертвое время системы) уменьшаются, как уменьшаются сами циклы на конической спирали истории. И там, в разрывах, тоже сохраняется ее единый ритм.

Древняя Греция — категория прекрасного.

На границе между Древним Египтом и новой пассионарной цивилизацией находится крито-микенская культура, переходящая в “гомеровскую Грецию”. Она создает условия для появления греческого менталитета — величайшего явления европейской истории.

Точно так же, как мы сделали по поводу Древнего Египта, мы и в этой культуре выделим **три стиля древнегреческого искусства**.

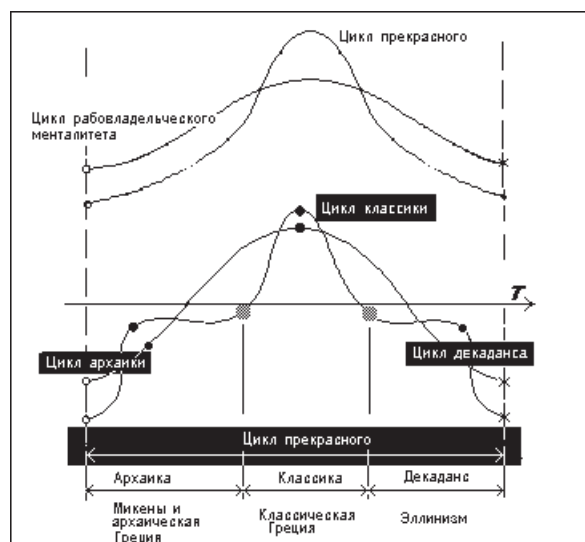

Рис. 92. Три цикла категории прекрасного в ментальной формации ранних цивилизаций.

Греческая *архаика* постепенно проявляется в 7–6 веках до н.э. В ней задается весь ментальный набор греческих мифов и символов, шлифуются способы жизни для перехода к демократическому устройству городов-государств и закладывается весь необходимый ментальный (философско-логический, этический и художественно-композиционный) инструментарий.

Чуть меньше двух веков длится греческая *классика*, давшая миру образцы, которым в Европе и прочем мире подражают вот уже два с лишним тысячелетия.

Наконец, *декаданс* находит свое отражение в эллинизме, где от греческих идеалов остается только форма. Но именно эта форма поразит потом первооткрывателей античности в Новом времени и будет превозноситься как вершина.

Древний Рим — категория низменного

В общем цикле античного менталитета римская история стоит на последнем месте и тоже укладывается в три свои периода.

Архаический период — это ранний Рим, впитавший в себя этрусскую культуру. Классический период — это республиканский Рим. Декаданс — Римская империя.

Первые следы Рима обнаружены в 8 веке до н.э. Но это еще не Рим, к которому перешла пассионарность. Мы можем начать отсчет от аристократической республики Юния Брута — с 510 года до н.э. Свое *право* римляне впервые зафиксировали в 5 веке до н.э. Гражданской общиной Рим стал в 3 веке до н.э. В 202 году был разбит Ганнибал — тогда-то и начинаются образование римской “сверхдержавы” и переход к ней исторической пассионарности в этой части планеты.

Бессрочная диктатура Цезаря привела к единовластию; он был убит в 44 году до н.э. Это стало точкой начала Римской империи. Классический Рим времен Октавиана Августа стал бесспорным эталоном для всех последующих империй.

Упадок Рима длится довольно долго, и начинается он почти сразу после Нерона. Длинная череда малопривлекательных римских императоров последнего периода сменялась, пока в 410 году вождь готов Аларих не взял Рим и не подверг его разграблению, положив бесславный конец его спесивой истории:

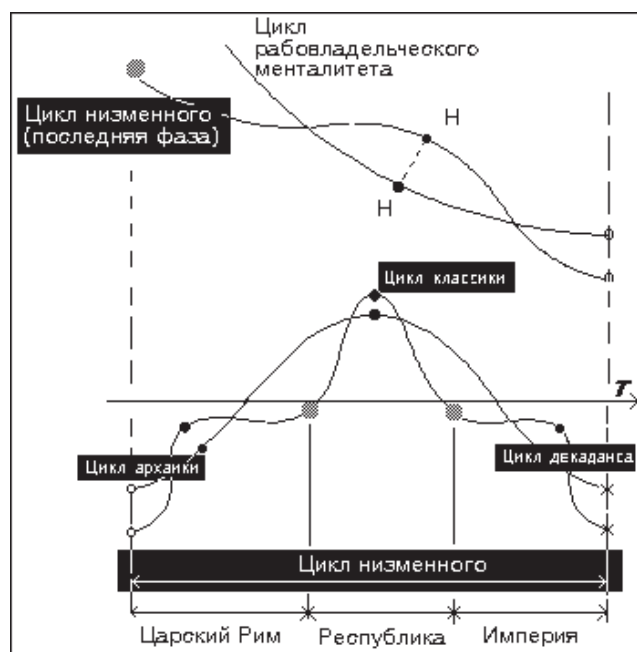

Рис. 93. Три цикла римской истории — развертка категории низменного в менталитете рабовладения.

Феномен “осевого времени истории” Первоначальная четверка цивилизаций, известная нам в топике (Египет, Междуречье, Китай, Индия), складывалась и проявляла себя неравномерно. Кроме того, *тройка в фазах* средиземноморских цивилизаций показывает нам переход доминирования, ментальной пассионарности, от Египта к Греции, а далее — к Риму. Таким образом, “осевое время” застаёт в доминантах противоположность ассиро-вавилонской и греческой культур, с одной стороны, а индийской и китайской — с другой. Линия халдейских истоков коснулась и Греции, но на данном отрезке истории доминируют греки, в то время как Междуречье “два тысячелетия купается в крови”. Поэтому можно выделить и доминантную тройку (Греция, Китай, Индия), и в то же время четверку, например великих учителей этих культур: Пифагора (или более поздняя пара: “Платон — Аристотель”) — Заратустры — Конфуция — Будды.

“Осевое время истории” — это момент, когда все четыре топических типа менталитета на Земле приобретают оформленность в виде учений. После этого они транслируются и развиваются, но качественно не меняются по сути.

3) *Средневековье как ментальная формация.*

Традиционно длительность средневековья датируют с V века до начала буржуазной революции в Англии; на самом деле здесь длительность скорее *католического средневековья*, которое продлевают даже до XVII–XVIII веков включительно. Намечаются в этой истории три периода (мы ввели для их обрамления и другие важные этапы — в скобках):

- (— кризис Рима и римского мира — III век)
- **становление средневековья — VI–XI века;**
- **классическое средневековье — XII–XVI века;**
- (— XII век — золотой век романской и арабской культур)
- (— XIII век — золотой век готики)
- **позднее средневековье XVI — середина XVII века**
- (— XVIII век — промышленный переворот, после чего происходит полная смена ментальности).

Если периодизация “*долгой истории*” включает V–XVIII века, то в *истории искусства* традиционно берут за основу V–XV века. И здесь приняты такие циклы искусства средневековья, как романский, готика, Возрождение, “Великий век”.

Если же мы возьмем периодизацию по типу “*короткого средневековья*”, то концом этого ментального цикла будет 1453 год — падение Византии. Три витка средневековья есть и в этом варианте. Различие в подходах мы относим за счет “двойной спирали истории”, о которой подробно ведем речь в наших книгах [21; 55; 26].

Если суммировать, то в истории средневекового менталитета предстанут три отчетливых периода:

- становление (категория трагического) — VI–XI века;
- классический период (категория прекрасного) — XII–XV века;
- поздний период (категория низменного) — XVI — середина XVII веков.

Трагическое — становящаяся Византия и раннее романское искусство. Начало категории трагического — византийская культура IV–V веков, середина — Византия VI–VII веков. Так же, как в предыдущей формации в аналогичной фазе были построены египетские пирамиды, в этой — византийцами построен самый грандиозный собор Св. Софии. Стилистически та же тенденция продолжается в дороманской и романской Западной Европе.

Прекрасное — культуры на грани романского периода и готики. Например, эта категория проявилась в соборе Парижской Богоматери. Два пика, два “золотых века” подряд — идейно это один блок.

Низменное — зрелая готика и часть Возрождения. Декоративизм и человекоцентризм. Длится этот период до грани XVI–XVII веков.

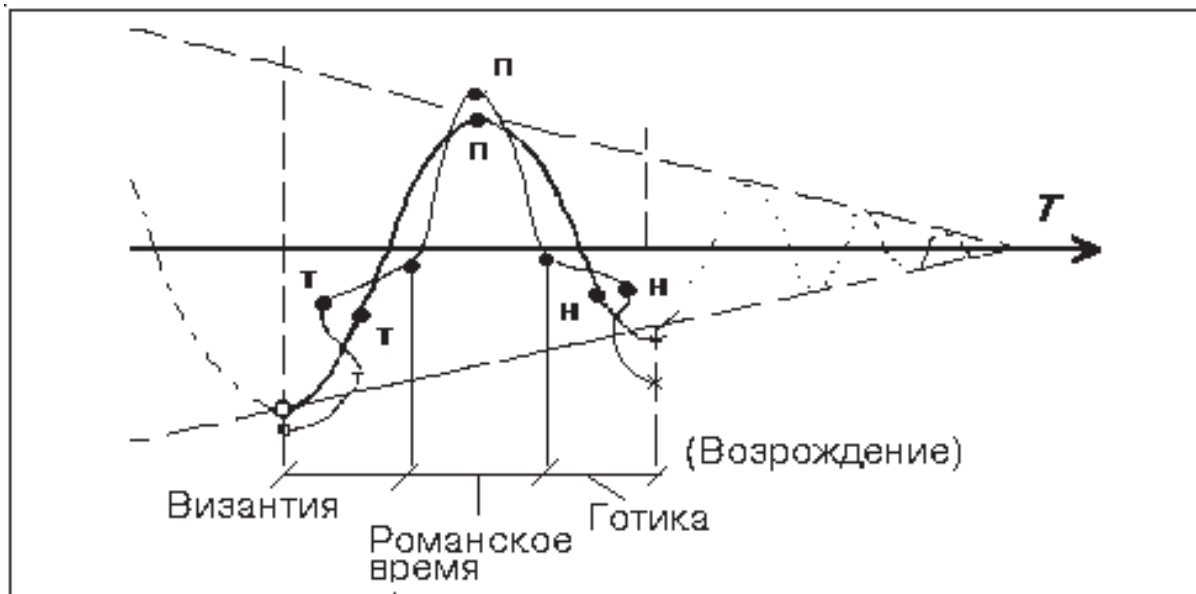

Рис. 94. Три фазы в цикле средневекового менталитета и место Возрождения.

Кстати говоря, именно на графике истории средневековья, с его достаточно точными датировками, можно увидеть, что перед нами — асимметричный виток конической спирали с шагом, близким к ряду Фибоначчи (5 — 3 — 2) [56].

Как мы говорили ранее, длительность нового ментального витка должна быть примерно такой же, как длительность *заключительной фазы* предыдущего (последнего) формационного витка. Если тысячелетняя история Рима достоверна, то за длительность средневековья следует принять именно тысячу лет (здесь был прав Рафаэль).

Тогда следующая фаза, ментальная формация Нового времени, должна длиться примерно 300 лет (без бифуркаций) или 330 лет. Таким образом, чтобы соблюсти это условие, нам необходимо продлить средневековье как раз до момента первых буржуазных революций. Резонансный цикл средневековья — тысяча лет, но нужно учитывать и бифуркационные переходы, "зоны молчания" истории, поэтому в совокупности будет чуть больше.

В переходную зону попадает Возрождение, которое мы относим к средневековью по ряду признаков. Этой теме мы посвятили немало страниц и привели множество аргументов.

4) Ментальная формация Нового времени

От английской буржуазной революции до наших революций 1917 года длилось Новое время. *Трехсотлетний цикл* здесь является резонансным для ментальной формации. Он отчетливо просматривается в политической и культурной истории России.

Ментальность Нового времени — обширная тема, она требует точной определенности. Чтобы не загромождать изложение главной линии, мы не вводим определений и отсылаем читателя к первоисточникам [41; 67; 74 и др.]. Но при разговоре о менталитете и истории искусства, мы отвлекаемся от форм государственности и способа производства, говоря лишь о *ментальности* капиталистического индивидуализма, всепроникающей и единой.

Поскольку речь у нас везде идет о трехфазовости, определим в менталитете капитализма три уже привычных периода: становление менталитета Нового времени (героический период, *менталитет трагического*), *классический менталитет* капитализма (проявивший себя в реализме и понимаемый нами как менталитет прекрасного) и, в завершение, *деградирующую фазу* этой ментальности, захватившую рубеж XIX—XX веков (проявленную в декадентстве и прочих стилевых признаках менталитета низменного).

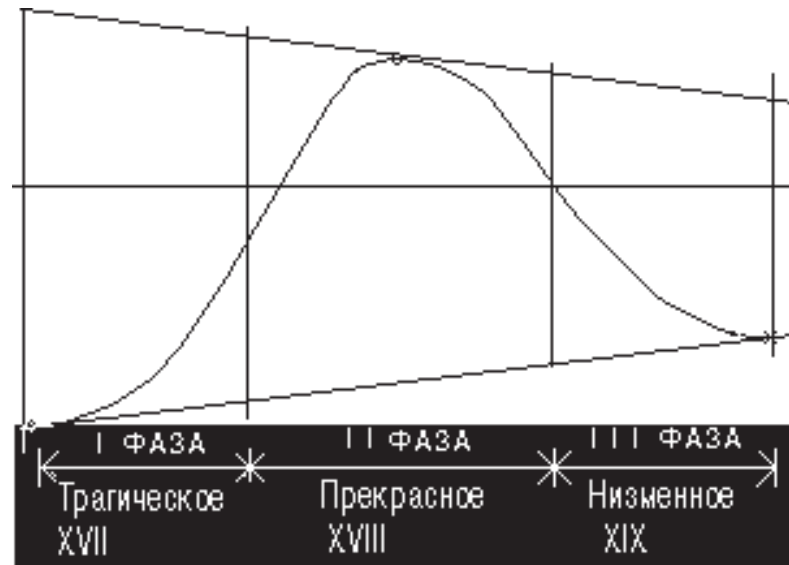

Рис. 95. Три категориальные фазы в трехсотлетнем цикле Нового времени.

Три столетних (или близких к столетним) цикла отчетливо прослеживаются во всей Новой истории многих стран мира. Интересно, что почти синхронный характер они имеют везде, но, в зависимости от степени развития, *ментальная пассионарность* переходит от страны к стране, сопровождаясь кровавыми революциями. В искусстве этот цикл предельно отчетлив.

Соответственно тому, как в предыдущих ментальных циклах резонансный цикл равен третьей части предшествующего, новая ментальная формация почти приближается к длительности жизни человека, а следующая — к активной длительности его общественной жизни.

* * *

Данное построение хоть и убедительно, но оно не единственно возможное. Некоторые сомнения возникают относительно переходного семнадцатого века. С одной стороны, уже Ф. Бэкон заложил все последующие ростки инструментального рационализма, идеологию успеха и мораль атомарного человека, но с другой, политической, — это все еще эпоха абсолютизма, крайней личностной формы средневековой монархии, папства и т.д. Если обозначить этот век как “бамперный”, переходный, век смешения двух тенденций, то начинать нужно с Просвещения — век XIX будет у нас классическим веком капитализма, а век XX — его имперской фазой. И тогда наша история приобретает совершенно иную окраску.

Коротко говоря, можно рассмотреть две схемы Нового времени.

Первая схема — три века: XVII, XVIII, XIX, — и каждый имеет свою ранее обозначенную специфику.

Вторая схема — переходный XVII век и следующие за ним три века: XVIII, XIX, XX, — наделяемые той же спецификой. В ней есть ряд интересных особенностей, которые нужно тщательно исследовать.

5) История XX века как завершение истории Нового времени.

Существует мнение, что с 1917 года и по сей день в менталитете человечества становится некая пятая ментальная формация — социализм (коммунизм). Рассмотрим аргументы “за” и “против” этой точки зрения.

Аргументы за появление новой ментальной формации состоят в том, что она категорически не похожа на ее предшественника и что 70 лет СССР, с его “лагерем социализма”, активно противостоял прочему “миру капитала” и идеологически, и геополитически.

Но вполне возможно, что это внешнее противостояние очень многих ввело в заблуждение, и первоисточником этого заблуждения стал марксизм: способ производства и форма собственности, действительно, были изменены на прямо противоположные, ибо собственность стала коллективной, а производство — плановым и программируемым.

Против этой точки зрения говорит хотя бы то, что имперская фаза, в которую попадает СССР (с началом в 1920 г.), проявляет себя наиболее активно и на немецкой почве, а также в ряде других государств — такова геополитическая ось “Берлин — Рим — Токио”, которая поначалу звучала как “Берлин — Москва — Токио”. Все эти страны использовали идентичные конструкции государства, управления, политические системы, сходные идеологии, в которых ставилась одна и та же цель: покорение мира.

Обратимся к нашей истории. Анализируемая столетняя эпоха (1920-2020) резонирует со столетним солнечным циклом, что более подробно демонстрируется нами в книге "Понимание времени" [19] и в ряде статей после нее [20; 22; 24]. Там же мы вводим понятие о трех 33-хлетних "циклах поколений", которые связываются нами для простоты понимания с тремя фазовыми категориями.

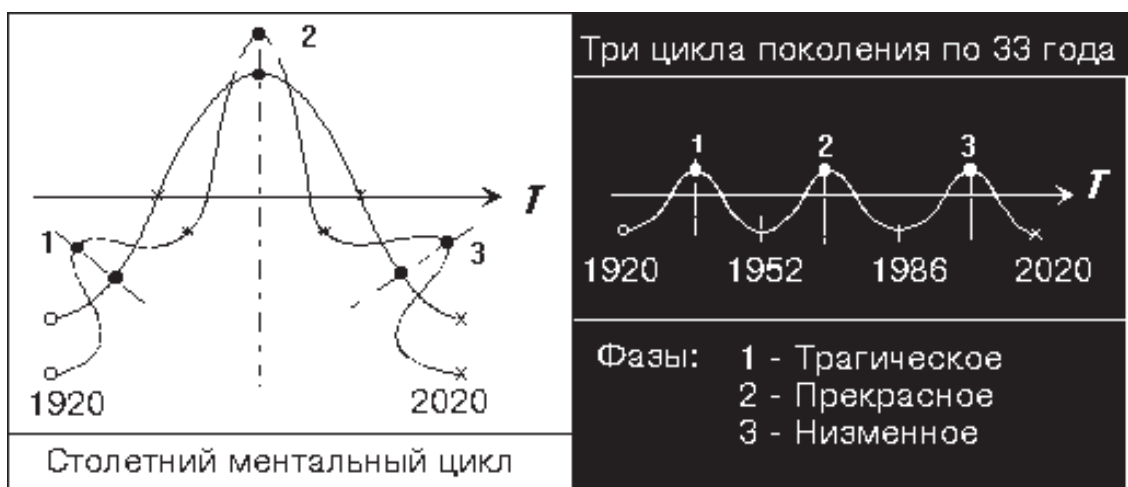

Рис. 96. Последний ментальный вековой цикл и три его категориальные фазы.

Первый цикл — **категория трагического** — известен как "сталинский" цикл, или сталинизм.

Второй цикл, открывающийся хрущевской оттепелью, — **категория прекрасного** (почему мы и сегодня смотрим фильмы того времени с пониманием *уравновешенности* данного периода нашего прошлого).

Третий — **цикл низменного, мы в нем живем**.

Это — цикл личного интереса, отсюда и возвращение частной собственности в экономике, но куда важнее другие видоизменения: возобладавшие вдруг *индивидуализм и гедонизм* — и это после более чем полувекового "строительства коммунизма"!

Именно в данном моменте и коренится ответ на вопрос: является или не является прошедшая история новой ментальной формацией? Никогда в истории не происходило возвращения к предыдущему менталитету: история, как и время, не ходит в обратную сторону. Зато в истории постоянно появляются так называемые "эпохи возрождения". Они есть и в Древнем Египте, и в истории Греции, и в истории Рима, и в истории Византии, и в истории католического средневековья (это — Ренессанс), и в истории русского средневековья (Андрей Рублев и его время), и в истории Китая и т.д. Все возрождения крайне интересны одним своим свойством: они прямо указывают на первоисточник, который хотят возродить. В Египте случилась попытка возрождения форм и канонов Древнего царства. Европейский Ренессанс уповает на античность как свой первоисточник и т.д.

Не резонно ли предположить, что в случае с “социалистической революцией” мы имеем дело с возрождением рационалистических идей европейского Просвещения (прометеизм), но уже в крайней экстремистской форме (все известные возрождения имели если не столь же крайнюю, то явно упрощенную форму)? Приведем аргументы в пользу этой точки зрения.

Европейский “прогрессизм” построен на дихотомии “порядок — хаос”, где в качестве носителя порядка выступает цивилизация, а неструктурированным хаосом выступает весь остальной мир, как естественный, так и социальный. Католическая ветка просвещенческого прогрессизма построена на атомарной идее социального индивида. Православие имеет основанием “соборность”: оно проросло у нас на общинном устройстве общества. Попытки привития просвещенческой идеи “прометеевского огня прогресса” к этой второй ветке происходили в несколько этапов: вначале — в форме “двухэтажного общества” Петра I, а в эпоху большевиков — в форме утопического марксистского проекта. Никаких новых идей это общество не внесло — все то же *цивилизационное покорение мира и природы*, достижение тотальной управляемости (прямо по Лапласу). Такое прямолинейное стремление всегда оборачивается своей противоположностью, где и обнаруживаются истинные корни происшедшего. Когда бесконтрольная номенклатура “сдала” социализм Западу, она обнаружила свою идейную родственность с ним в своих конечных устремлениях.

Таким образом, никакого нового менталитета в наборе идей реально существовавшего социализма не обнаруживается. Зато там обнаруживаются все идеи и незримые устремления раннего Просвещения: опора на рациональность (априорно предполагающая атеизм), свою личную волю, стремление к универсальному классификационному упорядочению мира (изгнание хаоса), стремление к тотальному контролю над миром (страх перед хаосом), и отсюда — отношение ко всему внешнему миру как к объекту своих преобразовательных интересов. Большинство этих идей (порядок и право, идеология прагматизма) было опробовано еще в Древнем Риме и привело его к краху. Основатели США развили неудавшуюся социальную конструкцию до системы трех властей, но принципиально изменить ее не могли. Набор этих идей прямо вел к тоталитарному режиму — и истории оставалось только дожидаться имперской фазы. Западный империализм очень-очень многому научился у “социализма” — это была историческая лаборатория выработки предельно прагматических и предельно рациональных форм и методов проектирования, программирования, тотальной манипуляции сознанием, промывания мозгов и т.д. и т.п. Чудовищное историческое творчество по устройству “фабрик смерти”, “фабрики-страны” в форме ГУЛАГов и т.п. продемонстрировало, что инструментальный технологизированный рационализм, прямо воплощающий просвещенческие лозунги безудержного покорения мира (“нам нет преград ни в море, ни на суше”), способен не только выйти в космос, повернуть вспять реки, но и повернуть историю многих народов. Лагерь социализма был самой колоссальной в истории колониальной сверхдержавой, но и он оказался “колоссом на глиняных ногах”. С его разрушением рухнул просвещенческий миф о всевластии рационализма, и не только в крайней тоталитарной форме.

Переход к дикому номенклатурному капитализму продемонстрировал конечные устремления номенклатуры: жить по индивидуалистическому западному образцу. То, что получилось “в натуре”, снова-таки является скрещением этого пожелания с русской общинной реальностью: получилось, что жить по западным стандартам удастся очень немногим, но только в мафиозной общине или с ее разрешения и за соответствующее “отстегивание”, да и то до поры до времени.

* * *

Западный прометеевский миф как основа менталитета Нового времени миновал свою фарсово-экстремистскую фазу и приближается к завершению. В истории пройдены четыре ментальные фазы, а если усомниться в особости и полноправности “первобытного менталитета”, то и вовсе три: мифологический менталитет античности, теологический менталитет средневековья и инструментально-рационалистический менталитет Нового времени, в основе естественнонаучный. Грядет новый менталитет — и возникает задача своевременного определения его специфики, времени и места появления и тому подобное. Для этого у нас есть несколько очень важных признаков.

Один из них состоит в том, что всякое возрождение не только обращается в прошлое и содержит иначе понятые элементы этого прошлого менталитета (Ренессанс обращен к античности, однако понимает ее через отбрасываемый опыт средневековья), но и являет нам важнейшие моменты будущего. Это, кстати, приводит историков к принципиальным заблуждениям: они считают аристократический, по сути, гуманизм Ренессанса предтечей идеологии и устремлений капитализма. На самом деле перед нами — гедонистическое разложение средневековья, с его крайним индивидуализмом, совершенно не устремленным к наживе ради нее самой, а лишь ради умножения удовольствий. Возрождению противопоставлен и глубоко чужд Гобсек, как и последовавший базовый аскетизм “экономического человека”. Возрождение разлагается в своей пышной оргии и озабочено формой и еще раз формой.

Тем не менее именно в позднем Возрождении просматриваются контуры нового героя-индивидуалиста, строятся социальные утопии и зарождаются все главные идеи и символы будущего менталитета. То же самое нужно сказать о нашем времени: у нас на глазах барахтаются в пучине гедонизма бывший прометеевский герой Запада и его пока еще активный преемник — “новый русский”. Ни тот, ни другой не имеют отчетливой исторической перспективы, потому что инструментальный рационализм уже опробовал себя и в индивидуалистической, и в крайней коллективистской форме. Мир оказался сложнее рационально понимаемой его части и совершенно не намерен сдаваться на милость нынешнему победителю, который уже хорошо понимает, что он “калиф на час”.

Кризисы в циклической картине мира

Далее речь должна идти о формальных признаках переходного периода. Здесь прежде всего следует различить такие понятия, как **катастрофа, кризис, бифуркация, революция**. Но мы эту тему опускаем, поскольку она подробно освещена в наших работах [23]. Рассматривая идеальные образования, мы говорим о **ментальных революциях**, а “революция” в этом смысле есть парное понятие по отношению к “эволюции” [146], что, по сути, означает **формационный циклический кризис**.

Если систематизировать известные нам глобальные революции (независимо от их уровня), оказавшие влияние на все человечество, то первой такой революцией можно считать “неолитическую революцию”, позволившую овладеть металлическими орудиями труда. Она и породила в некотором смысле “революцию цивилизованности” Древнего мира, которая запустила механизм накопления культуры. Это была первая глобальная смена менталитета. Второй стала “революция религий”, или этическая революция средневековья, где были найдены иные механизмы цементирования общества. Поток “перманентных революций” Нового времени исходят не просто из плодов рационализма, а начинается со смены ментальных ценностей. Отсюда в XVI–XVII веках — научная революция, в XVIII-м — первая промышленная революция, в XIX веке — вторая промышленная и начало научно-технической революции, воплощенной в XX веке.

В XX веке развернулась многоэтапная научно-техническая революция, вызвавшая отклик не только в ряде промышленных, но и социально-культурных “революций”. Последняя “информационная революция” обещает даже уничтожить частную собственность.

Специфика у исторических бифуркаций [317] в социуме — своя. Социум запасается многими **каналами для сохранения содержания культуры**, и никакая примитивная камнедробильня не уничтожит идей, выработанных в предшествующем менталитете. Они найдут нишу, где можно “спрятаться”, чтобы непременно возродиться в нужный момент и в нужном месте. И тогда специалисты реконструируют затаившийся менталитет ушедшего времени и выкопают из вечной земли материальные памятники исчезнувших миров для подтверждения понятого в идеях.

Явная *избыточность*, например, эстетического, наличие множества вариантов одного и того же, множества копий, воспроизводимых с оригиналов, множества видов и жанров искусства и произведений в них (и так далее) служит цели сохранения *этого менталитета* в случае, если наступит его разрушение. Культура, с ее избыточностью, есть не просто социальная

память, плавно переходящая от исторического пассионария к следующему пассионарию, а *застрахованная от разрушения социальная память*, увеличивающая тем самым “надежность” процессов исторической преемственности. Культура есть проявление более широкого и универсального космического принципа “уходя, оставаться”.

Точно определить момент начала нового менталитета можно по мощности и целенаправленности разрушений. Сопровождающиеся кровавыми потоками, эти периоды свидетельствуют, что перед нами — ментально и идеологически новое историческое явление, а не *локальный бунт* внутри старого менталитета. Лозунг таких всеобщих точек истории звучит категорично: “до основанья, а затем...”.

К самым характерным признакам, демонстрирующим новизну предчувствуемой последней ментальной формации и вообще всякой революции можно отнести:

— **массовый характер исторических событий и наличие в обществе большого числа пассионариев** — их активность и *необратимые последствия их активности* для устройства общества;

— возникновение зачатков новой ментальности и идеологии, с явными признаками **социального доминирования над личностями**;

— сильное проявление **проективности и прогностической ориентированности** этого нового общества, особенно на первом этапе.

Такую функцию ментального нового несли христианские пророчества [310]. *Футуровертность русского коммунизма* (под множеством наименований) отмечали все философы XX века [114], но они же и увидели, что в нем, увы, нет новых ментальных идей [49-50].

Элементов раздвоения и конкуренции линий в данный период истории мы насчитали три: на уровне крупного группового носителя в социуме (скажем, этнос, страна, возможно, регион), на уровне “политического” ядра (например, партии, военные группировки, последователи учений) и на уровне лидера ядра. Дублиеры — это интересная тема для исследования, и она является разновидностью темы “веера альтернатив” во времени и пространстве.

Раздвоение альтернатив в наш момент времени имеет глобальный характер. Контуры нового менталитета уже просматриваются. Весь старый аппарат классической науки можно смело выбрасывать на свалку истории: понятия нового менталитета принципиально не могут носить рационально-экспериментальной окраски.

Попытками осознания и даже синтеза основ этого нового менталитета явно наполнена философия русского ренессанса от В. Соловьева [241] до Н. Бердяева [49-50].

Кризисы в циклической картине мира всеобщы и присущи всем формам движения материи. Мы можем распространить на процессы жизни менталитета те же законы, которые наблюдаем во всем объективном мире. Но методы естествознания применимы для этой сферы в весьма ограниченном диапазоне, а новые междисциплинарные методы рождаются у нас на глазах. Эволюционные процессы — процессы синергетические, они сверхсложны, но познаваемы и предсказуемы, ведь это процессы самоорганизации. Поиски эволюционных системогенетических инвариантов — это один путь.

Можно искать их и в самом человеке, потому что именно в нем сконцентрирована высшая сложность эволюции. Измениться должен сам человек, измениться должны лозунги гуманизма, общей ответственности — принцип конгениального сосуществования с природой ему так или иначе придется принять как свою новую жизненную установку, если он собирается когда-нибудь перейти к управляемой социоприродной эволюции.

Соизмеряя стоящую перед человечеством проблему перехода к управляемой социоприродной эволюции [272] и наличный потенциал человечества — мыслительный, организационный и интегративно-управленческий, — приходится констатировать, что сегодня мы находимся едва ли не дальше от подходов к решению этой проблемы, чем в первой половине XX века, когда цикличность развития и проблема кризисов вызвали гораздо более живой интерес в обществе.

3.5. Формула истории в искусстве и ментальные индикаторы

Мы исследуем закономерности в иерархии уровней, например в связке надсистемного, системного и подсистемного. Хотя длина этих циклов различна и подчинена закону масштабной уровневой пропорции, на каждом из уровней (циклов) действуют одни и те же закономерности. На каждом отдельном уровне рассмотренные через индикаторы закономерности — это нечто, монотонно повторяющееся (непрерывно, как заведенный часовой механизм). Вместе с тем даже простейшее трехуровневое сочетание одних и тех же инвариантов дает в итоге **никогда не повторяющееся конкретное**.

При помощи нашей системы взглядов [23] можно продемонстрировать, как из постоянно повторяющегося на всех уровнях индикатора (*структурного инварианта*) экономная История осуществляет **сборку в каждой своей точке неповторимого**, уникального, единичного (события, произведения искусства и т.д. — в разных историях).

Логически воспринимать это построение не столь уж трудно, но трансформация его в метод конкретного искусствоведческого анализа требует тонкого знания массива фактов истории искусства, а также отработанных навыков интуитивного плана — связывания вроде бы разнородного в смысловое единство. Здесь затрагиваются сразу и содержательные, и формальные аспекты искусства.

Как ни дико это звучит для любого искусствоведа, **произведения искусства возникают закономерно**, т.е. искусство в тенденциях и формах предсказуемо. Искусствоведы постоянно говорят о “совокупности **характерных черт** искусства той или иной эпохи”, но дальше необходим аппарат раскрытия стилевых и прочих признаков: это совокупность применяемых нами индикаторов и маркеров. Такой аппарат в искусствоведении, в лучшем случае, дается в пределах одного уровня, например, Г. Вёльфлиным [60].

Концепция системогенеза общества, выстроенная на базе полученной методологии, позволяет выделить ключевые моменты во взгляде на пути развития цивилизации и культуры **сквозь призму искусства**. Это можно изложить тезисно по уровням иерархии.

Цикл развития общества развернут как целое, что позволяет говорить об определенности качества мироощущения отдельной ментальной формации. Каждую формацию мы трактуем как определенный цикл, имеющий собственные фазы. На спиральной модели конвергентного конуса “навиты” формационные витки — **циклы ментальных формаций**.

История человечества представлена как совокупность ментальных формационных циклов, отличающихся друг от друга совокупностью ментальных характеристик и выстраивающихся в преемственный (качественно усложняющийся во времени) ряд. В наших работах предложены две принципиально новых формационных модели: модель на основе двух взаимобратных конических спиралей, а также модель истории как четверки ментальных спиралей с пятью фазами (закономерность двадцати основных компонентов истории).

Новизна нашего подхода состоит также во введении на этом уровне группы предельных фундаментальных индикаторов, позволяющих выделять и отличать качество той или иной ментальной формации. Это — качественные экзистенциальные этико-эстетические индикаторы: парный индикатор “свобода общества — свобода личности” и индикаторы ментального хронотопа (ментального времени и ментального пространства).

Разновидности человеческих цивилизаций и культур есть одновременно *разновидности мировоззренческих моделей*, образующих в истории непрерывный и закономерный ряд. Те или иные культурно-цивилизационные системы могут анализироваться как **фазы (стадии) той или иной ментальной формации**. Эти фазы мы фиксируем при помощи типологического набора из трех основных (шести полных) опорных *категорий*. К этим стадиям мы применили типолого-категориальные характеристики, соответствующие эстетическим категориям *трагического, возвышенного, прекрасного, комического, низменного, безобразного*. Их существование связывается с цивилизационными группами, последовательно сменяющимися друг друга в одном культурно-ментальном цикле. Ментальное мировоззрение и мироощущение общества в любой момент его развития может быть описано своей **ведущей категорией**. Выделение доминирующей категории определенной формации в историческом аспекте означает выделение той или иной исторически конкретной культуры.

Менталитет может быть описан и более детально, при помощи разворачиваемой из категории системы модусов еще нескольких уровней. На четвертом уровне это — *фазы самой категории*, которые мы рассматриваем как “**стили**”. Здесь освещен генезис (собственная история) пассионарных цивилизаций. При описании собственного цикла жизни цивилизации применен “стилистический” инвариант. Это позволяет нам воспринимать *систему стилей в искусстве как последовательность инвариантных фаз для каждой цивилизации*.

В результате включения данного уровня возникает особая история — *история последовательно сменявших друг друга (доминировавших) стилей в искусстве человечества*, каждый из которых принадлежал той или иной пассионарной цивилизации.

На последнем, пятом, уровне зафиксировано *наличие в стиле собственных фаз*. Это — три модификации стиля, введение которых позволяет выходить в исследовании на самые короткие из законосообразных циклов истории культуры — на **циклы “манеры”, или “моды”**. Наличие таких циклов фиксируется не только в истории искусства, но и в истории, например, политики, что лишь подчеркивает единство менталитета на всех уровнях.

Духовное состояние общества отражается в произведениях искусства со степенью достоверности, позволяющей исследовать **искусство как “экран, или табло” не только общественного сознания, но и менталитета**. Это свойство произведений искусства содержится в более широком ряду свойств и функций искусства в целом.

Главный, и в прикладном плане самый перспективный, наш вывод состоит в том, что **ментальные модели общества могут быть реконструированы (прошлое) или спрогнозированы (будущее) на основе экзистенциального анализа “культурного хронотопа”, содержащегося в совокупности произведений искусства данного общества**.

Рассмотрев проблематику эстетической энергетики, мы свели результаты до тезисов.

1. Вся история в этом ракурсе предстает как циклическая (циклически-уровневая) и одновременно энергетическая (экзистенциальная).

2. Эстетическая энергетика, содержащаяся в произведении искусства, служит для настройки человека на циклически-уровневый резонанс времени (эстетические категории в динамике, стили, манеры, мода).

3. Морфология эстетического создает возможность для разнообразия проявлений этой энергетики применительно к человеку (виды и жанры искусств, “ионы” морфологических ячеек, моноискусства и полиискусства, процессы исторической дифференциации и интеграции искусств и эстетического, синтез искусств на новой технической основе и т.д.).

4. В каждой морфологической ячейке мы имеем в любой точке времени некоторое *разнообразие* произведений, созданных разными художниками. Одни из них остро актуальны (модны), другие менее точно попадают в “задачу времени”, но индикаторные характеристики у них общие в той степени, которая позволяет знатокам искусства относить их к данному времени (атрибуция).

В один и тот же момент времени могут быть созданы не только актуальные (модные), но и опережающие эстетические произведения (актуальные для будущего), однако процент их невелик (подчинен закону распределения).

Количество эстетических произведений во времени истории нарастает, что связано с общим ростом населения Земли. Но произведений, обладающих наиболее выявленными резонансными свойствами, в целом очень немного — можно даже составить их атлас за всю историю человечества. Контент-анализ историй искусства позволяет сделать это достаточно просто.

5. Эстетическое произведение — это хронотопоконцентратор. Оно является “слепком точки” многоуровневого ментального хронотопа (общественного ментального содержания, данного в личностном фильтре) и воплощено в конкретном материале конкретного искусства (форма и материал). Однако эстетическая энергетика не сводится к этой паре и находит выражение как “энергетика пафоса”, “эмпатия” (интонационное заражение) и т.д. Это — вторая мерность, перпендикулярная первой. Она связана со свойствами “психо” и отпечатком хронотопа в двух “психо” (психика общества и психика человека).

6. Эстетическое имеет собственную форму организации — композицию. Она в ядре энергетическая, но может быть рассмотрена и как содержательная (качественная), и как формальная (количественная).

Основы индикации

В завершение упомянем о теме, которая пока не получила в данном тексте никакого освещения, но отражена в ряде наших опубликованных работ [23; 25; 26]. Это тема индикаторов социального развития в аспекте ментальности. Все основные посылки для введения таких индикаторов у нас уже есть.

Мы утвердились во мнении, что в пространстве идеальных детерминант общественного развития менталитет занимает среднее место между рациональным общественным интеллектом и иррациональным общественным сознанием. В силу этого менталитет имеет калокагатическую основу, реализующуюся в деятельности.

Калокагатическое есть единство эстетического и этического. Отсюда два типа индикаторов: этический и эстетический. Эстетический индикатор организует выразительность ментального *хроптона* и потому может рассматриваться как два индикатора: временной и пространственный. Итого мы имеет три основных индикатора: этический (парный), временной и пространственный (трехфазовые).

Как все ментальные появления, эти индикаторы связаны с циклическими уровнями. На каждом уровне индикаторы модифицируются и становятся все более конкретными, по мере приближения к исследованию формы. Формула истории предстает в этом проявлении как вложенность системы парных (тройных) уровневых индикаторов.

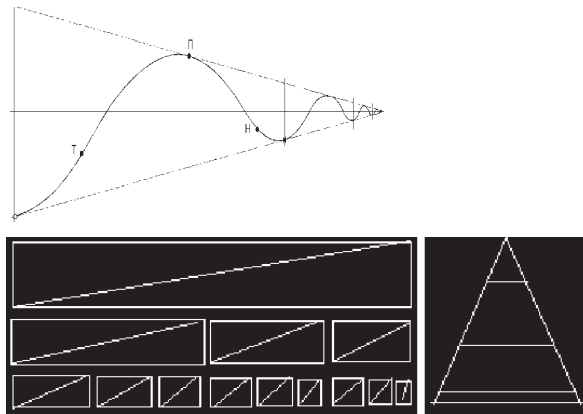

Рис 97. Индикационные противоречия иерархии уровней, связанные с конусом истории.

Самая важная и первичная — **трехуровневая суперпозиционная схема** с системой из трех калокагатических индикаторов:

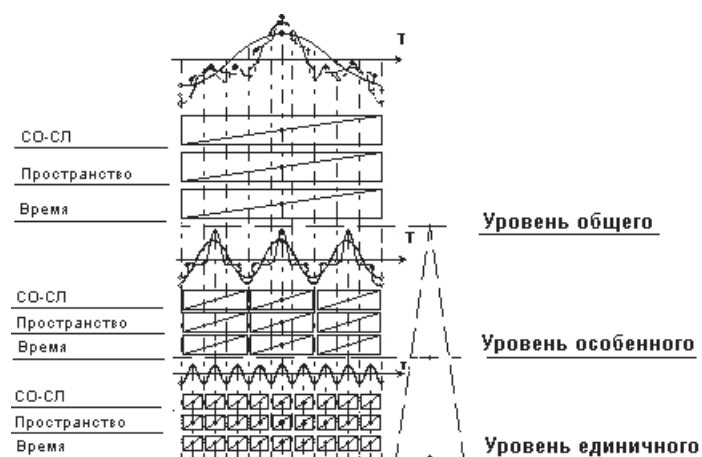

Рис. 98. Три основных калокагатических индикатора на трех уровнях.

Кроме трех основных можно представить и более широкую совокупность индикаторов ряда уровней в простейшей табличной форме:

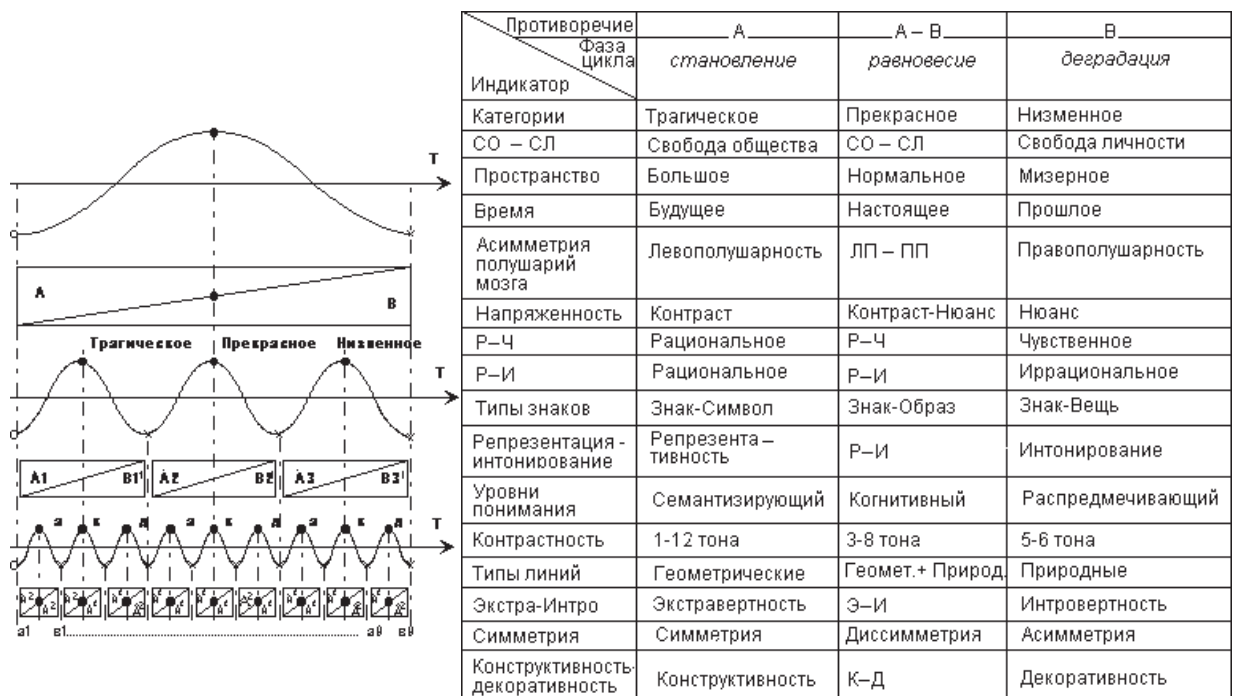

Рис. 99. Индикационные пары, применимые к любому циклу на любом из трех уровней.

Сложной междисциплинарной проблемой является вопрос о суммировании индикаторов в достаточно полном целостном виде [23; 26].

Заключение к главе III

На основе методологии, выработанной в первой и обобщенной во второй главе, мы рассмотрели основные варианты устройства знаний об обществе и предложили единую динамическую модель его развития. Этот суперинвариант, соединивший уровневой, циклическое и морфологическое представления, получил у нас рабочее название “Формулы истории”.

Историю мы считаем полидетерминированной. В исторической последовательности детерминация ее менялась и начиная с XX века следует говорить о возникновении феномена идеальной детерминации истории.

Но сама идеальная составляющая, влияющая на развитие общества, также оказывается иерархически неоднородной. Мы рассмотрели три ее уровня и пришли к выводу, что в процессе идеальной детерминации намечается переход от доминирования истории со стороны рациональных факторов исторического развития к ментальным. Этот переход мы считаем движением от “ноосферы” к “ментосфере”, от сферы разума — к сфере ментальной целостности.

Центральное понятие, выработанное в этом ряду — понятие **ментосферы**, рассмотрено нами и в статике (состав и иерархическая структурность ментосферы), и в динамике (ментальная динамика, **ментальные формации** и их уровневые модусы). Данная работа завершается характеристикой основных исторических модусов одного ментального типа.

В завершающей части мы показываем основные точки этапа разворачивания исследований ментальности [21; 25; 26] в эстетических произведениях и при помощи системы многоуровневых индикаторов. Он переводит исследование в план более конкретный, и потому — выходит за рамки тематики социальной философии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положения, выносимые на защиту, можно разделить на три группы: общеметодологические, социально-философские (и историко-философские), прикладные. Раскроем их подробнее.

I. Общеметодологические положения

1.1. В наших опубликованных работах предложена синтетическая методология, объединяющая две логики: логику Слова (традиционную формальную и диалектическую логику) и логику Числа (нумерологию). Их соединение проведено нами в специальной работе [17], а в данном диссертационном тексте эта обобщенная (парная) логика повсеместно используется.

1.2. В результате синтеза основных положений философии и системогенетики мы наметили **два основных подхода: статический и динамический**. Эти подходы и их синтез последовательно выдержаны на всех этапах разворачивания исследования.

Эти два подхода можно перевести в три общеметодологических ракурса: **модификационный** (классиологический, типологический, таксономический, а по отношению к системному анализу — спектрально-морфологический), **иерархический** (альтитудный) и **циклический** (с применением толерантности). Каждый из них раскрыт как специфический, сначала — в философии, а затем — в системогенетике.

После этого проведен их поэтапный синтез, сначала — в статике, а потом — с использованием динамики.

1.2.1. Первый этап синтеза — статический.

Синтез меры (“ящика состава”) и иерархии приводит нас к понятию *многоуровневой меры*. *Закономерность морфологической вложенности* (морфологии морфологий) трансформируется у нас в методику суперпозиционирования. Синтез иерархии с собой же приводит к *иерархии иерархий*, или *морфологии иерархий*.

1.2.2. Второй этап синтеза — статико-динамический.

Синтез модусов (морфологии) и циклики приводит:

а) к *закону пакетной циклической полноты модусов*;

б) к *закону несущего цикла системы*, за который полностью реализуется его системный состав (морфологический спектр).

Синтез иерархии и циклики приводит:

а) к *закону несущего цикла данного уровня* (всякий уровень имеет свой цикл);

б) к *закону иерархической вложенности циклов N уровней* (альтитуда + толерантность + цикличность), имеющему ряд выражений.

В обратном, подсистемном, виде это — *закон отражения в фазах цикла системной альтитуды* (иерархии).

Синтез морфологии, иерархии и циклики приводит к *закону иерархической морфологии, синхронно реализуемой в связанной системе иерархических вложенных циклов*. Это отражено также в *методе онтогенетического суперпозиционирования*. У данного закона есть шесть вариантов выражения, в зависимости от доминанты и последовательности трех его составляющих.

Таким образом, в методологи нами предложен пакет основных законов, имеющих общенаучный характер, ставших принципами нашего исследования. Назовем их:

1. *Принцип единства исторического и логического*.

В системогенетике он интерпретируется как принцип единства динамического и статического типов исследований.

Мы разворачиваем его в единство циклического, модификационного (классиологического, морфологического) и иерархического подходов.

Следовательно, историческое мы понимаем как циклическое, а логическое интерпретируем как единство модификационного (классиологического, морфологического) и иерархического подходов.

2. Принцип достаточной полноты исследования.

В системогенетике он отображается в трех наших взаимодополнительных блоках законов: “морфология – иерархия”, “морфология – цикл” + “иерархия – цикл”.

II. Социальная философия и философия истории

При переходе к социальной сфере мы определяем объект, к которому применяем выработанный в первой главе методологию. Этот объект — общество, а его динамическое измерение — история общества.

Уровень нашего исследования — философский, поэтому в статике речь идет о социальной философии, а в динамике — о философии истории.

Представим в тезисной завершенности два основных момента научной новизны на данном уровне. К числу положений, выносимых на защиту, мы относим следующие два:

1. Человечество едино, в том числе оно едино ментально, объединено менталитетом человечества. Это единство основано на разнообразии. Внутри общечеловеческого менталитета изначально сосуществуют **4 типа менталитета**. Это — две дополнительности, выступающие в качестве источника разнообразия. Таков онтологически-классиологический срез проблемы на самом верхнем ее уровне.

2. Во временном ракурсе мы обнаруживаем у человечества глобальную программу разворачивания четырех основных типов менталитета, в которой парные дополнительности выступают как источник развития и частей, и целого. Для данного верхнего уровня (история человечества) мы принимаем пять фаз: это — формационные фазы менталитета. Таким образом, в истории человечества есть 20 значимых ментально-формационных единиц (4 типа менталитета и 5 формационных фаз у каждого типа).

Источником неповторимости конкретного исторического события в историческом времени является формула этой глобальной программы: иерархические **уровни** + вложенные **циклы** истории.

Соединение исторического и логического принципов позволяет нам представить итоговую формулу как единство и взаимосвязь указанных типов, уровней и циклов (**формула истории**).

Человечество как надсистемное целое состоит из четырех морфологических типов, различающихся ментальными ключами. В рамках евронауки мы рассматриваем в основном лишь один тип — евроамериканский менталитет.

Используя в исследовании общества принцип уровней, мы выбираем три надсистемных уровневых масштаба объекта: предельный — человечество, средний — культурно-цивилизационная группа, малый — единичная цивилизация.

Применяя принцип уровней к данному ракурсу истории, получаем три уровневых масштаба истории: историю человечества (в формациях), историю культурно-цивилизационных групп (как фаз формаций), историю цивилизаций (как фаз культурно-цивилизационных групп). Это позволяет построить единую трехуровневую картину истории как систему связанных иерархически вложенных циклов.

В изучении данного объекта возможны два взаимодополнительных ракурса: качественный (культурологический) и количественный (социологический), которые синтезируются в деятельности. Мы используем их связанность в мере, т.е. в единстве количества и качества.

На следующем шаге мы рассматриваем связанность “общество - человек“ в системно-организмическом ключе. Это системное целое также поддается анализу, если исходить из наличия в нем четырех морфологических типов. Подобный анализ возможен в таких ракурсах, как деятельностный, ценностно-мотивационный (потребности и отношения) и ресурсно-организационный (способности и институты).

Общество имеет некоторые свойства организма. Мы акцентируем ракурс психической жизни данного организма и соотносим его с психикой человека в аспекте “канала коммуникации”. Выделяя всеобщий интеллект, общественное сознание и менталитет, мы последовательно применяем к ним таксономический и иерархический принципы. При этом иерархическое и морфологическое устройство общественного интеллекта, общественного

сознания и менталитета предстает в развернутом статическом виде. Изучение их динамики требует перехода к более подробным прикладным подходам.

Результаты деятельности выступают связующим звеном между человеком и обществом. Историю можно реконструировать в основном только по материализованным продуктам деятельности. Менталитет отпечатывается на материализованных продуктах деятельности многоуровневым образом, в основном в качестве образной составляющей. По формально-композиционным признакам мы можем достаточно подробно реконструировать менталитет.

III. Прикладные положения

Реконструкция менталитета производится нами с помощью многоуровневого набора индикаторов и маркеров. Иерархия уровней, представленных в эстетических произведениях, — это иерархия менталитета.

При помощи нашего общего метода в работе последовательно систематизируются по уровням группы наук.

На первом уровне мы обращаемся к систематизации калокагатического комплекса — этики и эстетики. Набор индикаторов данного уровня — надсистемный, он задает наиболее общее содержание и окраску образных моделей.

Второй уровень индикаторов — системный. Он задает способ выражения. На этом уровне мы систематизируем искусствоведение и историю искусства.

Третий уровень индикаторов (и маркеров) — подсистемный: он основывается на анализе формы произведений. Здесь систематизации подвергается теория композиции — выразительная и формальная.

Форма эстетических, а в особенности художественных произведений, отображает многоуровневый менталитет. Наш подход к образу как к многоуровневой системе позволяет обратным образом реконструировать все то, что привело к его формированию. Способам такой реконструкции в основном и посвящена прикладная часть наших исследований.

Многоуровневая динамика образных систем может быть обращена как в прошлое, так и в настоящее, а также в будущее (экстраполяционные возможности метода). Поскольку мы обнаруживаем на протяжении всей истории постоянно повторяющийся, т.е. устойчивый, инвариантный, набор индикаторов и маркеров, можно говорить не только о возможности достоверного прогноза на этом основании, но и о возможности проектирования образных систем в человеко-машинном и обычном вариантах. Таким образом, это — проектная и педагогическая идеология.

Совокупность наиболее общих выводов

На основе всего изложенного материала можно сделать некоторые *наиболее общие выводы*. Для этого следует вернуться к самому началу и рассмотреть соотношение исходных целей и полученных результатов.

Основная цель исследования была сформулирована как раскрытие *концепции системного генезиса общества*. Ракурсом исследования послужило установление закономерностей взаимоотношений общества (культуры и цивилизации) и его менталитета, с одной стороны, и искусства как способа выражения этого менталитета — с другой.

На философском и общенаучном уровне данная цель, как нам видится, достигнута, а для полноты аргументации в прикладной сфере необходимо уже чисто историческое исследование, которое мы продолжаем много лет.

В самом начале исследования был выдвинут **связанный ряд задач**. Рассмотрим, какие из них удалось выполнить и каким образом.

Задача формирования теоретического ядра концепции системогенеза общества решалась в первой главе, где была задана основная *методология* исследования, основанная на взаимоотражении методов философского и системогенетического знания. Здесь был выработан методологически ориентированный *инвариант теории*, позволивший во второй главе развернуть его уже на конкретном материале представлений о закономерностях системного генезиса общества.

При решении **второй задачи — выработки и выделения общего метода исследования** — мы исходили из представления о *научном методе* как о совокупности основных принципов.

Наш методологический синтез базируется на соединении и взаимоотображении методологии философии и методов системогенетики. Последовательность построения теоретико-методологической части концепции обеспечила получение следующих **основных результатов**.

1. В области философской интерпретации системогенетики, при соединении ряда подходов в целом, обнаружилось несколько *общих предметных зон*. Поскольку наша тема связана именно с социальной философией, речь идет прежде всего о связях, относящихся к концепции системогенеза общества.

Во-первых, это — разделение всей проблематики на логико-статическую и историко-динамическую; отсюда — два блока во всем нашем исследовании, отражающих диалектику исторического и логического, синхронного и диахронного. Это повлияло на общую методологию работы, применяемую и при анализе понятийно-категориального аппарата философии, обращаемого на развитие общества, и при анализе специфических современных методов общенаучного комплекса системогенетики.

Во-вторых, обнаружилось, что совокупность традиционных философских категорий и законов “накрывает”, но не исчерпывает совокупности категорий и принципов системогенетики. Между ними устанавливаются специфические координационно-субординационные связи, позволяющие поднимать на философский уровень некоторые понятия системогенетики (а философия в этом сегодня, несомненно, нуждается) и интерпретировать в рамках системогенетики понятийно-терминологический аппарат философии. Такой встречный анализ через синтез позволяет нам в дальнейшем по-новому осветить проблемы интересующего нас социально-философского знания.

Для **статического среза** существенными являются такие представления, как:

— представление о любых видах упорядочения множеств как об иерархиях (связь внешней и внутренней иерархий);

— представление о законе перехода количества в качество как о философском законе, имеющем системную трактовку и приводящем к выявлению ряда существенных системных закономерностей.

Объединяющими общенаучными понятиями служат спектр (закон разнообразия) и иерархия (вложенность), а если говорить о подходах, существующих в системогенетике, то это — метатаксономический (классиологический) и иерархический (альтитудный). Воссоединение классиологического и иерархического подходов произведено нами с привлечением философского учения о мере, количестве и качестве. Графически оно выражено в модели “ящика состава” (а также закона распределения свойств целого) и “уровневой пирамиды”.

Соединение двух статических подходов, как мы уже говорили вначале, приводит нас к набору основных законов статического анализа целого (морфология морфологий, иерархия иерархий, иерархическая связанность морфологий).

Для **динамического ракурса** в философии ведущим выступает философский закон отрицания отрицания, с помощью которого разворачиваются такие важнейшие понятия, как “развитие”, “необратимость” и “направленность”. Этот закон и эти понятия выступают в качестве базовых и для философии, и для системогенетики (где они получают системную и генетическую интерпретацию).

Далее мы производим **воссоединение динамического и статического ракурсов** в единый. В рамках философии ведущее понятие “мера” разворачивается как “узловая линия мер”, что затем трансформируется в важное общенаучное понятие “мерогенез” (генезис меры). Воссоединение динамического и статического в общенаучном плане — это воссоединение классиологического, иерархического и циклического подходов. Мы провели его поэтапно и матрично, с учетом всех основных вариантов. Это — один из самых интересных методологических (и методических) результатов исследования, имеющий общенаучное значение.

2. Сравнительный анализ объекта исследования был произведен вначале на статических категориях и понятиях. К числу наиболее общих понятий принадлежит представление об основных уровнях строения систем материального мира (абиотический,

биотический и социальный уровни) — иерархически-уровневый инвариант. В качестве исходной у нас здесь выступает пара “внешнее - внутреннее”. В устройстве предметного мира мы можем фиксировать *внешнюю или внутреннюю иерархию*, и такое выделение производится по отношению к любому рода системам, включая и социальные. Мы рассмотрели с философской позиции и вопрос о системной иерархии (внешнем разнообразии), и вопрос о разных типах строения (внутреннем разнообразии, например морфологии) систем.

Зафиксируем основные возможности статического анализа целого. Они базируются на выделении двух инвариантов:

1) Инвариант *иерархии*, подразумевающий *вложенность*.

Мы выделили наличие универсальной иерархичности, которая проявлена как в категориях философии, так и в системной парадигме.

Она трактуется нами в двух ипостасях: как качественная уровневая иерархия и как ступенчатая функция, близкая к количественному пониманию.

2) *Типологический инвариант* (классиологический, метатаксономический, морфологический, спектральный и т.д.).

В рамках философского анализа мы описали связанность *количества и качества* (в пределах меры) в *матрицу состава системы*. Это — “морфологический ящик”, или, в простейшем целочисленном виде, “типологический квадрат”, выступающий и как “спектр” системы.

Их связанность порождает следующий **набор статических возможностей анализа**:

3) Иерархия иерархий (“альтитуда” для системного мира).

Иерархичность универсально присуща как внешней, так и внутренней иерархии систем. В терминах системогенетики это — *внешняя и внутренняя альтитуды системы*.

Мы используем два содержательно разных проявления ее в графике: ступенчатая и треугольно-уровневая. Иерархия иерархий может быть представлена любым сочетательным способом.

4) Иерархическая вложенность морфологий.

Это — объемное, трехмерное построение, демонстрирующее связанность (вложенность) морфологий всех уровней.

В данном построении мы, например, соотносим ступени качества с уровнями иерархии, а скачки “количества — качества” — со “ступенчатой функцией”, в которой демонстрируется не только уровневость, но и преемственность (сценарий жизни системы). Это вносит в статику элементы динамики (псевдогенез).

5) Сложение морфологий разных связанных уровней в пределах одной плоскости приводит к морфологическому суперпозиционированию, что выражается как *морфология морфологий* (вложенность морфологий разных уровней на одной плоскости).

3. В исследовании раскрывается значительное количество пересекающихся проблем философии и системогенетики. Сюда входит трактовка таких понятий, как “развитие”, “необратимость”, “направленность”, — они присутствуют в любой завершенной философской системе воззрений на мир и обнаруживают себя в любом менталитете.

Ведущая в данном социально-философском контексте **категория “развитие”** развернута в исследовании как модус более общей категории “движение”. Выявлен ряд ее специфических черт и отличие от близких по смыслу категорий:

— “развитие” отличимо от “изменения” иерархически, причем изменение выступает как более общее понятие;

— “развитие” отличимо от “преобразования”, которое сопутствует ему;

— “развитие” включает в себя понятие “процесса”, но не сводится к нему одному;

— частными случаями развития являются “прогресс” и “регресс”, то есть они выступают как более локальные понятия (виды изменений одной системы);

— частными случаями развития являются “дивергентное развитие” и “конвергентное развитие” (это — случаи, когда в системе, соответственно, увеличивается или уменьшается разнообразие).

При уточнении категории “развитие” через парные понятия (изменение - сохранение, прогресс - регресс, дивергенция - конвергенция и т.д.) получена иерархически организованная *матрица индикаторов и маркеров развития* на базе противоречия типа “А - В”. Данный ход является одним из основных диалектико-методологических приемов, примененных в нашем исследовании сквозным образом.

Говоря в этом контексте о диалектике, мы подразумеваем более широкие (триалектический, квадролектический и т.д.) подходы, выработанные нами в философской логике Числа, где парные индикаторы всегда могут быть развиты и в сторону симметричных (4-6-8 и т.д.), и в сторону асимметричных рядов (3-5-7-9 и т.д.) [44].

При уменьшении всеобщности категории “**развитие**” ему были приданы новые характеристики: необратимость, преемственность, (историческая) связь изменений, направленность. Обнаружено, что понятия “направленность” и “необратимость”, хоть и связываются в определении развития, сами по себе не пересекаются.

Установлено, что понятие необратимости развития связано с тремя модусами времени: прошлое необратимо, будущее поливариантно (и представляет собой связь вероятности и случайности). Отношение к модусам времени в ракурсе “искусственное - естественное” задает ту или иную культурологическую позицию — от понимания культуры как механизма наследования, обеспечения преемственности, до полного отрицания этих позиций.

Направленность выступает как атрибут развития, она присуща ему. Направленность линейна и векторна, что выражается как соотношенность изучаемого процесса с неким избранным вектором — эталоном метрики. Но данный атрибут развития далеко не условный: “вектор” выступает как итоговая характеристика, отражающая суть процесса.

Развитие определяется как *единый процесс* необратимых и направленных изменений, порождающих новое; развитие представляется в то же время и как *последовательность фаз*, то есть “развитие” в этом определении освещено и как непрерывное и как квантированное (и динамически и статически).

4. В диссертации установлены связи, восходящие *от системогенетики к социальной философии*, причем сделано это с ориентацией на последующий выход на анализ взаимосвязи цивилизации и культуры. Для раскрытия данной темы в работе разворачиваются основные этапы становления системогенетики и устанавливается единство истоков социальной философии, системных и генетических взглядов. Затем более подробно разворачиваются собственно системогенетические понятия и законы: познание системности мира и его эволюционных инвариантов, — концентрируется совокупность основных законов системогенетики, определяется их сходство с законами и понятиями социальной философии.

Поскольку в самом термине “системогенетика” содержатся два смысловых начала, в ходе исследования выявлены отдельно системные и отдельно генетические инварианты.

Из набора системных инвариантов выводится определение понятия “система”, которое дается через ключевое понятие целостности. Рассматриваются такие важнейшие системные понятия, как иерархическая вложенность и альтитуда систем, временные свойства структуры системы, структурная гармония системы, частотный спектр системы, пределы системного мира.

В соответствии с анализом набора генетических инвариантов осмысляются различные взгляды на генезис и его типы, выделяется ведущий эволюционный закон, присущий любым системам. Этот закон раскрывает интересующую нас генеральную тенденцию эволюционно-революционных закономерностей, проявляющихся в истории общества.

Все вместе отражено в анализируемой совокупности законов системогенетики, пересекающихся с законами диалектики.

Законы, принципы и методы системогенетики, представленные в диссертации, позволяют говорить о ней как о передовом крае науки. На сегодняшний день иных серьезных попыток столь же широкого и столь же интегративного синтеза в науке нет, а этот синтез насущно необходим.

5. В работе определена специфика циклических моделей системогенеза. В ее основе лежит построение трехосевой модели противоречий — шкал, которые синтезируют статику и динамику в едином авторском подходе, о чем мы говорили выше.

В контексте выделения понятия “цикл” строится модель цикличности на цилиндрической спирали и на двух типах конических спиралей. Введено ведущее понятие “импульс”, специфичное для верхнего яруса исследования диалектики социогенеза. Предложены многочисленные варианты построения моделей времени на многих ярусах материи.

6. При **введении динамико-циклического основания** нами установлен ряд взаимосвязанных статико-динамических законов, базирующихся на синтезе основных статических и основных динамических понятий.

Синтез **модусов (морфологии) и циклики** приводит к двум законам.

1. **Закон несущего цикла системы**, за который полностью реализуется его морфология (спектр).

Система имеет свой цикл жизни — это ее системный цикл, это ее жизненный цикл.

2. **Закон пакетной циклической полноты модусов**.

Пакетность есть спектр модусов, связанный сценарием цикла (циклическая последовательность их актуализации).

При дополнении его иерархичностью мы можем получить связанное вложенными циклами нескольких уровней *логическое дерево модусов*, обладающее всеми признаками пакетности. **Многоуровневая пакетность модусов** — это только наше понятие, еще не употреблявшееся ранее в науке.

2.1. Мы предложили **закон связи состава системы с ее несущим (жизненным) циклом**.

При дополнении его иерархичностью можно получить трехмерную циклическую модель функционирования “морфологического ящика”.

Этот закон связывается нами с мерой — единством качества — количества, а также с законом распределения, т.е. со спектром системы: распределение свойств внутри целого происходит по закону распределения Мандельбротта - Лотки - Лоренца - Парето - Ципфа - Юла.

Мы связываем все изложенные выводы одной плоской суперпозиционной графикой, содержащей цикл и его фазовое разнообразие, разнообразие состава системы, ее количественно-качественное описание, ее спектральное описание. В числовом выражении эта связанность основана на первичных инвариантах троичности и четверичности (способных развиваться в сколь угодно сложные построения).

Синтез **иерархии и циклики** также приводит к двум законам.

1. **Закон несущего цикла данного уровня иерархии**.

1.1. В обратном виде он звучит так: всякий иерархический уровень имеет свой несущий цикл.

2. **Закон иерархической вложенности циклов N уровней** (альтитуда + толерантность + цикличность), имеющий ряд выражений.

Закон связи цикличности и иерархии приводит нас как минимум к трем уровням системной циклики, обладающим вложенностью. Мы представляем полученную модель в трехмерности, в результате чего она предстает как многоуровневая модель, содержащая три измерения состава (где состав систем разных уровней обладает вложенностью).

2.1. В обратном, подсистемном, виде это — **закон отражения в фазах цикла системной альтитуды** (иерархии).

Этот закон является важнейшим нашим достижением, применяемым, например, для анализа инварианта художественной композиции.

Синтез морфологии, иерархии и циклики приводит к **закону иерархической морфологии, синхронно реализуемой в связанной системе иерархических вложенных циклов**. Это отражено также в **методе онтогенетического суперпозиционирования**. У данного закона есть шесть вариантов выражения, зависящих от доминанты и последовательности трех его составляющих.

Прикладным методом, который позволяет нам объединять воедино различные парадигмы, является метод суперпозиционирования, построенный на основе четырех типов взаимосвязанных моделей:

- словесных понятийных моделей;
- моделей на основе числа как структурного инварианта;
- геометрических моделей-инвариантов, отображающих важнейшие характеристики и связи понятийных и числовых моделей;
- циклических моделей.

7. Полученная уровнево-циклическая концепция системогенеза общества может быть рассмотрена сквозь призму искусства. Генезис единого менталитета человечества развернут в **циклы формаций**, что позволяет говорить об определенности ментального качества отдельной формации. Они отличаются друг от друга ментальными характеристиками.

Каждую формацию в отдельности мы трактуем как цикл, имеющий собственные фазы. **Фазы ментальной формации** могут анализироваться как культурно-цивилизационные группы, которые мы фиксируем при помощи трех основных (шести полных) опорных *категорий*: *трагического, возвышенного, прекрасного, комического, низменного, безобразного*. Формационная ментальность (мировоззрение и мироощущение общества) в любой момент его развития может быть описана доминантной категорией.

И эти циклы также имеют свои фазовые модификации, т.е. менталитет может быть описан и более детально, при помощи разворачиваемой из базовой категории *системы модусов нескольких уровней*. На четвертом уровне это — *фазы самой категории*, которые мы рассматриваем как **“стили”**. Здесь начинается *история последовательно сменявших друг друга (доминировавших) стилей в искусстве человечества*, каждый из которых принадлежал той или иной пассионарной цивилизации.

При описании собственного цикла жизни цивилизации также применимы инварианты фазовости. На пятом, уровне зафиксировано *наличие в стиле собственных фаз*. Это — модификации стиля, самые короткие из законосообразных циклов — **циклы “манеры”, или “моды”**.

Духовное состояние общества отражается в произведениях искусства со степенью достоверности, позволяющей исследовать **искусство как “экран, или табло”, менталитета и общественного сознания**. Его синтетически используют и другие формы общественного сознания: наука, религия, политика, право.

Главный вывод состоит в том, что **ментальные модели общества могут быть реконструированы (прошлое) или спрогнозированы (будущее) на основе экзистенциального анализа “культурного хронотопа”, содержащегося в совокупности произведений искусства данного общества**. Сделать это позволяет предложенная в наших работах система индикаторов и способы оперирования с ней.

Научная новизна настоящего исследования состоит в разработке новой концепции системного генезиса общества. Предлагаемая концепция строится с применением нескольких разноуровневых подходов, в которых выделены общие моменты, присущие данным подходам. Новое знание, как правило, возникает в новом целом, объединяющем в себе разное. Новое здесь есть то, что не содержится в отдельности в синтезируемых подходах. В настоящем исследовании в качестве нового целого для социальной философии выступает концепция системного генезиса общества — одновременный циклический взгляд на развитие общества сквозь совокупность пяти иерархических уровней.

Кроме пяти уровней в исследовании рассмотрены и иные возможности. Это — редуцированная трехуровневая иерархическая модель, где первый и второй уровни предстают как “надсистема”, а четвертый и пятый как “подсистема”. Рассмотрена возможность построения и иных моделей, содержащих любое нечетное количество уровней (а также вообще любое их количество).

Научная новизна работы, с позиции социальной философии, — в предложенной концепции с новым взглядом на исторические закономерности культурно-цивилизационных циклов становления человечества и в возможности выработки социологических, культурологических и т.д. прогнозов на базе предлагаемой интегративной методологии.

Для определения специфики любой точки истории как законосообразной в исследование введен набор индикаторов, их около ста. Общее количество индикаторов, которые могут быть применены, зависит от необходимой глубины исследования. Благодаря выявлению столь значительной совокупности индикаторов развитие общества, взаимоотношения культуры и цивилизации предстают достаточно детально и многоаспектно. Мы не ставили целью представить их все — это резко увеличило бы объем диссертации, но об основных мы в той или иной мере говорим.

В работе предлагается способ упорядочения специальной предметной области знания, которая выступает как интегративная теория и как метод, охватывающий ряд традиционно приближенных к социальной философии областей: социогенетики, социодинамики культуры, культурологии, аксиологии, этики и эстетики, близких к ним сфер искусствознания, истории искусств и художественной критики, к которым в свою очередь примыкают некоторые специально-научные теории из разряда психологических (психофизиологических) теорий, теория композиции и так далее.

Рассмотренная совокупность взглядов относится к методу, который мы условно называем методом “экзистенциальной системогенетики”. На практике эта новая дисциплина выступает и как теория, и как метод, позволяющий применять ее модели в широком спектре областей науки, культуры и образования. Обозначение данного направления, установление его специфики и границ относятся к перспективным задачам, которые могут быть решены при продолжении настоящего исследования.

В науке принято давать самооценку полученной совокупности результатов. Это верно до той степени, до которой распространяема саморефлексия автора. **Результаты данного исследования применимы** как в различных направлениях активно развиваемой ныне социальной философии, так и в ряде примыкающих областей, о которых мы неоднократно говорили.

1. В социальной философии, обществоведении и социологии результаты исследования могут представлять интерес в качестве *теоретического ядра* для выработки гипотез социальной динамики как в целом, так и во множестве специальных предметных областей.

2. В области философии истории и историометрии результаты исследования можно рассматривать как *завершенную теоретическую модель*, относящуюся к разряду циклических, иерархических и вложенных моделей истории.

3. В системогенетике, которую можно представить как системно и генетически трансформированную философию, совокупность представленных взглядов способна выступать в качестве *системообразующего ядра*. В работе предложен набор новых законов системогенетики и выработан собственный метод группировки ранее существовавших системогенетических законов и закономерностей, предложена смысловая графика, предъявляющая эти закономерности наглядно, что очень важно в педагогическом плане.

4. В области прогнозтики в работе выдвинут *метод прогнозирования развития общества* на основе специального анализа произведений искусства, этико-эстетических артефактов и явлений культуры. Он может применяться как отдельно, так и в связке с существующими методами многоаспектного прогнозирования.

5. В области педагогики данное исследование способно выполнять как минимум три функции: выступать в качестве *теоретической модели*, оборачиваться в качестве *общего метода*, проявляться в качестве основы для подготовки учебных программ (включая *технологии, методики, приемы* и формы). Эти возможности апробированы автором на практике.

В работе намечен ряд **задач для последующего исследования**.

В широком плане это — задача оформления экзистенциальной системогенетики как специальной междисциплинарной области исследований. В узком — это задача углубленной расшифровки образно-смыслового кода искусства на массиве всей истории. Для решения данной задачи должна быть более детально и системно исследована совокупность индикаторов и маркеров, которая обеспечивает расшифровку. Это, в свою очередь, требует отдельных исследований как по каждому из видов искусства, так и по интегративным направлениям (синтез видов искусства и практики).

В настоящем исследовании заявлен новый ракурс в освещении проблем социальной философии, относящихся к познанию закономерностей истории культур и цивилизаций. В то же время из представленного явствует, что предложенная совокупность взглядов способна развиться в новое научное направление, для которого в данном исследовании были заявлены наиболее существенные составляющие и задано ядро будущих исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. — М.: ВЛАДОС, 1994. — 336 с., илл.
2. Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. Общая редакция и статья А.А. Столярова. — М.: Канон +, 1997. — 464 с. — (История христианской мысли в памятниках).
3. Александров Н.Н. Создать художественный облик города. // “Техническая эстетика”, 1988. N 2. С. 18-20.
4. Александров Н.Н. Программирование всестороннего развития инициативных молодежных движений. В сб.: “Человек в системе НТП”. — Горький, 1989. С. 212-213.
5. Александров Н.Н. Дуальность свободы общества и свободы личности в мере человека. // В сб.: “Человек — мера всех вещей”. — Горький, Изд-во ГИСИ, 1990. С. 92-95.
6. Александров Н.Н. Циклические закономерности развития образных систем в дизайне. // В сб.: “Футуро-дизайн, 89”. Материалы первой Всесоюзной конференции по проблемам проектного прогнозирования. — М.: Изд-во ВНИИТЭ, 1990. С. 110-112.
7. Александров Н.Н. Шаг в будущее. Проблемы и перспективы негосударственной системы образования. // “Зеркало”, 1992. № 29, № 35.
8. Александров Н.Н. Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике. // В сб.: Квалиметрия образования. Методология и практика. - М.: Изд-во ИЦ ПК ПС, 1993. С. 70-137.
9. Александров Н.Н. Взлет и падение. Место “производственного искусства” в контексте советского искусства 20-х годов. — Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. — 26 с.
10. Александров Н.Н. Глобальные ментальные циклы и модели времени в истории. // В сб.: “Системогенетика и учение о цикличности развития”. Кн. 1. Ч. 1. Под ред. Н.Н. Александрова. — Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. С. 8-33.
11. Александров Н.Н. Понедельник начинается в субботу (Проблемы негосударственного образования в России. Культура и бизнес). // “Обозрение культуры”, 1994. № 1.
12. Александров Н.Н. Почему я стал системогенетиком. // “Акцент”, от 14-19 июня 1994.
13. Александров Н.Н. Системогенетика и проблема глобального выбора. // В сб.: “Системогенетика и учение о цикличности развития. Их приложение в сфере образования и общественного интеллекта”. Тезисы докладов первой Международной конференции в Международной Академии бизнеса и банковского дела (с 14 по 19 июня 1994 года). Под ред. Н.Н. Александрова. — Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. С. 5-10.
14. Александров Н.Н. Структура и динамика многоуровневых образных систем. — Тольятти: Изд-во МАБ и БД, 1994. — 102 с.
15. Александров Н.Н. Звезда деятельности. (Введение в общую теорию деятельности). — Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. — 225 с.
16. Александров Н.Н. Телеологическая типология социального проектирования. В сб.: “Методология социального проектирования”. — Нижний Новгород, 1995. С. 47-50.
17. Александров Н.Н. Числовые инварианты в менталитете. — Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. — 500 с.
18. Александров Н.Н. Не роскошь, а средство. Статьи о городском образовании. // “Преображение”, 1996. N 2.
19. Александров Н.Н. Опыт понимания времени. Культура и циклы. (Избранные статьи). Книга 1. — Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. — 438 с.
20. Александров Н.Н. В конце особенного века (Космическая этика, или этика будущего). / В сб.: “Системогенетика образования, образовательные циклы и образовательное общество в XXI веке”. Под ред. А.И. Субетто, В.В. Чекмарева. — Кострома: Изд-во КГПУ, 1998. С 109-114.

21. Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. — Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. — 434 с.
22. Александров Н.Н. Парадоксы менталитета (Цикличность и прогресс русского менталитета). // “Политический ринг”, от 14 октября 1999.
23. Александров Н.Н. Формула истории. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 516 с.
24. Александров Н.Н. Власть всегда права? (Время Путина). // “Политический ринг”, от 26 января 2000.
25. Александров Н.Н. Эволюция искусства (системогенетический очерк). — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 475 с.
26. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 750 с.
27. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. Теория решения изобретательских задач. — М.: Сов. радио, 1979. — 174 с.
28. Американская социологическая мысль: Тексты. / Под ред. В.И. Добренкова. — М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. — 560 с.
29. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. — 728 с. — (Культурология. XX век).
30. Антропология. Общая теория человека. / Под ред. Л.А. Зеленова. — Нижний Новгород: НАСИ, 1991. — 172 с.
31. Аристотель. Сочинения в четырех томах. — М.: Мысль. Т. 1. (1975) — 550 с.; т. 2. (1978) — 587 с.; т. 3. (1981) — 613 с.; т. 4. (1984) — 830 с. — (Философское наследие). — В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.
32. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. / Пер. с англ. Общ. ред и вст. статья В.П. Шестакова. — М.: Искусство, 1974. — 392 с.
33. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. / Общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. — М.: Издательская группа “Прогресс” — “Политика”, 1992. — 608 с.
34. Архитектура и психология. Учебное пособие для вузов. / Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. — М.: Стройиздат, 1993. — 295 с.
35. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. — 768 с.
36. Асмус В.Ф. Античная философия. — М.: Высшая школа, 1976. — 543 с.
37. Афанасьев В.Г. Общество, системность, познание и управление. — М.: Изд-во политической литературы, 1981. — 432 с.
38. Афанасьев Ю.Н. Вчера и сегодня французской “Новой исторической науки”. // Вопросы истории, 1984. № 8.
39. Балашов Е.П. Эволюционный синтез систем. — М.: Радио и связь, 1985. — 328 с.
40. Балашов Ю.В., Казютинский В.В. Антропный принцип в космологии: естественнонаучные и мировоззренческие аспекты. // Логика, методология и философия науки. Материалы к VIII Международному конгрессу по логике, методологии и философии науки. Вып. 2. — М.: АН СССР, 1987. С. 89-123.
41. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М.: Мысль, 1987. — 348 с.
42. Барулин В.С. Социальная философия. — М.: Изд-во МГУ, 1993. Ч. I. — 336 с. Ч. II. — 238 с.
43. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / / В кн.: Вопросы литературы и эстетики. — М.: Наука, 1975. — С. 234-407.
44. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
45. Безмоздин Л.Н. Художественно-конструктивная деятельность человека. — Ташкент: Изд-во “ФАН”, 1975. — 244 с.
46. Бенедиктов Н.А., Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н. Философия истории в России — XIX век. — Нижний Новгород, 1994. — 222 с.
47. Бессмертный Ю.Л. “Анналы”: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. — М., 1991. С. 7-24.
48. Бергсон А. Творческая эволюция. / Пер. с фр. — М.: “КАНОН-пресс”, “Кучково поле”, 1998. — 384 с. — (Канон философии).

49. Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества.* — М.: Правда, 1989. — 608 с. — (Из истории отечественной философской мысли).
50. Бердяев Н.А. *Философия свободного духа.* — М.: Республика, 1994. — 480 с. (Серия “Мыслители XX века”).
51. Л. фон Берталанфи. *Общая теория систем — критический обзор.* // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
52. Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка.* — М.: Наука, 1973. — 232 с. — (Памятники исторической мысли).
53. Богданов А.А. *Тектология. Всеобщая организационная наука.* — В 2 кн. — М.: Экономика, 1989. — (Кн. 1. — 304 с. Кн. 2 — 304 с.).
54. Боулдинг К. *Общая теория систем — скелет науки.* // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. С. 106-142.
55. Васильева Л. *Открой чело века!* // “Литературная газета”, от 27 июля 1988 г. N 30. С. 12.
56. Васютинский Н.А. *Золотая пропорция.* — М.: Молодая гвардия, 1990. — 238 с. (Эврика).
57. *Введение в культурологию. Учеб. пособие для вузов.* / Руководитель автор. колл. и отв. ред. Е.В. Попов — М.: ВЛАДОС, 1996. — 336 с.
58. Вебер М. *Избранное. Образ общества.* Пер с нем. — М.: Юрист, 1994. — 704 с. — (Лики культуры).
59. Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста.* — М.: Наука, 1988. — 520 с.
60. Вёльфлин Г. *Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве.* — СПб.: МИФРИЛ, 1994. — 398 с. — (Классика искусствознания).
61. Вико Джамбаттиста. *Основания новой науки об общей природе наций.* Пер. с итал. — Москва – Киев: “REFL-воос”-”ИСА”, 1994. — 656 с.
62. *Волновые процессы в общественном развитии* (под ред. В.В. Василькова, И.П. Яковлева, И.Н. Барыгина и др.). — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. — 229 с.
63. Волошинов А.В. *Пифагор: союз истины, добра и красоты.* — М.: Просвещение, 1993. — 224 с.
64. Воронцов Н.Н., Сухорукова Л.Н. *Эволюция органического мира: Факультатив. курс. Учеб. пособие.* — М.: Просвещение, 1991. — 223 с., ил.
65. Выготский Л.С. *Психология искусства.* Изд. 3-е. — М.: Искусство, 1986. — 573 с.
66. В. Вундт. *Проблемы психологии народов.* — СПб.: Питер, 2001. — 160 с. - (Серия “Психология-классика”).
67. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. *История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс.* — М.: Политиздат, 1991. — 367 с.
68. Гегель Г. *Энциклопедия философских наук.* В 2-х тт. — М.: “Мысль”, 1975. Т. 1. — 350 с. Т. 2. — 695 с.
69. Гегель Г. *Философия духа* // Энциклопедия философских наук. / Отв. ред. Е.П. Ситковский. — М.: Мысль, 1977. Т. 3. — 471 с.
70. Гегель Г. *Лекции по философии истории.* — СПб.: Наука, 1993. — 480 с.
71. Геодакян В.А. *О структуре эволюционирующих систем.* // Проблемы кибернетики. Вып. 2. — М., 1972.
72. Геодакян В.А. *Половой диморфизм и “отцовский эффект”.* // Журнал общей биологии. Т. 42. 1981. N 5.
73. *Геоцикличность.* Сб. науч. тр. — Новосибирск: ин-т геологии и геофизики СО АН СССР, 1976. — 123 с.
74. Гердер И.-Г. *Идеи к философии истории человечества.* — М.: Наука, 1977. — 704 с. — (Памятники исторической мысли).
75. Гершунский Б.С. *Менталитет и образование. Учебное пособие для студентов.* — М.: Институт практической психологии, 1996. — 144 с.
76. Глазычев В.Л. *О дизайне.* — М.: Искусство, 1970. — 192 с.
77. Глазьев С.Ю. *Теория долгосрочного технико-экономического развития.* — М.: ВлаДар, 1993. — 310 с.

78. Гобозов И.А. Введение в философию истории. — Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — М.: ТЕИС, 1999. — 363 с.
79. Гражданников Е.Д. Экстаполяционная прогностика. — Новосибирск: Наука, 1988. — 144 с.
80. Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системная классификация социологических и археологических понятий. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 183 с.
81. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур). — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. — 424 с.
82. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. — М.: Наука, 1991. — 192 с.
83. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. — Тверь. Леан, 1997. — 288 с.
84. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — 528 с.
85. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. / Предисловие Лаврова Б.С. — М.: Экопрос, 1993. — 576 с.
86. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. — М.: Экопрос, 1993. — 544 с.
87. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 56-70.
88. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии. // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. Вып. 1. — М., 1989.
89. Гуссейнов А.А., Ирритц Г. Краткая история этики. — М.: Мысль., 1987. — 587 с.
90. Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию. — Минск, “Вышэйшая школа”, 1975. — 200 с.
91. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии Вайгачева С.А. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
92. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. — Л.: Наука, 1991. — 539 с. — (Серия “Классики науки”).
93. Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. / Пер. с лат. и франц. Сост., ред., вст. статья В.В. Соколова. — М.: Мысль. Т. I — 654 с., 1989.; Т. II — 633 с., 1994. — (Философское наследие).
94. Дж. К. Джонс. Инженерное и художественное конструирование. Современные методы проектного анализа. / Пер. с англ. — М.: Мир, 1977. — 375 с.
95. Диалектическое противоречие. Сб. — М.: Политиздат, 1979. — 343 с. — (Над чем работают, о чем спорят философы).
96. Дмитриев Ю.Я. Категории качества, количества и меры в историко-философском процессе. Генезис. Закономерности развития. Функции. / Отв. ред. И.И. Головин. — М.: Наука, 1995. — 159 с.
97. Доскин В.А. Лаврентьева Н.А. Ритмы жизни. 2-е изд, перераб. и доп. — М.: Медицина, 1991. — 176 с.
98. Древние цивилизации. / Сост. С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев, В.Г. Ардзинба и др. Под общей редакцией Г.М. Бонград-Левина. — М.: Мысль, 1989. — 479 с., илл.
99. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. — М.: Советское радио, 1976. — 296 с.
100. Дубинин Н.П. Биологические и социальные факторы в развитии человека. // Вопросы философии, 1977. N 2. С. 46-57.
101. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ. // Вопросы психологии, 1993, № 5. С. 20-29.
102. Дубровский Д.Г. Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания. // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 15-27.
103. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с. — (Социологическое наследие).
104. Елисеев Э.Н., Сачков Ю.В., Белов Н.В. Потоки идей и закономерности развития естествознания. — Л.: Наука, 1982. — 300 с.

105. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Пособие для студентов высших учебных заведений. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 591 с.
106. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. — Л.: Наука, 1990. — 192 с.
107. Зеленов Л.А. Процесс эстетического отражения. — М.: Искусство, 1969. — 168 с.
108. Зеленов Л.А. Основы эстетики. Курс лекций. — Горький: ГИСИ, 1974. — 185 с.
109. Зеленов Л.А. Метатеория и теория деятельности. (Рукопись). — Горький: Архив ФК ГИСИ (НФК), 1979. — 215 с.
110. Зеленов Л.А., Куликов Г.И. Методологические проблемы эстетики. — М.: Высшая школа, 1982. — 176 с.
111. Зеленов Л.А. Методология человековедения. — Нижний Новгород: НТО, 1991. — 76 с.
112. Зеленов Л.А., Дахин А.В., Ананьев Ю.В., Кутырев В.А. Культурология. Учебное пособие. — Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 1993. — 93 с.
113. Зеленкова И.Л., Беляева Е.В. Этика. Учебное пособие и практикум. — Минск: НТООО “ТетраСистемс” 1997. — 320 с.
114. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. — М. Центрполиграф, 1994. — 495 с.
115. Золотухина-Аболина Е.В. Современная этика: истоки и проблемы. Учебник для вузов. — Ростов н/Д: издательский центр “МарТ”, 1998. — 448 с.
116. Зотов А.Ф. Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века. Учебное пособие. — М.: “ПРОСПЕКТ”, 1998. — 432 с.
117. Зубков Е.О., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода. // Вопросы истории. 1995, № 7. С. 153-160.
118. Зырянова Т.В. Художественная герменевтика. — Тольятти: Акцент, 1997. — 330 с.
119. Ивин А.А. Введение в философию истории. Учеб. пособие. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 288 с.
120. Ильенков Э.В. Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — 464 с. — (Серия “Мыслители XX века”).
121. История античной диалектики. — М.: Мысль, 1972. — 335 с.
122. История философии в кратком изложении. / Пер. с чеш. И.И. Богута. — М.: Мысль, 1991. — 590 с.
123. Каган М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. — М.: Изд-во политической литературы, 1974. — 328 с. — (Над чем работают, о чем спорят философы).
124. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. — 205 с.
125. Каган М.С. Философия культуры. — СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. — 416 с.
126. Каган М.С. Эстетика как философская наука. Университетский курс лекций. — СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. — 544 с.
127. Казаринова В.И. Товароведу о красоте и композиции. — М.: Экономика, 1973. — 151 с.
128. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука, 1991. — 304 с.
129. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. — М.: Мысль, 1994. — 951 с. — (Философское наследие, том 118).
130. Кант И. Критика способности суждения / Пер. с нем. — М.: Искусство, 1994. — 367 с. — (История эстетики в памятниках и документах.)
131. Кантор К.М. Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры — М.: Искусство, 1990. — 280 с.
132. Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990, № 9. С. 3-16.
133. Каримский А.Н. Философия истории Гегеля. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 270 с.
134. Квейд Э. Анализ сложных систем. — М.: Советское радио, 1969. — 127 с.
135. Кедров Б.М. О творчестве в науке и технике. — М.: Молодая гвардия, 1987. — 192 с. (Эврика).
136. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. Учебное пособие для гуманитарных вузов. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 216 с.

137. Клир Дж. Системология. Алгоритмизация решения системных задач. — М.: Радио и связь, 1990. — 539 с.
138. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской философии. — М.: Восточная литература, 1994. — 432 с.
139. Ковалевская Ж.В., Манекин В.В. Проблема моделирования ментальности: методологический аспект // Тез. докл. Международной научной конференции “Методология современных гуманитарных исследований: человек и компьютер”. Донецк, 1991. С. 17-30.
140. Коган Л.Н. Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. — М.: Наука, 1981. — 239 с.
141. Коллин Р. Теория небесных влияний. Человек, вселенная и тайны космоса. Пер. с англ. — СПб.: Издательство Чернышева, 1997. — 432 с.
142. Комаров В. Куда впадает река времени? // Знание - сила. 1979, № 4. С. 17-19.
143. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989. — 528 с.
144. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М.: Наука, 1991. — 487.
145. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. / Авт. статей о Кондратьеве и его творчестве: Ю.В. Давыдов, Ю.Б. Кочеврин, В.В. Симонов. — М.: Наука, 1991. — 567 с. — (Серия “Социологическое наследие”).
146. Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник для гуманит.-соц. специальностей высших учебных заведений. 3-е изд., исправленное и дополненное. — Волгоград: Комитет по печати, 1996. — 352 с.
147. Круть И.В. Введение в общую теорию Земли. — М.: Мысль, 1978. — 368 с.
148. Крюковский Н.И. Кибернетика и законы красоты. — Минск: Изд-во БГУ, 1977. — 256 с.
149. Кудрин Б.И. Введение в технику. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. — 552 с.
150. Кузнецов П.П. Каменное дыхание Земли: Взгляд на проблему мобилизма. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние., 1990. — 78 с.
151. Кузнецов В.Г. Герменевтика: эволюция идей и современное состояние. / Вестник МГУ. Философия, 1992. N 2. С. 64-75.
152. Кузнецов Б. Экономическая синергетика: эволюция и революция. // Бизнес-класс, 1997. № 17, № 19.
153. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Политиздат, 1976. — 247 с.
154. Кулаев К.В. Теория Ф.И. Шмита о циклическом развитии искусства. // Педагогика. 1992. №№ 7-8. С. 87-90.
155. Культурология. Учеб. пос. для студентов негуманитарных спец. / Под ред. Агеносова В.В. и др. — М.: Об-во “Знание” Российской Федерации, 1993. — 160 с.
156. Культурология. XX век. Словарь. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. — 728 с. — (Культурология XX век).
157. Кун Т. Структура научных революций. — Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — 296 с.
158. Кутырёв В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. — Н. Новгород.: Изд-во “Нижний Новгород”, 1994. — 199 с.
159. Леви-Строс К. Первобытное мышление. / Пер., вступ. статья и прим. А.Б. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с. — (Мыслители XX века).
160. Левитин К.Е. Геометрическая рапсодия. — 2-е изд., переработ. и доп. — М.: Знание, 1984. — 176 с.
161. Ленин В.И. Философские тетради. — М.: Политиздат, 1978. — 752 с.
162. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997 — 287 с.
163. Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. / Под ред. А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева. — М.: Изд-во Московского университета, 1994. — 228 с.
164. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 1999. — 487 с.

165. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. — М.: Республика, 1996. — 799 с. — (Прошлое и настоящее).
166. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. — М.: Наука, 1979. — 360 с.
167. Локк Д. Собрание сочинений в 3-х томах. — М., 1960. Т. 1, с. 129.
168. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко. — М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. — 384 с.
169. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с. — (Мыслители XX века).
170. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. /Сост. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
171. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. — Киев: “Collegium”, “Киевская академия евробизнеса”, 1994. — 288 с.
172. Лосев А.Ф. Форма — Стиль — Выражение. /Сост. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1995. — 944 с.
173. Лосский Н.О. История русской философии. — М.: Высш. шк. 1991. — 559 с. (Б-ка философа).
174. Лотман Ю., Николаенко Н. “Золотое сечение” и проблемы внутримозгового диалога. // ДИ СССР, 1983. № 9. С. 31-34.
175. Лотман Ю.М. Об искусстве. — С-Петербург.: “Искусство — СПб”, 2000. — 704 с.
176. Лукьянов А.Е. Истоки Дао. — М.: ИНСАН РМФК, 1992. — 208 с.
177. Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). — М.: ИНСАН РМФК, 1992. — 160 с.
178. Лэмберт Л. Ритмы тела. Здоровье человека и его биологи-ческие часы / Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1998. — 416 с. — (Ваше здоровье).
179. Маевский В.И. Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика. — М.: ИЭРАН, МФ Н.Д. Кондратьева, 1994. — 39 с.
180. Малькова Т.П., Фролова М.А. Введение в социальную философию. Учебное пособие для студентов. — М.: Международная педагогическая академия, 1995. — 192 с.
181. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / 2-е изд., изм. и доп. Сост. и общ ред. Ю.П. Сенокосова. — М. Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1992. — 416 с.
182. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. (Логико-методологический анализ). — М.: Мысль, 1983. — 284 с.
183. Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных процессов и ее следствия. — М.: Искусство, 1975. — 246 с.
184. Мейен С.В. Таксономия и мерономия. // Вопросы методологии в геологических науках. — Киев: Наукова думка, 1977. С. 25-33.
185. Мельников Г.П. Системология и языковые основы кибернетики. — М.: Советское радио, 1978. — 368 с.
186. Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. — М.: Янус-К, 1998. — 255 с., с ил.
187. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. — М.: Мир, 1973. — 344 с.
188. Месарович М., Такахара И. Общая теория систем: математические основы. — М.: Мир, 1978. — 311 с.
189. Методологические рекомендации по прогнозированию кризисов и путей выхода из них. // М-лы к II Междисциплин. дискуссии “Прогнозирование кризисов в ритме цикличного развития”. — Москва, 1991. / Проект. — М.: Изд-во фонда Н.Д. Кондратьева, 1991. — 58 с.
190. Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. — М.: Просвещение, 1998. — 434 с.
191. Мизун Ю.Г., Мизун П.Г. Космос и здоровье. — М.: Знание, 1984. — 144 с.
192. Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. — М.: Мысль, 1980. — 166 с.

193. Мир человека. / Отв. ред. Зеленов Л.А., науч. ред. Кутырев В.А. Вып 1. — Нижний Новгород: НАСА, 1993. — 144 с.
194. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 351 с., ил.
195. Моисеев Н.Н. Палитра цивилизаций: разнообразие и единство. // Человек, № 3, 1992. С. 5-13.
196. Молевич Е.Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении. — Саратов: Изд-во СГУ, 1976. — 108 с.
197. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., КД “Университет”, 1997. — 448 с.
198. Норенков С.В. Введение в архитектонику: архитектурная и техническая эстетика проектной деятельности. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Лобачевского, 1991. — 99 с.
199. НТР: новая волна. — Т. 1. Истоки и содержание новой волны / Под ред. В.Г. Марахова. — М.: АН СССР, 1988. — 178 с.
200. Панарин А.С. Политология. Учебник. — М.: “Проспект”, 1997. — 408 с.
201. Петров В.М. Прогнозирование художественной культуры: вопросы методологии и методики. — М.: Наука, 1991. — 152 с.
202. Петухов С.В. Геометрия живой природы и алгоритмы самоорганизации. — М.: Знание, 1988. — 48 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. “Математика, кибернетика”. N 6).
203. Печчеи А. Человеческие качества. Пер. с англ. О.В. Захаровой. Общ ред. и послесл. ак. Д.М. Гвишиани. — М.: Прогресс, 1980. — 304 с.
204. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. — М.: “Мысль”. Т. 1 (1990) — 860 с. Т. 2 (1993) — 528 с. Т. 3 (1994) — 654 с. Т. 4 (1994) — 830 с.
205. Подольный Р.Г. Освоение времени. — М.: Политиздат, 1989. — 143 с. — (Филос. б-чка для юношества).
206. Политическое консультирование. — М.: Центр политического консультирования “Николло М”, 1999. — 471 с.
207. Политология. Учебное пособие. Под ред. Радугина А.А. — М.: Издательство “Центр”, 1996. — 286 с.
208. Понятие судьбы в контексте разных культур. Сб. / Под. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1994. — 320 с.
209. Поппер К. Открытое общество и его враги (пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского). — М.: Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. — 525 с.
210. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / Пер. с англ., под ред. Ю.Л. Климонтовича. — М.: Наука, 1985. — 327 с.
211. Психология. Словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1990. — 494 с.
212. Психология художественного творчества: Хрестоматия. / Сост. К.В. Сельченко. — Минск: Харвест, 1999. — 752 с. — (Библиотека практической психологии).
213. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 447 с.
214. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Исторические заметки. // Отечественная история, 1995. № 3.
215. Развитие учения о времени в геологии (Оноприенко В.И., Симаков К.В., Мейен С.В. и др.). — Киев: Наукова думка, 1982. — 416 с.
216. Ракитов А.И. Историческое познание. — М.: Политическая литература, 1982. — 303 с.
217. Раппопорт С.Х. От художника — к зрителю. Как построено и как функционирует произведение искусства. — М.: Советский художник, 1978. — 236 с. илл. — (Проблемы художественного творчества).
218. Раппопорт И.А. Гены, эволюция, селекция: Избранные труды. — М.: Наука, 1996. — 249 с.
219. Рашковский Е.Б. На оси времени. Очерки по философии истории. — М.: Прогресс-Традиция, 1999. — 208 с.
220. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. // Вопросы философии, 1982. № 8. С. 41-47.

221. Режабек Е.Я. Становление понятия организации. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. — 131 с.
222. Рерих Н.К. Культура и цивилизация. — М.: Международный центр Рерихов, 1997. — 200 с.
223. Розенблюм Е.А. Художник в дизайне. Опыт работы Центр. учеб.-эксперимент. студии худож. проектирования на Сенеже. Предисл. Л. Жадовой. — М.: Искусство, 1974. — 176 с.; 24 л. ил.
224. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. — М. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 192 с.
225. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер Ком, 1998. — 688 с. — (Серия “Мастера психологии”).
226. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Вст. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 368 с. ил.
227. Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов. Составитель, автор предисловия, обзорной статьи и указателя С.С. Гусев. Отв. ред.: А.Ф. Замалева, А.И. Новиков. — СПб.: “Наука”. 1995. — 363 с. — (Истоки отечественной мысли).
228. Русские философы (конец XIX — середина XX века). — М.: Книжная палата, 1993. — 368 с.
229. Руткевич А.М. К.Г. Юнг об архетипах коллективного бессознательного. // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 124-133.
230. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. — М.: Наука, 1974. — 279 с.
231. Самопознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М.: Политиздат, 1991. — 366 с.
232. Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки. — М.: Финансы и статистика, 1985. — 366.
233. Семиотика. / Сб. (в 2-х т). Сост., вступ. статья и общ. ред Ю.С. Степанова. — Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна, 1999. — (Т. 1 — с., Т. 2. — 304 с.).
234. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. — М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1993. — 656 с. — (Филологи мира).
235. Система. Симметрия. Гармония (под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Уральцева). — М.: Мысль, 1988. — 315 с.
236. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
237. Смолина Н.И. Традиции симметрии в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1990. — 344 с.
238. Современная западная социология. Словарь. / Сост. Давыдов Ю.С., Ковалева М.С., Филиппов А.Ф. — М.: Политиздат, 1990. — 432 с.
239. Современная западная философия. Словарь. / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. — М.: Политиздат, 1991. — 414 с.
240. Советский энциклопедический словарь. / Науч.-ред. совет: А.М. Прохоров, М.С. Гиляров, Е.М. Жуков и др. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — 1600 с.
241. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. — М.: “Мысль”. Т. 1 (1990) — 892 с. Т. 2 (1990) — 822 с.
242. Сонин А.С. Постигание совершенства. Симметрия, асимметрия, диссимметрия, антисимметрия. — М.: Знание, 1987. — 208 с.
243. Сороко Э.М. Концепция уровней, отношение, структура (к методологии социологического исследования). — Минск: Наука и техника, 1978. — 160 с.
244. Сороко Э.М. Самоорганизация систем: проблемы меры и гармонии (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.). — Минск, 1991. — 442 с.
245. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Отв. ред. сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.

246. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. / Пер. с англ. В.В. Сапова. — С-Пб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. — 1054 с.
247. Социология. / Г.В. Осипов (руководитель авт. кол.), Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. — М.: Мысль, 1990. — 446 с.
248. Спенсер Г. Синтетическая философия. — Киев: “Ника-Центр”, 1997. — 512 с. — (Серия “Познание”; Вып. 2).
249. Спиркин А.Г. Философия. Учебник. — М.: Гардарики, 1999. — 816 с.
250. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.Р. Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 556 с.
251. Столяров В.И. Диалектика как логика и методология науки. — М.: Политиздат, 1975. — 247 с. — (Над чем работают, о чем спорят философы).
252. Субетто А.И. Дуальность управления и организации как фундаментальный объяснительный принцип механизма цикличности развития // Всесоюз. научн.-теор. конф. по фундам. междисципл. пробл. “Организация и управление” I. Секция общих теор.-методолог. проблем. (Минск, 13-15 ноября 1989 г.). — Минск: Изд-во МДНТП, 1989. С.16-32.
253. Субетто А.И. Закон инвариантности и цикличности развития и функционирования систем и проблемы “циклового” методологии прогнозирования НТП // Теория и практика прогнозирования научно-технического прогресса в условиях экономической самостоятельности предприятий и организаций. — Л.: ЛДНТП, 1989. С. 3-34.
254. Субетто А.И. “Русский космизм” и грядущая “четвертая волна” развития человеческой цивилизации. // “На страже Родины”, №№ 131, 132, 135, 138 ; от 8, 9, 13, 15 июня 1990 г.
255. Субетто А.И. Теория системного времени и проблема системного прогнозирования. // V Сибирская науч.-практ. конф. по надежности науч.-техн. прогнозов. — Новосибирск: НТЦ, 1990. С. 256-258.
256. Субетто А.И. Феномен пост-футуристического диморфизма систем как возможная гипотеза построения прогнозов. // Прогнозирование научно-технического и экономического развития основных звеньев народного хозяйства. — Л.: ЛДНТП, 1990. С. 60-65.
257. Субетто А.И. Новая парадигма исторического развития и общественный интеллект (Эскиз теории общественного интеллекта). // Современная высшая школа (международный журнал). — 1991 — № 2. С. 81-96.
258. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония (Этюды креативной онтологии). — М.: изд-во “Логос”, 1992. — 204 с.
259. Субетто А.И. Закон роста идеальной детерминации в истории и философии образования. // В сб.: “Проблемы становления системы наук и теорий об образовании”. — СПб., 1993. С. 1-12.
260. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. — СПб-М: ИЦ ПКПС, 1993. — 172 с.
261. Субетто А.И. Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии (в форме постулатов). — Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. — 50 с.
262. Субетто А.И. “Метаклассификация” как наука о механизмах и закономерностях классифицирования. Опыт обобщения. / В 2-х частях. — СПб.-М.: ИЦ ПК ПС, 1994. Ч.1 — 254 с. Ч.2 — 80 с.
263. Субетто А.И. Новая парадигма цикличности // Системогенетика и учение о цикличности развития. — Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. С. 256-275.
264. Субетто А.И. Рефлексивная квалиметрия и рефлексосистемогенетика // Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Сб. науч. статей. Части 1-2. Под ред. А.И. Субетто и Н.А. Селезневой. — М.: ИЦ ПК ПС Госкомвуза РФ, 1994. — С. 118-138.
265. Субетто А.И. Системная парадигма и системогенетика. // Системогенетика и учение о цикличности развития. — Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. С. 229-255.

266. Субетто А.И. Системогенетика и теория циклов. / В 2-х книгах. — М.: ИЦ ПК ПС, 1994. Часть I — 284 с; часть II — 321 с.
267. Субетто А.И. Системогенетические основы образовательных систем. / В 2-х книгах. — М.: ИЦ ПК ПС, 1994. Часть I — 284 с; часть II — 321 с.
268. Субетто А.И. Закон спиральной фрактальности системного времени как базис нового осмысления взаимосвязей циклов эволюции и циклов онтогенеза систем. // Четвертая международная конференция “Циклы природы и общества” (г. Ставрополь, 13-20 октября 1996 г.). Программа-приглашение. — Ставрополь: СтавГУ, 1996. — С. 10.
269. Субетто А.И. Проблемы фундаментализации источников содержания высшего образования: грани национальной политики. — Кострома-М.: КГПУ, ИЦ, 1995. — 336 с.
270. Субетто А.И. Управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта. Неклассическая парадигма устойчивости развития и ноосферы. Материалы первой международной конференции. С.Петербург, 9-15 сентября 1996 года. — СПб.: СПбГУ, 1996. С. 311-313.
271. Субетто А.И. Введение в квалиметрию высшей школы. Книги 1-4. — М.: ИЦ гособразования СССР. — Кн. 1 — 96 с., кн. 2 — 122 с., кн. 3 — 170 с., кн. 4 — 162 с.
272. Субетто А.И. Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия (избранное). — СПб.: ПАНИ, 1999. — 828 с.
273. Суворов Н.Н. Пути создания художественного образа (Роль воображения в художественном творчестве). — М.: Знание, 1984. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. “Эстетика”; № 9).
274. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. — Донецк: Сталкер, 1997. — 400 с.: ил. — (Серия “Психология”).
275. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1989. — 573 с.
276. Тард Г. Социальная логика / Пер. с фр. М. Цейтлин. СПб.: Изд-во “Социально-психологический центр”, 1996. — 554 с. (Библиотека практической психологии).
277. Теория познания. В 4 т. Т. 3. Познание как исторический процесс. / РАН. Ин-т философии; Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1993. — 397 с.
278. Теория функциональных систем в физиологии и психологии. / Под ред. Б.Ф. Ломова и др. — М.: Наука, 1978. — 370 с.
279. Тихонравов Ю.В. Геополитика / Учебное пособие. — М.: ЗАО “Бизнес-школа “Интел-синтез”, 1998. — 368 с.
280. Тойнби А. Дж. Постижение истории. / Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; вступ. статья Уколовой В.И.; закл. статья Рашковского Е.Б. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
281. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. / Сост. Рашковский Е.Б. — М.: Изд-я группа ПРОГРЕСС-”Культура” — СПб: Ювента, 1996. — 480 с.
282. Тоффлер А. Футуришок. СПб.: Лань, 1997. — 464 с.
283. Трёльч Э. Историзм и его проблемы: Пер. с нем. — М.: Юрист, 1994. — 719 с. — (Лики культуры).
284. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
285. Урманцев Ю.В. Опыт аксиоматического построения общей теории систем // Системные исследования. — М.: Наука, 1972. С. 128-152.
286. Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — 630 с. — (Памятники исторической мысли).
287. Федоров Н.Ф. Из “Философии общего дела”. — Новосибирск: Новое книжное издательство, 1993. — 216 с.
288. Философия истории: Учеб. пособие. / Под ред. проф. А.С. Панарина. — М.: Гардарики, 1999. — 434 с.
289. Философия русского космизма. Сборник научных статей. Ред. Пирожкова Л.Ф. — М.: Фонд “Новое тысячелетие”, 1996. — 376 с.
290. Философский словарь. / Под ред. И.Т. Фролова — 4-е изд. — М.: Политиздат, 1980. — 444 с.
291. Философский энциклопедический словарь. / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. — 2-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 815 с.
292. Флейшман Б.С. Основы системологии. — М.: Радио и связь, 1982. — 368 с.

293. Флоренский П.А., священник. Сочинения в 4-х т. — М.: Мысль. — Т. 1., 1994. — 797 с.; Т. 3(1), 1999 — 621с.; Т. 3(2), 1999, — 624с.; Т. 4., 1999. — 795с. — (Филос. наследие).
294. Фоменко А.Т. Глобальная хронология. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 408 с.
295. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1986. — 703 с.
296. Фрейд З. “Я” и “Оно”. Труды разных лет. — Тбилиси.: Издательство “Мерани”, 1991. — 400 с. (Книга 1); — 430 с. (Книга 2).
297. Фромм Э. Душа человека. — М.: Республика, 1992. — 430 с. — (Мыслители XX века).
298. Фурман А.Е., Ливанова Г.С. Круговороты и прогресс в развитии материальных систем. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 206 с.
299. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с. — (серия “Мыслители XX века”).
300. Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна. — М.: Галарт, 1995. — 424 с., илл.
301. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания. — Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна де Куртенэ, 1999. — 252 с.
302. Хренов Л.С., Голуб И.Я. Время и календарь. — М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. — 128 с.
303. Циклические процессы в природе и обществе. Материалы Первой междунар. конференции “Циклические процессы в природе и обществе”, 18-21 октября, г. Ставрополь. Под ред. Чурсина В.Д. — Ставрополь: Изд-во СПИ, 1993. — 272 с.
304. Чатерджи С., Датта Д. Индийская философия. Пер. с англ. — М.: Селена, 1994. — 426 с.
305. Черняк Е.Б. Цивилиография. Наука о цивилизациях. — М.: “Международные отношения”, 1996. — 384 с. (Институт всеобщей истории РАН).
306. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. — М.: Мысль, 1973. — 351 с.
307. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. — М.: Мысль, 1995. — 768 с.
308. Тейяр де Шарден. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
309. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х т.: Пер с нем. /Сост. и ред. А.В. Гулыга — М.: Мысль. — Т. 1., 1987. — 637 с.; Т. 2.. 1989. — 636 с. — (Филос. наследие).
310. Шкуратов В.А. Историческая психология. — 2-е, переработанное, издание. — М.: Смысл, 1997. — 505 с.
311. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. / Пер. с англ. и заключительная статья Терехова В.И. — М.: Издательская группа “Прогресс”, “Прогресс-Академия”, 1992. — 688 с.
312. Шмелев И.П. Третья сигнальная система. // В кн. “Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии”. — М.: Стройиздат, 1990. С. 234-337.
313. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Очерки морфологии мировой истории. — М.: Мысль, 1993. — 663 (1) с.; Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер с нем. и примеч. И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1998. — 606 с., ил. порт.
314. Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания. // Вопросы философии, 1990. № 7. С. 32-41.
315. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — 800 с.
316. Эсаулов А.Ф. Диалектика творческой мысли. — Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. — 164 с.
317. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. — М.: Эдиториал УРСС, 1997. — 445 с. (Философы России XX века).
318. Юнг. К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. — М.: Ренессанс, 1992. — 320 с.
319. Яглом И.М. Современная культура и компьютеры. — М.: Знание, 1990. — 48 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Математика, кибернетика”. N 11.).
320. Ягодинский В.Н. Ритм, ритм, ритм! Этюды хронобиологии. — М.: Знание, 1985. — 192 с.

321. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе. // Социологический журнал, 1994. № 1. С. 35-52.
322. Яковец Ю.В. Предвидение будущего: парадигма цикличности. — М.: АП и Ц, 1992. — 110 с.
323. Яковец Ю.В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. — М.: ИЭРАН, 1992. — 58 с.
324. Яковец Ю.В. Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. — М.: Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева, 1994. — 150 С.
325. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с. — (Серия “Мыслители XX века”).
326. A BAUHAUS. Valogatas a mozgalom dokumentumaibol. (a kotetet lektorata Major Mate). — Budapest: “Gondolat”, 1975. — 378 p.
327. Nicholas Abercrombie, Stephen Hill and Bryan S. Turner. The Penguin Dictionary of Sociology. (Second Edition). — London: Penguin Books, 1988.

Приложение 2.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А.И. Субетто

К МОЕЙ СЕМИТОМНОЙ СЕРИИ КНИГ

“Формула истории”

* * *

***ВЫДЕРЖКИ ИЗ
СТЕНОГРАММЫ
ЗАЩИТЫ
ДИССЕРТАЦИИ***

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Системогенетическая методология истории и историометрическое человековедение. Становление неклассической системологии истории.

Книга, представленная Николаем Николаевичем Александровым, моим другом и в определенной степени — соратником в области системогенетики, ее методологии, необычна не только по своей постановке вопроса, но и по способам раскрытия содержания. **Формула истории** — это и метафора, и некая концентрированная эвристика, в которой автор заявляет, что в истории человечества есть законы, как некие инварианты, через которые прослеживается повторяемость определенных структур, несмотря на то, что она как форма социальной эволюции необратима.

Хотя речь идет от истории, изумленный читатель не обнаружит в книге традиционного изложения фактов истории в некой хронологической последовательности. Это конечно не описание истории. Но это не совсем и философия истории, направление, восходящее к Гегелю, и интенсивно развивающееся в XX веке (О. Шпенглер, К. Поппер, А. Дж. Тойнби и др.), хотя философская рефлексия по поводу законов истории в книге имеется.

Ее предмет ближе к "**системологии истории**", которую еще нужно осмыслить и создать, причем, ближе к "системогенетической системологии", т.е. к **такой системологии, ядром которой являются системогенетические законы**.

И, однако, и такая оценка книги не будет полной. Ведь Н.Н. Александров обращается не к истории вообще, а к истории человечества сквозь призму искусства, которая позволяет увидеть "**ментальные формации**" и через них подойти к новому ракурсу раскрытия идеальной детерминации истории через общественный интеллект, к закону роста идеальной детерминации в истории, концепция которого в единстве с учением об общественном интеллекте была заявлена и разработана мною в 1989-1995 г.г. [252-268; 1Д-3Д]*.

Для меня это "измерение" книги имеет особое значение, поскольку через **категории "ментальности", ментальной формации", "искусства", "эстетического"** проявляется роль "правополушарной части" общественного интеллекта в истории, непосредственно связанного с "коллективным бессознательным" общества, этноса. Такое обращение к системологии истории через призму искусства, культуры не только расширяет содержание системогенетики техники, системогенетики культуры и системогенетики образования [267; 269; 271; 1Д-5Д], но и позволяет как бы прочувствовать историческое измерение человековедения, которое я назвал бы "историометрическое человековедение", если воспользоваться категорией "**историометрии**" **А.Л. Чижевского**. Таким образом книга Н.Н. Александрова как бы соединяет в себе и проблематику системогенетической системологии и методологии истории, и историометрического человековедения, и философии истории, и философии социологии, и социодинамики культуры. Неслучайно, автор заявляет во введении о своей книге, как книге многих синтезов, а о применяемом синтезе — как о слоистом синтезе.

Предложенное название Послесловия (*Системогенетическая методология истории и историометрическое человековедение. Становление неклассической системологии истории*) — это моя позиция в моей рефлексии над содержанием книги, позволяющая перебросить "мост" от нее к актуальным проблемам синтеза человековедения и **становления "Неклассической истории"** [272; 8Д; 12Д; 14Д; 20Д] в XXI веке.

По поводу "истории" и рефлексии над "историей" как наукой написано много. Остался вопрос: "что дает история человечеству"? Может ли она вооружить общественный интеллект, чтобы человек, общество стали "субъектом истории" по К. Марксу, чтобы человечество сейчас перешло к управляемой истории, что по К. Марксу является основной базовой характеристикой того нового состояния, которое он связал с "коммунизмом"?

* Кроме библиографии, приведенной в работе, к послесловию составлен список дополнительной литературы, поэтому, так, где ссылки делаются на источники из библиографии к книге, то проставлены цифры, а там, где на дополнительную литературу, — используется кроме указания цифр буква "Д".

Здесь, в этом ключевом "узле" философии истории, социальной философии, — "узле" проблемы управляемости, сталкиваются непримиримые философские позиции ее противников и одновременно сторонников стихийной, спонтанной истории и философов, ученых-обществоведов, осознающих необходимость резкого скачка в управляемости со стороны общества социально-экономическими процессами, в плановости хозяйствования человека на Земле, в научном управлении будущим общества и человечества как неких целостных организмов.

Глобальная Экологическая Катастрофа, ее первая фаза, и стоящие за "ней" и находящиеся как бы в ее "тени" состоявшееся **Глобальная Информационная и Духовная Катастрофа** в конце XX века [8Д; 16Д; 18Д; 20Д] придают этому спору адептов "стихийной истории" и тех, кто считает, что она должна смениться парадигмой управляемого исторического развития человечества, драматический и даже трагедийный смысл, потому что от его исхода зависит глобальная судьба человечества. Если раньше этому спору придавалось измерение спора защитников марксизма-ленинизма и его противников, спора идеологий капитализма и коммунизма, то сейчас это измерение неожиданно как-бы трансформировалось, "сдвинулось" совершенно в другое "пространство рефлексии" — в "пространство экологического выживания человечества", в котором оппозиция "капитализм-коммунизм" оттеснилась на второй план, хотя и сохранилась, и заменилась оппозицией "небытие человечества" в результате экологической его "смерти" или его "бытие", но которое уже является экологически управляемым бытием. Неслучайно, по моей оценке, проблема социализма приобрела экологическое измерение, как проблема "экологического социализма" [7Д; 8Д; 12Д].

Проблема экологии заставила по-новому взглянуть на историю. В своих работах [252-262] я предложил взглянуть на историю с позиций **энергетического базиса обменных процессов между обществом и природой**. По этому основанию **История разделилась на две эпохи-цивилизации: аграрную или вещественную** от Начала истории до XX века и **энергетическую** в XX веке. Первая эпоха-цивилизация, в содержание которой вошла вся история Человечества до XX века, — эпоха-цивилизация малой "социоприродной энергетики", что и позволило стихийной истории самореализоваться. Вторая эпоха-цивилизация, в отличие от первой, качественно отличается именно энергетической вооруженностью хозяйствования, которая превысила на несколько порядков уровень, достигнутый к концу XIX века. Именно данное качественно-энергетическое преобразование бытия человека на фоне "стихийных регуляторов развития" повлекло за собой резко возросший "катастрофизм развития", переросший в первую фазу глобальной экологической катастрофы к концу XX века. Наступил Кризис Истории как Кризис Классической Стихийной Истории.

Что же произошло? Какие сработали причины? Для этого мною предложено в логике Истории выделить условно **две Логики с большой буквы** [262; 6Д; 8Д-10Д; 14Д; 15Д; 16Д; 18Д]: **Внутреннюю логику Социального развития (ВЛСР) и Большую Логику Социоприродной Эволюции (БЛСЭ)**, находящиеся в диалектическом взаимодействии и образующие определенное диалектическое единство. ВЛСР, как следует из названия, — это логика внутренних механизмов социальной эволюции, а БЛСЭ, наоборот, — логика внешних механизмов социальной эволюции уже в контексте социоприродной эволюции.

Внутренняя Логика Социального развития определяется диалектикой исторической детерминаций: "стихийной" и "идеальной". Стихийная детерминация предстает как детерминация материальная, в которой доминирующими механизмами выступают механизмы войны, частной собственности и частичного интереса, рынка, конкуренции, перепроизводства-недопроизводства и др., которые получили название стихийных регуляторов в истории. Законом стихийной детерминации является закон конкуренции с механизмом "естественного отбора" (в социальной эволюции — "естественного социального отбора"), который на уровне саморефлексии человека сопровождался законом, который я назвал законом Достоевского [252-262; 1Д; 6Д], — законом "искажения великодушных идей" (так назвал этот закон в своем дневнике писателя) великий русский писатель и философ). Закон "искажения великодушных идей", постоянного реверса Добра и Зла в человеческом мире есть отражение того "исторического бессознательного", которое открыл Гегель [70]. Теоретической схемой обоснования механизмов этой детерминации стал социал-детерминизм, как форма распространения дарвинистской схемы объяснения

механизмов эволюции (наследственность, изменчивость, отбор) на социальную эволюцию человечества. **Идеальная детерминация через общественный интеллект через его функции управления будущим** является с момента "запуска" писанной Истории — с неолитической эволюции человечества. Общественный интеллект формируется вместе с обществом как социальной системой, он есть интеллект общества — социальной системы [270; 4Д; 6Д]. Знания — субстанция или субстрат общественного интеллекта [6Д]. В своем социальном измерении, в своем социальном качестве индивидуальный интеллект человека (в форме "индивидуального", "локализованного" в интеллекте человека) не существует как индивидуальный, он сразу предстает "частью", "клеткой" общественного интеллекта. Формируется социальный кругооборот знаний и интеллекта [1Д; 6Д]: от индивидуального к общественному интеллекту (закон объективизации — социализации знаний через институты скмьи, культуры, науки) и от общественному интеллекту к индивидуальному (закон субъективизации — персонализации знаний через процессы воспитания, обучения и образования. Первый закон в работах Н.Д. Кондратьева упоминается под названием "закона деперсонализации идей" [145; 6Д].

Общественный интеллект есть совокупный интеллект общества, единство общественного знания (знания, прошедшего процесс "объективизации-социализации") и общественного сознания как многомерной формы общественного самоотображения, общественной саморефлексии, единство науки, культуры и образования, — единство, переходящее в соответствующее качество управления будущим со стороны общества как целого [265-272; 1Д; 5Д; 6Д; 15Д].

Чтобы правильно осознать сущность общественного интеллекта, для этого необходимо осознать эволюционное содержание интеллекта. Что есть "интеллект" в эволюции и как он соотносится с механизмом "отбора"?

Ответ на этот вопрос тесно связан с развиваемыми мною теоретическими схемами **эволюционизма** и учения об общественном интеллекте. Развитие системогенетики, анализ эволюционных теорий показали, что дарвиновская схема объяснения логики эволюции как стихийной логики через "естественный отбор" не является полной, что необходимо взглянуть на эволюцию через основания **новой парадигмы**, синтезирующей парадигмы эволюционизма Ч. Дарвина, П.А. Кропоткина, Л.С. Берга [6Д; 8Д]. В новой парадигме эволюция предстает как диалектика двух детерминаций "стихийной" (от прошлого) и "идеальной" (от будущего). Первая детерминация связана с системогенетическим законом конкуренции и механизмом этого закона — механизм "естественного отбора", а вторая детерминация — с системогенетическим законом кооперации и механизмом этого закона — механизм "интеллекта". В первой линии детерминации "отбор", селекция" предстают как запаздывающая обратная связь в эволюции, а во второй линии детерминации "интеллект" предстает как опережающая обратная связь в эволюции [8Д].

Действует закон прогрессивной эволюции (в сторону роста сложности и кооперированности структур) — закон сходящейся спирали или закон "сходящегося" конуса эволюции. Космогоническая эволюция видимой Вселенной в единстве с эволюцией на Земле, приведшая к появлению человека и человеческого общества предстает как система нескольких "сходящихся" конусов эволюции: космогонической (а в ней — "атомной", "молекулярной" — химической, звездно-галактической, планетной), биологической на Земле, антропной на Земле (антропогенеза), социальной на Земле (социогенеза). Последняя и есть История. И в каждом из этих конусов действует закономерность сдвига от доминанты действия закона конкуренции и механизма "отбора" к доминанте действия закона кооперации и механизма "интеллекта". Это означает, что любая прогрессивная эволюция имеет фундаментальную тенденцию к своей интеллектуализации, т.е к возрождению роли идеальной детерминации через интеллект. **Всемирно-исторический закон роста идеальной детерминации в истории** [265-272 1Д; 6Д; 8Д; 9Д] предстает в этой схеме как частный случай общего закона интеллектуализации любых "конусов прогрессивной эволюции" [272; 8Д]. Обобщением данного положения явилось мое утверждение об общем космическом законе "оразумления" Вселенной [8Д], в системе механизмов действия которого появление человечества на земле не является случайным, а формой проявления этого закона [270].

Таким образом, кооперация в системной эволюции и развитие "интеллекта систем" оказываются в этой схеме эволюционизма взаимообусловленными. Синергетическим эффектом кооперирования является опережающий рост свободной информации в системе, которая приобретает качество интеллекта через реализацию его функции управления будущим — опережающей обратной связи в эволюции (в эволюционном самоуправлении).

Интеллект в эволюции — это механизм опережающей обратной связи в эволюции. Его эволюционно-категориальное определение — управление будущим. А управление будущим включает в себя будущетворение. Отсюда интеллект есть механизм творчества, поскольку любое творчество всегда творит будущее, а не прошлое. Традиционное определение "интеллекта" как решателя задач, проблем в этой схеме вторичны, они вытекают из него. А как же быть с "отбором"? В "интеллекте" "отбор" преобразуется в "выбор" через "моделирование будущего". Появляется свойство теленомичности как свойство "природы", на что обращает внимание В.П. Казначеев [22Д], на что обращал внимание и я, развивая концепцию системогенетики, креативной философии и креативной эволюции [260; 261; 1Д; 6Д; 8Д].

Таким образом, **общественный интеллект есть "интеллект социальной системы"**, реализующий себя через управление будущим со стороны общества как целого, через функции этого управления — целкполагания, проектирования, программирования, планирования, нормотворчества, законотворчества, формирования систем ценностей и идеалов. **В этом своем качестве он объединяет свои "левополушарное" — рациональное (наука) и "правополушарное" — иррациональное (искусство, религия) начала, переводя их единство в качество управления будущим.**

Идеальная детерминация в Истории появляется с момента ее запуска (как "конуса социальной эволюции"). Но она остается вторичной. Общественный интеллект, начала проективности в иерархии, хотя и играет все возрастающую функцию, и это логика истории прекрасно воспроизводится в схемах Н.Н. Александрова, все же таки остается в "тени" доминантного действия стихийных регуляторов развития. И так было до конца XX века.

Стихийная детерминация энтропийна, разрушительна. Культура, которая развивается стихийно, оставляет после себя пустыню, — замечает К. Маркс. История сдвигалась по линии экспансии хозяйства по мере роста численности человечества на "нетронутую природу" и соответственного роста "разрушений" в этой "природе". И спасала только малая социоприродная энергетика хозяйствования.

А.Л. Чижевский открыл действие **закона квантитативно-компенсаторной функции биосферы** [306-307]. Гомеостатические механизмы биосферы обеспечивали "поток восстановлений" превышавший "поток разрушений" от хозяйствования.

Иными словами, Большая Логика Социоприродной Эволюции (БЛСЭ) на фоне "стихийной Истории" представляла как логика гармонизации социоприродных процессов под доминантой биосферного гармонизирующего начала. Биосфера, как суперорганизм, более организмичный, чем общество, была основным гармонизатором социоприродной эволюции.

В XX веке скачок в энергетике мирохозяйствования человека создал такое энтропийное "давление" на биосферу, которое приблизилось к пределу компенсаторных возможностей Биосферы.

Наступил Предел или Финал Классической Стихийной Истории, подготовленный диалектикой двух Логик истории с большой буквы. Причем пределы охватывают все стороны бытия человечества, все механизмы его эволюции: рынок, частную собственность, частный интерес, частичного человека — "узкого специалиста", индивидуализм, эгоцентричный Гуманизм, восходящий к эпохе Возрождения, провозгласивший человека, следуя христианской доктрине, господином природы ("тварного мира"), принявшего за абсолют принцип "потребления природы", как будто она только и создана для этого потребления. Предел всем формам бытия в рыночно-капиталистической цивилизации, которая стала Большой Утопией человечества, ведущей его к гибели [6Д; 9Д; 16Д; 18Д; 20Д].

Вышеуказанные Глобальные Катастрофы — форма материализации этих пределов. **Возможность рукотворного Апокалипсиса стала исторически зримой** и уже имеет оценки его наступления в пределах XXI века. Оценки колеблются в пределах от 30-40 лет до 150 лет [1Д; 16Д; 22Д].

Возник императив выживаемости. Мною показано, что единственной моделью устойчивого развития, необходимость которой была провозглашена для человечества Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в июне 1992 года, является **управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества**. А это означает, что "перелом" истории человечества на рубеже XX и XXI веков и одновременно второго и третьего тысячелетий в христианском летоисчислении с рождения Христова есть смена исторической парадигмы: от "стихийной Истории" к "управляемой", от "конкурентной истории" к "кооперативной", от доминанты стихийной детерминации к идеальной детерминации через общественный интеллект. **Образование — главный социогенетический механизм воспроизводства общественного интеллекта**. Происходит тотальная экспансия образования на все сферы жизни общества. Образование становится "базисом базиса" экономики и всех социальных процессов в интеллектоёмком, технологическом антропогенном мире. В этом заключается нынешняя происходящая метаморфоза современного информационного общества в образовательное общество. Концепция образовательного общества в XXI веке разработана в ряде моих последних работ, начиная с 1994 года [267-271; 6Д; 8Д-10Д; 12Д; 14Д; 15Д].

Это все дает следующую характеристику наступающей эпохе-цивилизации XXI века, сменяющей энергетическую цивилизацию XX века:

- интеллектно (интеллектуально)-информационная цивилизация [1; 1Д];
- цивилизация "общественного интеллекта и образовательного общества" [6Д-10Д; 14Д; 15Д];
- образовательная цивилизация [14Д];
- цивилизация управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества" [6Д; 8Д].

Все это названия одной и той же цивилизации. Общим в их характеристике является Тотальная Неклассичность Бытия или Новое Качество Бытия, в котором характеристика Неклассичности не только включает в себя расширительный смысл принципов дополнительности и антропных принципов [272; 1Д; 6Д; 8Д; 21Д], но и принцип Управляемости. **Тотальная неклассичность несет в себе смысл Финала "исторической классичности" в форме "стихийности" и перехода к Неклассической истории, требующей и Неклассических науки, культуры, человека, гуманизма, ценностей, нравственности, Неклассических в том смысле, что "человек" исторически поднимается до высот ответственности за гармонизацию социоприродной динамики и управления ею**. Управляемая социоприродная эволюция соединяет природные и социальные гомеостазы в **Неклассический социоприродный гомеостаз** [6Д; 8Д], в котором общественный интеллект становится все более "центральным механизмом", замыкающим на себя все большее количество обратных связей. Но это произойдет тогда, когда и общественный интеллект, и управление по своему содержанию становятся Неклассическими, опираясь на новые парадигмы организации знаний, частью которых является системогенетика, теория циклов (цикличности развития), новый синтетический эволюционизм, метаклассификация, биосфероведение, ноосферология, в том числе "Неклассическая история" как наука и Неклассическое человековедение.

Здесь неклассичность несет в себе смысл этого смещения доминант от стихийной детерминации к идеальной, но чтобы идеальная детерминация выполнила свою функцию "прогрессивной эволюции", она должна стать осью "эволюции, осознающей самую себя" по Тейяру де Шардену [24Д]. Человеческий разум, общественный интеллект из состояния "разума — для — себя" должен перейти в состояние "разума — для — Биосферы, Земли, космоса". За этим процессом тянется много процессов-следствий в том числе и процессы становления вооруженности человеческого разума, общественного интеллекта Неклассической наукой, Неклассической культурой, частью которой является и Неклассическое человековедение и история или историометрия, или историоведение.

Вот в этом "месте" или в этой точке системы императивов перехода к Тотальной Неклассичности мне и видится мера и значение книги Николая Николаевича Александрова "Формула истории".

Ведущими положениями "системогенетики истории" по Александрову являются:

1. Признание системогенетики как важнейшего методологического ядра исследования "логики истории", в том числе таких его законов, как законы системного наследования, преемственности, дуальности управления и организации систем, спиральности развития, инвариантности и цикличности развития, спиральной фрактальности системного времени и других, в рамках той теоретической схемы, которая предложена мною впервые в 1979-1981 гг. [11Д] и затем развита в [252-272; 1Д-6Д; 8Д-11Д; 21Д и др.]. При этом Н.Н. Александров выделяет доминанты:

- спиральную модель развития;
- модели цикла-спирали, динамической спирали;
- характеристика развития противоречия системы (эволюции) в "спиральной" логике;
- принцип системно-таксономического (классификационного) дополнения в мире, выдвинутый мною впервые в [1Д], и затем развитый в [260; 261; 6Д; 21Д и др.], который у Н.Н. Александрова получает дополнительную интерпретацию принципа взаимосвязи "несущего цикла" системы и цикла "морфологии" системы (в которой проявляется волна роста разнообразия в системе — дивергенция и сокращение разнообразия в системе — конвергенция);
- спирально-конические и импульсные модели развития;
- принцип дополнительности сходящихся (конвергентной) и расходящейся (дивергентной) спирали развития.

Фактически Александров системогенетический закон дуальности управления и организации систем поднимает до уровня дополнительности "циклов" и "спиралей" в развитии, с их доминантами движения "к прошлому" и "к будущему". Появляется модель "конуса" дуальной спирали (работающей в "противофазе") как форма эволюционирования "дуальной системы". Именно этот тип спирали, применяемый к "логике истории", генерирует схему, в которой "видимая история" как бы содержит за собой "невидимую историю".

2. Применение теории системного времени. Данная концепция, тесно связанная с открытием мною закона спиральной фрактальности системного времени или обобщенным законом Геккеля [255-263; 1Д; 6Д; 8Д; 13Д; 21Д] в работе активно развивается, обогащается, приобретая новые теоретико-семантические измерения. Например, интересны постановка вопроса о "геометрическом тезаурусе" представлений времени, построение теории субъективного времени. Такой подход позволил по-новому поставить проблему "актуального" и "потенциального", как проблему "удвоения" единого. Это вполне укладывается в спирально-рефлексивную картину гармонии мира, определяемую законом спиральной фрактальности системного времени.

3. Системоиерархическая картина мира.

4. Взаимодополнительность пяти основных онтологий мира: системной, таксономической (классификационной), циклической, качественной, креативной, впервые предложенная мною в (1Д), затем развитая в (210) и последующих работах (например, в 208; 6Д; 19Д и др.).

5. Принцип единства вещества, энергии и информации как основных субстратов обменных процессов в системе с внешней средой, определяющих особенности содержания "импульсов" и обменных процессов в тактах циклов.

Из развитой Александровым теории субъективного времени возникает концепция "ментального времени", которое во взаимодействии с "художественным временем" позволяет прочувствовать особенность "временного" восприятия действительности, характерной для той или иной исторической эпохи.

Александровым предложено несколько методологических положений, развивающих системогенетику истории" или "системогенетическую методологию истории":

это наличие закономерности сдвига в "циклах культуры" разной длительности от "левополушарной" доминанты (рационального) к "правополушарной доминанте" (иррационального), что позволяет их трактовать как "циклы лево-правополушарной волны" общественного интеллекта (на эту интерпретацию вековых циклов культуры на основе эстетических индикаторов, открытых Н.Н. Александровым, я указал в [258]), при этом

"правополушарное доминирование" в искусстве (культуре) на "спаде" волны предстает как форма преодоления надвигающегося кризиса;

это наличие **инвариантности циклических ритмов истории на разных уровнях ее "послойного" видения или системоиерархической организации**; здесь проявляется вертикальная фрактальность циклических ритмов;

это **наличие парадоксальности исторического времени** на базе "гипотезы о разнонаправленности времени в разных формах организации материи";

это **N-уровневая (в конкретике 5-уровневая) модель системного генезиса общества**, на базе категорий "ментальных формаций" и "культурно-цивилизационных групп", системы эстетических категорий.

Н.Н. Александров исходит из представления о человечестве как целом с самого момента его зарождения и развития этого целого в сторону роста его организмичности. Данное положение совпадает с моим убеждением, что общественный интеллект появляется одновременно с "социальным человеком", что уже определяет изначальное кооперативно-социализированное поведение индивидуума в обществе.

Поэтому переход к **ментальности как формационной характеристике** становится органичным. При этом **время, пространство, "ментальный хронотоп"** как часть исторически детерминированной **ментальной доктрины**, характеризующей ментальную формацию и позволяющей ее идентифицировать через искусство, эстетическое отношение (в **"квалиметрии истории"** или историометрии по Чижевскому). **"Точка зрения на время управляет сообществом людей**. Власть — это власть над временем, вот почему переход от церковного времени к светскому был таким трудным и достаточно кровавым" — пишет Александров. "Пространственно-временные модели, "ментальный хронотоп" незримо присутствует во всем, что совершается в той или иной культуре, в том числе и в экономике. И в этом сказывается то **обратное влияние культуры** на устройство общества и на экономику, которое и можно назвать принципом идеальной детерминации", — отмечает он.

Важным является утверждение в книге, что основным циклоздатчиком в социальной эволюции являются не "орудийные системы", поскольку они как системы второй природы вторичны, а "идеальные системы" ("наборы идей"). И парадигмы времени выступают через "ментальные структуры" важным циклоздатчиком, по Александрову, в том числе формационно-ментальных циклов истории. Подчеркнем только, что данное представление, достаточно дискуссионное, хотя может быть и оправданное, не отменяет того, что я сказал выше о доминанте стихийной детерминации. Ведь стихийная детерминация включает в себя идеальную детерминацию, но в стихийной форме, в форме "роевого существования человечества", по Л.Н. Толстому, когда "равнодействующая реализации свободы каждым человеком через свою деятельность остается непредсказуемой для каждого. История, в этом варианте, несмотря на сознательную деятельность, движется непредсказуемо для людей, как будто она наделена своим собственным "разумом", который не дано понять людям, "движителям" этой истории. Лорен Айзни, американский антрополог и эссеист, вводит понятие "шутовской Вселенной", неподвижной или непредсказуемой Вселенной [24Д], в которой вобщем-то запечатляется "непредсказуемый социум", неподвластность его истории человеку. А.Дж. Тойнби [280; 281; 25Д] представил ее логику как логику Попрошаний Божественного Логоса человеку, цивилизации и их Ответов на эти вопрошания. Угадал ответ — прогрессивный шаг вперед, не угадал — шаг в сторону катастрофы. В такой логике катастрофичность развития, гибель "цивилизаций" в истории — результат неугадывания ответа на Вопрошания истории.

В диалоге с О. Шпенглером Н. Александров снова подчеркнул ведущую идею системогенетической методологии истории и выдвинул **"принцип единства и преемственности мировой истории"**, чего не хватало Шпенглеру, сделавшему ставку на рассмотрение "локальностей" в исторической логике, что характерно не только для него, но и для А.Дж. Тойнби, и многих других философов истории. И нужно отдать должное автору, в книге последовательно разворачивается провозглашенный принцип.

Категория "ментальной формации" в истории придала "эстетическим категориям и модусам", которые в основном функционировали в пространстве эстетики как науки, исторический и историометрический смысл. Они становятся индикаторами (маркерами)

и идентификаторами ментальных формаций, цивилизационно-культурных групп и фаз цикличности их развития. **Эстетическая системогенетика**, развитая Н.Н. Александровым в предыдущих работах, становится здесь **"эстетической системогенетикой истории"**.

Цикл эстетических категорий "трагическое — возвышенное — прекрасное — комическое — низменное — безобразное" — это не только цикл сменяемости стилей в цикле культуры (искусства), он приобретает смысл в пределах более широкого **цикла ментальных формаций**: первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического, нео-менталитета.

Автор глубоко демонстрирует эстетическую системогенетическую логику истории на примере динамики искусства.

Категории культурно-цивилизационных групп через категорию культуры как категорию "человекотворного", как категорию креативного исторического самовыражения делают работу человековедческой в том смысле, который я обозначил как историометрическое человековедение. Логика ментальных формационных циклов, а внутри них циклов, связанных с "культурно-цивилизационными группами", позволяет представить историю культуры и искусства как "срез" истории общества", как историю становления человека, законов изменения его мировоззрения, мироотношения и мироосвоения, проидентифицировать неравномерность исторической динамики ("неподвижные цивилизационные центры" в Азии и "подвижные цивилизационные центры" в Европе").

Интересной методологической находкой автора являются представления об **ортогональных механизмах культурного взаимодействия** и воздействия в межцивилизационном пространстве: "перпендикулярном или вертикальном" механизме "прямого культурного импульса" извне и "параллельном или горизонтальном" механизме "культурной диффузии".

Необычным является **взгляд на Россию как "рефлексивное зеркало мировой культуры"**: и западной, и восточной, благодаря которому возникла **"особая эстетическая рефлексия, в основе которой лежит ментальный синкретизм"**. "Россия выступает как единственное место на планете Земля, где вообще происходит глобальная рефлексия (рефлексия мирового развития!) — именно в этом духовный космизм русской культуры. Рефлексия эта ментальная, т.е. рефлексия, наблюдаемая в русской культуре, происходит на уровне ментальности всего человечества". Ценное наблюдение, требующее фундаментального разворачивания. И оно совпадает с особенностями развития русской философии и русской культуры, появления в России русского космизма, учения о ноосфере В.И. Вернадского, развития в ней к концу XX века особого, синкретического типа глобалистики, который не имеет аналогов в мире, совпадает с характеристикой "всечеловечности" русской духовности, по Достоевскому.

Александров выдвигает **идею рассмотрения 100-летнего цикла как временной единицы циклической системогенетики истории.** Она есть, по его оценке, **"некая устойчивая циклическая единица ментальности"**. Здесь срабатывает и воздействие 100-летних солнечных циклов, зафиксированных в ряде работ, в том числе в работах А.Л. Чижевского, и триадный цикл воспроизводства поколений людей ("деды — отцы" — "дети — внуки"), при котором сохраняется действие устного канала передачи культурно-социогенетической информации.

Создание системогенетики истории — актуальная задача. Неклассическая системология истории состоит в том, что она, опираясь на системогенетику, связывает системогенетику в истории неживого — техники, материальной культуры, технологий, "архитектурной — городской организации пространства" и системогенетику социума (социогенетику), которая предстает как реализация рефлексивной системогенетики [264; 1Д; 6Д; 21Д]. В системе последней рефлексия становится "активным агентом" наследственных процессов в эволюции, в том числе рефлексия через искусство, картины мира, о чем прекрасно свидетельствует книга Н.Н. Александрова. Возникает образ **Неклассического управления как образ рефлексивного системогенетического и циклического управления, в котором используются "резонансы ритма"**. Неклассическая история как наука входит в методологический базис такого управления.

Неклассическое человековедение создается. Его синтез идет полным ходом. Осмысляются категории исторического здоровья как иерархической "пирамидальной" нормы воспроизводства поколений людей. Пример тому — работа В.П. Казначеева [22Д]. В эту категорию исторического здоровья входят и представления о "норме" воспроизводственного порога культурного мирозвоения, т.е. мирозвоения через культуру, которая только и может быть идентифицирована через историческую эстетическую системогенетику, которая и представлена в книге. Циклы человека, 100-летние циклы активной жизни дедов, отцов и детей резонируют с историческими циклами культуры, науки, экономики. Возникает историометрическое человековедение. Монография Н.Н. Александрова в определенной мере дает некое развертывание такого историометрического человековедения через призму культуры и искусства, она представляет собой определенный фрагмент такого человековедения.

В книге сделана серьезная заявка на возможную версию построения истории мировой культуры. Вопрос стоит о ее дальнейшей разработке или самим автором предложенной теоретической схемы, или будущими исследователями, которые поддержат это направление.

Монография Николая Николаевича Александрова имеет широкую адресность. Она может быть использована в качестве учебного пособия в магистратурах и аспирантурах вузов и НИИ страны по общественным наукам, в том числе по социальной философии и социологии, философии и социологии образования и культуры. Несомненно, монография расширяет потенциал в процессе становления системогенетики и учения о цикличности развития, которое набирает силу в нашей стране. И это тоже явление конца нашего двадцатого века и особенность научной и культурной жизни России в переживаемое "смутное время".

Не сомневаюсь, что у монографии Николая Николаевича — заметное будущее. Она оставит свой след в истории отечественной мысли и будет оказывать свое влияние на дальнейший поиск теоретико-методологических основ исследования мировой истории человечества.

*18-20 августа 1997 года
С.-Петербург — Пахта.*

Вице-президент и академик Петровской академии наук и искусств,
доктор философских и экономических наук
Субетто Александр Иванович.

Дополнительная литература:

1. Субетто А.И. Системогенетические основы образовательных систем. Части I, II (в 2-х книгах). — М.: ИЦ ПК ПС, 1994. — 284 с; 321 с.
2. Субетто А.И. Системогенетика и теория циклов. Части I–III (в 3-х книгах). — М.: ИЦ ПК ПС, 1994. — 284 с; 321 с.
3. Субетто А.И. Системогенетика культуры и проблема воспроизводства качества человека. // Человек и среда его обитания. / Тез. докладов регион. науч.-практю конфю — М.: Минкультуры СССР, 1989. С 4-7.
4. Субетто А.И. Системогенетика как учение о преемственности развития систем. // Проблемы формирования систем машин и техники новых поколений. — М.: ВНИИПМ, 1990. Т 1, ч. 2. — с 107-119.
5. Субетто А.И. Инноватика: структура, субъективные и объективные факторы. // IV Сов. науч.-практ. конф. по надежности науч.-тех прогнозов. Тез. докладов.— Новосибирск: 1987. С 32-34.
6. Субетто А.И. Проблемы фундаментализации источников содержания высшего образования: грани национальной политики. — Кострома-М.: КГПУ, ИЦ, 1995. — 336 с.
7. Субетто А.И. Ноосфера и социализм (В.И.Вернадский как социалистический мыслитель). // Знамя мира, 1997, № 7 (54). — С. 15.

8. Субетто Александр Иванович. Библиография научных работ и избранные статьи. / Под науч. ред Н.А.Селезневой. — Спб.–М.: ИЦ ПК ПС, 1997. — 246 с.
9. Субетто А.И. Проблема качества высшего образования в контексте глобальных и национальных проблем общественного развития. — М.–Тольятти: МАБ и БД, 1995. — 195 с.
10. Субетто А.И. Чекмарев В.В. Мониторинг источников формирования содержания высшего образования.— Кострома–М.: КГПУ, ИЦ, 1996. — 242 с.
11. Субетто А.И. Системогенетические закономерности формирования качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства) — Л.: 1983. Депон. во ВНИИС Госстроя СССР 25.08.84. Рег. № 5309. — 199 с.
12. Субетто А.И. Экокультура как форма Неклассического социоприродного гомеостазиса на базе общественного интеллекта. // Экологическая культура в научных, философских и богословских интерпретациях. Материалы IX Международного конгресса. С.-Петербург, 17-19 октября 1996 г. — Спб.: СпбГМТУ, 1996. — С. 112-115.
13. Субетто А.И. Закон спиральной фрактальности системного времени как базис нового осмысления взаимосвязей циклов эволюции и циклов онтогенеза систем. // Четвертая международная конференция "Циклы природы и общества" (г. Ставрополь, 13020 октября 1996 г.). Программа-приглашение. — Ставрополь: СтавГУ, 1996. — С. 10.
14. Субетто А.И. Ноогенез и образование: XXI век— реализация неклассического гуманизма и императива перехода человечества к цивилизации образовательного общества. / / Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы. Том 1. // Под ред. А.М. Буровского. — Красноярск: изд-во НМЦ НЭО, 1996. — С. 84–103.
15. Субетто А.И. Управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта — Неклассическая парадигма устойчивости развития и ноосферы. Материалы первой международной конференции. С.Петербург, 9–15 сентября 1996 года. — Спб.: СпбГУ, 1996. — С. 311–313.
16. Субетто А.И. Канун третьего тысячелетия как Финал Классической Стихийной Истории. // "Народы Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы". Тезисы международного научного конгресса. Санкт-Петербург, 15–17 мая 1996 г. Том 1. — Спб.: ТОО ТК "Петрополис", 1996. — С. 86-87.
17. Субетто А.И. Новая парадигма исторического развития и общественный интеллект (Эскиз теории общественного интеллекта). // Современная высшая школа (международный журнал). — 1991 — № 2 — С. 81–96.
18. Субетто А.И. Философия смены парадигм Истории на рубеже II и III тысячелетий и философия истории. // Философия в духовной жизни общества. Том 1. / Человек— философия— гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.) В 7 томах. — Спб.: СпбГУ, 1997. С. 406–408.
19. Субетто А.И. Философия веры как компонент креативной философии. // Философия в мире знания, техники и веры. / Там же, см. п. 18. — Спб.: СпбГУ, 1997. — С. 430, 431.
20. Субетто А.И. Тринадцать тезисов философии выживания России в начале XXI века. / / Ульяновская правда. — 1997 — 24 июня — С.3–4.
21. Субетто А.И. Рефлексивная квалиметрия и рефлексосистемогенетика. // Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Сб. науч. статей. Части 1-2. Под ред. А.И. Субетто и Н.А.Селезневой. — М.: ИЦ ПК ПС Госкомвуза РФ, 1994. — С. 118–138.
22. Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование. Предисловие А.И.Субетто. Спб.–М.: ИЦ ПК ПС, 1997. — 246 с.
23. Тейяр де Шарден. Феномен Человека. — 2-е изд. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
24. Лорен Айзли. Взмах крыла. Рассказы и эссе. Подбор, перевод с англ., предисл. и прим. Д.Н.Брецинского. — М.: МГУ, 1994. — 217 с.
25. А. Дж. Тойнби. Постижение истории. — М.: "Прогресс", 1991. — 736 с.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТЕНОГРАММЫ

заседания специализированного совета Д 212.162.01
в Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете
по защите диссертации АЛЕКСАНДРОВЫМ Николаем Николаевичем

26 сентября 2001 года

Председатель специализированного совета,
Председатель заседания,
доктор философских наук, профессор   Зеленов Л.А.
Ученый секретарь совета,
кандидат философских наук, доцент   Федотов Е.В.

Председатель заседания: Уважаемые члены специализированного совета и все присутствующие! Разрешите начать наше заседание.

В повестке дня сегодняшнего заседания — защита диссертации АЛЕКСАНДРОВА Николая Николаевича, кандидата философских наук, по теме “Методология системного анализа генезиса социума”. Поскольку работа выполнена на стыке ряда научных областей, она защищается по двум специальностям: по специальности 09.00.08 — философия науки и техники и по специальности 09.00.11. — социальная философия.

Всего присутствует 15 из членов совета.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Прохоров М.М.,
доктор философских наук, профессор Шалаев В.П.
доктор философских наук, профессор Субетто А.И.

Я представляю слово соискателю для изложения основных положений диссертации.

Выдержка из речи соискателя

Вашему вниманию предлагается исследование, которое создавалась на протяжении более чем 30 лет. Сказать об этом мне представляется важным, поскольку многие достоинства и недостатки этой работы проистекают из этого факта. Можно констатировать, что текст диссертации является скорее одномоментным срезом того большого исследовательского поля, с которым мне постоянно приходится иметь дело. Отсюда — многообразие тематических линий, которые я попыталась обобщить в этой работе. Большой тематический объем приводит иной раз к почти конспективному изложению материала, но все линии, заявленные в работе, представляются мне актуальными. Я могу при этом сослаться на то обстоятельство, что те или иные недостаточно развернутые положения диссертации развиты в ряде моих опубликованных работ, с которыми многие из присутствующих так или иначе знакомы.

Наше изложение будет посвящено пяти вопросам, касательно темы и содержания диссертации:

1. Почему это актуально?
2. Как это рождалось и во что оформилось?
3. Из чего это состоит?
4. Как это работает?
5. Куда это можно и нужно приметить?

Если использовать метатеоретический аспект, речь пойдет о системологии, методологии, номологии, историологии и праксеологии данной работы.

Я начну с саморефлексии.

Во-первых, это сложная для восприятия работа. Она включена в широкий контекст всего, что я написал и опубликовал, а это немало по объему, и без этого общего контекста работа выглядит обеднено.

Во-вторых, в этой работе содержится масштабная заявка, что с диссертациями бывает крайне редко: легче защищаться на вещах проверенных и освященных сонмом авторитетов. Так было всегда, и так, наверное оно и будет.

А в третьих, диссертант не совсем обычен для философского сообщества. По образованию дизайнер, работает в муниципальном управлении, но вот уже много лет упорно публикует философские книги. Зачем-то ему это надо. Но если бы нужно было только ему, это уже не была бы философия. И отсюда возникает вопрос об актуальности: нужна ли эта работа и если нужна, то что нового, хорошего и полезного она принесет?

Попытаемся ответить на первый вопрос: почему избранная диссертационная тема актуальна?

После теракта в Америке мир явно стал другим, по крайней мере, он перестал быть однополярным. Отталкиваясь от этой животрепещущей темы, можно задать ряд вопросов, которыми и должна задаваться философия. Не бывает философии вне времени и пространства, всякая философская система — это слепок неповторимого хроноса и топоса. И нам с вами, как русским, прежде всего нужно ответить на вопрос, каково же наше место в истории и каким может и должно быть развитие России на геополитической карте мира. Хотя мы говорим в нашем тексте о генезисе социума в целом, но *актуальный смысл* нашей диссертации — это хронотопическая рефлексия России в предельно широком контексте, исходя из масштаба всей истории и в пределах всей планеты. Такая постановка вопроса, естественно, требует для своего решения нового философского и общенаучного инструментария.

Но почему же непременно нового? А нельзя ли применить для этого уже отработанные подходы, философские и общенаучные системы?

За ответом обратимся к истории. Любой этап развития любого общества отражался как в зеркале в той или иной философской системе. Мысли Платона направлялись на решение проблем его страны и нации, так же как и мысли, скажем, Гегеля. Их философские системы являются квинтэссенцией менталитета их социума. Но между ними существует связь и преемственность, один стоит на другом и развивает его идеи. И всегда любое новое содержит в себе сконцентрированное старое, но имеет в своем составе и что-то, что позволяет ему быть исторически и топически актуальным. В традициях русской философии обобщать мировые достижения и делать шаг вперед, доводя это до нового целого. Это блестяще продемонстрировал Вл. Соловьев и после него — целая плеяда русских философов XX века. Но теоретического построения недостаточно, сегодня нужно обернуть его на актуальные проблемы современного мира.

Такую вот задачку в первом приближении мы себе когда-то давно поставили и сегодня представляем на ваш суд текст, в котором содержатся ответы на поставленные выше вопросы.

Попытаемся ответить на следующий вопрос: из чего состоит наше исследование и как работает наш метод?

Тезисно констатируем основные позиции.

1. Представляемая работа имеет прежде всего **общеметодологический характер**, она содержит современный философский аппарат, выступающий в качестве универсального инструментария для исследований в целом ряде областей знания и деятельности.

2. Диссертация представляет синтетическую методологическую концепцию, соединяющую под эгидой философии воедино некоторую совокупность современных научных направлений. Синтетичность нашей методологии оборачивается и на саму философию: мы вводим единую схему, позволяющую трактовать историческую последовательность смены философских систем.

3. Как работает наша синтетическая методология, мы демонстрируем на примере построения системы социальной философии, в области исследования социума. Можно было

бы продемонстрировать ее возможности на примерах менее широкого или более специального предметного поля, но это не раз проделано в наших опубликованных работах, а здесь нам хотелось выйти на предельные обобщения.

Для начала следует обратиться к теоретическо-методологическим основаниям исследования.

Осмывая для себя науку как целое, я представляю ее огромной рекой, в которой существуют и движутся разного цвета потоки. Они постоянно смешиваются в самых разных сочетаниях и в этом, видимо, и состоит ее сегодняшняя жизнь и суть ее генезиса, когнитивная эволюция. Если описать картину науки в сиюминутном сегодняшнем срезе, то всякая научная школа или отдельный автор имеют ценность ровно настолько, насколько успешно они смогли синтезировать в своем собственном подходе множественное иное. Я это говорю, предвидя вопросы: а почему вы не ввели в свою модель синтез с этим или с тем направлением? Ответ и прост, и непрост — охватить все в одиночку невозможно и потому я искал в современном знании самое действенное и самое-самое всеобщее по охвату. Этим общим стала философия, а обобщение и синтез мы предпринимаем по отношению к интегративному научному комплексу, который называется общей системогенетикой.

В избранном тематическом поле мы должны сами себе установить обозримые пределы, поскольку жанр диссертации требует строгости и краткости. Границы исследования мы обозначаем в работе послойно, по иерархическим уровням сверху вниз, и внутри каждого уровня — его пределы.

Высший уровень знания всегда содержит философия. Но она надстраивается над современной наукой, в которой всегда есть то, что удерживает целостность ядра общенаучной рефлексии. Вчера это была синергетика, сегодня это, по нашему мнению, общая системогенетика. Уровень претензий системогенетики распространяется на все разновидности эволюции любых систем, в том числе речь идет и о социальной генетике. Методологический арсенал системогенетики в ряде проявлений вполне сопоставим с арсеналом философии, и потому на первом уровне мы ставим задачу произвести взаимоотображение принципов и методов, выработанных в философии, с одной стороны, и в общей системогенетике — с другой.

В этой аудитории нет необходимости представлять и трактовать системогенетику, поскольку работу этого интегративного научного комплекса все присутствующие могли наблюдать на симпозиумах и защитах прочих диссертаций. Здесь присутствует живой классик этого направления, и, что приятно, — он сегодня мой оппонент.

Попытка философской рефлексии по поводу системогенетики, насколько нам известно, предпринимается в науке впервые, и это — бесспорный признак научной новизны нашего исследования, коренящийся уже в самой постановке вопроса.

Но мы не только анализируем уже существующие работы по системогенетике для ее философского обобщения, мы выдвигаем также собственный вариант **экзистенциальной системогенетики**, которая отличается от всех существующих ветвей и разновидностей системогенетики. В ряде позиций она пересекается с философским подходом Ю. Хабермаса, который у нас в стране пока еще очень мало известен, поскольку его тексты почти не переводились и не издавались у нас, за редкими исключениями.

Этому взаимоотображению посвящена первая часть диссертации. Но кроме того, данная диссертация подводит итоги наших многолетних исследований в таких областях, как социальная философия, теории общественного развития, социальная генетика, теория менталитета и т.д. В совокупности это входит в нашу концепцию, подробнее развернутую в пятисотстраничной работе “Формула истории”.

Попробуем для начала обозначить набор идей, на основе которых построено диссертационное исследование.

Начнем с того, что все эти идеи получены методом возгонки от частного к общему, т.е. мы шли от практики и ее конкретики, на каждом шаге повышая степень общности — весь этот путь хорошо отражен в наших монографиях. Даже на завершающем этапе шлифовки готового текста эта степень обобщений основных положений все еще повышалась, но нам пришлось на

определенном этапе остановиться и подвести итоги. Что нового получилось в идеях, моделях и подходах?

Во-первых, удалось четко развести **4 взаимосвязанных типа представлений предмета исследования**. Я называю это приемом четырех экранов. По сути это ракурсы многостороннего рассмотрения предмета, полифокусность.

Конкретно это хроно- топо- (циклическое и геометрическое) а также численное и понятийное отображения. Словесно-понятийный тип отображения наиболее развит в западноевропейской философии. Периодически она обращалась также и к геометрическому отображению, где фигурируют геометрические модели-инварианты, отображающие важнейшие характеристики и связи понятийных и числовых моделей. В традициях европейской философии и циклический тип отображения, что демонстрируется нами в монографии “Эволюция ментального хронотопа”.

Эти три типа в основном понятны и традиционны для европейской науки, а вот чтобы описать численное отображение (модели на основе числа как структурного инварианта), нам понадобилось выделить и описать методологические и прочие возможности числа: и вот на столе наша пятисотстраничная монография “Числовые инварианты в менталитете”.

Четыре типа представления предмета необходимы для того, чтобы обеспечить полноту его отображения. Методологически очень важны взаимопереходы между ними, а также отношение преемственности: переход диалектической пары в троичность (например, иерархию), троичности в четверку (например, в морфологическую) и т.д. Эта последовательность имеет также циклическое отображение, что стало далее основой анализа моделей истории.

Прикладным методом, который позволяет нам объединять воедино различные парадигмы, является *метод суперпозиционирования*, построенный на основе соединения этих четырех типов взаимосвязанных моделей.

* * *

Анализ методов системогенетики позволил зафиксировать **ряд системных и генетических суперинвариантов**. Можно выделить два главных *системных инварианта*: вертикальный инвариант иерархии (вложенность и толерантность уровней системного мира) и вертикально-горизонтальный инвариант структурированного состава (меры предмета в единстве ее количества и качества). Что касается генетики, то здесь основой является инвариант цикла. Мы посвятили анализу типов цикличности достаточно много места в наших опубликованных работах, в тексте диссертации этим поискам подводятся итоги и они далеко не тривиальны.

Куда относятся выделенные нами инварианты? Речь идет, по сути, о том, как устроен и как функционирует менталитет человечества. Эти инварианты выступают его невидимой первоосновой и если говорить совсем коротко о направлении и результатах наших поисков, мы вскрыли иерархию, состав, структуру и динамику менталитета.

У всего этого направления, разумеется, была своя история и мы описали ее в монографии “Эволюция ментального хронотопа”, объемом тоже около полутысячи страниц. Конечно, у Леви-Стросса есть понятие “ментальных инвариантов”, у Юнга “архетипы”, у Бехтерева и у Дюркгейма — близкие понятия “коллективных представлений” и проявлений групповой психики, у Выготского — понятие “семиотического управления поведением” и т.д. Но все эти инварианты — не философские, а социологические или психологические и чаще всего социально-психологические. Мы же исследуем менталитет с философских и инвариантных общенаучных позиций.

Таким образом, нами был выделен **набор суперинвариантов**: иерархия, матрица состава, цикл. Существует масса возможностей их **сочетания**, и мы специально исследуем это поле, а результаты выражаем сочетательной матрицей. Итоги этих сочетаний схематически отражены в Приложении к диссертации, а полученные при этом методологические возможности развернуты во всей семитомной авторской серии монографий. В самом диссертационном тексте более-менее выборочно представлен метод и ряд ключевых приемов его тематической трансформации — для исследования истории как целого, деятельности как целого и т.д.

Таким образом, в первой части исследования был выработан методологически ориентированный *инвариант теории*, позволивший развернуть его уже на неком конкретном материале.

* * *

Далее, возникает вопрос: по отношению к какому предмету, на каком **тематическом поле** полученный метод опробовать, чтобы наилучшим образом продемонстрировать его действенность? Мы избираем в качестве предмета социум.

Что мы подучаем в результате? Мы получаем развернутую систему социально-философского знания, включающую: а) различные уровни этого знания, б) различные морфологии (состав) этого знания, в) различные варианты циклического представления этого знания (от формационного до цивилизационного). Результатом соединения иерархического, морфологического и циклического подходов стала итоговая схема истории, которую мы упаковали в парадоксальную методологическую метафору “формула истории”.

Избранный нами ракурс исследования социума — ментальный. Исходя из этого, мы анализируем отличие менталитета от сходных понятий, порождаемые этим подходом законы (закон идеальной ментальной детерминации истории), таксономию менталитета (ментосферу), ментальную динамику.

Но все эти уровни описания — философский, социально-философский и ментальный — достаточно абстрактны. Настоящая конкретика начинается там, где мы выходим на индицирование конкретного менталитета конкретного времени через произведения искусства. Для этой цели мы используем уже не общую системогенетику и ее предметные разновидности, а наш собственный метод. Он отражен в двух монографиях “Экзистенциальная системогенетика” и “Эволюция искусства”, недавно изданных в Костромском государственном университете.

Проблемы индикация, ментальные индикаторы и маркеры в диссертации только слегка затронуты, но все эти темы освещены и в “Формуле истории” и в других упомянутых работах.

* * *

Мы изложили направленность и основное содержание диссертации в форме достаточно свободной и это позволительно для речи....

Теперь подведем итог.

Изложенная полная последовательность (философская и общенаучная модель — социально-философское знание — обществоведение — менталитет — художественный образ), со всеми перечисленными ярусами, является *единым каркасом* исследования.

Почему эта работа философская и имеет отношение к философии науки и техники? Потому, что в ней главным является философский метод, имеющий отношение к науке и процедура синтеза метода показана в первой части работы. Философия техники в этой диссертации представлена меньше, чем философия науки, но в наших работах есть и эта линия.

Наша работа в философском и общенаучном плане задает единую методологию для всех перечисленных ярусов. Научная новизна данного исследования в философском плане состоит в выработке универсального всеуровневого набора алгоритмов, при помощи которого производятся исследования в широком диапазоне наук. Особый признак научной новизны данной работы состоит в том, что предложенный метод способен выступать структурообразующим по отношению к любому знанию, в котором выявлен генетический ряд. На его основе можно упорядочить все имеющиеся в нашем распоряжении знания, поскольку задается каркас метазнания.

Второе, почему эта работа социально-философская? Потому, что полученный метод позволил по-новому систематизировать социально-философское знание и его динамику. Т.е., во второй части работы мы имеем пример развертывания метода, полученного в первой части.

Научная новизна данного исследования по отношению к социальной философии состоит в разработке на новой основе **концепции, теории и методологии исследования** системного генезиса общества.

Наконец, праксеология, вопрос: **куда это можно применить?**

Чтобы оставаться на уровне всеобщности и использовать потенциал знаний данной аудитории, ограничусь двумя схемами, которые можно было бы развить подробнее. Первая схема — это типы деятельности по Р.И. Никифорову, а вторая схема — роды деятельности по Л.А. Зеленову и концепции Общероссийской Академии человековедения. Никифоровская схема

задает последовательность: полученное нами новое знание более всего применимо в исследовании, проектировании, управлении, педагогике. Совокупность *родов деятельности* показывает, в каких именно сферах это может работать: их восемь и вы их прекрасно знаете.

Результаты данного исследования применимы:

1. В социальной философии, обществоведении и социологии результаты исследования могут представлять интерес в качестве *теоретического ядра* для выработки гипотез социальной динамики как в целом, так и во множестве специальных предметных областей.

2. В области философии истории и историометрии результаты исследования можно рассматривать как *завершенную теоретическую модель*, относящуюся к разряду циклических, иерархических и вложенных моделей истории.

3. В системогенетике, которую можно представить как системно и генетически трансформированную философию, совокупность представленных взглядов способна выступать в качестве *системообразующего ядра*. В работе предложен набор новых законов системогенетики и выработан собственный метод группировки ранее существовавших системогенетических законов и закономерностей, предложена смысловая графика, предъявляющая эти закономерности наглядно, что очень важно в педагогическом плане.

4. В области прогностики в работе выдвинут *метод прогнозирования развития общества* на основе специального анализа произведений искусства, этико-эстетических артефактов и явлений культуры. Он может применяться как отдельно, так и в связке с существующими методами многоаспектного прогнозирования.

5. В области педагогики данное исследование способно выполнять как минимум три функции: выступать в качестве *теоретической модели*, оборачиваться в качестве *общего метода*, проявляться в качестве основы для подготовки учебных программ (включая *технологии, методики, приемы* и формы). Эти возможности апробированы автором на практике.

Что касается моего опыта применения этого метода, то это и исследования, и проектирование, и такие операции социального управления, как программирование, и, конечно, использование всего этого в педагогике. Причем, в педагогике я попробовал едва ли не всю возрастную шкалу: была и школа, и вузы, и студии и послевузовская система. Если говорить о сфере, то здесь я более всего склонен к синтезу с практикой научного и эстетического, что задано дизайном и его спецификой. Тем не менее, удалось прочесть и курс систематической философии, и истории философии, и философии истории, социальной философии, курс эстетики, курс всемирной истории искусства, истории и теории дизайна.

Совокупный опыт преподавания в течение двадцати лет показал, что применение обозначенного в работе подхода позволяет достигать важнейшего педагогического эффекта: у обучаемых формируется целостное представление о мире, выполняющее функцию метазнания на протяжении всей их жизни.

В работе намечен ряд **задач для последующего исследования**.

В широком плане это — задача оформления новой специальной междисциплинарной области исследований. В узком — это задача углубленной расшифровки образно-смыслового кода искусства на массиве всей истории. Для решения данной задачи должна быть более детально и системно исследована совокупность индикаторов и маркеров, которая обеспечивает расшифровку. Это, в свою очередь, требует отдельных исследований как по каждому из видов искусства, так и по интегративным направлениям (синтез видов искусства и практики).

Таким образом, в диссертации содержатся основания для создания исследовательских, проектных, прогностических и педагогических идеологий. На практике эта новая совокупность взглядов уже давно выступает и как теория, и как метод, позволяющий применять ее модели в широком спектре областей науки, культуры и образования. Обозначение данного направления, установление его специфики и границ относятся к перспективным задачам, которые могут быть решены при продолжении настоящего исследования.

Вопросы

Председатель: Спасибо, Николай Николаевич. Вопросы, пожалуйста.

1. Проф. Дахин А.Н.:

Вопрос: Уточните, пожалуйста. Когда Вы используете в Вашем контексте слово “управление” (ну, скажем, достижение управляемой социоприродной эволюции за счет ментального проектирования), каков смысл слова “управление”, что оно здесь означает?

Ответ соискателя: Как я уже говорил, термины и основные трактовки понятий у меня в тексте те же, что и в концепции Общероссийской Академии человековедения, а ранее — философского клуба ГИСИ. Я посвятил специальную монографию “Звезда деятельности” моделям и определениям этой научной школы. Там есть подраздел, специально описывающий управленческую сферу, управленческую деятельность и все основные ее компоненты и процессы.

В конкретном случае, скажем в заданном Вами вопросе об управляемой социоприродной эволюции за счет ментального проектирования, тот же смысл управления: “управление” есть актуализация некоего наличного потенциала, в этом случае — ментального потенциала человечества.

Вопрос: Поскольку менталитет — это некая как бы бессубъектная структура (архетипы и прочее), а “управление” обязательно предполагает субъект, то привычно мыслить, что есть управляющий субъект, есть объект. С этой точки зрения непонятно: Вы понимаете менталитет как субъект?

Ответ соискателя:

Ну прежде всего, существуют различные уровни менталитета и у каждого уровня можно выделять свой субъект, выступающий как носитель данной ментальности. Есть человечество как целое и менталитет человечества. Есть четверка типов менталитета и носители этих типов расположены в разных регионах Земли и проживают разные истории; мы их можем группировать попарно, например Запад и Восток как различающиеся ментально на основании топики. Есть разделение во времени и в этом ракурсе мы выделяем единый формационный менталитет, культурно-цивилизационный и цивилизационный. И у каждого такого подразделения есть свои носители, субъекты. Например, цивилизации, это понятно; группы цивилизаций одной культуры, скажем, в ареале вокруг Древнего Египта и т.д.

Поскольку ваш вопрос об управляемости, то по отношению к разным типам менталитета можно применять разные управленческие воздействия. И итоговый принцип ментального управления развитием социума — это детализация принципа идеальной детерминации истории, а идеальная детерминация построена на понимании необходимости управлять не только, скажем, единими эколого-материальными ресурсами Земли, но и устранять конфликты ментального типа, что управленчески гораздо сложнее и требует новых типов институтов планетарного масштаба. Что происходит в мире сейчас, после теракта в Америке? Открытое столкновение двух глобальных типов менталитета, причем обе стороны готовы стоять насмерть и на пороге едва ли не новая мировая война. Почему? А потому, что процесс пока не управляем. Необходимо уходить от стихийной истории к истории проектируемой и управляемой и проектировать в ней нужно прежде всего новый синтетический менталитет человечества, в котором все типы менталитета воссоединились бы в единстве. А это — задача России.

Проф. Кожевников В.П.:

Вопрос: У меня ряд вопросов

1). У Вас есть понятие единого менталитета человечества. Я изучаю ментальность и хорошо понимаю, что существуют ментальные различия. И отсюда вопрос: по отношению к чему у Вас различается менталитет человечества?

2). Вы выделяете ментальные формации? Сколько Вы их насчитываете? Как это соотносится с формационным делением истории по Марксу?

3). Вы индицируете менталитет, преломляя развитие культуры и цивилизации через призму искусства. Насколько это правомерно? Почему эстетическая функция искусства у Вас главная?

У искусства ведь есть и другие функции, эстетическая функция искусства — одна из этих функций. Насколько полно можно показать через анализ искусства менталитет разных уровней. Искусство — это образное отражение мира, и потому суть вопроса — насколько адекватно оно может отражать менталитет?

Ответ соискателя: Спасибо, у Вас целая серия вопросов, отвечать буду по порядку, хотя они взаимосвязаны.

1). Менталитет человечества я различаю по отношению к двум гипотетическим субъектам, носителям иного менталитета.

Во-первых, это менталитет возможных существующих внеземных цивилизаций. Вопрос о них большой и отдельный и вопрос этот — философский.

Во-вторых, менталитет этого нашего человечества может быть отличён по отношению к другим, опять же пока гипотетическим, предшественникам человечества на планете Земля. Об этой возможности все знают и по этому поводу тоже немало написано. И то, и другое — “виртуальные” глобальные менталитеты, но выстраивать такие типологии, помещая в них менталитет нашего человечества как особый тип, допустимо и даже необходимо. Может, кстати, иметь место и некий третий вариант, о котором мы пока не подозреваем.

Общий ответ на эту часть вопроса такой: менталитет человечества отличать от менталитета тех цивилизаций, с которыми человечеству предстоит столкнуться в будущем, либо от менталитета тех цивилизаций, которые когда-то были на Земле в прошлом, либо от так называемых “параллельных” с нами во времени, но неизвестных нам цивилизаций и иных организованностей.

Далее. Единый менталитет человечества складывается из четырех составляющих его типов. В конце XIX века И. Мечников задал эту типологию на базе топоса, создав теорию четырех великих исторических рек, на берегах которых возникли четыре типа первых цивилизаций. Но дело не только в геоклиматической детерминанте, породившей эти различия. В каждой из выделенных Мечниковым культурных регионов используются разные логики: китайская культура использует нумеро-логику, а европейская ветка — рациональное знание преимущественно на основе понятий и т.д. Я связываю наличие этих четырех типов с четырьмя аксиологическими доминантами: европейская культура изначально ориентирована на поиск истины, вспомните греков; культура региона Анатолии (где возникает ислам) стоит на принципе пользы и потому устроить в храме Святой Софии мечеть для них естественно, поскольку экономно; китайская конфуцианская культура с ее ритуальностью и формальной организованностью скорее эстетическая — отсюда трибунал церемоний; а индийская, с ее ведущим законом Кармы по основаниям этическая, отсюда подавляющая часть населения там аскеты. Можно привести по этому поводу массу доводов и примеров.

Но важно следующее: общая конструкция менталитета человечества состоит из четырех разных типов менталитета, но в то же время некое единство менталитета человечества удерживается на всем протяжении социальной истории. И это типологически разное нам нужно будет интегрировать, в чем я и вижу будущую роль России в мире.

Поскольку существует единый менталитет человечества, и его необходимо осмыслять и изучать: из чего он состоит и как он функционирует. Что объединяет в единство менталитет человечества, вот интересный вопрос, и он — системный. В менталитете человечества несомненно есть единая структура, которая удерживает его как целое. Объединительным началом выступает некий набор ментальных инвариантов, присутствующий во всех типах менталитета, во всех культурах, у всех цивилизаций на Земле. Можно исследовать и эти ментальные инварианты, и некие логики и приёмы, которые постоянно используются на протяжении всего развития человечества. Если бы их не существовало, мы вообще не смогли бы понимать друг друга, коммуницировать с другими по менталитету народами, а мы это делаем постоянно. Это, кстати, очень интересная исследовательская задача и частично я рассмотрел некоторые ее аспекты в монографиях “Эволюция ментального хронотопа” и “Формула истории”.

2). По поводу ментальных формаций, их количества и отношения к формационному делению истории по Марксу можно сказать следующее.

Во-первых, понятие “формации” существовало в науке и до Маркса, например, в геологии. Это не более чем предельно большие фазы той или иной истории, не обязательно социальной. Различие между подходом Марса и моим — в выделении детерминирующего основания истории. По Марску история детерминирована экономикой, я же придерживаюсь принципа идеальной детерминации истории, и в частности, говорю, что история сегодня ментально детерминирована. Но, и это очень важно, я рассматриваю все варианты детерминации истории, и прихожу к выводу, что в истории происходит постепенный переход от простейших геоклиматических детерминант, описанных, например, у того же Мечникова и в ранней геополитике, ко все более и более сложным и высоким по уровню детерминантам истории. Например, этнос и этногенез — это более высокий уровень, чем геоклиматическая детерминация, поскольку он привязан к единству биосферы как целому. В этом ряду монодетерминистических концепций есть и Маркс, поскольку в тот момент, когда он писал свои работы, история скорее всего была детерминирована экономикой. Но то, что было присуще его моменту истории, Маркс обратил и на прошлое, и на будущее. А между тем в истории происходит восходящая смена детерминант от простых и природных к социальным и идеальным, это закон исторической детерминации. Сейчас человечество все больше входит в состояние идеально детерминированной истории и первые ласточки этого уже были в XX веке, когда возникло сразу несколько исторических экспериментов по построению общества с идеологическим типом управления и проектируемой общественной структурой. Ментальное управление историей еще только предстоит освоить в XXI веке, поэтому нас ожидает “век менталитета”.

Ментальные формации — это большие отрезки истории социума, которые имеют единый признак: на протяжении одной ментальной формации менталитет человечества качественно не меняется. Назовем эту качественную устойчивость “ментальной парадигмой”, отталкиваясь от термина Куна. Сказанное относится ко всем четырем типам внутри единого менталитета человечества. Можно более-менее достоверно утверждать это и по отношению к древнему миру и его этапам, и к средневековью, а вот в Новом времени глобальная смена менталитета произошла не везде и на то есть причины. Существует закон неравномерности исторического развития.

Что касается количества ментальных формаций, то их у меня пять. Они сменяют друг друга в истории со своей логикой и моменты смены “ментальных парадигм” всем хорошо известны, поскольку сопровождаются социальными катаклизмами. Тем не менее, нужно пояснить, что ментальный переход, например, от античности к средневековью совершается более-менее одновременно и повсеместно, хотя способы производства при этом могут и не меняться — они не имеют особого отношения к смене менталитета. Азиатский способ производства никак не укладывается в один тип с европейским, а способ производства в Индии и тогда, и десять тысяч лет назад был примерно тем же, что и сейчас для большей части коренного населения. А вот менталитет сменился везде и одновременно, после чего появились и оформились в институты четыре мировые религии.

Ментальный глобальный конфликт, с которым мы имеем дело на сегодняшний день, состоит прежде всего в том, что одновременно сосуществуют не только типологически разные, но и исторически разные ментальности: люди на Земле живут сегодня в разных ментальных формациях, по сути — в разных исторических временах. Ментальность того же ислама, если ее оценивать формационно — средневековая, она может как угодно модернизироваться, но внутри нее воспроизводятся прежде всего средневековые ценности и представления о мире и человеке, социальные структуры и т.д. И здесь для нужд политической практики нужна такая наука, как “ментальная конфликтология”, а ведь вопрос о ней пока даже не поставлен. Вот почему я постоянно говорю о наступающей эпохе ментального проектирования, как о необходимости.

3). Далее у Вас была целая группа вопросов о возможности и достоверности эстетической индикации менталитета.

Можно ли при помощи произведений искусства индицировать состояние менталитета того или иного времени? Да, можно. Изучив эти разные типы менталитета, мы можем выделить их самостоятельные логики и способы выражения. Например, европейское изобразительное искусство, уже начиная с Древней Греции, моделирует объем и к концу средневековья приходит

к линейной перспективе, а на индокитайском Востоке изображение всегда остается в плоскости и потому так графично и условно. Искусство ислама с его запретом изображения человека объясняется узорами, т.е. рационально-геометрически, и это уникально. Если католики украшают свои храмы раскрашенными скульптурами и используют орган — целый оркестр, то русские иконы условны и бестелесны, а русская духовная музыка поется без инструментов. Это все — разные способы выражения одной и той же ментальной парадигмы, связанные с разными типами устойчивых культурных ядер.

Кроме отличия их типов, можно выстроить их циклическую динамику. Вся работа “Формулы истории” посвящена тому, как устроена эта циклическая динамика: есть пять формационных циклов, пять сменяющих друг друга глобальных ментальных парадигм. В первобытном обществе существовала своя ментальная парадигма, мифологическая по основе и звериная по окраске. В античности мифология стала антропоморфной и политеистической, в средневековье ментальная парадигма приобрела черты интеграционные и возник монотеизм. В Новом времени европейский человек отрекся от Бога и стал опираться только на свой разум, что породило не столько капитализм, сколько менталитет научно-технической цивилизации. К ней я отношу и исторический советский эксперимент, он по идеологии — просвещенческий.

Далее, к циклической динамике я подхожу еще и иерархически. Внутри менталитета определенного типа и на определенном формационном цикле существуют свои устойчивые фазы, а внутри них ниже — свои и таких уровней ментальной циклики я беру пять, хотя можно и больше. Возникает уровнево-циклическая картина истории, отнесенная к четырем типам. Это сложноорганизованное целое, которое уже можно индицировать.

Что может выступать в качестве индикаторов и какие артефакты можно использовать? Во-первых, использовать можно то, что сохранилось от истории, а от истории если что-то и сохранилось, то это — эстетические произведения. Произведения искусства — само собой, но к разряду эстетических произведений можно отнести все, что создано человеком, поскольку на всех продуктах деятельности содержится эстетический отпечаток. Это я хорошо понимаю, как дизайнер.

В эстетических произведениях отпечатывается весь многомерный менталитет. Остается только научиться расшифровывать его по формально-выразительным признакам. Вы спрашивали, как менталитет отражается в том или ином произведении, как резонирует и через какие индикаторы определяется?

Начнем с вопроса о гносеологической функции эстетического. Да, искусство познает мир, но сама эта постановка вопроса у Баумгартена — просвещенческая. Поэтому он называет способ познания через искусство смутным и нераздельным. Но функция искусства вовсе не сводится к гносеологии, оно обладает множеством функций и в истории до Нового времени никому и в голову не приходило навязывать ему функцию познания мира. Этого нет ни у Платона, ни у Аристотеля, ни, тем более, в средневековье.

Основная функция эстетического, и по Б. Кроче, и по А.Ф. Лосеву, — это выражение. Эстетические категории — это категории выражения. Тот или иной тип выражения закрепляется в определённой напряжённости образных систем, и напряжённость никогда не повторяется на протяжении истории, потому что она на разных фазах цикла разная. Казалось бы, повторяющаяся в циклах, но при сложении по уровням в результате возникает неповторимое. Выражение и напряжённость отражаются как в структуре художественной композиции, так и в форме произведений искусства. И не только произведений искусства, а в любых продуктах человеческой деятельности.

И поэтому можно анализировать произведения искусства через ряд содержательных и формальных индикаторов: время, пространство, напряжение, через структуру композиции, через структуру выражения, через структуру используемых форм. Эти приемы были и до меня, я их долго обобщал, но я это делаю при помощи *многомерного уровнево-циклического анализа*, то есть — как это отражается на формационном уровне, как это отражается на уровне культур, цивилизации и дальше, вплоть до моды и конкретных произведений искусства. У меня в работах приводится итоговая таблица, объединяющая индикаторы многих уровней. Это довольно сложный по конструкции анализ, содержащий элементы иррациональных техник понимания.

Насколько полно можно показать через анализ искусства менталитет разных уровней, зависит от глубины исследования. Можно добраться до самого тонкого различия, если есть такая задача, но тогда нужно будет задействовать большое количество уровней.

Кроме того, вы спрашивали, насколько адекватно искусство может отражать менталитет? Искусство, эстетическое произведение содержит в своих образах как рациональную, та и иррациональную части, это общепринятый тезис. А менталитет отличается от общественного интеллекта и общественного сознания именно этой двойственностью. И потому именно в искусстве менталитет отображается наиболее адекватно.

Это по сути, а дальше я могу сослаться на свои опубликованные работы, где демонстрируют это на примерах. Кстати, моя жена успешно применяет метод ментальной реконструкции в курсе анализа литературных произведений и всякий разбор конкретного литературного произведения начинается с индикаторов: время, пространство, выразительный модус, напряжение и т.д., вплоть до оттенков формы. Это работает.

Спасибо за вопросы.

Проф. Норенков С.В.:

Уважаемый Николай Николаевич! Мой вопрос по воду философии науки. У вас затрагивается большой интегративный комплекс и хорошее было сравнение с рекой, я бы по этому поводу употребил еще и образ “дерева”, и отсюда мой вопрос: автором каких концепций, теорий, парадигм, направлений Вы считаете себя. Какова ваша роль в “приращении” к этому “дереву”, какие веточки, листочки и прочее, появились вашими стараниями и как они сопрягаются с существовавшим ранее.

Ответ соискателя: Спасибо, это хороший вопрос, как раз для защиты докторской.

Начну с контекста. С начала XX века в менталитете проявляется некий “взрыв”, за которым стоит появление новой ментальной парадигмы. Этот “взрыв” был обозначен в физике А. Эйнштейном, это знают все, но особенно хорошо он развивается в России, о чем знают, увы, немногие. Вот, например, появляется всеобщая организационная наука — “тектология” Богданова, а рядом в культуре, в архитектуре развивается конструктивизм, рационализм и концепция “жизнестроения”, с чем Вы, как архитектор по образованию, хорошо знакомы. “Тектология” Богданова и “жизнестроение” — это, в принципе, одно и то же, потому что Богданов строит новую, управляемую ментальную конструкцию мира и делает это на общетеоретическом уровне, над всеми науками. Он вычленяет некие предельные инварианты, такие же предельные, как фигуры в супрематизме Малевича с его “Чёрным квадратом”, парящим в абстрактном Космосе. В этот момент истории возникают биосферные и ноосферные понятия у Вернадского, всеобщие представления Федорова, Циолковского, Чижевского, Флоренского, Кондратьева, Сорокина и т.д. Весь “русский космизм” этого периода истории соизмеряется с масштабами всей эволюции, всей истории, всей планеты и даже космоса — *предельными* масштабами, доступными человеческому воображению. Такими же предельными по ориентации были в 20-е годы в Германии теории, скажем, Шпенглера и Хайдеггера, так проявляла себя мировая тенденция смены ментальной парадигмы. И Богданов, и Выготский, и “жизнестроители” говорили прежде всего о достижении управляемости социума по отношению к человеку. И очень скоро этот дух был реализован в социальной практике и у нас, и в Германии. Системы разные, но их объединяют глобальные претензии и достижение тотальной управляемости внутри социума.

В тридцатые-сороковые-пятидесятые годы это приобретает общенаучный статус и выливается в принцип системности, о котором много написано, в том числе и мною, и кибернетику. Кибернетика меньше по масштабу, чем тектология, хотя ее принципы Винер применял и по отношению к обществу.

Но дальше и в науке, и в искусстве, и в политике движение идёт в сторону постепенного уменьшения масштабности, и соответственно, претензий. Между интересами социума и человека выстраиваются отношения гомеостатики, уравнивания. В 60-е годы это вылилось в функционализм, он имел не только философский и общенаучный характер, но и проявил себя в искусстве, архитектуре и дизайне. Функционалистически ориентированные теории не обязательно прямо об этом говорили, но обязательно содержали в себе эту функциональную

составляющую. В частности, у нас в стране возник неожиданный интерес к идеям всестороннего и гармоничного развития человека, появилась общая теория деятельности. Эти теоретические поиски 60-х годов весьма отличаются от психологической теории деятельности 30-50-х годов, где человеком требовалось управлять как роботом. Характерно также, что в этот момент времени и у нас, и в мире расцветает аксиология, в частности, эстетика. Аксиологическое управление внутри общества серьезно отличается от однозначного рационального диктата 20-х годов, оно подразумевает наличие у человека неоднозначности, собственных ценностей и т.п. Реформы Косыгина строились на идее введения в плановое хозяйство частичного хозрасчета, и это потом реализовали в Китае. Сюда же, к этому кусту гомеостатических поисков можно отнести и *синергетику* как попытку изнутри осмыслить, как живет целостность. Отсюда вместо однозначной ориентации на Порядок, возникают понятия о роли Хаоса, о самоорганизации, бифуркациях и т.д. Можно назвать этот этап не столько даже функционалистическим, сколько равновесным.

И третий этап в развитии новых ментальных представлений в науке XX века, относящийся к концу 80-х, началу 90-х годов XX века — это появление *системогенетики*, т.е. попытка объединить общесистемные и общегенетические представления. Вроде бы, это похоже на продолжение линии 20-х и 60-х годов, но принципиально это совершенно новая модификация ментальности XX века. Главным в ней является полифокусность и вообще принцип “поли-”, множественности. У Богданова, Винера и Берталанфи, напротив, доминировал монизм. Так что эволюция менталитета в цикле всегда проходит этот путь от “моно-” к “поли-”.

Сначала выделение принципов системогенетики происходило по предметному принципу: вам известны биогенетика, техногенетика, социогенетика, культурогенетика, я тогда ввел в обиход термин “антропогенетика”. Затем появились обобщающие *системно-эволюционные* теории типа “эволюционики” и т.п. заявки на интеграцию, все они описаны в моих монографиях. Я считаю, что наиболее успешно синтез большинства частных теорий естественного и общественного системного генезиса был проведен А.И. Суббето, “сборку” общей системогенетики на общенаучном уровне именно он последовательно осуществил в своих работах. Он же подытожил ряд законов социогенетики и ввел принцип идеальной детерминации истории на основе совокупного общественного интеллекта.

В этом направлении у нас с ним были некоторые “пересечения” и “отличия”. Отличие состоит в том, что у Александра Ивановича концепция как бы накладывается на всё в целом, и потому основной момент единства у него — *рациональный*. Это синтез по-своему целостный, но все-таки, основанный на рациио. Его ключевое представление о совокупном общественном интеллекте, его точка зрения — *рационалистические*. Он не занимался отдельно эволюцией культуры, искусства, ментальной эволюцией — это моя сфера интересов и тут мы взаимодополняем друг друга.

То, что я попытался внести нового в системогенетику, так это отсутствовавший в ней ракурс экзистенции. Экзистенциальный взгляд, и это хорошо видно у Бергсона, Хайдеггера, Гадамера и Сартра, всегда содержит пугающий момент иррациональности. Иррациональным невозможно управлять и в этом смысле экзистенциализм полностью противоположен претензиям тектологии. Но иррациональное до какой-то степени оно познаваемо и управляемо и оно точно так же эволюционирует. Рационализм понемногу отвоевывает у иррационального пядь за пядью, но это крохотная часть космоса. Нам нужно научиться жить с сознанием подавляющей массы иррационального в нашем бытии и это — иное отношение к миру, иная ментальность.

В своей работе я показываю, как работает в менталитете связанность рационального и иррационального начал. Для этого мне понадобилось отличить свой метод от всех прочих и я нашел, что в основе экзистенциального восприятия мира лежит калокагатическая связка этического и эстетического. Далее мне понадобилось показать, каким образом единство рационального и иррационального фиксируется в менталитете, как эта связанность отражается в произведениях искусства. Так появился мой метод “экзистенциальной системогенетики” и его прикладные выходы.

Отвечая на Ваш вопрос, я говорю следующее: в моих работах впервые построена общая системогенетика, поскольку я дополняю ее до целого. Я считаю, что развитие новой “ветки” общей системогенетики, где фигурирует менталитет, экзистенциальность, калокагатия,

иррациональное, является главным достижением моей работы. Более того, именно в данном освещении, при наличии синтеза рационального и иррационального, и появляется по-настоящему “общая системогенетика”. В моем варианте она охватывает как познаваемые в науке рациональные закономерности, так и отраженные в эстетических произведениях иррациональные аспекты.

В обратной перспективе это позволяет по-новому посмотреть и на генезис абиотического и биотического миров, но это отдельный разговор.

Спасибо.

Проф. Зеленов Л.А.:

У меня вопрос по ходу, поскольку возник об этом разговор. Каково различие понятий “социогенетика” и “системогенетика”?

Ответ:

Спасибо за вопрос, тем более что он содержится также и в одном из отзывов на автореферт.

Общая системогенетика посвящена генезису любых систем по общим для них эволюционным законам, она оперирует наследственными вариантами и т.д. Этим она близка к философскому уровню, это общенаучная дисциплина.

Далее идёт ряд, посвящённый отдельным предметам, это — *предметные генетики*: это абиогенетика, биогенетика, антропогенетика, социогенетика. Можно их сгруппировать также и по основным формам движения материи.

Внутри социогенетики по предмету выделяются, например, культурогенетика, техногенетика и т.д.

Таким образом, соотношение здесь такое же, как у общего и особенного: общая системогенетика и ее предметная разновидность — социогенетика.

Вопрос. Если Ваша работа посвящена системногенетическому анализу социума, то можно ли Вашу работу рассматривать как диссертацию по социогенетике?

Ответ: И то, и другое. Там есть и общие законы, и конкретное их преломление по отношению к социуму.

Вопрос. Объект — социум? Значит генетика чего — социума, социогенетика.

Ответ: Работа в первой своей части является *общесистемогенетической*, а затем вторая — посвящена *социогенетике*.

Вопрос. То есть, первую часть Вы считаете общеметодологической?

Ответ: Да.

Проф. Петров В.П.:

Вопрос. Вы проводите анализ генезиса социума и берете емкий такой ракурс, через который рассматриваем социум — ментальный. Но если мы рассматриваем социум в системе общества, мы никак не можем обойти такие его составляющие, как технос и экос. Не касаясь этих моментов, не сужаете ли Вы вопрос о генезисе социума в его фундаментальном проявлении.

Ответ: Существует четыре основания, на которых строится общество. Это четыре основных цивилизационных фонда: *социо-, техно-, природо- (эко-), антропо- (гено-)* фонды. Можно их свести к трем, объединив эко- с гено- или антропосоставляющей. Все они в совокупности и составляют то, что скрывается за емким термином “общество”.

Да, *социум* является только одной из составляющих общества. Я не касаюсь техники и техногенеза, поскольку его замечательно описал проф. Кудрин, я не касаюсь социогенетики в том ее ракурсе, который описан у Субетто и немного у Яковца. Я беру *социум* как предмет, на котором я демонстрирую свою методологию и мой ракурс в отношении этого предмета иной, чем у них. Моя задача демонстрационная и я только что детально описывал специфику этого ракурса.

Вот почему *только* социуму посвящена данная работа и я не считаю этот подход обедненным, скорее напротив, он существенно дополняет то, что уже есть в науке.

Проф. Груздева Т.Н.:

Вопрос: В автореферате когда Вы говорите о типологии, Вы называете 3 (5) культурно-цивилизационных групп. Так сколько же групп?

Ответ: Дело в следующем. Есть цикл, при исследовании цикла нами выделяются определённые устойчивые фазы этого цикла. Такие фазы выделяют все циклисты, в частности, Гегель, это в самом простом варианте “становление, устойчивость и деградация”. В истории социума они приобретают свою спецификацию, а когда мы избираем ментальный ракурс, то говорим о фазах развития менталитета. Сколько этих фаз развития менталитета мы можем выделить? Столько, сколько сможем насчитать единых для всех ментальных парадигм. Еще в XIX веке принято было делить историю в основном на три фазы: Древний мир, Средние века, Новое время. Сейчас в глобальном общеисторическом масштабе таких ментальных парадигм пять, поэтому мы говорим о существовании в истории пяти ментальных формаций.

А если мы перейдем на уровень ниже, то окажемся внутри ментальной формации, и тогда она выступает как нечто единое и качественно однородное. В этом целом мы обнаруживаем собственные фазы, которые я называю культурно-цивилизационными. В системном ракурсе это — культурно-цивилизационные системы. Например, во второй ментальной формации есть некая единая культура раннего периода, которая принадлежит древнеегипетскому сообществу. Но она же распространяется и на очень большой регион вокруг Египта, в котором везде происходит примерно одно и то же, а культурные представления, нормы, образцы, даже искусство — очень похожи. Цивилизации сюда входят очень разные, они рождаются и умирают, а культурная составляющая (некое качество культуры) сохраняется на протяжении всей этой фазы. В этом состоит качественная однородность культурно-цивилизационной системы, а во времени — культурной фазы.

Я могу выделять в формационном цикле три такие фазы, но могу взять ещё и промежуточные и тогда получаю пять фаз. Например, в том же едином античном формационном менталитете это Египет, Греция, Рим, а при выделении переходных фаз сюда попадает крито-микенская культура и культура этрусков. Античный менталитет не меняется на протяжении 4-5 тысяч лет, а это — его фазовые модификации, три или пять.

Культура также обладает собственным качеством, некоторой ментальной неизменностью, но степень общности неизменных элементов внутри нее ниже, чем в менталитете формации. Ментальные основания на переходах от цикла к циклу могут резко, скачкообразно меняться — это всегда фиксируется в памятниках искусства и материальной культуры.

Неизменность и устойчивость менталитета фиксируется посредством индикаторов: неизменными остаются модели времени и пространства, мифологическая или теологическая конструкция истории и т.д. — мы делаем анализ по многим другим составляющим, которые закреплены в менталитете и не меняются на протяжении всего цикла его существования. Этому посвящены такие наши работы, как “Эволюция ментального хронотопа”, “Формула истории”, “Числовые инварианты в менталитете” и “Эволюция искусства”.

А основанием типологии для выделения трех или пяти типов или фаз, о чем Вы спрашивали, выступает с одной стороны, отличимая неизменность качества менталитета данного уровня, а с другой — установки исследователя. Гегелю и Сорокину хватало троичности фаз, а Вико, Шпенглер, Тойнби, Гумилев используют пяти-шестифазовый инвариант. Я об этом подробно пишу в ряде книг.

Проф. Немцев З.Ф.:

Вопрос: Что Вы можете сказать относительно возможности применения Ваших разработок к естественно-научным исследованиям?

Ответ: Я считаю, что методологически они вполне применимы и к естественно-научным исследованиям. Их можно применять по отношению к естественнонаучному комплексу не только в исследованиях, но и в проектировании, программировании (управлении этой сферой), педагогике.

* * *

Председатель: Слово предоставляется соискателю для ответа на поступившие отзывы.

Александров Н.Н.: Я постараюсь очень кратко выделить суть замечаний и дать ответы на них.

В отзыве проф. Шулындина есть замечание о возможной чрезмерной абсолютизации роли духовно-сознательной компоненты в жизни общества.

Вопрос, с моей точки зрения, в конечном итоге сводится все к той же проблеме чрезмерной роли идеальной детерминации истории. Тему мы здесь обсудили, но к некоторым моментам можно обратиться еще раз. Мы отнюдь не утверждаем, что идеальная детерминация в истории единственная, существует большая иерархия детерминант от материальной до идеальной и эта иерархия может быть рассмотрена как очень дифференцированная, как, например, в геополитике. Более того, наступление эры преобладания идеальной детерминации истории по-настоящему только приближается. Но при этом все прочие детерминанты вовсе не исчезают, просто их действенность несколько ослабевает, меняется *пропорция их влияния на ход истории*. Действие закона возрастания роли идеальной детерминации в истории можно наблюдать по многим признакам, описанным, например, у Тоффлера и у Субетто.

Еще одно замечание касается некоторого схематизма. Не только не возражаю, но напротив, считаю *приведение изложения к схемам* достоинством всякой научной работы. Все, что выводится на схемы, лучше понимается и лучше проверяется, поскольку, кроме понятийной логики, подключается по крайней мере еще две: топическая логика и логика числа. Но это особая тема, о которой немало написано в наших работах. Это уже имеет отношение к семиологии и графологии в метатеоретических работах.

О необходимости сочетания системного подхода с объективным. Такой тип противопоставления и сочетания, насколько я понимаю, исходит из наличия наряду с системным подходом объектного и субъектного. Если понимать объективный подход как более конкретный, имеющий дело с чем-то более реальным, что можно пощупать руками. В нашей работе (я имею в виду книги) такими более чем реальными объектами, которые мы исследуем, выступают произведения искусства. Так что есть и реальные объекты и огромная прикладная часть.

По отзыву профессора Радикова. Во-первых, по поводу большего акцентирования эвристической ценности метода. Метод применим по отношению к основным видам деятельности в связке исследование — проектирование — педагогика — управление, а также по отношению ко всей восьмерке деятельностей. Сфера охвата предельно большая и везде можно открывать, открывать и открывать новые закономерности системного генезиса. Дает ли это прорыв в новое знание? В том поле, в котором работаю я, дает; думаю, и на других полях это тоже будет происходить не менее интенсивно.

Второе: по поводу моего заявления, что историю в ментальном ракурсе в целом еще никто до меня не исследовал. То, что ранее даны были *схемы философии истории* — естественно, были, и немало; но, насколько мне известно, все они исходили из других позиций. И этих схем было много, и ракурсов много, но *ментального ракурса истории в целом* среди них пока не было. Или он пока не встретился мне в литературе.

Пожелание профессора Касьяна о том, что метод системогенетики следует более детально эксплицировать по отношению к естественным и техническим наукам стоит принять с ориентацией на будущее.

Спасибо всем, кто счел возможным отозваться на мою работу.

Председатель: Переходим к заслушиванию **отзывов официальных оппонентов**.

У нас три официальных оппонента. Первым слово я представляю доктору философских наук, доктору экономических наук, кандидату технических наук, академику ряда академий, профессору Субетто А.И. (отзыв не приводится ввиду его обширности, но из ответов смысл его будет ясен).

Председатель: Слово соискателю для ответа.

Александров Н.Н.: Как правильно заметил Александр Иванович, в моей работе есть ряд спорных положений и положений, требующих расширенного обсуждения. При всем сходстве наших общих позиций, они как правило, связаны с расхождением наших точек зрения, а это обусловлено различием самих наших исходных позиций.

Первое замечание уважаемого оппонента касается впечатления недосказанности и некоторой декларативности текста в ряде мест диссертации. Речь идет о том, что тема иногда обрывается выводами и автор ссылается на свои опубликованные монографии. Замечание это скорее редакторское и по сути техническое, с ним можно согласиться, поскольку первоначальный текст был вдвое больше и его пришлось в несколько приемов уменьшать. Остались швы, но они всегда неизбежны, как и отсылки к монографиям “на самом интересном месте”. Таков уж жанр диссертационной работы.

Второе замечание касается сужения моей трактовки “онтологии”, как представляется оппоненту, до статической. Это не так, поскольку проведение аналогий между “статическим и динамическим” подходами в системогенетике и “бытием и временем” в философии нужно было только для адекватного сравнения их возможностей. Естественно, что онтология как учение о бытии включает в себя и момент развития — какое же бытие без развития, сущность без существования. Но статический и динамический ракурсы вовсе не переключались в философию из системогенетики, они есть и в самой философии, например, у Конта. Кроме того, существует и особый ракурс “бытия во времени”, который акцентируют и Шпенглер, и Хайдеггер. “Мир как история”, и “мир как бытие”, “здесь-бытие” и “наличное бытие” у них различаются, что я и акцентировал при сопоставлении метода философии с методом системогенетики. Мне в этом смысле во многом импонирует “креативная онтология” Александра Ивановича, где эти стороны воссоединяются, хотя я критикую ее как особое философское проявление традиционного естественно-научного подхода XIX века, как глобальную экстраполяцию. Мой вариант системогенетики связан с экзистенцией, а это — особое человеческое измерение “бытия во времени” и потому оно отличается от понимания “бытия” в более традиционной философской трактовке, и не столько в гегелевской, сколько в кантовской линии. Когда онтология рассматривается как центральное среди понятий, она наделяется, разумеется, и временными характеристиками. Но когда различается “бытие и время”, необходимость в этом отпадает.

Что касается применения диалектики, то она существенно развита в наших работах как философский и общенаучный метод, хотя в тексте самой диссертации это проявлено, может быть, и не столь явно. Достаточно сослаться на мою монографию “Числовые инварианты в менталитете”, где гегелевская диалектическая основа разворачивается и трактуется во всех ее ракурсах, и в моно, и в диа-, и в троичности, и в виде четверки и так далее. Причем, трактовка диалектики и ее экспликаций дается нами как по отношению к статике, так и по отношению к динамике, на широком общенаучном материале, а также на материале искусства. Здесь требуется расширенное обсуждение темы, поскольку с данным замечанием оппонента, как я его понял, я не могу согласиться, учитывая широкий контекст моих работ.

Третье. Оппонент согласен с моей трактовкой числа в символьном и знаковом применении, но считает, что необходимо было бы шире рассмотреть понятие числа как выражение количества: “не только дискретный ряд чисел, но непрерывный, число-величина”.

Я хорошо знаком с работами Александра Ивановича по общей метатаксономии и потому понимаю, что он призывает рассмотреть экстенционал и интенционал по отношению к возможностям числа. Этот подход в принципе рассмотрен в моей работе “Числовые инварианты в менталитете”. Но ответ в данном случае будет следующим: для ментального ракурса, который в нашей диссертации является определяющим, качественное и дискретное проявление числа как ментального инварианта имеет решающее значение, а количественное и непрерывное может представлять только прагматический и исторически-конкретный интерес, поэтому мы его здесь никак не касаемся, хотя и упоминаем о нем.

Четвертое замечание касается того, что я узко трактую теорию общественного интеллекта, по Субетто. В теории Субетто понятие интеллекта, действительно, рассматривается как синоним управления будущим, что включает не только рациональные, но и интуитивные формы. Но он при этом удивительным образом не замечает, что все время говорит прежде всего о *познании* реальности, о *знании*, как единственном субстрате интеллекта. Пусть знание будет каким

угодно: рациональным, внерациональным, иррациональным, интуитивным, или прямым и т.д., но это — *знание* и используется оно в функции управления, которому все равно, как было получено знание. Путь это и не чистый рационалистический гносеологизм Просвещения, но это все равно гносеологизм. Очень важным моментом является то, что Субетто при помощи иррациональных способов получения знания пытается доказать, что само итоговое знание содержит иррациональность. Во-первых, это не так, а во-вторых, это не имеет значения для сути обсуждаемого.

Можно декларировать, что знание должно стать нравственным, знание должно стать красивым, а не только полезным. Но как? Теория общественного интеллекта ответа на эти вопросы не содержит и в субстрате знания эти тонкие материи тоже не могут удержаться. Вот польза — это хорошо удерживается, а калокагатия — никак. При переводе знания в сферу управления все благие пожелания вообще отпадают, я это знаю по своей управленческой практике. Таким образом, суть моих опасений — в субстрате общественного интеллекта, каковым выступает знание.

И здесь я хочу напомнить Александру Ивановичу его же излюбленный “закон искажения великодушных идей Достоевского”. Представим, что его теория общественного интеллекта завтра будет принята на вооружение обществом. И он окажется в той же ситуации, в которой оказался Ленин в пьесе Шатрова, столкнувшийся с конкретными реализаторами его идей: сценический Ленин ужаснулся прежде всего чудовищной редукции своих идей до уровня брошюрок и лозунгов.

Что касается креативно-стеретипной волны, то она имеет отношение вовсе не к тому, что мы сейчас обсуждаем, а ко всякой общественной духовной цикличности. Например, и в цикле науки XX века начало было креативным, а завершение — стереотипным, начали с рационального космизма, а закончили древней астрологией. Это доказывает, что в знании содержится и рациональное, и иррациональное; но это вовсе не доказывает, что в знании содержится нравственное и эстетическое начала.

По поводу противопоставления сознания и знания, которое, якобы, имеет место у меня в работе. Если быть точным, то контекстом в моем построении выступает тройка взаимосвязанных форм: общественный интеллект, менталитет и общественное сознание. Они различаются прежде всего масштабом, рабочими диапазонами.

Общественный интеллект оперирует знанием, он накапливает знание для управления будущим, вот почему он настроен на длиннопериодные волны и надсистемный масштаб. Знание древних греков для нас не устарело, и теорема Пифагора все еще преподается в наших школах. Такова специфика знания — оно входит в копилку человечества надолго, иногда навсегда. Знание тоже развивается, но в идеале знание есть то, что пригодно всегда и наполняет особую долговременную память человечества.

Противоположностью ему выступает “общественное сознание” в нашей трактовке, которая отличается от многих других. Это инструмент непосредственного погружения в настоящее и реакции на происходящее, а в отражающем смысле — это экран текущего времени, через который общество ведет мониторинг, “бодрствует”, по Шпенглеру. Здесь предельно короткопериодные волны и мизерный масштаб. Сознание поставляет материал для пополнения знания, но оно не содержит знаний. Можно воспринимать реальность и активно реагировать на нее, но при этом не иметь никаких знаний — так живут простейшие организмы. Подобные устройства есть и в очень сложных организмах; для аналогии — у нас в глазу, по В.П. Зинченко, есть особая “память предопознания”, которая работает задолго до того, как мы начнем различать образ при помощи мозга. У нее очень узкий временной диапазон, но некоторые практически значимые реакции для выживания она обеспечивает.

Вот почему общественный интеллект я связываю прежде всего с Истиной, подчеркиваю, с Истиной, а не только знанием, а общественное сознание — с Пользой.

И, наконец, место менталитета. Он удерживает целое, почему мы говорим о нем, как об особом единстве на пересечении долговременных и краткосрочных образований. Знания, управляющие будущим, нужны нам лишь изредка, когда мы принимаем решения на определенный период и тем самым проектируем будущее. Знания — материал проектный, все остальное время эти знания лежат как бы на складе. Сообщения о происходящем из сознания подтверждают

или опровергают действенность принятого проекта. Но такая аналогия хороша для роботов, поскольку показывает, как работает связка Истины с Пользой.

Между тем на этой грани, между Истиной и Пользой, существует совершенно иной механизм управления, на который уважаемый оппонент никак не выходит, и именно из-за своего принципиального гносеологизма. Такой подход к истории с позиций общественного интеллекта является современным продолжением линии Просвещения и может привести впоследствии только к новому идеологическому управлению обществом. А как только возникает управление на основе накопленного знания, на основе познанного, идет селекция знания для принятия решений. При этом не обязательно иррациональное отмечается: Гитлер достаточно долго и успешно руководил Германией и побеждал в войнах, хотя в основе его идеологии лежал эзотеризм, теософия, астрология и т.д. Но и у него, и у Сталина машина управления была идеологической.

Между тем общество управляется не только при помощи знания, какой бы природы оно ни было. Неужели не видно по талибам, что ими управляют отнюдь не знания? И назвать их поведение иррациональным тоже трудно. Значит есть нечто третье. И это третье порождает калокагатические регуляторы общественного поведения.

Парадоксальность менталитета состоит в том, что он работает во времени, во многих иерархических диапазонах сразу. Кроме того, в менталитете используются некие целостные образы, архетипы, устойчивые групповые представления и т.д. Менталитет имеет калокагатическую окрашенность, т.е. в его основе лежит связанность Этического и Эстетического. Я доказываю, что они особо не привязаны ни к каким формам знания, они вполне самостоятельны. Они задают целостные образы мира и установки к действию. Эти установки имеют как долговременный, так и кратковременный характер. И единственное, что реально отображает состояние этой сверхсложной сферы — это искусство. Посредством изучения искусства удалось увидеть, что сама эта сфера строго упорядочена и имеет свою циклику.

Мои возражения Александру Ивановичу состоят в данном случае в том, что он всячески пытается возложить на знание то, что знанию не принадлежит. Мы имеем здесь дело с аксиологией, а не с гносеологией, с процессами воспитания, а не с образованием и обучением. И конфликт между мифом и рациональным знанием, о чем говорил не только Налимов, это конфликт этих двух разных линий. Функция мифа вовсе не в том, чтобы дать знание, но в том, чтобы дать целостную образную опору и задать мотивацию.

Теперь рассмотрим: действительно ли я редуцировал категорию общественного интеллекта до ее рациональной составляющей, как утверждает оппонент? Да нет же — и в самом общественном интеллекте полным-полно всего иррационального и обществом можно управлять и на основе одного только иррационального знания, как Гитлер. Но все равно это будет особый, знаниевый тип управления будущим. Критика теории общественного интеллекта с позиций ментальных механизмов управления состоит в том, что поведением общества *реально* управляет не только знание, и чем глубже в историю, тем меньше эта функция принадлежит знанию. Не только наша политика, но и власть все время оглядывается не на знание, а на установки, нравственные нормы, весьма неясные приоритеты своего электората. Американцы будут бомбить Афганистан вовсе не на основе знаний, а потому, что к этому Буша подталкивает общественное мнение задетых за живое американцев. А ведь любой знающий эксперт скажет ему, исходя из истории, что там сломали зубы и Великобритания и СССР и многие другие до них.

Другое дело, что так, как хочет Александр Иванович, должно быть. Знает ли человечество, что успешно идет к экологической катастрофе? Знает. И что, оно управляет свои будущим на основе этого очевидного знания? Нет. Здесь и лежит разрыв между должным и сущим, хотя речь идет о самом важном — о выживании. И поэтому я говорю — до тех пор, пока мы не научимся ментальному управлению, проектированию менталитета, никакие знания современное общество не спасут. Теория общественного интеллекта была бы хороша для социализма, если бы он однажды приобрел планетарный масштаб.

В менталитете, как считает Александр Иванович, есть только *отражение* социального бессознательного. Это не так. Менталитет не столько отражает, сколько реально *управляет* поведением обществ, групп и отдельных людей. Пока это происходит за счет глобальной ментальной программы, колоссальной инертной силы менталитета, можно сказать, почти безо всякого участия людей. Что проку воевать с конкретными чеченцами или талибами, если их ментальность самовоспроизводится на новых поколениях как Гидра? Но если мы понимаем, что менталитет управляет людьми, то нужно попробовать понять менталитет, управлять менталитетом, проектировать его. Вот основной пафос моей работы, который оппонент упорно не хочет воспринимать. Ни малейшего сходства нет между знаниевым и ментальным управлением и нельзя их сводить к чему-то одному, это не только разные способы управления обществом, у них еще и механизмы разные.

Александр Иванович пытается приписать менталитету одну только культурно-этническую основу и тем самым подвести его под общественный интеллект, как одну из “устойчивых” составляющих. Но это сужает проблему до одной только этно-культурно-топической типологии менталитета, близкую к теориям Мечникова и Гумилева. Но это далеко не все, что содержится в менталитете, и это мнение оппонента противоречит ряду моих утверждений: о существовании единого менталитета человечества, а он есть; о существовании единого формационного менталитета, а его наличие очевидно; об особом менталитете цивилизаций, который описывают Шпенглер и Тойнби, и так далее.

Высказывание оппонента, что проблема, якобы, снимается за счет введения в механизмы общественного интеллекта “единства науки, культуры и образования” я считаю непомерно расширительным. Искусство, наверное, тоже входит в культуру, но я бы не стал утверждать, что рождением художественных образов управляет общественный интеллект, субстратом которого является знание. Религию не отнесешь к этому перечню, но и она неплохо управляет обществом, используя те же механизмы культуры и образования и даже местами науки.

Утверждение оппонента о том, что формы познания Добра, Красоты и Пользы являются особыми комплексами знаний нет нужды комментировать. Формы познания их, да, но отнюдь не само содержание ценностной сферы. Думать так — значит допустить непозволительную редукцию аксиологического через гносеологическое. А ведь содержание менталитета как раз сплошь аксиологическое. Может ли общественный интеллект познавать менталитет? Да, но пока очень незначительно. А проектировать менталитет и управлять им общественный интеллект не может почти совсем. Познавать ценностную конструкцию менталитета и управлять менталитетом — это разные задачи и они не обязательно решаются посредством знания. Тут экспансия просвещенческого знания буксует, сколько ни наращивай объемов знания и не вводи в знание иррациональной компоненты.

Я еще раз повторюсь, что не понимаю, как именно общественный интеллект способен синтезировать в себе истину, добро, красоту и пользу, если его субстратом является знание. Это уже будет не интеллект, это будет Благо, а Благо принадлежит только Богу. И, по сути, такая трактовка общественного интеллекта и делает из него “бога, но без Бога”, это просвещенческий вариант Творца. Если говорить о реальности, то категория общественного интеллекта в ценностном плане пока выглядит как синтез Истины и Пользы, а категория менталитета опирается на синтез Добра и Красоты. Почему нужно сводить одно к другому и пытаться включить одно в другое, в научном плане мне не очень понятно.

С позиций управления будущим, говорит Александр Иванович, злой разум обречен на исчезновение с лица Земли. Прямо на наших глазах совершается экспансия научно-технического разума, замешанного на власти денег, Пользы, и это он гонит планету в пропасть. Это не злой разум, но это полезный разум. Можно заранее сказать, что он уничтожит, если не Землю, то человечество. Если что-то ему и противостоит, так это ментальные механизмы, обладающие колоссальной исторической инертностью. Если мне завтра покажут, как именно Разум собираются сделать добрым, я поверю в божество общественного интеллекта. А пока говорю — внутри разума я калокагатии не обнаруживаю. Императив выживания человечества ввести внутрь знания в сегодняшнем мире просто некуда.

Пятое. Я называю концепцию образовательного общества Субетто утопией по той же причине. Образовательное общество на базе общественного интеллекта — это проект-утопия

для будущего, когда вся планета станет единой и социалистической и будет управляться на разумных, то бишь просвещенческих, основаниях. Не очень понятно только, перейдет ли человечество к этому единству за счет построения образовательного общества, или образовательное общество возникнет на основе водружения этого единого устройства. Но это — в порядке реплики.

Если отвечать по существу, то образование обеспечивается знанием. И мы имеем в результате знаниевое общество, немного отличающееся от общества информационного. В педагогическом смысле менталитет обеспечивает не образование, а *воспитание*. Добрым человека можно *воспитать*, но этого качества никогда не добиться за счет самого правильного образования. Никаким образованием не создашь художника — поскольку актуальное восприятие красоты лучше всего воспитывается в хорошей мастерской популярного мастера. Зато знанием художника можно изуродовать, и тому была масса примеров в советское время. Но не получилось сделать из писателей инженеров человеческих душ. Вот почему я и говорю, что образовательное общество в его чисто знаниевом виде — это утопия. А ничего другого, кроме знания, судя по массе публикаций, я внутри идеи образовательного общества не нахожу.

Можно отметить одно слабое звено в рассуждениях оппонента. Он сначала приписывает разуму отсутствующее у него аксиологическое качество: “злой разум обречен на вымирание, а потому — разум должен принять нравственный императив выживаемости”. Ничего похожего в реальности не наблюдается, а использование кантовского “императива” отнюдь не переводит должное в сущее. Разум уже давно стал полезным, но отнюдь не стал нравственным и красивым и вряд ли станет сам по себе — ничего в логике его развития к этому не ведет. И дальше на этой гипотетической основе выстраивается механизм опережающего образования и т.д.

Я могу согласиться, что будущее рождается при посредстве утопий. Ментальное управление обществом — тоже утопия, но утопия в чем-то конкурирующая с информационным и образовательным обществом. Конкурирует она там, где концепция образовательного общества не имеет реальной основы. Запад, упрощенно говоря, уже запустил основные механизмы образовательного общества. А вот исламские и некоторые другие страны упорно придерживаются традиции “воспитательного общества”. Эта вторая модель консервирует общество, но зато придает ему невиданную устойчивость во времени. Спрашивается, а так ли нам нужно все быстрее и быстрее покорять природу и конкурировать с соседом? Не лучше ли искать гармонию и просто по-доброму жить в прекрасном мире. У нас еще есть выбор.

Шестое. О соотношении кооперации и конкуренции внутри цикла. Если быть точным, речь в моей работе шла о применении этой индикационной пары к социальным циклам самого разного масштаба и, видимо, нужно уточнить мою трактовку этих терминов.

В порядке иллюстрации: цикл античной формации в целом начинается с Древнего Египта, где “принцип кооперации” работал в самой грубой форме, но позволял удерживать монолит общества. А заканчивается этот цикл римским обществом конкурирующих индивидов, что и привело античность к деградации и распаду. Или взять советское общество: в сталинские времена та же насильственная кооперация, а в конце цикла, в нашем времени преобладает обратный “принцип конкуренции”. Я понимаю максимально проявленную скооперированность людей как основу их общественной интеграции, в противопоставлении конкуренции как личностной дифференциации.

Вот почему и по отношению к истории в целом этот принцип работает, но не экономически, как трактует это оппонент, а ментально. Первобытный человек вообще не выделяет себя из своего социума и в этом смысле он очень жестко включен в социальную кооперацию, без нее он не выживет. Капитализм, пока что последняя стадия развития человечества, стоит на принципе личной конкуренции, что является проявлением закона роста разнообразия.

Таким образом, на примере трех циклов разной длины этот индикатор работает, и на других циклах тоже.

Субетто берет в своих работах другой ракурс. Он рассматривает рост сложности общественного устройства, который сопровождается ростом скооперированности людей, их взаимозависимости. Это как бы обратный конус социальной эволюции, у которого другие основания. Эти два конуса истории по своему ракурсу взаимодополнительные. Такая модель из взаимодополнительных конусов и импульсов у меня в работе есть, в методологической

части. Оппонент своим замечанием позволяет проиллюстрировать ее действие на примере эволюции социума.

Седьмое. Приоритетность в создании общей системогенетики, как я и написал в ряде работ, несомненно принадлежит А.И. Субетто.

Восьмое. Стилистические небрежности в работе есть, замечания принимаю.

Что касается сходства культуры режимов Сталина и Гитлера, я провожу его исключительно на материале искусства. Отношение во времени, пространству, общая напряженность, приемы и способы выражения не просто идентичны, а иногда поразительно идентичны. Мы ведь искусства Третьего Рейха никогда особенно не видели. Но даже по крупницам, которые были показаны в фильме Ромма “Обыкновенный фашизм” можно сделать выводы о полной идентичности двух художественных концепций. Портреты вождя в сотнях позиций, групповые портреты вождей на трибунах и в президиумах, безликие воины с мечами, только каски разные, груды мускулов у спортсменов и спортсменок, стремление скульптур и зданий к гигантизму (вспомните у нас проект Дворца труда со стометровой статуей Ленина), геометрическая символичность — у нас звезда, у них свастика, рельеф с рядами шагающего народа, вообще множество древнеегипетских приемов и т.д. Далее — парады, паталогическое стремление к пышным парадам! Агитпроп! Далее — резкий переход от конструктивизма к неоклассицизму у нас и от стиля Баухауза к имперскому классицизму у нацистов. Марши! Сплошные марши и истеричная пропаганда по радио. Герои, покорители пространства, борцы со стихиями. А фильмы, особенно предвоенные, даже комедии, просто ужасно похожи. Все это я описал в книгах, не стану повторяться.

Признаюсь, я не знал, что такую же аналогию провел в политике Бжезинский, но это для меня особого значения не имеет. Я исследую не политику, а менталитет и способы его выражения в искусстве. И определенное сопротивление, которое вызывает этот пример, я могу понять и принять на уровне эмоций и воспитанного в нас с детства противопоставления “наши и немцы”. Душа не принимает этой правды, но это — увы, правда.

Различие экономики, распределения, способа общественного устройства и прочие аргументы Александра Ивановича я не могу принять за критику. Да, это разные *цивилизационные* варианты, но разные варианты одного и того же *культурного* типа.

Председатель: Слово представляется второму официальному оппоненту профессору Шалаеву (*отзыв не приводится по тем же причинам*).

Председатель: Ответное слово предоставляется соискателю для ответа.

Александров Н.Н.: Уважаемые коллеги! В данном случае мы имеем очень интересный опыт воззрения на тот же текст из рамок другой парадигмы. Александр Иванович посмотрел на него с позиций системогенетики, а Владимира Павлович — с позиций синергетики, развиваемой им социосинергетики.

Первое. Что касается вопроса о контексте возникновения системогенетики и соотношения ее с множеством научных течений и школ в XX веке, то я посвятил этой теме большую часть монографии “Эволюция ментального хронотопа”. Она у оппонента есть, как и все мои книги.

Второе: обоснованность самой системогенетической методологии — это вопрос, скорее, к Александру Ивановичу, поскольку он ее создатель. Эта методология есть, она работает в массе прикладных видов, а моя задача состояла во взаимоотражении методов философии и системогенетики. По его поводу можно проводить философскую рефлексию, что я и сделал, она и раскрывает философские основания этого подхода и этого метода.

Третье. Канва вопроса такая: управляемость — это в определенной мере технизм, выделение закономерного в развитии общества содержит элемент жесткого детерминизма, а где здесь присутствует детерминанта хаоса, механизм кризиса, конфликта, бифуркации?

Сразу видно, что вопрос задается из парадигмы синергетики. Текстуально отвечу таким образом: конец второй главы, параграф называется “бифуркация, кризис, катастрофа, революция”.

Теперь подробнее. Я исхожу из теории циклов и отсюда моя кажущаяся жесткость и даже детерминизм. То, что вы называете проявлением Хаоса, присуще всякому окончанию цикла. Приближение этой конечной фазы, сопровождается бифуркационными явлениями, которые могут перерасти в кризис и катастрофу, а социальном плане — в революцию. Я анализирую не просто понятие бифуркации в обществе, а вывожу “закон дублирования”, когда в истории появляются двойники, исторические дублеры, одинаково способные реализовать основную тенденцию истории. Это и люди, и нации, и государства, и целые цивилизации. Были исторические дублеры у Гитлера, не будь Сталина, был бы Троцкий и т.д.

Начало цикла характеризуется скачкообразной реализацией главной тенденции и воспринимается как категория “вдруг” у Платона. Отсюда и понятие импульса у Льва Гумилева, “культурного взрыва” у Лотмана и т.п. Почему это происходит взрывообразно: начало цикла, все ячейки новой системы пусты, а ее содержание уже существует. Они заполняются с огромным ускорением, а по мере становления системы эта скорость падает, пока не наступает стагнация и приближение бифуркации.

Образно говоря, спираль Хаоса — это дополнительная спираль по отношению к порядку и детерминизму. Ослабевает порядок, нарастает хаос, в момент перехода между циклами он даже показывается на поверхность: это называется “мертвое время системы”.

Четвертое. Ни одна теория не может претендовать на единственность, нужна дополнительность.

Согласен. Думаю наши сегодняшние дебаты с Александром Ивановичем как раз из этого разряда.

Пятое. Много понятий не философского характера: модусы, маркеры, скрепы.

Собственно, оппонент в своей речи уже сам себе и ответил. Работа, как констатирует он, на стыке ряда наук и направлена на поиски междисциплинарного языка науки. В этом случае использование понятий и терминов других наук в новом контексте является единственно возможным вариантом донесения нового содержания. Существенно то, что в новом контексте меняются трактовки этих терминов. Например, трактовка понятия “бифуркация” у нас в тексте не синергетическая, а принадлежит к аппарату теории циклов. Но “модус” — старое философское понятие, а термином “скрепы” пользовались в философии и древние греки, и великий Лосев. “Маркеры и индикаторы” — это термины из области социологии, но мы и применяем их тогда, когда намечаем переход от чистой социальной философии к прикладным исследованиям.

Вот, пожалуй, все, спасибо за замечания уважаемому оппоненту.

* * *

Председатель: Слово предоставляется третьему оппоненту, доктору философских наук, профессору Прохорову М.М. (*отзыв не приводится по тем же причинам*).

Председатель: Слово соискателю для ответа.

Александров Н.Н.: Спасибо Михаил Михайлович. С Михаилом Михайловичем было приятно работать, поскольку он обладает исключительной деликатностью и высокой философской культурой. Я благодарю его, как оппонента за ту терпимость, которую он проявил по отношению к моей работе. В качестве оппонента ему пришлось просмотреть несколько вариантов текста, которые фактически являлись разными работами. Это был нелегкий труд и тут его рекомендации способствовали выравниванию работы до ее сегодняшнего состояния. И Михаил Михайлович, безусловно, прав, что большинство представленных публикаций настолько обширны, что прочитать их в полном объеме оппоненту просто физически тяжело.

По поводу изменения парадигмы, ухода от объектно-субъектного отношения к философскому антропоцентризму. Да, действительно, это так, и я анализирую в одной из последних работ — “Экзистенциальная системогенетика”, изменение парадигмы в науке и менталитете XX века, и, в особенности, изменение парадигмы понимания: как герменевтические понятия и представления движутся к экзистенциальности. Тут я отметил бы следующее: в конструкции своей экзистенциальной системогенетики я пытаюсь уйти от традиционного естественно-научного подхода XIX века, от позитивистской его интерпретации, от натурального подхода, пытаюсь перейти к тому подходу, который был присущ XX веку, в особенности — западной его ветви,

а именно — экзистенциальному подходу как целому и подходу прежде всего изнутри человека. В этом плане я считаю, что недостаточно оценена, и Михаил Михайлович это подчеркнул в своем выступлении, “креативная онтология” А.И. Субетто. Это шаг вперед в области философии, в котором субъект и объект сливаются, но они сливаются в новой картине мира, отличной от западного варианта индивидуалистического экзистенциализма, у него человек выступает как часть человечества и это явление рассматривается в масштабах планетарных. Это есть и в моих работах, и это — философский парадигмальный поворот, который Михаил Михайлович уловил. Может быть, он менее отчетливо прозвучал в тексте диссертации, как вывод, но в методе он присутствует.

По поводу замечаний, которые можно отнести к разряду традиционно спорных. Первое замечание касается соотношения категорий “единичное” и “конкретное”. Уважаемый рецензент пишет, что “ведущей категорией здесь следует считать не “единичное”, а “конкретное” — как более богатое, охватывающее собой богатство общего, особенного и единичного. На это указывал уже Гегель и это точнее соответствует замыслу автора представить цивилизацию и культуру на материале произведений искусства с применением совокупности калокагатических индикаторов. Если произведения искусства квалифицировать как проявления единичного, то их нельзя считать репрезентирующими все богатство уровней особенного и общего”.

Здесь можно возражать только по форме. В исследовании методологически использована известная гегелевская тройка понятий “общее — особенное — единичное” и она соотносена с тройкой системных понятий “надсистема — система — подсистема”. Единичное как подсистемное берется здесь в рамках обозначенной тройки как предельное в данном иерархическом смысле. Иначе нам необходимо было бы дополнить эту тройку до четверки или пятерки уровней. Но если рассмотреть поднятую проблему с другой стороны, сама процедура выделения индикаторов и их суммирования по уровням показывает, что мы имеем дело именно с конкретным, взятым именно так, как его трактует Гегель и на что указывает уважаемый оппонент. Противоречия здесь нет, и противопоставления или подмены “конкретного” на “единичное”, как нам кажется, тоже нет, поскольку это — два разных контекста по отношению к одному и тому же.

Второе замечание состоит в том, что, цитирую, ”при анализе противоречий диссертант подразделяет их на статические и динамические. По нашему мнению, понятие “статическое противоречие” в философском плане неточно. Принять его — значит отказаться от тезиса о противоречии как *источнике* изменений. Фактически у автора идет речь не о противоречии, а об *образе* противоречия, который может быть моментальным и в этом смысле статическим. Но, понятно, образ противоречия нельзя отождествлять с самим противоречием, которое везде и всегда имеет динамический характер. Различие статики и динамики автор перенес в философию из системогенетики, следуя О. Контю”.

И третье: “спорным является вопрос о доминировании одной стороны противоречия над другой как непреложной закономерности. Этот вопрос имеет в истории философии неоднозначное решение. Приводимая в доказательство ссылка на системогенетическое понятие “толерантности” имеет косвенное отношение к философии и философской методологии. Здесь нужны дополнительные логические (теоретические) и эмпирические обоснования — если мы не хотим ликвидировать самостоятельность философии относительно общенаучных представлений системогенетики”.

По существу это один и тот же вопрос и он интересно поворачивается, если удерживать в поле зрения оба аспекта. Если не брать во внимание такую характеристику, как “направленность”, или “толерантность” в развитии противоречия, не вводить его в формулировку понятия “противоречие”, то мы и будем иметь *статическое* определение самого понятия “противоречие”. Если противоречие никуда не развивается, оно и не должно иметь направленности; но таких противоречий в природе нет, все находится в развитии, в том числе и стабилизированные гомеостатические системы. А если все находится в развитии, то резонно задаться вопросом — “куда”, в каком направлении развивается противоречие. Можно говорить только о статусе самого термина “направленность”, выступающего как уточняющая характеристика к понятию “развитие”. Да, повсеместно мы сталкиваемся с относительно

стабилизированными системами, где развитие приобретает гомеостатический характер, как те, о которых говорил А. Богданов. Но противоречие при этом все равно сохраняется, и вектор его направленности тоже никуда не исчезает, просто значение этого вектора можно считать на некоторый период бытия противоречия нулевым. Гомеостатических систем, существующих вечно, в природе нет, а значит, рано или поздно любое противоречие приобретает свою направленность.

А любая направленность сразу же приводит противоречие к асимметрии сторон противоречия: одна сторона становится слабее другой, что и порождает процесс. В этом смысле только при полном тождестве взаимоисключающих сторон мы имеем гомеостатически уравновешенное противоречие, но полное тождество — крайне редкий случай в природе. Во всех остальных случаях стороны противоречия асимметричны. Причем общая закономерность циклического развития состоит в том, что сначала доминирует одна сторона противоречия, проходит момент их равновесия, а затем — вторая. Это и есть гегелевская трехфазовость в развитии.

Итак, это один ракурс проблемы: статическим можно счесть противоречие, временно находящееся в гомеостатическом состоянии, при условии полного тождества сторон противоречия. Это понимание статического в противовес динамическому, и оно, действительно, исходит из системогенетической пары “статика — динамика”.

По поводу статических и динамических противоречий в логическом смысле можно привести другую аргументацию. Если мне не изменяет память, первый, кто в нашей отечественной литературе развел эти два вида противоречий, был профессор Милютин из МГУ в 1956 году в своей книге “Проблемы конечного и бесконечного”. Это был первый советский философ, который сказал, что хватит рассматривать противоречие только как источник развития, это логическая ошибка. Есть противоречия, которые действительно являются источником развития, источником движения, но есть противоречия, которые только констатируют раздвоенность явлений, как, например, противоречие между левым и правым, магнитными полюсами и т.п. Поэтому общая формулировка закона единства и борьбы противоположностей не может сводиться к пониманию противоречия как источника развития. Принцип поляризации, метод поляризации содержит противоречие, понимаемое более широко, чем противоречие лишь как источник развития. Есть контрарность, а есть контрадикторность и эти особенности различаются даже в древнекитайской философии. То есть, противоречие в его статическом виде может выступать и как констатация статичного состояния полярностей, противостояния полярностей. Это не образ противоречия, а само реальное противоречие между двумя полярностями. Принцип поляризации в инструментальном смысле богаче, чем понимание противоречия как источника развития. Но это проблема все равно пока дискуссионная, и мы ее не будем здесь обострять, хотя в моих книгах она подробно рассмотрена.

Еще одно замечание уважаемого оппонента состоит вот в чем: “диссертант полагает, что система представляет собой настоящее, надсистема ответственна за будущее, а подсистема имеет отношение к прошлому. Мысль эта интересна, однако она никак не обоснована. Против нее могут высказаны возражения. Например, подсистемы представляют собой элементы системы, но следует ли отсюда, что эти элементы презентуют исключительно прошлое системы. Аналогичным образом можно сформулировать вопрос, относящийся к надсистеме”.

Здесь мне в своем ответе нет нужды “ломиться в открытую дверь”. Это системогенетический закон, гласящий, что всякая система имеет два наследственных потока: один обеспечивает надсистемное наследование, и это наследование из будущего, второй — подсистемное наследование, и это наследование из прошлого. Ну, хотя бы такой простейший пример: человек есть биосоциальный субстрат, что в системном плане означает следующее — его биологические подсистемы сформированы в прошлом, в результате биоэволюции, а надсистемой для него является социум и оттуда к нам идет “наследование из будущего”. Человек ищет свою нишу в социуме, строит свое будущее а для надсистемы он является тем элементом, для которого уже зарезервирована определенная ячейка. Мы слеплены из глины, и оживляет эту глину надсистемный Логос. Это ответ на поставленный вопрос в системно-иерархическом ракурсе.

Есть и другой вариант ответа, для случая, когда мы не выходим за пределы системы. В жизненном цикле системы доминируют друг за другом три подсистемы, последовательно

сменяясь в трех фазах. В первой фазе система “обращена в будущее”, и она обладает рядом надсистемных свойств, это обеспечивают футуро-элементы внутри системы. Противоположная фаза характеризуется “обращенностью в прошлое” и это обеспечивается “элементами из прошлого”. В середине наблюдается их равновесие. По сути, это элементы, обеспечивающие системную изменчивость и системную устойчивость. Возьмите тот же пример с человеком и его жизнью — в юности мы рвемся занять свою нишу в социуме, мы обращены в будущее и готовы все менять, в середине жизни мы живем в основном проблемами настоящего и тяготеем к консенсусу, а к старости наша биологическая телесность так обременяет нас, что ничего кроме собственных болячек нас уже не может интересовать и мы, увя, обращены в это прошлое, озабочены сохранением своей устойчивости.

Итак, здесь два ответа: один из иерархического ракурса системного мира, второй изнутри системы, в которой этот иерархический ракурс все равно презентуется, отпечатывается в элементах. Я даже перевел эту закономерность в ранг закона.

О соотношении многофакторной детерминации и доминирования ментальной составляющей мы уже говорили в ходе дискуссии. Ментальное доминирование нарастает, но оно не является единственным, а действует наряду со всеми прочими, речь о пропорции.

В целом еще раз нельзя не отметить, что уважаемый профессор Прохоров М.М. проявил завидное терпение и детально проанализировал весь текст. Я очень благодарен ему за сотрудничество и такт. Спасибо.

Дискуссия

Председатель: Спасибо. Мы переходим к открытой дискуссии. Приглашаю сначала членов ученого совета, желающих высказаться по диссертации. Пожалуйста, доктор философских наук, профессор Норенков С.В.

Проф. Норенков С.В.:

Великий немецкий поэт и ученый Гёте в свое время сказал: “Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет”. Мне хочется в продолжение его мысли сказать, что когда слушаешь выступления Николая Николаевича Александрова и Александра Ивановича Субетто, то просто-таки зримо видишь, как наука живет и развивается, и понимаешь, что она не суха. Я хочу зафиксировать, что просто доставляет наслаждение слышать то, как наука живет, она зеленеет и плодоносит. В том смысле, что есть школа и эта школа новая, она включает в себя и нашу, нижегородскую, и питерскую, и самарскую — есть живое ощущение пересечений, переплетений, сопряжений. Это река, это растущее дерево, и когда слушаешь такие выступления, есть ощущение того, что прямо у тебя на глазах, как иногда в кино это показывают, когда в ускоренной съемке — раскрывается бутон, раскрывается цветок. Ощущение того, что наука живет, и иногда она живет очень активно, демонстрируя большие приращения.

Когда я задавал вопрос — в каких направлениях, концепциях, теориях, парадигмах науки соискатель себя считает автором, я вспомнил защиту Субетто. И тогда, и в этот раз я думал — к какой науке это отнести, какие новые научные синтезы мы здесь имеем? Мы имеем здесь целые гроздья, целые соцветия научных направлений, и по ним видно, как наука сегодня живет своей бурной жизнью и она, действительно развивается и очень много может.

Это вот такой пафос, которым я не могу здесь не поделиться.

Я знаю Николая Николаевича много лет, это ркая личность, организатор, он был и ректором университета в международной академии много лет. Мне довелось ездить в Тольятти несколько лет, я наблюдал, как он работает, он может не отрываясь от компьютера напечатать научную статью объемом 11 страниц и она готова для публикации.

Я думаю, что это действительно образец учёного. Образец учёного, которые просто редко бывают. Много лет я в совете, и могу сказать, что достаточно редко встречаются люди, которые способны вот так энергично, пассионарно развивать науку. Такие защиты, как Субетто и Александрова я ставлю рядом, они отличаются от всех других защит.

Данная работа даже не нуждается в защите. Николаю Николаевичу можно было бы присудить искомую степень просто по совокупности работ, которые уже известны учёным.

Когда требуется для докторской одна монография, мы в данном случае имеем почти десятикратное превышение по их количеству, а по общему реальному объёму в листах это еще больше.

Николай Николаевич не просто принадлежит к определённой “школе” философов, он является *лидером, основоположником* определённого направления. Он сам — школа.

О соотношении специальностей “философия науки и техники” и “социальная философия”. Мне кажется, что в работе присутствует и то и другое. Мы имеем дело с *философией науки*, это для меня очевидно, поскольку здесь речь идёт о методологии как необходимом компоненте научных знаний. Для меня наука складывается из нескольких элементов: история, теория, методология и критика. К сожалению, методология у нас в диссертациях обычно рассеяна, она в диссертации входит как часть или как первая глава, или рассыпана по всей работе. И то, что на совете зазвучало, наконец, *методология* как необходимый философский компонент, это и говорит, что перед нами *философия науки*. Что касается техники, то это — особый момент, но здесь смело можно говорить о практике: как Главный дизайнер города Тольятти он постоянно имеет дело с техникой и в его опубликованных работах философское осмысление техники тоже присутствует. Может быть, в самом диссертационном тексте это и осталось несколько “за кадром”.

Что касается *социальной философии*, то для меня нет сомнений, что это и социальная философия. Я бы даже название диссертации сделал ещё более лаконичным и назвал бы работу: “Методология системогенезиса социума”. Всего три слова, которые полностью раскрывают это мощное новое направление, мощнейшее новое направление. А дальше можно говорить, как от этого нового корня начинают развиваться и отпочковываться более конкретные ответвления. Здесь прекрасно было показано, что есть общая системогенетика, есть и прикладные системогенетики в разных вариациях, социогенетика, техно и так далее, и так далее.

Вот в этом смысле мне кажется, что здесь есть целый “куст” философии науки, и он очень хорошо сопрягается с социальной философией. И здесь мы имеем дело со сложной архитектурой, воссоединяющей массу научных направлений. Эти вот законы, которые здесь выстраиваются, они очень симпатично проявляются в неких системно-синергетических комплексах.

Это вот позитив, который я хотел обязательно высказать.

Но мне хотелось бы высказать и некоторые сомнения, которые закономерно возникают, когда поднимается такой огромный научный пласт. Они неизбежны при таких больших масштабах преобразования в науке, при скачкообразном развитии науки, они, может быть, приводят к слову существующего или не совсем гармоничному развитию самой науки.

Я хочу высказать и Александрову и Субетто, как двум главным идеологам системогенетики, некоторые сомнения по поводу самого ключевого термина “системогенетика”. Мне кажется, чище и правильнее термин “системогенезология” или “системогенезознание”. И мне кажется, что *системогенетика* берёт “чужое” слово. Слово “генетика” имеет двойной контекст. Есть “генетика” со своим направлением и корнем “ген”. И в этом смысле термин “системогенетика” не совсем точен. Исходя из научной корректности, надо бы развести эти понятия.

В заключение хочу сказать несколько слов, следуя высказыванию “нет пророка в своем отечестве”. Николай Николаевич, мне кажется, очень сильная фигура, и я не удивлюсь, что когда-то, по прошествии времени, его заметят и мы поймем, что это просто классика, хотя она может быть большинством будет еще долго не понята. Как, скажем, “тектология” Богданова. Мне кажется, что *системогенезология*, или как хотите, будет понята и принята как классическая. Все эти “онтологосистемогенетические” сложности, суперпозиционные экраны и так далее, будут нужны.

Еще, что очень важно, это то, что эта методология имеет графическую составляющую. Когда можно обозначить и показать топос и хронос, и показать это на моделях, это, мне кажется, колоссальный шаг вперед, который науке просто необходим в будущем.

Я хотел бы сравнить Н.Н. Александрова со Шпенглером. Работа Шпенглера “Закат Европы” имеет тройное название и содержит элемент парадоксальности уже в названии и подзаголовках. В этом смысле и “Формула истории” тоже парадоксальна: не может быть у истории формулы,

понятно, что это интересная философская метафора. Второе дно у Шпенглера — это “очерки морфологии мировой истории”, это уже глубже. Кажется, что история не может иметь морфологии, но это как раз тот парадокс, который порожден понятием хронотопа: единством времени и пространства. У Александра эта морфология тоже есть, только она значительно шире — она развернута на нескольких уровнях иерархии, и здесь он ушел значительно дальше Шпенглера. Метод экзистенциальной системогенетики сам по себе парадоксален, а прочие изысканные и очень умные методологические ходы, которых там десятки у Александра, не менее, а то и более парадоксальны.

Здесь, мне кажется, есть эта переключка с Освальдом Шпенглером и она для меня прозрачна. Александров — это наш российский Шпенглер.

И в книге Шпенглера есть третье дно, это “гештальт и действительность”. Я думаю, что здесь гештальт как целостный образ в работах Александра и в его моделях дан значительно полнее. Он соединил немецкие образы, очень точные, с российским мышлением, которое очень расплывчато. Тем самым он получил ту самую действительность, которая очень сложна. Усилиями таких ученых, как Александров Н.Н. мы приближаемся к ее пониманию.

Благодарю за внимание.

Проф. Дахин А.Н.:

Диссертация содержит богатый материал для дискуссии.

Есть некое несоответствие основных концептов, которые изложены в работе, и того разнообразного набора понятий, в котором они подаются.

В основной части, где речь идёт об истории, о циклах, об историческом и циклическом, о морфологии и иерархии, мы имеем дело с вполне определённым позитивистским взглядом на вещи. Я вспоминаю Огюста Конта, и многие вещи в более красочном изображении, исполнении я вижу в этой работе.

Можно было бы называть авторский метод не “экзистенциальной системогенетикой”, хотя у него есть по этому поводу отдельная большая книга, но — это “позитивистская системогенетика”. Если так назвать, то да, — тогда всё строго, тогда всё понятно, тогда работа выстроена достаточно логично от начала до конца. Потому что все основные принципы позитивизма здесь соблюдены.

Единственный кусок, часть, которая не вписывается в позитивистскую парадигму и выделяется сейчас, при обсуждении. Она стоит как бы особняком, о ней говорят отдельно. Это там, где речь идёт о выражении через искусство ментальных циклов. Я согласен, что когда речь идёт об интерпретации художественных произведений, автор диссертации выходит за границы позитивистской парадигмы. И в целом получается, что это уже другая точка зрения.

Но на мой взгляд, доминирующий подход всё-таки — это подход классический позитивистский. Нельзя говорить, хорошо это или плохо, он сделан логично и проведен последовательно.

Почему этот подход необходимо было бы чётче подать, чётче назвать его имя?

Вот почему. Без сомнения, социум — это многоэтажное здание. Этажей много, все они связаны, существуют в одном пространстве и времени. Это в тексте подано очень хорошо. Но я задаю себе вопрос, а правда ли, что одинаково ли прозрачны границы этих этажей для взгляда извне? И я не вижу указания автора на это. В этой конструкции прозрачность этажей разная, а ведь это принципиально важно! Что-то поддаётся наблюдению извне, но есть такие вещи, которые вообще не выходят наружу. Их можно проверить другими способами, и автор это делает.

Поэтому, я в данном случае не против выдвинутой парадигмы — она отражает реальность, эту многоэтажность, сложность, но я хочу, чтобы автор, излагающий эту парадигму, являясь современным человеком, всё-таки заметил с позиций современной науки некоторые вещи. А именно: если мы говорим о стратификации пространства, то тогда — проявляется неравенство направлений пространства. Это факт, который является одним из существенных аспектов

современных дискуссий в философии. В равной степени — разную “прозрачность” социальных границ.

Это тоже вещь, которая позволяет усомниться в жёсткой формулировке принципа управляемости или движения к управляемости. В такой жёсткой позитивистской версии тезис о переходе человеческой цивилизации в состояние управляемой социо-природной эволюции за счёт ментального управления? Иными словами, всё многоэтажное здание мы делаем одинаково управляемым для некоего ментального субъекта. Это тоже существенный вопрос с теоретической точки зрения, потому что менталитет, по литературе, ментальная структура — это те вещи, которые не субъектны. И более того, обычно противопоставляют систему управления как источник нормативности и эти ментальные структуры как альтернативные источнику нормативности. Говорить, что менталитет может становиться “управляемым”, на мой взгляд, спорно.

Но главное в другом. Многоэтажное здание общества, оно есть! Но говорить о равной управляемости всех этажей из одного “центра” — нельзя, потому что границы, задающие стратификацию, имеют разную проникаемость.

Я считаю, что в целом работа сделана в одном ключе, отражает позицию автора. Я ее для себя определяю как позицию современного, очень развитого позитивизма. Она изложена строго и последовательно.

Проф. Немцев З.Ф.:

Я как доктор технических наук занимаюсь естественным комплексом наук и потому ищу в ней то, что мне ближе.

Название диссертации — “Системогенезис общества”, а разработанный метод, методология, концепции выходят за рамки, определённые названием. Диссертант заявляет, что эта методология может быть применима также для анализа естественных наук и технических наук. В самой диссертации и в автореферате этому уделено очень мало внимания.

Я не вижу возражений против такой постановки вопроса. Но хотелось бы пожелать автору продолжить работу именно в этом направлении. Может быть, нужно какими-то деталями дополнить эту методологию.

К. ф. н. Пишик А. М.

Прежде всего, мне кажется, надо оценить, в какой философской парадигме написана эта работа, и провести эту чёткую грань. Михаил Михайлович эту задачу поставил.

На мой взгляд, нужно прежде всего различать новоевропейскую философию, которая пошла давно уже на спад. Весь XX век — это критика этой новоевропейской субъект-объектной философии, которая основана на покорении человеком окружающей среды, и где субъект активен, а объект пассивен. Весь XX век, который завершается постмодернизмом, — это критика недостатков этой философии. Но есть ли позитив в постмодернизме? Каков выход из этого тупика, раз в нем появляются такие работы, как “Против метода”, т.е. против методологии вообще.

На мой взгляд, работа Александрова — это позитив новейшей парадигмы жизни, новейшей философии. Суть её заключается в партнёрских отношениях человека и окружающей среды. Сегодня во всех сферах социальной жизни мы говорим о партнёрских отношениях. Где та философия, которая обосновала бы партнёрские отношения? Тот кризис на планете, который имеет место сейчас, тот терроризм, говорят о необходимости партнёрских отношений между странами, которые бы на 100 лет разработали стратегию развития борьбы с терроризмом, где будет и стратегия, и тактика, и оперативные разработки. Где эта философия, которая позволила бы это сделать?

Я нахожу эту философию в работе Александрова. Это “горячая методология”, которая сегодня продолжает позитивную линию русской философии. В русской философии никогда Вы не найдёте негативности. И то, что А.В. Дахин замечает в работе позитивизм... Да, позитивизм здесь есть. Да, экзистенциализм, который выступил против субъектно-объектного отношения,

здесь присутствует в меньшей степени. И поэтому, на мой взгляд, позитивизм в работе не в парадигме новоевропейской философии в его классическом варианте, а позитивизм новейшей философии: и позитивизм, и прагматизм, и позитивные ценности здесь есть.

Поэтому, XX век можно ещё назвать и веком проектной культуры. Внутри этой культуры были порождены и системогенетический подход и циклогенетический подход, как социальные проектные инструменты.

Я знаю работы Александрова в течение многих лет, и все их прочитал. И поэтому я его расцениваю как *лидера* циклогенетического подхода. Но сегодня, почему-то об этом не говорили, а происходил спор между нашим классиком и Александровым по поводу использования системогенетики. Мне кажется, ниша Александрова не столько в системогенетическом подходе, который он активно использует, а в циклогенетическом подходе.

И в тех проектах, о которых сейчас Академия человековедения заявляет, наша команда проектировщиков активно использует те методы, которые наработал Александров, они играют большую роль.

Поэтому я считаю, что да, в работе есть недостатки, но это недостатки, связанные с пионерской работой. В ней задаётся принципиально новое направление, иной подход. И как пионер, он здесь прорубает стенку, а щебенку, извините за выражение, будут подбирать другие. Нет смысла копаться в щебенке и искать там недостатки. Все отмеченные недостатки работы естественны, т.к. связаны с её пионерским характером, И, конечно, они ни в какой степени не уменьшают значение тех “находок”, которыми полна диссертация.

Если на одну чашу положить то лидирующее направление в современной проектной культуре, которое создает Александров, и все отмеченные сегодня недостатки, то перетягивает чаша достоинств.

Проф. Петров В.П.:

Представленная работа — междисциплинарная, но как раз поэтому в ней ярче засверкал бриллиант философский, который нам здесь Николай Николаевич продемонстрировал. Работа фундаментальная, я читал ее еще в первых вариантах, когда она по объему была в несколько раз больше, это серьезный научный труд и это большая редкость.

Однозначного подхода к тем проблемам, которые освещены сегодня на защите диссертации, в нашей стране найти невозможно. И в этом аспекте хочется сказать, что многие позиции диссертации авторские. А раз они авторские, то они подвижны, они не упираются в какую-то стену непробиваемости, а наоборот, дают толчок для того, чтобы можно было двигаться вперед. И это тоже положительная сторона работы.

Вспоминаются слова, которые приписывают Сократу: “я знаю, что ничего не знаю”. И сегодня, послушав Николая Николаевича, можно вынести для себя впечатление, что перед нами открылась дверь в некое непонятое.

Можно говорить о минусах диссертации, но эти минусы дают толчок для развития темы в будущем. А больше можно говорить о том, что нового наработал автор и показал в своём сегодняшнем диссертационном исследовании и в своих высказываниях по ходу защиты. А новое — это те методологические наработки, гносеологические и аксиологические модели, праксеологические приемы, которые касаются генетических проблем.

Поэтому я считаю, что Николай Николаевич проделал титанический труд и вполне заслуживает искомой степени по обоим специальностям.

Благодарю за внимание.

За председателя (Кутырев В.А.): Пожалуйста, кто желает еще высказаться? Я представляю слово Льву Александровичу.

Проф. Зеленов Л.А.:

Зеленов Л.А.: Спасибо. Несколько слов в связи с отзывами и содержанием самой диссертации.

Я позитивно отношусь к работе Николая Николаевича. С 1981 года я слежу за его научными,

практическими, педагогическими и проектными работами. Хорошо знаю отношения к нему коллег как к очень авторитетному с точки зрения научного статуса, художественного потенциала, которым он обладает, организационного потенциала. Прекрасно знаком с его работами. У меня позитивное отношение и оно сформировалось давно.

Хочу отметить, что главным для автора является *отработка общего методологического инструментария анализа любых проблем*. Если взять инструментарий, наработанный здесь, то его можно применить для анализа и религии, и экономики, и экологии, и политики и так далее. Это ценность и это главное, что составляет философскую сущность работы в соответствии с самой идеей философии, которая призвана обрабатывать такой методологический инструментарий.

Однако хотелось бы высказать некоторые замечания.

1). По названию работы. Работа называется “Методология системного анализа...”. А что даёт нам автор? — не только анализ, но и системный синтез. А общее слово для анализа и для синтеза — “исследование”. Мне кажется, что работа заслуживает, может быть, другого названия — “Методология системогенетического *исследования* социума”. Но это вопрос использования терминологии.

2). Забыли диалектику: диалектический метод, диалектическую логику и т.д. Все те моменты, которые называются сегодня красивыми словами: бифуркация, цикличность, генетический подход, структурный, системный, синергетический и т.д. — давным-давно имеются в содержании диалектического метода. Новое — это хорошо забытое старое.

В диалектической методологии, в диалектическом методе все это есть. Принцип развития это не что иное, как генетический подход. Бифуркация — это закон перехода количества в качество с перерывами, со скачками и т.д. Проблема цикличности — это закон отрицания отрицания. Модная терминология не приводит к чёткости и ясности.

И в этом плане работа Александрова несть не что иное, как *экспликация* того содержания, которое *имплицитно* содержится в диалектическом методе. Он сделал попытку его раскрыть в новом освещении, в новой терминологии. Но содержательно это вполне укладывается в диалектический метод, диалектическую логику и т.д.

В порядке дополнительной аргументации хочу сказать, что мы часто слишком безответственно относимся к таким словам как “системный”, “комплексный”, “интегративный” и многим другим. Тут нужно определяться точнее, с уважением отнестись к истории философской мысли.

В плане позитивном хочу сказать, спасибо Н.Н. Александрову от нашей “восьмёрки”, разработанной нами в академии человековедения. Благодаря ему наше “колесо восьмёрки” приобрело ось времени, вокруг которой началось его новое движение, мы получили новый импульс. И этот импульс дал Николай Николаевич, что привело к обогащению наших собственных исследований, поскольку у нас была опасность остаться в пределах статического подхода.

3). Наконец, я отметил бы эвристическое значение данного исследования с точки зрения применения данной методологии к анализу естественных и технических наук. Здесь исследуется социум, а ведь именно естественные и технические науки сейчас больше всего нуждаются в методологическом инструментарии. В общественных и гуманитарных науках более-менее дело обстоит благополучно, а вот в области естественных и технических наук — вакуум. Конечно, он не ставит такую задачу, хотя мог бы ее решить, и объем диссертации не позволял. Но в принципе, в самом содержании диссертации это эвристическое начало методологии содержится. Поэтому любой естествоиспытатель или любой технарь, взяв данную работу, найдёт для себя там те методологические принципы, которые он сможет использовать в своей научной области. Вот за это тоже спасибо, Николай Николаевич!

В целом работа очень нужная и важная и для философии науки и техники, и для социальной философии.

Председатель: Желающих больше нет? Тогда после завершения дискуссии я представляю соискателю заключительное слово.

Заключительное слово

Александров Н.Н.: Я нахожусь в некоторой растерянности, поскольку особых претензий я не услышал. Но я почувствовал, что нахожусь на некоем пересечении огромного количества разных научных школ, даже больше, чем я того ожидал.

Что интересно, я нахожусь здесь примерно в том же положении, что и Шпенглер после выхода его книги. Очень многие ученые указывали ему, что ряд мыслей, высказанных в “Закате Европы”, содержится и в их работах. Он на это ответил, что если бы я все это прочел, мне некогда было бы писать свою книгу. Я это говорю потому, что в процессе обсуждения диссертации познакомился с книгами своих оппонентов, и они показались мне хорошо знакомыми — я бы многие цитаты просто брал на вооружение, будь они у меня раньше. Но это и хорошо, значит мы идем в одном направлении и потому не заблудимся.

Что касается замечания профессора Зеленова от эксплицитном и имплицитном по отношению к диалектике, если я его правильно понял. Моя работа посвящена развитию диалектического метода и направлена против современной методологической рыхлости. Да, есть диалектический метод, который прекрасно продемонстрировал себя в истории философии, в истории науки, который продолжает работать до сих пор. И весь диалектический метод с его законами присутствует во всей диссертации: закон отрицания отрицания здесь, закон перехода количества в качество во всей диссертации представлен, закон единства и борьбы противоположностей, принцип поляризации, они здесь. Системный подход, который является органическим моментом диалектического метода, он тоже здесь. Принцип единства исторического и логического — здесь, принцип полноты и всесторонности тоже. По существу перед нами диалектический метод не в его абстрактном представлении, а в его работе, он работает на конкретном материале, в анализе социума, менталитета, культуры, цивилизации, искусства и так далее. Он впитывает все современные течения и подходы науки, но сущность его при этом остается неизменной, и показать это было главной целью методологического анализа.

Ну и последнее. Единственное, что я могу сделать, это поблагодарить всех, кто высказал здесь свои пожелания. По прошедшему здесь обсуждению я понял, что есть некоторые недоработки, но для меня это — прекрасный стимул для дальнейшей работы. И я думаю, что не заставлю вас ждать с новыми книгами, поскольку реагирую на позитивную критику быстро.

Спасибо всем присутствующим.

Сведения об авторе:

Александров
Николай Николаевич,

доктор философских наук,
член Союза дизайнеров РФ

Автор следующих книг:

Числовые инварианты в менталитете.
Эволюция ментального хронотопа.
Введение в общую теорию деятельности.
Формула истории.
Понимание времени. Культура и циклы.
Экзистенциальная системогенетика.
Эволюция видения и теория композиции в искусстве.
Генезис перспективы в искусстве.
История психологии визуального восприятия и творчества.
Методология системного анализа генезиса социума.
Эстетика.
Симметрия и ее проявление в искусстве.
Эволюция искусства. Часть 1.
Ментосфера.
Понятие брендинга.
Основы системогенетики.
Философия конструирования будущего.
Аформизмы и стихи.
и др.

ББК 7. 03
УДК 85:103 (2)
А 46

ISBN 5-7591-0246-X

Александров Н.Н.

Методология системно-генетического исследования общества. Научное издание.
— Москва: Издательство Академии Тринитаризма, 2011.— 236 с.

В работе анализируется широкий круг вопросов глобального эволюционного, цивилизационного и культурного развития человечества. Этот анализ произведен автором в рамках системногенетической парадигмы как особая проблема философии науки и техники и социальной философии.

Акцентируется особая роль России в будущем становлении единого человечества, рассматриваются ее современная история и эволюционный потенциал.

Для широкого круга читателей гуманитарной ориентации.

Электронный оригинал-макет подготовлен автором.
Рисунки, таблицы и схемы выполнены автором.

Москва, 2011